НОВАЯ ОППОЗИЦИЯ

„ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД
1926

НОВАЯ ОППОЗИЦИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
О ДИСКУССИИ 1925 ГОДА

56470/8
С.Д. 1599

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД :: 1926

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
имени
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
пр. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
56470 19 г.

Ленинградский Гублит № 10665. Тираж 10125. 20 л. Заказ № 825.

Предисловие.

Новая оппозиция, или «НОП», как сокращенно назвал ее т. Бухарин, выросла из создавшейся в последний год экономической обстановки. Никто уже в настоящее время, даже враги советской власти, не отрицает, что за последний год наша страна сделала громаднейшие успехи в деле хозяйственного строительства. Промышленность, являющаяся одной из главных командных высот пролетариата в борьбе за строительство социализма, достигла почти довоенного уровня.

В связи с общим ростом промышленности, а вследствие этого и ростом рабочих кадров, в город из деревни стали притекать новые слои рабочих, не прошедших вместе со всем рабочим классом России героической эпохи борьбы за сохранение наших фабрик и заводов, не переживших вместе с коренным рабочим промышленных центров—Ленинграда, Москвы, Иваново-Вознесенска — тяжелых годов разрухи и медленного под'ема, требовавших бесчисленного количества жертв со стороны рабочего.

Новые силы рабочего класса, сырые, необработанные, не прошедшие первой ступени пролетарской школы, коммунистического воспитания в профсоюзах, склонны смотреть на наши государственные фабрики и заводы, как на предприятия, чуждые им, как на средство приработать для поддержания своего мелкого хозяйства в деревне . . .

Это настроение выразилось во взгляде новой оппозиции на наши предприятия как на предприятия госкапиталистические.

Некоторая часть бедняцкого слоя деревни не понимает сущности новой экономической политики; она чувствует некоторое ухудшение своего положения по сравнению с эпохой «военного коммунизма», когда она улучшала свое положение за счет раскулачивания, за счет административного давления на более состоятельные, на более крепкие слои крестьянства. Она не понимает, что пора командования, пора административного нажима на крестьянство в целом, в том числе и на более крепкое крестьянство, пора раскулачивания отошла и в настоящих

условиях не соответствует интересам даже самого бедняцкого населения, не способствует продвижению к социализму. Поэтому эти слои крестьянства склонны рассматривать нэп как отступление, как уступку кулаку, богатею.

Эти настроения отразились во взгляде оппозиции на новую экономическую политику как на отступление и только отступление и в известном выражении т. Зиновьева в его книге «Ленинизм»: «нэп— всерьез, надолго, но не навсегда». Это означает, что будет когда-то момент, когда не будет еще социализма, но не будет и нэпа. Это неправильно, так как путь к социализму лежит только через нэп.

Указанное настроение отразилось и в преувеличенной оппозицией опасности роста кулака, в панике перед кулаком.

Мы видим, что основные взгляды оппозиции имеют свою социальную базу в наиболее отсталых слоях рабочего класса и крестьянства. Но именно поэтому-то «новая оппозиция» была явлением, сигнализирующим опасность — опасность влияния этих отсталых слоев на передовиков рабочего класса. «Новая оппозиция», таким образом, поставила вопрос не только о борьбе с ее идеологами, но и вопрос о переработке того человеческого материала, который таит в себе источник оппозиционных настроений.

Есть два пути изживания оппозиции и оппозиционных настроений. С одной стороны, профсоюзы должны развить свою работу так, чтобы возможно скорей и возможно лучше перерабатывать, перевоспитывать новые слои рабочих, приходящих на наши фабрики и заводы.

Здесь огромная работа выпадает на долю Всеработземлеса и других союзов, ведущих работу среди батрачества и сельского населения. Всей этой работой должна руководить партия, постоянно укрепляя свои организации, особенно в деревне, и усиливая свое влияние на отсталые слои трудящихся. Таков один путь — путь организационной и практической работы.

Другой путь изживания оппозиции — это изучение всеми членами партии всех материалов, относящихся к дискуссии, уяснение всех ошибок оппозиции и действительное проведение в жизнь всех решений XIV партс'езда.

Выполнению последней задачи должен помочь настоящий сборник. В нем даются основные материалы, главные документы, освещающие все вопросы, вызвавшие разногласия перед с'ездом и на самом с'езде.

Мы подчеркиваем, что даем только главные материалы. Целый ряд статей, хотя и интересных, пришлось не помещать в настоящем сборнике, т. к. составление его было ограничено определенным об'емом.

Читатель найдет здесь освещение основных вопросов разногласий как большинством, так и оппозицией. Только внимательно изучая все эти материалы, можно усвоить и выяснить всю глубину расхождений, всю величину ошибки оппозиции. Каждый партиец изучению этих вопросов должен уделить достаточно времени и внимания, так как из правильного понимания членами партии вопросов дискуссии вытекает правильное понимание очередных задач партии, от успешного осуществления которых зависит наше дальнейшее продвижение по пути к социализму.

Основные отделы настоящего сборника следующие: вместо введения мы даем «историю разногласий», как ее представляют большинство и оппозиция; дальше идут XXII ленинградская и XIV московская губпарт-конференции, где уже выявился различный подход к оценке современного момента и в задачах, стоящих перед партией; затем идет попутно полемика между «Правдой» и «Ленинградской Правдой», далее — XIV с'езд партии с резолюцией по основному докладу — по отчету ЦК.

В заключение помещен отдел «Оппозиция и ленинградская организация», знакомящий читателя с кампанией по раз'яснению и изучению решений с'езда в Ленинграде, завершившейся чрезвычайной губпарт-конференцией, на которой ленинградская организация окончательно отмежевалась от оппозиции и вновь стала в передовую шеренгу Ленинской Партии.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

История разногласий.

В настоящем отделе помещена статья т. Сафарова «Как было дело», представляющая историю разногласий с точки зрения оппозиции, и отрывок из речи т. Томского, показывающий, как на самом деле образовалась и все более и более увеличивалась трещина между меньшинством и большинством в нашем Центральном Комитете.

Мы хотим обратить внимание читателей на некоторые моменты статьи т. Сафарова. Во-первых, т. Сафаров хочет убедить, что оппозиции никакой и не было; при этом он ссылается на резолюцию с'езда, в которой-де нет ни слова об «оппозиции». Но т. Сафаров забывает другое решение с'езда — обращение ко всем членам ленинградской организации ВКП (б) (см. главу четвертую настоящего сборника), в котором ясно говорится о том, что ленинградская делегация и несколько отдельных членов с'езда (Каменев, Сокольников, Лашевич и Крупская) представляют из себя оппозицию. В этом обращении читаем: «оппозиция разоблачила себя на с'езде целиком», «оппозиция внесла не поправки, а заявление с ультиматумом» . . .

Странно, что т. Сафаров как будто не знает этого решения с'езда.

Второе — и на самом с'езде и в печати во время с'езда и после дискуссии велась борьба против оппозиции, состоящей из верхушек ленинградской организации и отдельных членов партии. Тов. Сафаров представляет дело так, что борьба ведется против ленинградской организации. Это, конечно, делается с чисто фракционными целями, с тем, чтобы, сыграв на чувствах членов ленинградской организации, уловить их в сети оппозиции.

Как мы знаем, это не удалось.

Третье — т. Сафаров пытается изобразить дело так, что партия не видела роста влияния кулака, не видела кулацкой опасности. Это не верно. О расслоении деревни, о росте кулака говорит и т. Молотов на XIV всесоюзной конференции (по его докладу принимается и соответ-

ствующая резолюция), говорит и т. Сталин в своем докладе на XIV с'езде. Роста кулака никто не отрицал. Большинство ЦК считало нецелесообразным, неправильным вдаваться в панику перед кулаком.

Большинство ЦК не могло согласиться, не мог согласиться и с'езд, что имеется какая-то новая, как говорит т. Сафаров, опасность со стороны кулака. Что это за «новая опасность»? Это есть не что иное, как преувеличение кулацкой опасности.

Тов. Сафаров предлагает новые слои рабочих поискать в других местах, а не в рядах пролетариев-коренников Ленинграда. За счет же кого произошло в Ленинграде увеличение по рабочей силе в 1925—26 г. на 47%, т.-е. на 63.000 рабочих? Неужели эти новые 63.000 — коренники-ленинградцы? Конечно, нет. Это как раз и есть те новые слои, которые приносят с собой деревенские настроения.

На с'езде т.т. Лобов и Комаров противопоставлялись т.т. Сафарову и Саркису, а т. Сафаров это противопоставление подменяет противопоставлением Лобову и Комарову т.т. Зиновьева и Каменева. Это — мелкий штришок, характеризующий вообще отношение к фактом.

Наконец, последнее. Оппозиция склонна считать начало дискуссии, начало разногласий со времени принятия XIV московской губконференцией резолюции по докладу ЦК. Она забывает (конечно, забывает это и т. Сафаров), что разногласия выявились еще задолго до XIV с'езда и московской конференции. Уже в период XIV всесоюзной конференции между т.т. Зиновьевым и Каменевым, с одной стороны, и большинством ЦК — с другой, возникло большое принципиальное разногласие по вопросу о возможности строительства социализма в нашей стране. При этом товарищи Зиновьев и Каменев утверждали, что вследствие нашей технической и экономической отсталости мы не справимся с задачами строительства. Об этом говорил на с'езде т. Бухарин (см. главу четвертую настоящего сборника).

Читатель, внимательно прочитавший настоящие два документа, увидит, как забывчива становится оппозиция в своем стремлении взвалить ответственность за накладные расходы дискуссии на здоровую голову.

КАК БЫЛО ДЕЛО.

1. Надо изучать.

«Что надо делать, чтобы достигнуть быстрейшего и вернейшего излечения? Надо, чтобы все члены партии с полным хладнокровием и величайшей честностью принялись изучать: во-первых, сущность разногласий и, во-вторых, развитие партийной борьбы. Необходимо и то и другое, ибо сущность разногласий развертывается, раз'ясняется, конкретизируется (а сплошь и рядом и видоизменяется)

в ходе борьбы, которая, проходя разные этапы, показывает нам всегда на каждом этапе неодинаковый состав и число борющихся, неодинаковые позиции их в борьбе и т. д. Надо изучать. То и другое обязательно требует точнейших документов, напечатанных, доступных проверке со всех сторон. Кто верит на слово, тот безнадежный идиот, на которого махают рукой».

Эти слова Ильича как будто бы специально предназначены для текущего момента.

В резолюции с'езда по отчету ЦК мы читаем:

«С'езд одобряет политику ЦК, которая была направлена на то, чтобы не допустить открытой дискуссии с некоторыми руководителями ленинградской организации и их отдельными единомышленниками из состава ЦК, стараться изжить разногласия в порядке внутреннем и обеспечить коллективное руководство партии».

Наша ленинградская делегация на с'езде по этому пункту внесла свое мнение, указав, что «необходимо удалить из резолюции места, которые могут быть истолкованы как возложение односторонней ответственности за начавшуюся дискуссию на ленинградскую организацию и ее руководителей».

Это опасение оправдалось сразу же.

В резолюции с'езда нет ни слова об «оппозиции». Центральный орган партии «Правда» — как до принятия с'ездом резолюции, так и после этого — в самом бесшабашном духе «громит» ленинградскую организацию, ее полномочный орган — губком, ее полномочных представителей на с'езде — делегацию. Это стоит в открытом и вопиющем противоречии с решением с'езда, хотя это решение было вынесено против ленинградской делегации.

Но переворачивая как угодно решение с'езда, этим решением наши противники в то же время пользуются, чтобы помешать партии изучить истинный ход развития расхождений. На это решение ссылаются, чтобы отвести неугодные факты и документы. Пытаются поднять дискуссию против ленинградской организации после решения с'езда.

Это — тоже, очевидно, «новая школа»: спорить с людьми, стараясь завязать им глаза и закрыть рот!

Наша партийная дисциплина и сплоченность основываются не на простой передаче приказов по команде, а на действительном раз'яснении и выяснении задач партии.

В этом вопросе, как и во всех других, мы — против ревизии Ленина.

Чтобы не дать возможности любому желающему разлагать нашу ленинградскую организацию приемами фракционной борьбы, чтобы помешать заражению всей внутрипартийной жизни негодными методами работы, мы настаиваем на том, на чем всегда настаивал Ильич: «надо изучать».

2. Роль октябрьского пленума ЦК и ленинградская организация.

Решение октябрьского пленума ЦК было принято единогласно. Оно указывало на опасность искажения политики партии, определенной решениями XIV конференции

«в двух направлениях: в направлении недооценки отрицательных сторон нэпа и в направлении непонимания значения нэпа, как необходимого этапа к социализму. Первая опасность — опасность недооценки отрицательных сторон нэпа — ведет к забвению интересов деревенской бедноты и недооценке кулацкой опасности. Вторая опасность — непонимание всей необходимости нэпа — ведет к забвению важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, к разрыву союза рабочих и крестьян, и, следовательно, к ослаблению

пролетарской диктатуры в стране. Решительная борьба с обеими этими опасностями есть непременное условие для предотвращения срыва принятой партией политики в деревне и для правильного проведения в жизнь решений XIV партконференции»*.

Решением октябрьского пленума были установлены совершенно точные и ясные условия дальнейшего сплочения ленинских рядов, условия единодушной подготовки с'езда.

К сожалению, кроме пары критических упоминаний о Богушевском в устных выступлениях и одной статьи в «Большевике», практически дело дальше не пошло.

Раз'яснение вредности кулацкого уклона именно в силу этого выпало однобоко на нашу долю, на долю ленинградской организации. В этом не было ничего искусственного. Обсуждение решений октябрьского пленума на коллективах вызвало живой обмен мнениями со стороны рабочих-отпускников, только-что прощупавших своими глазами деревню. За последнюю пару лет ленинградский рабочий много больше других интересовался делами деревни и стремился практически прийти ей на помощь. Здесь впервые выросли массовые общества смычки, здесь впервые началось пролетарское хождение в деревню, здесь десятки тысяч передовых рабочих взялись не на словах, а на деле за изучение деревни в обстановке нэпа. Наши районные и губернские конференции отразили этот массовый сдвиг в пролетарской среде в отношении к вопросам деревни.

Нет ничего удивительного в том, что передовой ленинградский рабочий лучше других увидел новую опасность со стороны кулака.

Ларинский уклон... в смысле недооценки середняка не мог найти у него отклика. Зато не мог он пойти и по дороге фальшивого замазывания классовой борьбы. Рабочий, все последнее время занимавшийся изучением ленинизма, связал воедино общие вопросы с практическим опытом.

Только совершенно беспардонные Слепковы по этому поводу могут говорить о «психологическом натиске» новых слоев рабочих, «только еще становящихся к станку».

Поищите-ка таких лучше в других местах, а не в рядах пролетариев-коренников Ленинграда!

Наша «местная» вина, что вся наша почти стотысячная пролетарская организация приняла решения октябрьского пленума всерьез и сразу же дала резкий пролетарский отпор всем попыткам приукрасить кулака бумажными бантиками.

3. Две конференции.

Когда собиралась наша XXII губпартконференция, очевидно, еще не было произведено сенсационного «открытия», что «товарищи Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция**. Сказка о «ликвидаторском безверии» еще не была пущена в оборот. Только на столбцах харьковского «Коммуниста», вдохновляемого т. Кагановичем, появились первые анонимные вздохи о вреде пессимизма. Даже в московской «Правде», даже «против Сафарова» не было еще мобилизовано ни одного Стецкого-Марецкого. Даже т. Ем. Ярославский своим

---

* См. на стр. 59 полный текст резолюции пленума ЦК от 10 октября 1925 г. Прим. сост.

** Ответ Московск. к-та. (См. стр. 44 настоящего сборника). Прим. сост.

недреманным оком еще не проникал вглубь «сафаровско-саркисовской внутрипартийной демократии».

Словом, отчет ЦК на XXII ленинградской губпартконференции делал т. Зиновьев по поручению Центрального Комитета. Присутствовавший на конференции т. Ем. Ярославский, член президиума ЦКК, должен был признать доклад т. Зиновьева вполне об'ективным.

В прениях по отчету ЦК ни Ярославский, ни Комаров и Лобов (возведенные МК в сан «лучших носителей партийных традиций» в назидание «пораженцам» Зиновьеву и Каменеву!) ни словечком не заявляли о своей особой точке зрения. На бюро губкома от «лучших носителей партийных традиций» доводилось не раз слышать, что они полностью разделяют принципиальные взгляды т. Зиновьева.

Резолюция XXII губпартконференции по отчету ЦК была согласована с руководящими товарищами из ЦК в Москве *.

Не успела она появиться на свет, как на московской губпартконференции начался прямой обстрел ленинградской организации. В резолюции московской губпартконференции ** были буквально повторены все те бесшабашные обвинения нашей организации, которые щедро сыпались в прениях, — в «пораженчестве», в «ликвидаторском безверии», в «аксельродовщине» и т. д. Произошел поворот от решений октябрьского пленума ЦК на 180 градусов. Целая полоса обвинений против ленинградской организации и одна стыдливая оговорочка о Богушевском — вот какая получилась «пропорция», вот какой вышел крен на правый борт!

Именно это вынудило XXII ленингр. губпартконференцию выступить с декларацией-протестом против ложных обвинений. В этой декларации дан был совершенно точный и ясный ответ на все затронутые в московской резолюции вопросы ***.

Без всяких увертюк там была изложена наша точка зрения на основные элементы нашего хозяйственного строя.

> «Нашу национализированную промышленность мы вслед за Лениным считаем предприятиями „последовательно-социалистического типа“. Каждый пролетарий, работающий на нашей государственной фабрике или заводе, работает в интересах всего пролетариата для социализма»...
>
> «Социалистические элементы нашего хозяйства растут — растут, безусловно, быстрее, шире, прочнее, чем элементы капитализма. Наше наступление на хозяйственном фронте развивается успешно. И все же Россию нэповскую надо еще превратить, как завещал нам Ленин, в Россию социалистическую. Кто замазывает это, тот в сущности считает, что нэп и есть социализм»...

По вопросу об отношении к крестьянству декларация XXII губпартконференции решительно устраняла всякие сомнения:

> «Мы безусловно согласны с той частью резолюции московской губпартконференции, которая указывает на опасность недооценки середняка. Мы считаем абсолютно правильном формулу VIII с'езда РКП (б): „Соглашение пролетариата и беднейшего крестьянства с средним крестьянством“. Малейшая же попытка подмены его союзом с середняком через голову бедняка мы считаем гибельной, так как это сделало бы невозможной руководящую роль пролетариата в рабоче-крестьянском союзе».

На XXII конференции, уже в конце ее работ, было заслушано заявление выборгской делегации, которую пытались из Москвы противопоставить всей ленинградской организации:

---

* См. стр. 25 настоящего сборника. Прим. сост.
** См. стр. 36 настоящего сборника. Прим. сост.
*** Декларацию см. на стр. 40 настоящего сборника Прим. сост.

«Делегация выборгской организации заявляет, что по всем принципиальным вопросам, стоящим перед конференцией, она безоговорочно солидарна с линией ленинградской организации и всей партийной концеренции в целом».

Если таков был ответ XXII ленинградской губпартконференции на обвинения, формулированные московской конференцией, то совершенно иной отклик на них получился на столбцах центрального органа. Резолюция моск. конференции послужила сигналом для мобилизации всех вчерашних грешников из лагеря Слепкова — Богушевского для безудержного обстрела ленинградской организации и ее руководящих работников. Своего наивысшего напряжения этот обстрел, разумеется, достиг к моменту открытия партийного с'езда, когда кампания «против Сафарова» была раз'яснена в смысле борьбы против Зиновьева, Каменева, Крупской и др.

Наша XXII губпартконференция в особом постановлении признала необходимым предложить московской делегации на с'езде совместное совещание для устранения всяких недоразумений и достижения согласованной линии. Была послана особая делегация на московскую губпартконференцию с нашей декларацией. Представителями московской организации все шаги к смягчению и сглаживанию разногласий были отклонены без всякой мотивировки.

Таким образом, перед с'ездом две крупнейших организации партии оказались противопоставленными друг другу, несмотря на все наши усилия избежать этого противопоставления и обострения конфликтов в рядах ленинцев.

Последовавший за нашей декларацией, уже во время партийного с'езда, ответ Московского комитета явился новым нападением на нашу организацию и ближайших учеников т. Ленина, на т.т. Зиновьева и Каменева. Было выдвинуто обвинение в том, что они повинны в прямой поддержке пораженческих взглядов.

Всякий партиец, действительно желающий узнать, откуда, как и почему получилось обострение в рядах ленинцев, должен неизбежно взять за отправный пункт решения XXII ленинградской губпартконференции и резолюции московской конференции. Из этого сопоставления он ясно увидит действительную картину.

4. О нашей делегации на с'езде.

После того, как все наши попытки распутать общими усилиями завязавшийся клубок противоречий (не по нашей вине) потерпели явную неудачу и весь ход событий привел к тому, что обстрел был перенесен с кулацкого уклона Богушевского и Слепкова на ленинградскую организацию, мы вынуждены были выставить своего содокладчика на с'езде, чтобы без уверток и открыто изложить перед верховным органом партии все обстоятельства дела, ничего не скрывая и ничего не замазывая, взяв на себя целиком политическую ответственность за прямую постановку спорных вопросов.

Тов. Н. К. Крупская была права, указывая, что

«партия не приготовлена к дискуссии, которая, как снег на голову, обрушилась на партию за две недели до с'езда. Не удалось ее загнать внутрь, пришлось обсуждать эти вопросы уже не в спокойной атмосфере, а в атмосфере, чрезвычайно напряженной, и, кроме того, всегда так бывает, когда неясно, из-за чего идет спор: принципиальное выяснение заменяется организационной склокой».

Наша делегация вынуждена была голосовать против резолюции по отчету ЦК. Это пытаются истолковать как «неподчинение решениям партийного с'езда». Подобное истолкование представляет собою чудовищную спекуляцию на чужое невежество. Участие на с'езде, в том числе и то или иное участие в вынесении определенных решений, является естественной и законной формой коллективной выработки общепартийной линии.

Наша делегация об'яснила, почему она была вынуждена голосовать против резолюции по отчету ЦК *. Она совершенно ясно заявила, что имеется почва «для вынесения единогласной резолюции по отчету ЦК». Она предложила большинству с'езда обсудить ее поправки в согласительной комиссии. Кстати сказать, ни один из пунктов заявления ленинградской делегации не представляет собою чего-либо нового и неожиданного по сравнению с резолюцией XXII губпартконференции по отчету ЦК и ее декларацией. Сейчас уже находятся охотники покричать об «отходе» от решений XXII губпартконференции. Мы рекомендуем лишь одно: изучать документы.

Своим голосованием против резолюции делегация хотела предостеречь против однобокого раз'яснения ее, против одностороннего «использования» общепартийной линии. Делегация подчеркнула недостатки и неправильности в резолюции, отнюдь не желая в какой-либо мере насильно навязывать свою волю большинству. Выполняя мандат XXII губернской партийной конференции, ленинградская делегация заняла ту позицию на с'езде, которая целиком продиктована интересами партии, интересами ленинизма.

Не может быть и речи о каких-либо колебаниях в проведении общепартийных решений. Но нельзя подменять коллективную выработку этих решений на основе внутрипартийной рабочей демократии голым отказом от всякого самостоятельного мнения. С'езд был бы «излишней роскошью», если бы все заранее и во всех деталях было предрешено и разработано. Большевики не смотрят на партийный с'езд как на парламентскую формальность, они считают его — не на словах, а на деле — высшим законодательным органом партии. Именно поэтому каждый большевик должен иметь мужество сказать с'езду всю правду, все то, что нужно сказать в интересах пролетарской революции.

Тот факт, что социалистический рост нашего хозяйства на основе национализированной промышленности сталкивается с ростом классового неравенства на почве мелкобуржуазной отсталости, заставляет всю партию самым подробным образом разобраться в новых условиях борьбы и работы, взвесить и измерить все новые детали и особенности исторической обстановки.

Когда чрезвычайно быстро растет активность самых широких слоев рабочего класса, когда на почве хозяйственного под'ема происходит в новой форме — при окрепшей диктатуре пролетариата — оживление классовой борьбы, в этой обстановке — партии больше, чем когда бы то ни было, необходимо суметь сочетать в своей работе стальную твердость в проведении своей линии со смелой пролетарской самокритикой в процессе выработки новых приемов борьбы и работы, новых тактических планов.

Не под знаменем «фракционной оппозиции», а под знаменем ленинизма пошла наша ленинградская организация на с'езд. Этому знамени она останется неизменно верна при всех обстоятельствах.

Г. Сафаров.

«Ленинградская Правда» № 298,
от 27/XII 1925 г.

КАК СОЗДАВАЛАСЬ НОВАЯ ОППОЗИЦИЯ.

(Из речи М. Томского на XIV с'езде ВКП (б).

Товарищи, после того, как здесь раздавались речи о том, что партию на с'езде ввели в заблуждение, после того, как со стороны членов Политбюро мы услышали заявления о том, что у Политбюро не было

---

* Заявление ленинградской делегации см. в главе четвертой настоящего сборника. Прим. сост.

[1] См. брошюру: М. Томский. «Партия и оппозиция». Гиз. 1926 г.

никакой политической линии, — после всего этого мы в праве развернуть не только перед каждым участником с'езда, но и перед каждым членом нашей партии картину того, как все это случилось, когда это случилось и почему это случилось.

Прежде всего, отвечу на вопрос о том, когда т.т. Зиновьев и Каменев, члены Политбюро, обнаружили, что у ЦК и его Политбюро, влиятельнейшими членами которого они состояли, нет никакой политической линии. Когда начали оформляться те разногласия, по которым якобы им затыкали рот? Когда начались первые — даже не разногласия, а недоразумения?

Они начались вскоре после окончания последней дискуссии. Они выросли из различного понимания, из различного подхода к бывшей оппозиции, к ошибавшимся товарищам. Правильно это, или нет? (Голоса с мест: «Правильно».)

Правильно. Вы помните речь т. Сталина на московской конференции в январе 1925 г. по поводу Троцкого. Одни считали, что, если т. Троцкий ошибся, то мало — бей его, а и распни его. Другие считали, что наша партия не так богата силами, чтобы в отношении каждого ошибающегося, — а у нас очень многие ошибались по разным вопросам, — после того, как его ошибка поправлена партией, вместо того, чтобы дать ему войти в русло нормальной работы, — выставлять предложение: добей его. Такой подход мы считали неправильным. На этом и произошло первое практическое разногласие.

Но на этом дело не кончилось. Из этого первого разногласия сейчас же выросло второе, уже в области организационных мероприятий. В чем оно выразилось? В том, что упомянутый выше вопрос о бывшей оппозиции переносится . . . как вы думаете, куда? — в комсомол. Против мнения Политбюро, против мнения большинства ленинцев выдвигается новая сила — комсомол. И кто первый вносит этот вопрос? Ленинградская организация комсомола.

Ну, а товарищи из ленинградской партийной организации, которая руководит, разумеется, и комсомолом, — знают они об этом, или они здесь не при чем? Это-де молодежь, мы в этом неповинны. Ну, товарищи, пускай вам кто другой поверит, а мы не настолько молоденькие и не настолько неопытные, чтобы думать, что в Ленинграде комсомол — настолько замкнутая, отделенная от губкома организация, что она по своему желанию может делать все, что хочет.

Вот я и спрашиваю теперь с'езд: правильны такие методы изживания внутрипартийных разногласий и столкновений по практическим вопросам? В этом вопросе товарищи остались в меньшинстве. Что же — разве это меньшинство и большинство слагалось из двух фракций, расходящихся по принципиальным вопросам? Позвольте вам напомнить, что мы на прошлом с'езде шли вместе плечом к плечу, выбирали нас на с'езд на почве одной платформы, никаких разногласий между нами не было; наконец, в дискуссии мы все сражались плечом к плечу. Откуда же, спрашиваю я, такой способ изживания разногласий? Оказывается, что стоит только на первом практическом вопросе остаться в меньшин-

стве, как сейчас же из стен ЦК это аккуратно переносится . . . куда? на верховную инстанцию — ЦК молодежи! Против ЦК партии выдвигается новый фронт — молодежь! Комсомол противопоставляется ЦК. Это нам, товарищи, не понравилось. Я думаю, что это и вам не понравится. (Бурные аплодисменты).

Но что же мы здесь, в сущности, сделали? Ударили по рукам крепко, чтобы одернуть? Пригвоздили кого-нибудь? Нет. Мы больше всего дорожили единством в рядах старых ленинцев. И мы, может быть и неправильно, но осудили молодежь, побили мальчиков, сделали вид, что мы больше ничего не замечаем. Иначе говоря, мы как бы сказали: уберите ваши ручки, мы все видим, будьте осторожней на поворотах.

Дальнейшее развитие разногласий — имело оно место перед XIV конференцией? Да, имело. В чем заключались разногласия? По какому пункту? Когда мы вырабатывали резолюцию, явился ли т. Каменев с заявлением: «Этим вы делаете уступку кулаку»? И стали ли мы об этом спорить? Нет, мы спорили по вопросу, который сейчас как будто не является кардинальным. Мы спорили о том, возможно ли строительство социализма в одной стране. Вот о чем мы спорили на Политбюро. Правда это, или нет? Правда. Это все факты, от них никто не уйдет. А на самой XIV конференции был ли спор о том, внести ли нам те или иные поправки? Выступили ли т. Каменев или т. Зиновьев и предупреждали ли они партию об опасности уклонов? Нет, такого выступления не было. Это нужно констатировать. Почему, т. Каменев, вы тогда не сказали, что эта резолюция является уступкой кулаку? Почему вы и т. Зиновьев до вашего теперешнего выступления с докладом клялись в верности резолюции XIV партконференции? Почему? Кто вводил, таким образом, партию в заблуждение — те ли, кто шел на с'езд от ленинградской организации, прикрываясь щитом «мы за резолюцию XIV конференции, мы за резолюцию ЦК, мы за линию ЦК», а потом выступили с содокладом, или те, которые резолюцию XIV конференции не только выносили, но и считали своим долгом проводить ее в жизнь, о чем свидетельствует работа комиссии т. Молотова? Как вы поступили в этой области? Форсировал кто-нибудь из вас работу этой комиссии? Заявлял ли т. Зиновьев, т. Каменев или кто-нибудь другой из членов Политбюро, что комиссия т. Молотова работает слишком долго, работает неправильно? Никто.

Лозунг «обогащайтесь» был выдвинут до XIV партийной конференции. После этого XIV партийная конференция, авторитет которой потяжельше слов Бухарина, сказала свое слово по этому вопросу, вынесла резолюцию, не оставляющую простора никаким сомнениям и толкованиям. Был ли дезавуирован таким образом лозунг т. Бухарина резолюцией XIV партийной конференции?

Правильно было бы, если бы Зиновьев и Каменев пришли и сказали: мы требуем того, чтобы этот лозунг был Центральным Комитетом снят, хотя он снят Секретариатом официально. Вчера здесь оглашал т. Ярославский постановление Секретариата Центрального Комитета. Вам казалось, что мы недостаточно решительно поступили с Бухариным? Вы хотели не лозунг дезавуировать, а дискредитировать

Бухарина. Вот что вы хотели. (Голоса: «Правильно!»). А мы этого не хотели. Нам показалось подозрительным, что после того, как сперва требовали: распни одного (а мы говорили, как я уже указывал: подождите распинать, ошибся, — за ошибку мы бьем, пощады не даем, но зачем же непременно распинать?), — после этого вдруг берутся таким же манером за Бухарина.

Но было бы все же правильнее, если бы они сказали: мы требуем того-то и того-то, мы с вами не согласны, перенесем вопрос в Центральный Комитет, в высшую инстанцию, пусть он выскажет свое мнение. Было это? Нет, не было. А что вместо этого было? Вместо этого по ленинградской организации начали слушки пускать. А разве мы не знаем, как это делается? Разве мы не видели уже таких примеров? Сперва шопотком посей сомнение, потом подорви доверие, потом вызови возмущение, а потом, пожалуй, готово: содоклад! (Аплодисменты).

Что произошло в нашей обстановке после XIV конференции? Какой-нибудь большой политический перелом, сдвиг? Что нового дано нам жизнью между XIV конференцией и октябрьским пленумом? Я спрашиваю: где этот колоссальный перелом, который произошел в политике и экономике страны между XIV конференцией и октябрьским пленумом?

Однако мы читаем кое-что об этом у т. Зиновьева. Он выпускает статью в тот момент, когда никого из членов Политбюро нет. С чего начинается его «Философия эпохи»? С того, что страна явно вступает в какой-то новый период. Я помню наизусть: «Почти физически слышны шаги истории... Кончается глава, начинается другая». Эту вот вещь т. Зиновьев пишет и этак мимоходом говорит т. Молотову: «Вы не возражаете, я такую вещь напишу и помещу в газете?». И это после того, когда мы выразили пожелание, чтобы ответственные выступления ответственных представителей Политбюро доводились в той или иной форме до сведения других членов Политбюро. Я спрошу вас: что бы сказали вы, работники на местах, получив такую статью, статью не Кантора, не Богушевского, а Зиновьева с такими вещами, как «слышны шаги истории»? Он слышит шаги истории, а мы, члены Политбюро, сидим рядом и ничего не слышим. (Смех, аплодисменты). Ну, если ты слышишь, в праве мы тебя спросить: скажи нам, что ты слышишь? (Общий смех, аплодисменты). Ну, что же он услышал? Что произошло? Оказывается, в гор. Харбине Устрялов книгу написал. (Смех, аплодисменты). И отсюда целая «философия», не просто философия, а «философия эпохи». (Общий смех, аплодисменты). И затем т. Зиновьев повествует: «Нет, господин Устрялов, вы не так понимаете наш народ». И вот — вы хотите, товарищи, знать, о чем думает наш народ? Тов. Зиновьев часто употребляет такое сравнение, — что для того, чтобы узнать, о чем думает народ, нужно ухо к земле приложить. Очевидно, он приложил ухо к земле (смех) и хорошо знает, о чем думает наш народ. Какая главная основная идея в этих думах народа? Оказывается — равенство. Я вас спрошу, товарищи, работники на местах:

в той голой форме, как выдвинул этот лозунг т. Зиновьев (не в большом разрезе, как ставит вопрос о равенстве Ильич, как ставит его вся наша партия, когда говорит, что каждый день, каждый час нашей работы есть путь к равенству, к полному равенству, предполагающему отсутствие классов, классовых противоречий, отсутствие наемного труда, — не в этом, говорю я, разрезе, применительно к нашей эпохе, эпохе нэпа), — этот лозунг равенства, брошенный в такой голой форме, способствует он уточнению ориентации в работе нашей партии? Нет, не способствует.

Что такое в наших условиях желание равенства? Если такое желание есть, то у кого оно есть? Во-первых, оно есть внутри деревни, между отдельными группами крестьянства. Есть это желание у бедноты? Бедняк, разумеется, скажет: я — за равенство, давай передел! И кулак тоже хочет равенства, но только в другом смысле: он хочет политического равенства с рабочими. Можете вы такое равенство ему дать? Нет, не можете.

И у рабочих есть желание равенства. Рабочие малоквалифицированные хотят, например, быть равными с более квалифицированными рабочими, получающими более хорошую оплату, хотят равенства в заработной плате с квалифицированными рабочими.

Как этот лозунг ориентирует партию, как направляет он партийную линию — правильно или неправильно? (Голоса с мест: «Неправильно»). Да, товарищи, неправильно.

Правильно ли поступили в таком случае т. Молотов и другие товарищи, которые порекомендовали т. Зиновьеву в таком виде не печатать статьи? Правильно, конечно. Они внесли исправление в вопрос о «шагах истории», о равенстве, вставили дополнение о середняке. Исправления эти, которые они внесли, правильны? Несомненно, правильны. Это выставляется как одно из крупнейших разногласий: дескать, вы стесняете, вы не даете свободы действия. А вот такой метод, когда кто-нибудь из «дорогих вождей» сидит у себя в кабинете, что-нибудь услышит, своим товарищам по коллегии ничего не скажет, а прямо обращается к партии, бросает непроверенный, не обсужденный лозунг, — это называется коллегиальная работа? Нет, не коллегиальная. Это попытки, желание, стремление работать без коллегии, через голову коллегии, не советуясь с коллегией. И вот каковы результаты.

После «Философии эпохи» обостряются отношения на почве поправок к статье и к речи т. Каменева. А я скажу: сделали поправки, но мало, а нужно было лучше и крепче поправить, в частности в вопросе об участии рабочих в прибылях. Правилен ли этот лозунг, который т. Каменев об'ясняет как-то по-детски: я, говорит, сказал «вообще», поделился мыслью. Тов. Каменев, к вашим словам не так прислушиваются, как к словам т. Богушевского. Поймите, на местах ваши мысли сейчас же переводят на практический язык. Я или т. Калинин мы можем вашу речь слегка просмотреть, а на местах ее читают от строчки до строчки. Читает рабочий от станка и переводит это на свой практический язык. Что этот лозунг, выдуман или тоже подслушан т. Каменевым? Подслушан, товарищи. Есть такое стремление?

Есть. У кого оно есть? У рабочего класса, как класса, или у отдельных категорий рабочих? У каких? У тех, которые работают на крупном производстве? А у донбассовских рабочих есть такие думки? Нет, там не до прибыли. Правилен ли этот лозунг, даже как дискуссионный? Нет, неправилен. Почему же мы не требуем от т. Каменева, чтобы он вышел на эту трибуну или на всякую другую, чтобы он выступил публично в газете и сказал: я бросил неправильный лозунг, не посоветовавшись со своими коллегами, и это была ошибка. Первый раз я касаюсь этого вопроса. Почему же по поводу лозунга «обогащайтесь» надо было, чтобы т. Бухарин этот лозунг не только взял обратно, но и от него отрекся, трижды отрекся, как Петр от Христа? (Смех). Было вынесено постановление Секретариата; еще раз на московской конференции отрекся; еще раз на с'езде, — и все-таки вся игра продолжается на этом лозунге, на этом словце. Правильно ли это? Неправильно.

А что после всего этого идет? После этого идет октябрьский пленум ЦК. На пленуме мы принимаем резолюцию единогласно. Я утверждаю, что ни т. Зиновьев, ни т. Каменев и никто другой не опровергнут того факта, что ни одной поправки в резолюцию, предложенную т. Молотовым, они не внесли. Факт это, или нет? Факт. Где же здесь замазывание кулака и классовой борьбы в деревне, где же здесь кулацкий уклон и т. д.?

После резолюции XIV партконференции и после резолюции октябрьского пленума ЦК о бедноте, ясна ли для вас линия партии в деревне? Ясна. Ну, а вот оказывается, что не для всех она ясна. Для кого-то надо было снова раз'яснять линию партии. И вот на свет появляется «синяя папка», как называется она у нас теперь. На этой папке написано: «Материалы к вопросу о классовой линии партии в деревне, опубликованные в партпрессе с XIV партконференции по октябрьский пленум ЦК». Папка выпущена после октябрьского пленума. «Часть первая: позиция Бухарина, Слепкова, Богушевского и других» (перепечатано на машинке). Сюда входят: статья Бухарина с лозунгом «обогащайтесь», статьи Слепкова, Богушевского, Кантора и др. Вот они перепечатаны, присоединены к ним такие маленькие, нелегальные примечания. Например: «Печатаемые две статьи Бухарина представляют собой его речь на собрании активных работников московской организации». Очень, как видите, конспиративный документ. Затем примечаньице на отдельной бумажке подклеено:

> «Здесь Бухарин отвергает Ленина, отповедь дана Зиновьевым в книге „Ленинизм", в главе „Возможна ли окончательная победа социализма в одной стране».
>
> «Полное отсутствие диалектики. Кооперация одновременно идет по соц. пути и выделяет мелкобуржуазные элементы. В этом трудности работы в кооперации».

Не стану читать всех примечаний. Одно примечание помещено даже против цитаты из Ленина. Против него наклеено такое примечание: «Замазывание роли кулака».

Откуда эта синяя папка исходит? Из ленинградского губкомола. Кому направляется? Организаторам райкомов в 30—40 экземплярах. Вот как информирует комсомол Ленинграда о политике партии в деревне после октябрьского пленума ЦК. Правильно это, или нет? Неправильно.

Тов. Куклин на ленинградской конференции об'яснил, пусть он и на с'езде так об'яснит. Ну, наши ребята молодые перепечатали, собрали деньги и послали для ознакомления. Знаем мы это «ознакомление». Вот вам информация о классовой линии партии в деревне — на статьях Богушевского, Кантора, Слепкова. Что это означает? Это значит раздувать ошибки. Неправильно вы поступаете, когда учите молодежь на этих статьях. К чему вы это делаете? — я вас спрашиваю. Это уже переход от шопотка, от того, чтобы посеять семена сомнения, к тому, чтобы подрывать доверие. К кому? К ЦК, а не к Слепкову, не к Богушевскому.

Мы видим применение таких инструментов, опасных, вредных и для того, кто берет их в руки, и для всей партии, таких инструментов, как попытка противопоставить комсомол ленинскому ЦК и его ленинской группе, мы видим синие папки, мы видим попыточки превратить ленинградскую конференцию комсомола во всероссийскую. Было это, или нет? Было! Или вы опять скажете, что этого не было, когда установлено, что были разосланы полтора или два десятка телеграмм организациям, вплоть до узбекистанской: «Приезжайте на наш с'езд». После разногласий в самом ЦК мы опять их поймали, мы говорили, что не надо раздувать эту склоку, нельзя ленинградскую конференцию комсомола превращать во всероссийскую, делать из Ленинграда центр борьбы. И против кого? Вы думаете, мы не понимаем против кого? Мы только делаем вид, что не понимаем.

Но признаем, что комсомол ошибся. Нужно было сурово, по-большевистски сделать то, что нужно было сделать в эту минуту. А что мы делаем? Мы опять опасное оружие, как у ребенка из рук, отнимаем и говорим: нельзя так, мы видим, мы замечаем, положите, это не годится. (Смех).

Вот те суровые меры «организационного зажима», которые большинство Политбюро применяло к меньшинству. (Аплодисменты). На что это указывает, товарищи? На нашу мягкотелость. Если нас за что и можно упрекнуть, то за мягкотелость. (Голоса: «Правильно!». Аплодисменты). Мы все время возились с ними, как с ребенком, который взял нож.

Ну, а с точки зрения ленинского единства партии правильно ли мы делали? Правильно, потому что мы преследовали одну цель — поддержание единства во что бы то ни стало. Посмотрите: ваши ошибочки не скроются от глаз партии и не скроются от нас, ибо когда тут говорят о ленинцах, то ведь и мы, товарищи, тоже ленинцы, от Ленина мы кое-чему научились и биты были не раз, как все прочие, и мы знаем, с чего начинаются такие опасные вещи. Но мы берегли единство ленинцев, мы не хотели разжигать разногласий, опасные инструменты

отбирали и откладывали; тем, у кого эти инструменты были в руках, давали по затылку, а тех, кто давал эти инструменты, делали вид, что не замечаем.

Вот, далее, кружок т. Зиновьева, кружок высшего типа в Ленинграде, которым он сам руководил. После того, как мы намекнули товарищам ленинградцам на все неудобство существования подобного кружка, на который созывались по особым спискам, через особо уполномоченных людей, и сказали им, что его распустим, они согласились, и кружок был распущен.

Залуцкий здесь выходил на трибуну и говорил о том, какой он хороший парень. Кто же не знает, что ты, Петр, хороший парень, что Залуцкий предан революции, что у него масса революционных заслуг, что он один из лучших партийных наших рабочих? С этой точки зрения мы тебя хвалим, Петр. Ну, а то, что ты увлекся этой историей со свойственной тебе прямотой и простотой, ты громче говорил то, что другие потихоньку говорили, за это мы тебя покрыли.

Семена сомнения, недоверия сеялись? Да, сеялись. Ошибки были? Да, были. Организационные попытки закрепления их были? Были. ЦК за это громил? Факт, что не громил, факт, против которого не попрете никуда. И когда дело дошло до того, что Залуцкий, секретарь ленинградской организации, в своем деловом кабинете, — не за стаканом чая, а в деловом кабинете, — приехавшему товарищу начинает рассказывать о том, что ЦК перерождается, — Петр оправдывается. У него получается так, что он не говорил вообще против ЦК, а только против Сталина, против Молотова, против Бухарина и т. д. Как говорится: «не вмер Даныло, а болячка его задавыла». (Смех). «Мы, мол, не против ЦК, а против поименного ЦК. Сползли-де с ленинских рельс, обнаружили кулацкий уклон, таким образом, мы придем к термидору». После того, как это выяснилось и Петр не мог отрицать этого, в нашей беседе с ленинградцами все они говорили, что придется снять Залуцкого. Залуцкого сняли. С вашего согласия, или нет? С вашего согласия. Это факт, и после этого говорят: ЦК употребляет организационный нажим. Вы сами постановили, что нельзя ему оставаться секретарем? Его сняли с вашего согласия. И после того, как на это согласились, вы пошли опять к вашим рабочим, к вашей партийной организации и начали делать невинную мину: по болезни, неизвестно почему и отчего снимают товарища Залуцкого. (Смех). Что это такое? Является это агитацией и пропагандой за укрепление доверия и авторитета ЦК, или же и здесь сеются семена недоверия и сомнения?

А когда вы начали проводить предс'ездовскую кампанию, то у вас ни у кого не хватило мужества и прямоты прийти к ленинградским коммунистам и сказать: мы расходимся с Центральным Комитетом по таким-то и таким-то вопросам, мы обвиняем Центральный Комитет в отсутствии у него твердой политической линии, в организационном зажиме ЦК, — одним словом, сказать все то, о чем говорил здесь т. Зиновьев. Нет, вы этого не сказали, потому что неизвестно, как бы тогда прошли выборы на с'езд в ленинградской организации. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты).

Вы оделись в цекистский защитный цвет и на с'езд прошли: «Мы за ЦК, конечно».

. . . Еще о ходе разногласий. Я спрошу т. Каменева, — хотя я уверен, что выступающий после меня т. Андреев более подробно остановится на этом вопросе, — но я все же спрошу: разве не пытались мы еще за пару дней перед с'ездом договориться по-товарищески? Ведь нам, и той и другой стороне, одинаково тяжело драться не только по целому ряду суб'ективных причин, но и потому, что мы видим, какая это опасность для партии. Вот почему мы так мягко относились к вашей игре с острыми вещами, — мы знали, что это поведет к фракционной борьбе. Вот почему, а не только потому, что мы десятки лет работали друг с другом. Разве мы не пытались перед с'ездом найти мирные пути к разрешению этих вопросов? Давайте уступки делать, давайте отыскивать, в чем разноглися. Но на чем мы порвали, т. Каменев? На чем мы не сошлись? Вы думаете на вопросе об отношении к кулаку, на вопросе о госкапитализме мы не сошлись? Четыре члена Политбюро, с одной стороны, и Каменев и Зиновьев — с другой, не сошлись, вы думаете, по вопросу о нэпе? Нет, мы не сошлись в отношении Сафарова и Саркиса. Вот на чем не сошлись! (Голос: «Позор!»). Мы требовали, — и правильно требовали, — чтобы политика разжигания внутрипартийных недоразумений, политика большого пожара, который наиболее ярко охватил так называемых «левых» (так их назвал т. Комаров, — это не мое слово), была прекращена. Когда зажегся этот пожар, т. Зиновьев, оказались «левые», а вы остались уже в оппортунистах ленинградской организации. Этих «левых» мы требовали осудить. Правильно, или неправильно? (Голоса: «Правильно!»). А вы на это не пошли. Не по вопросу о кулаке мы, таким образом, разошлись.

А попытка изменить состав Политбюро? Делались об этом предложения? Было это? Было. Со стороны Каменева и Зиновьева было. Это Политбюро не идет за ними, надо, значит, создать другое Политбюро. В каком направлении? Конечно, не просто переизбрать, а расширить, т.-е. дополнить. Мы знаем, как это делается: либо смещение, либо дополнение. Такое предложение было. Как мы к этому отнеслись? Отвергли, и больше ничего. (Смех. Аплодисменты. Крики: «Правильно!»).

Теперь к нам приходят сюда и начинают рассказывать о демократии, о зажиме и т. д. Товарищи, мы знаем, в старое время каждый средний буржуа хотел непременно своего сына обучить хотя бы немножко латыни: «латынь-де украшает человека». Немножко демократии всегда украшает сановника в оппозиции. (Аплодисменты). В этом логика всякой оппозиции. Смотрите, товарищи, как это скучно повторяется. Не так ли давно мы слышали от Зиновьева и Каменева самые мудрые, самые большевистские и ленинские речи об опасности фракционной борьбы в правящей партии? Слышали об опасности «оттеночков», «группировочек», об опасности перманентной дискуссии. Слышали мы все это? Слышали. Вы помните, как Зиновьев рассказы-

вал об этих «оттеночках», «дискуссиях», «группировочках». А что они теперь говорят? Единственный, говорят они теперь, выход из создавшегося положения тот, чтобы с'езд окончить, резолюцию принять, а по остальным вопросам открыть дискуссию к следующему с'езду. Ну, благодарим вас. (Смех. Аплодисменты). Если хотите, чтобы не было никаких сомнений, мы заявляем, что остаемся на старой позиции в этом вопросе. (Аплодисменты)...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Две конференции.

Мы приводим только два отрывка из речи т. Зиновьева на ленинградской конференции. В них мы видим, с одной стороны, упор на кулацкий уклон, преувеличение кулацкой опасности, без конкретных предложений способов борьбы с кулаком. Тов. Зиновьев говорит: «Само собой понятно, что мы должны теперь взять как следует под микроскоп (а рабочий говорит погрубей — «к ногтю») «кулацкий» уклон. Если мы не проявим самую настоящую большевистскую твердокаменность, ленинскую нетерпимость, то тут нам угрожает громаднейшая опасность».

С другой стороны, на конференции делаются категорические заявления о полной поддержке ЦК. Это говорит и резолюция конференции. Но, пройдя под этим флагом на с'езд, оппозиция выступила с содокладом, с особым мнением против большинства с'езда от имени всей ленинградской организации.

Других речей на XXII ленинградской конференции мы не приводим, потому что все они, не вскрывая сущности переживаемого момента, замазывали истинную подоплеку разногласий, не давая ответа на ставшие спорными вопросы.

В этом отношении более показательна XIV московская конференция. Уже в докладе т. Рыкова мы видим заострение всех спорных вопросов и точный, прямой, ленинский ответ на них. Это, безусловно, отразилось и в резолюции московской конференции.

Знаменательное явление — оппозиция поняла резолюцию московской конференции как направленную против себя. Правда, она тут же подменила это, сказавши, что она направлена против ленинградской организации. Между тем в московской резолюции вы не найдете ни одного указания не только на ленинградскую организацию, но даже ни на одного товарища этой организации.

В декларации XXII ленинградской конференции и, главным образом, в ответе московского комитета на это обращение уже целиком выявились все спорные вопросы. Здесь уже вещи названы своими именами. Эти документы настолько ярки, настолько ясны, что к ним, пожалуй, излишне что-либо прибавлять. Достаточно сказать, что большинство с'езда приняло за основу резолюцию московской конференции.

В сборник не помещен ответ ленинградского губкома на письмо московского комитета, т. к. по существу он является перепевом декларации и нового ничего не вносит.

XXII ленинградская губернская конференция РКП (б).

О БОРЬБЕ С КУЛАЦКИМ УКЛОНОМ.

(Из доклада Г. Зиновьева о работе ЦК).

Перед нами негладкая дорожка, залитая асфальтом. Эта дорога наиболее трудная, она пролегает в стране, где громадное большинство составляет мелкая буржуазия, в стране, где мы осуществляем второй ленинский вариант диктатуры пролетариата, о котором я говорил выше. Мы имели два последних года, из которых один был неурожайным, другой урожайным. Такое чередование неурожая и урожая выявляет диференциацию в деревне с классической ясностью. Неурожайный год снизил бедняка; хороший урожайный год поднял верхушку и углубил и выявил снижение, которое было в прошлом году; а в результате усилилась диференциация в деревне. С этим фактом огромной важности нам необходимо считаться. Не надо преувеличивать диференциации, но нельзя ее и преуменьшать. На почве ее преуменьшения, умаления ее значения рождается второй уклон. Первый уклон — ларинский, который глубоко уходит корнями в прошлое, который подвергся критике т. Ленина на VIII с'езде, в его оценке нижегородского циркуляра. Другой уклон заключается в недооценке кулака. Некоторые товарищи не видят, что кулак поднимает голову, не видят того, что делается в Сибири, на Кубани и в Екатеринославской и в ряде других губерний. И с этим уклоном необходима решительная борьба.

Я не знаю, должен ли я перед вами цитировать Богушевского; думаю, что могу от этого себя освободить. (Голоса: «Не нужно приводить»). Я думаю, что могу себя после сказанного от этого «ослобонить». И думаю, что вы освободите от этого конференцию. Действительно, об этом литературном выступлении достаточно говорили, этому товарищу достаточно всыпали. Но надо сказать, что у него есть и «заслуга»: он громко, во всеуслышание, напомнил нам о тех настроениях, которые кое-где втихомолку зреют и которые представляют серьезную опасность для партии, если их не устранить в зародыше. В этом смысле он заслуживает известной благодарности.

И действительно, Богушевский не один. В тон ему откликнулся и другой подобный литератор, Спасский, который пишет:

> «Мелкобуржуазного фермера нужно рассматривать не как раз навсегда данную вещь в себе, но как конкретный процесс, развивающийся в определенной исторической среде. То же самое семя (старательный середняк!), брошенное на разные почвы, принесет совершенно различные плоды. Фермер в ультра-капиталистической Америке — одно, и тот же фермер в советском окружении — есть нечто совершенно иное. В Соединенных Штатах или в Канаде фермер льет воду на мельницу финансового капитала; у нас он даже в своем законченном „кулацком" виде будет одним из винтиков машины социалистического накопления. В конечном счете все определяется тем фактом, держит ли в своих руках командные высоты пролетариат или капитализм.
>
> «Охваченный кольцом социалистических командных высот, аграрный капитализм будет рычагом роста социалистических элементов советского хозяйства». (Ю. Спасский. «На переломе». Из деревенской литературы. «Печать и революция». Книга пятая-шестая, 1925 г., стр. 309).

Если взять только литературную арену, то, пожалуй, можно сказать, что в последнее время более всего проявлял себя на поверхности ее тот уклон, который можно и должно назвать «кулацким». Но мы должны судить не только по литературе, но и по тому, что делается в деревне. Еще ведь год-полтора тому назад деревня во многих местах стонала от самоуправства местных властей, и мы должны были тогда давать такие лозунги, что власть в деревне должна быть честной, трезвой, без взяток. Многие наши работники на местах не умели подходить к крестьянину, и, прежде всего, к крестьянину-середняку. Они не писали статей, как это делают Богушевский, Спасский и другие, но они причиняли огромный вред деревне, они своими действиями мешали проведению политики партии в деревне больше, чем любые статьи. Есть ли и теперь это явление в нашем деревенском быту? Есть. Нужно с ним бороться? Нужно. Не поборовши его, нельзя как следует одолеть и кулацкую опасность. Ибо такие действия льют воду на мельницу кулаков. Вот почему надо видеть сейчас обе эти опасности. Само собою понятно, что мы должны теперь взять, как следует, под микроскоп (а рабочий говорит погрубей — «к ногтю») «кулацкий» уклон. Если мы не проявим самой настоящей большевистской твердокаменности, ленинской нетерпимости, то тут нам угрожает громаднейшая опасность. Самое печальное зрелище являют некоторые литераторы, у которых язык без костей, перо без всякого упора. Такой литератор напишет сколько-угодно, ходя кругом да около, оправдывая явно неправое дело. Кулацкий уклон есть кулацкий уклон, и этому кулацкому уклону нужно показать большевистский кулак! (Аплодисменты).

Что верно — то верно. Призвать к порядку товарищей, потерявших компас, потерявших классовую ориентировку в таком коренном вопросе, как крестьянский, надо. Мы не сомневаемся, что ЦК, как всегда, призовет и встряхнет всякого, кто эту классовую ориен-

тировку потерял. Конечно, никаких шалостей с резолюциями, принятыми для того, чтобы их проводить, ЦК и с'езд партии ни в коем случае не допустят.

ЧТО ОНИ ДУМАЛИ ПЕРЕД С'ЕЗДОМ.

Я смею думать, что ленинградские рабочие и те 100 тысяч коммунистов, которые об'единены в нашей организации под руководством Центрального Комитета партии, будут одним из важнейших и во всяком случае не последних отрядов в этой полосе великого строительства и вместе с тем великой борьбы со всякими препятствиями на путях к социализму, со всякими попытками «признать» нас так, чтобы от социализма ничего не осталось, в борьбе за подлинную ленинскую линию и единство в ленинской организации. (Бурные аплодисменты).

Я думаю, товарищи, что имею моральные полномочия от всех до единого члена этой конференции, от всех до единого члена нашей ленинградской губернской партийной организации, от каждого коммуниста, рабочего, работницы, от каждого комсомольца, от каждого члена нашей великой семьи — сказать где и когда это понадобится, что наша ленинградская организация, как один человек, за ЦК, за единую ленинскую линию, за ленинизм! (Бурные аплодисменты).

Из доклада Г. Зиновьева на XXII ленинградской губпарткэнференции (см. Г. Зиновьев: «Полоса великого строительства», изд. «Прибой», стр. 104).

РЕЗОЛЮЦИЯ XXII ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП (б) ПО ОТЧЕТУ ЦК РКП (б).

Заслушав и обсудив доклад Центрального Комитета, XXII ленинградская губпартконференция целиком и полностью одобряет политическую и организационную линию ЦК и шлет пролетарский привет генеральному штабу Ленинской Партии.

Под руководством Центрального Комитета партии за истекший отчетный период достигнуты серьезные успехи в области международной политики. СССР признан рядом важнейших буржуазных государств. Концессионная политика развивалась в меру и с выгодой для Советского Союза. Борьба за мир велась неуклонно и систематически, вызывая все большее сочувствие к советской власти со стороны трудящихся всего мира.

Направленное против СССР локарнское соглашение не только не изменит нашу международную политику (в частности, не изменит абсолютно отрицательную позицию советского правительства в вопросе о вхождении в Лигу Наций), но побудит нас к еще большим заботам об охране независимости СССР, об усилении мощи Красной армии.

Столь же существенные успехи достигнуты под руководством ЦК в области международного рабочего движения. Правильная политика сближения с лучшей частью европейских рабочих, находящихся еще под влиянием реформизма (многочисленные рабочие делегации в СССР), политика борьбы за международное единство профдвижения, в частности политика сближения профсоюзов СССР с английскими профсоюзами, — вся эта работа принесла громадную пользу как русской революции, так и всей работе Коминтерна.

Хозяйственные успехи, достигнутые за истекший период под руководством Центрального Комитета, имеют всемирно-историческое значение. Рост национализированной промышленности, качественное и количественное усиление рабочего класса, рост кооперации, рост социалистических элементов хозяйства вообще, улучшение материального положения трудящихся масс, приближение конца восстановительного периода и намечающееся начало нового периода строительства социализма — все это открывает перед рабочим классом СССР величайшие перспективы и дает уверенность в том, что он выполнит свою историческую миссию во всем ее величии.

Особенно обширное место в работе ЦК за истекший период занимал вопрос о крестьянстве. Решения XIV партконференции дали партии правильную ориентировку в этом вопросе. Резолюция октябрьского пленума (1925 г.) об организации деревенской бедноты и о мерах помощи ей — и о борьбе против двух уклонов, наметившихся в этом вопросе, — несомненно встречает одобрение со стороны всей партии. Ленинградская губпартконференция не сомневается в том, что предстоящий XIV с'езд РКП еще больше углубит и усилит борьбу против двух уклонов, указанных в резолюции октябрьского пленума. И тот и другой уклоны представляют собой извращения ленинизма. Если уклон, связанный с непониманием всей необходимости нэпа, искажает основное содержание пролетарской диктатуры, то уклон, затушевывающий классовое расслоение и роль кулака в деревне, на деле отказывается от ясной и точной оценки классовых условий и предпосылок союза рабочих и крестьян и тем самым искажает классовую базу пролетарской диктатуры. Решительная борьба с обоими этими уклонами, взаимно питающими друг друга, есть непременное условие для предотвращения срыва принятой партией политики в деревне и для правильного проведения в жизнь решений XIV партконференции и пленума ЦК от 10/X.

Перед рабочим классом СССР и перед нашей партией открывается полоса великого строительства. Необычайно выросла и продолжает расти активность рабочего класса. Растет активность во всех слоях деревни. Лучшая часть интеллигенции (учителя и другие) переходит на сторону советской власти. Перед мощью советской власти вынуждены склониться даже такие антисоветские силы, как нэпман, кулак, часть белой эмиграции, и в то же время увеличивается активность этих и других враждебных и полувраждебных пролетариату групп населения. Антисоветские группы, «признавая» на словах советский строй, на деле пытаются использовать открывающиеся «легальные возможности», пытаются «обволакивать» отдельные звенья государственного и хозяйственного аппарата и даже нашей партии.

В этой обстановке необходимы новые, лучшие формы руководства рабочим классом и всеми его организациями и новые же формы отпора и борьбы против враждебных и полувраждебных элементов, пытающихся в новой обстановке осуществить свое буржуазное влияние.

Основной задачей партии попрежнему остается укрепление союза рабочего класса с крестьянством, при полном сохранении и укреплении руководящей роли рабочего класса во всех областях дальнейшего строительства и управления государством.

В нынешней обстановке необходимо:

1) Еще больше втянуть широкие массы рабочих во все строительство социализма, в частности в борьбу против бюрократических извращений органов рабочего государства.

2) Прочный союз с середняком — центральной фигурой нашего земледелия.

3) Больше внимания делу помощи и поддержке деревенской бедноты.

4) Ясно видеть дифференциацию в деревне, не преувеличивая и не преуменьшая ее. Ясно видеть опасности, грозящие со стороны кулака, который неизбежно находит себе союзников в лице некоторых слоев населения в городе: новая буржуазия, часть буржуазной интеллигенции и т. д.

5) Целой системой хорошо обдуманных хозяйственных мер систематически ограничивать эксплуататорские стремления кулака и неустанно ра-

ботать над закреплением прочного союза бедняков и середняков против кулака.

Развитие социалистической промышленности (в частности энергичнейшая работа над проведением плана электрификации); работа над укреплением кооперации; создание строя цивилизованных кооператоров; работа над поднятием сельского хозяйства; постройка новых заводов, улучшение материального положения рабочих; борьба за понижение цен на продукты городской промышленности; ликвидация неграмотности; борьба за ликвидацию безработицы, за ликвидацию беспризорности; улучшение школьного дела в городе и деревне; развитие дорожного строительства в деревне; развитие жилищного строительства в городах; улучшение больничного дела, удешевление и улучшение государственного аппарата и приближение его к населению; борьба против бюрократизма, пьянства, взяточничества; борьба за тракторизацию деревни; величайшее внимание каждой работе, лежащей по линии «культурной революции», — вот над чем придется работать партии в ближайшее время.

В то же время партии предстоит серьезнейшая работа над самой собой. Необходимо, прежде всего, улучшение качества всех отраслей партийной работы, качественного уровня рядовых членов партии. Необходим дальнейший рост партии, прежде всего, за счет той части рабочего актива, который еще не вошел в партию, с тем, чтобы, сохраняя ограничительные меры против роста в партии непролетарских элементов, усилить преобладание пролетарской части внутри партии. Всемерно поднимая всю партийно-воспитательную работу для улучшения качественного состава партии, партия должна вместе с тем усилить вербовочную работу среди пролетариата, имеющую своей целью вовлечение все большей и большей части рабочего класса в ряды партии. Необходимо улучшение партийной учебы и воспитания. Необходима борьба против казенных реляций о том, что «все обстоит благополучно». Необходимо качественное улучшение, партруководства всеми отраслями работы — хозяйственной, союзной и пр. Хозяйственный под'ем и рост активности масс создали обстановку, вполне благоприятствующую большему развитию начал внутрипартийной демократии. Систематическая работа в этой области является одной из важнейших задач. В особенности необходима серьезная работа над деревенской парт'ячейкой: особое внимание ей, помощь, приближение ее к крестьянину от сохи, улучшение качества работ.

В связи с общим материальным и культурным под'емом Советского Союза и возросшей активностью рабочего класса и широких слоев населения, роль партийной печати возрастает в чрезвычайной мере. Не только как орудие коммунистического просвещения и ленинского воспитания, но и как коллективный организатор рабочего класса, выдвигающий все новые и новые слои пролетариев и крестьян на работу социалистического строительства, печать становится важнейшим рычагом партийного и пролетарского руководства страной. За истекший период мы имеем ряд несомненных достижений в этой области, в особенности в области рабселькоровского движения. Вместе с тем, был на-лицо ряд серьезных промахов и ошибок в области партийного руководства печатью как в центре, так и на местах. Усиление и укрепление партийного руководства нашей коммунистической печатью есть очередная и важнейшая задача.

Ленинградская губпартконференция ни на минуту не сомневается в том, что под руководством ленинского ЦК партия сумеет выполнить стоящие перед ней громадные задачи как в области строительного социализма в СССР, так и в деле всесторонней помощи международной пролетарской революции. Ленинградская губпартконференция убеждена, что предстоящий XIV партс'езд единодушно вынесет все свои решения и еще более сплотит партию на основе ленинского единства.

XIV московская губернская конференция РКП (б).

НОВАЯ ОБСТАНОВКА И ЗАДАЧИ ПАРТИИ.

(Из доклада т. А. И. Рыкова о работе ЦК).

Основные вопросы момента.

Для настоящей конференции, равно как и предстоящего XIV партийного с'езда, конечно, наиболее интересными являются вопросы нашей внутренней политики и деятельности ЦК в области социалистического строительства, связанного с борьбой различных тенденций (интересов, хозяйственных форм, классов). За сравнительно длительный период времени между XIII и XIV с'ездами нужно учесть результаты политики партии в сфере хозяйственного строительства, борьбы с буржуазией, подвести итоги тому, как рабочий класс (взявший власть в свои руки и удержавший ее при активном вооруженном сопротивлении или бойкоте всех остальных государств) строит свое социалистическое государство, и соответственно со всем этим определить нашу дальнейшую политику. Все прения на предс'ездовских партийных конференциях концентрируются вокруг этих вопросов.

Экономическая политика и характер экономики СССР.

Для того, чтобы ориентироваться в этих вопросах, нужно, прежде всего, совершенно ясно определить те социально-экономические условия, которые рабочий класс и партия должны учитывать при построении социалистического общества. Я не буду касаться здесь вопроса о наилучшем (с научной точки зрения) термине для обозначения всей экономики СССР. Во всяком случае, теперешний общественно-экономический уклад нельзя назвать нэпом, потому что под нэпом мы разумеем систему экономической п о л и т и к и пролетарского государства, имеющую своей задачей создание основ социалистической организации хозяйства. Вполне понятно, что, если и есть определенная зависимость между экономической политикой и экономической структурой данного общества, то эта зависимость о т н ю д ь не означает их тождества. В процессе достижения стоящих перед нами задач при помощи нэпа структура нашего общества не может оставаться неизменной.

Если присмотреться к тому, что представляет собой теперешний общественно-экономический уклад, то, прежде всего, бросаются в глаза совершенно исключительная пестрота и многообразие различных хозяйственных форм. Наша экономика представляет довольно причудливый конгломерат хозяйственных форм, включающий в себя и остатки патриархального (докапиталистического) хозяйства и очаги социалистического хозяйства. Такая же пестрота наблюдается и в области культуры и быта: от остатков идолопоклонства и кровавой мести до

первых ростков нового социалистического быта и роста социалистического сознания среди рабочего класса. Не лишне поэтому вспомнить пятичленную формулу т. Ленина, приведенную им в брошюре «О продналоге» при анализе экономической структуры нашей страны. Вот из каких элементов слагается (согласно этому анализу) наша экономика: «1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб); 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм [1]».

Исходя из этого многообразия форм, нужно признать совершенно недостаточным всякое определение нашей экономики, кладущее в основу не весь конгломерат хозяйственных форм, а лишь некоторые звенья из вышеприведенной формулы т. Ленина.

Государственная промышленность и «госкапитализм».

Торговый оборот и денежное обращение, которые, конечно, не являются признаками социалистического хозяйства, затрудняют подчас для некоторых понимание социалистической сущности ведущего начала нашей экономики, т.-е. государственной промышленности.

Немецкая рабочая делегация, приезжавшая к нам для изучения внутреннего положения СССР, по возвращении в Германию напечатала отчет, в котором наша государственная промышленность обозначается как «госкапитализм». Нередко такие же выражения употребляются и некоторыми из наших товарищей в выступлениях и в печати. Мне кажется, что в этом случае идет речь не о правильности термина, а о вопросе большого принципиально-политического значения.

В самом деле, что мы называем капиталистическим предприятием и что можно (и должно) называть таковым? Обязательными признаками понятия «капиталистического предприятия» являются: наличие класса капиталистов, т.-е. собственников средств производства, и присвоением им — благодаря этой собственности — прибавочной ценности, создаваемой рабочим классом. Это присвоение прибавочной ценности собственником средств производства (т.-е. капиталистом) и называется эксплуатацией. Если этого нет, т.-е. нет капиталистов, которые владеют и распоряжаются по своему усмотрению орудиями производства и присваивают прибавочную ценность, —то нет ни просто капитализма, ни государственного капитализма. Это — азбучная истина марксизма, коммунизма, ленинизма, элементарной политической экономии (я извиняюсь, что принужден на конференции московской организации говорить такие элементарные вещи).

Наименование нашей государственной промышленности как государственно-капиталистической не только научно несостоятельно, но

[1] См. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 188.

и в политическом отношении является выражением меньшевистско-эсэровской идеологии, изображающей дело так, что у нас якобы место старых, сметенных Октябрьской революцией капиталистов занял новый имущий класс эксплуататоров. В нашей государственной промышленности нет класса капиталистов, все средства производства полностью принадлежат рабочему государству. Поэтому чудовищным извращением и марксизма и ленинизма является толкование нашей госпромышленности как «государственно-капиталистической». Наша промышленность бедна, рабочие живут бедно, заработная плата мала, у нас рабочие получают меньше, чем рабочие завода Форда. Это совершенно верно, и в этом наша беда. Но в чем разница? В том, что Форд является собственником заводов, присваивающим прибавочную ценность, т.-е. эксплуатирующим рабочих, а эти последние не являются хозяевами в С.-А. С. Ш., хотя они и богаче рабочих СССР. В нашей промышленности мы имеем «последовательно-социалистический тип», это необходимо усвоить каждому с абсолютной ясностью, чтобы суметь противостоять тем паническим настроениям, которые имеются у отдельных товарищей, и не уступать ничего в правильном, марксистско-ленинском толковании нашей экономической структуры.

Через нэп к социализму.

Эти панические настроения сказываются и в толковании нэпа как «перманентного отступления». Владимир Ильич, трактуя период «военного коммунизма» как систему военно-потребительского хозяйства, вынужденную всем ходом развертывания гражданской войны, характеризовал нэп как «отступление» от лобовой атаки на капитализм к осадному действию, от «революционного подхода к задаче в смысле прямой и полной ломки старого . . .» к совершенно иному подходу «типа реформистского: не ломать старого общественно-экономического уклада торговли, мелкого хозяйства, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления . . .» [1].

Я не хочу здесь разбирать спор о том, действительно ли нэп являлся отступлением по сравнению с военным коммунизмом и почему он был введен «всерьез и надолго». Я хочу здесь подчеркнуть ошибочность той точки зрения, что органическим свойством новой (теперь уже не новой) экономической политики якобы является отступление из года в год, из месяца в месяц. Такой взгляд есть результат непонимания смысла новой экономической политики и того, что на почве и благодаря новой экономической политике мы уже производим наступление, постепенно вытесняя, путем конкуренции и на основе рыночного оборота, капиталистические элементы нашей экономической действительности.

---

[1] См. Собрание соч. Ленина, т. XVIII, ч. I, стр. 377, подчеркнуто им же.

Для иллюстрации путаницы в понимании нэпа позвольте привести маленькую цитату из одной статьи т. Сафарова в «Ленинградской Правде» (см. № 268 1925 г.) *: «Наше движение вперед бесспорно, но это ведь постепенный переход от отступления к наступлению, это есть подготовка нового наступления в смысле бесповоротного решающего изменения того соотношения классовых сил, которое вызвал нэп . . .» Т.-е. то, что мы с вами теперь делаем, это не есть продвижение в сторону социализма, это не есть социалистическое строительство, а это есть всего-на-всего лишь подготовка к какому-то новому наступлению, очевидно, в смысле новой революции. В эту сторону направляется мысль тех товарищей, которые нашу государственную промышленность называют «госкапитализмом» и рассматривают новую экономическую политику в виде какой-то неприятной болезни, обнаруживать которую «неприлично».

Социалистическая сущность госпромышленности.

В подтверждение правильности понимания социалистического содержания нашей госпромышленности я приведу одну цитату из статьи т. Ленина «О кооперации».

> «Несомненно, — писал т. Ленин, — что в обстановке нашей теперешней экономической действительности, когда мы соединяем частнокапиталистические предприятия, но не иначе, как на общественной земле, и не иначе, как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему классу, с предприятиями последовательно социалистического типа (в которых и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом), то тут возникает вопрос еще о третьем виде предприятий, которые раньше не имели самостоятельности».

И дальше он переходит к анализу кооперации (которая, говоря словами т. Ленина, «в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом»). Владимр Ильич применяет термин «предприятия последовательно-социалистического типа» к нашей национализированной промышленности, противопоставляя их капиталистическим и госкапиталистическим. В его анализе в качестве отдельных видов «госкапитализма» приводятся не государственные предприятия, но концессии и аренда. И это, разумеется, безусловно правильно. Для нас важно не только выяснить социалистическую сущность госпромышленности, но и оценить удельный вес различных хозяйственных форм, взаимодействие, борьба которых определяет успешность социалистического строительства. Поэтому-то большое значение имеет первая попытка подсчета, которая была сделана Госпланом в его «контрольных цифрах» о том, какими капитальными фондами располагают различные элементы нашего хозяйства. Возможно, что эти исчисления не безгрешны по своей точности, но в общем мне кажется, что соотношение между различными формами хозяйства опре-

* Статья помещена в III отделе третьей главы настоящего сборника. **Прим. сост.**

делено в них правильно. Государству — по этим исчислениям — принадлежит капитальных фондов не менее 11,7 миллиардов рублей, т.-е. 62 проц., кооперации ½ миллиарда рублей и частным, главным образом крестьянским, хозяйствам — 7½ миллиардов рублей. Таким образом, в отношении капитальных фондов преимущество на стороне рабочего класса. Эти данные показывают, что возможность построения социализма в нашей стране, где главную массу населения составляет крестьянство, обеспечивается уже теперь материальными предпосылками. Это строительство социализма происходит в условиях свободного товарного оборота, развертывания товарно-денежных отношений и соединения частных интересов с интересами государственными. Это значит, что мы должны так строить социализм, чтобы крестьянина не только не отпугнуть от нас, но чтобы в этом строительстве вести его за собой. Нэп, таким образом, является методом развития производительных сил в сторону социализма, на основе определенной степени соединения (при посредстве рынка) частных (мелкобуржуазных, полукапиталистических, капиталистических) хозяйственных интересов с общественно-социалистическими интересами пролетарского государства, и определенной степени подчинения этого частного интереса общественному. Этот смысл нэпа Владимир Ильич в цитированной уже статье «О кооперации» определяет таким образом: «Теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которые раньше составляли камень преткновения для многих и многих социалистов».

Рост социалистического начала.

В недавно опубликованных к предстоящему XIV партс'езду тезисах ЦК партии по вопросам хозяйственного строительства приведены основные цифры, характеризующие наши достижения в этой области. Эти цифры неоспоримо доказывают, что рабочий класс под руководством своей партии, на основе новой экономической политики, может продвигаться — и действительно продвигается—по пути к социализму, может практически строить — и действительно строит — социализм.

Цифры эти красноречиво говорят о росте численности рабочего класса, о росте продукции госпромышленности, о все возрастающем влиянии нашей финансовой системы на всю хозяйственную жизнь; они, наконец, отражают рост и укрепление кооперации. Из длинного ряда этих цифр я приведу лишь две, являющиеся на мой взгляд наиболее важными, наиболее характерными для нашего хозяйственного роста. Это цифры о промышленной продукции и численности рабочего класса. В 1920—21 г. валовая продукция нашей госпромышленности колебалась на уровне $^1/_5$—$^1/_6$ довоенной выработки, а в истекшем 1924—25 г. она достигла уже 70 проц. довоенного уровня и оценивалась в 2.998,3 миллиона довоенных рублей. В текущем году, согласно контрольных

цифр Госплана, продукция госпромышленности возрастает до 4.511,7 миллиона довоенных руб. (около 90 проц. довоенной выработки).

Рост рабочего класса в тысячах:

1923—24 г.	1.516,7
1924—25 г.	1.846,9

В текущем году в связи с ростом промышленности предполагается увеличение числа занятых рабочих примерно на 500 тысяч. Эти цифры не охватывают рабочих транспорта и сельско-хозяйственных и касаются лишь рабочих, занятых в цензовой промышленности.

Эти два ряда цифр характеризуют не только под'ем хозяйственной жизни страны, наш хозяйственный рост, но и направление этого роста. Они говорят, что мы не только растем, но растем именно в сторону социализма.

Социалистическое строительство и деревня.

Говоря о деревне, нельзя не отметить, что деревня представляет собой в отношении социалистического строительства наиболее трудный участок. Вопрос о социалистическом строительстве в деревне, о ее социалистическом переустройстве нельзя рассматривать ни в коем случае изолированно от промышленности. Государственная промышленность рабочего класса является и должна являться в структуре нашего хозяйства (точно так же и во всем культурном строительстве) ведущим началом во всех смыслах. Рассматривать деревню отдельно от города, вопросы строительства сельского хозяйства отдельно от промышленности—было бы величайшей ошибкой, ибо социалистическое переустройство деревни неразрывно связано с возможностями создания материально-технической базы силами нашего государственного хозяйства.

Теперь принято очень много говорить о тракторизации. Но, конечно, вопрос о реконструкции сельского хозяйства и механизации его не может быть сведен к тракторизации, как единственному методу рационализации отсталого крестьянского хозяйства. На-ряду с этим должны быть испробованы и другие пути для осуществления технической революции в области обработки земли и организации сельского хозяйства. Тракторы, электрификация сельского хозяйства, возможность организации крупных предприятий по эксплуатации земли, — все это должно быть увязано основным методом втягивания крестьянской экономики в орбиту нарождающихся социалистических отношений посредством массового кооперирования крестьянства. Кооперировать деревню—вот путь, указанный нам Вл. Ильичем в одном из его предсмертных произведений. На XIV партс'езде, конечно, необходимо подвести итоги тому, что сделала партия во исполнение этого завещания т. Ленина. Я ограничусь лишь небольшим количеством цифр относительно роста кооперированных хозяйств по РСФСР: 1 января 1924 года было кооперировано 1.470.000 хозяйств; 1 января 1925 года — 2.650.000; 1 июля

сего года — уже 3.900.000. Если число кооперированных хозяйств на 1 января 1924 года мы примем за сто, то на 1 января 1925 года рост выразился в 180 проц., а на 1 июля — в 265,3 проц. Таковы показатели развертывания процесса кооперирования деревни.

. . . Допустим, что кооперация, еще не успев произвести революцию в самом земледелии (т.-е. индивидуальное, мелко-собственническое хозяйствование крестьянина в области обработки земли остается полностью), сумела уже охватить целиком снабженческо-бытовую сферу крестьянского хозяйства. Будет ли это уже социалистическим типом организации сельского хозяйства? Нет. Но вместе с тем это уже не самостоятельное мелкобуржуазное хозяйство, раз вся покупка и продажа в деревне из'ята из ведения отдельных производителей и кооперирована. В этом случае крестьянское хозяйство со стороны товарооборота будет включено во всю систему нашего планового хозяйства. Мы будем иметь переходный к социализму тип хозяйства. Индивидуальное, собственническое начало останется в области производства (обработка земли и т. п.), но будет устранено наиболее опасное свойство мелкобуржуазного хозяйства со стороны индивидуального товарооборота. Но, конечно, последовательно-социалистической кооперативная организация будет только в том случае, если кооперирование, не ограничившись обобществлением сферы обращения, сумеет в будущем обобществить и самый процесс сельско-хозяйственного производства.

О кулаке и о панике перед кулацкой опасностью.

Вопросы кооперативного строительства, бывшие предметом специального обсуждения на XIV партконференции, теперь как бы отступили на второй план перед вопросом о кулаке, кулацкой опасности и расслоении крестьянства. Оценка диференциации крестьянства, учет социальных сил и борьбы их в деревне, опасности «перерождения» государства и партии в связи с ростом новой буржуазии в деревне — весь круг этих вопросов обсуждается теперь на всех конференциях. Как известно, этот вопрос обсуждался и на последнем пленуме ЦК, на котором была вынесена резолюция о двух уклонах. Эти самые два уклона (кто, куда и как уклонился) теперь изучены с такой подробностью, что едва ли есть надобность повторять уже неоднократно сказанное. Мне бы хотелось остановиться на другом обстоятельстве, именно на том, откуда появилась п а н и к а перед кулаком. Для всех нас было совершенно ясно, — и при введении новой экономической политики и при принятии решения XIV конференции, — что на основе свободного товарного оборота и общего под'ема сельского хозяйства зажиточная и кулацкая часть крестьянства будет расти. Для всех было и является совершенно ясным, что это обстоятельство представляет несомненную опасность в смысле роста враждебной коммунизму классовой силы. Но и весной 1921 г. и весной 1925 г. нам было точно так же ясно, что эта опасная роль кулака может и д о л ж н а б ы т ь п р е о д о л е н а совершенно и н ы м и методами, чем это делалось в период «военного коммунизма». Мы имели громадный опыт в деле раскула-

чивания деревни при помощи комбедов. Совершенно несомненно, что эти средства остаются всегда в распоряжении партии. Но если эта опасность теперь была бы настолько серьезна, что грозила бы существованию диктатуры рабочего класса, то тогда только нужно было бы поставить в порядок дня вопрос о восстановлении политики комбедов и при помощи полугражданской, полувоенной организации ликвидировать кулацкие слои. Вырос ли кулак настолько, чтобы можно было этим оправдать наблюдающуюся панику по отношению к нему? Помоему, для такой постановки вопроса до настоящего времени не было основания, нет и теперь. Несомненно, делают очень большую ошибку товарищи вроде Богушевского (который, вероятно, никогда не думал попасть на страницы истории, но имеет шансы сделаться теперь «исторической» личностью), утверждающие, что «кулак — это жупел». Совершенно ясно, что кулак отнюдь не жупел и что в условиях легализации аренды земли и найма рабочей силы он будет расти, но борьба с ним должна вестись по-иному, методами экономическими. Наша борьба с кулаком должна заключаться в том, чтобы при помощи хозяйственной организации середняка и бедняка, путем непосредственной помощи им со стороны государства, через политическую организацию середняка и бедняка в советах, обеспечить им главенствующую роль в жизни деревни. В экономической области для борьбы с кулаком мы имеем средства налоговой и финансовой политики, имеем систему кредита, которая должна помочь бедняку и середняку кредитом (ибо кулак старается завоевать прочные позиции в деле кредитной «помощи», конечно, на кабальных условиях, маломощному крестьянину). Мы должны организовать бедноту и середняка в советах и кооперации и т. п., путем предоставления этим слоям всяческих льгот, против растущего кулака.

Недавно на одном собрании мне пришлось вспомнить о положении в деревне накануне XIV конференции, когда деревенская практика выработала обязательность наличия в каждой деревне «своего кулака». Тогда были явления такого рода, что в маленьких бедных деревнях, где кулака и в помине не было, на сходах постанавливали, в целях наиболее удобного для всех крестьян «сношения» с местной властью, «ходить в кулаках по очереди». (Смех). «Ходить в кулаках» — значило исполнять целый ряд обязанностей: привезти агитатора, увезти агитатора, привезти «советскую власть», дать ей квартиру, накормить ее лошадь и т. д. (Смех). До XIV конференции деревня была в этом отношении полна остатками методов «военно-коммунистического» руководства. Экономическое восстановление деревни и развитие товарооборота между городом и деревней замедлялось остатками «военно-коммунистического» хозяйствования. Задача партии заключается в том, чтобы, уничтожив пережитки «военного коммунизма» в деревне, направить активность крестьянства по советскому и кооперативному руслу и организовать вокруг партии и в советах бедноту и середняка. Кулак нам опасен в политическом отношении постольку, поскольку он может повести за собой основную массу крестьянства, именно середняцкое крестьянство, пред-

ставляющую «центральную фигуру нашего земледелия», составляющую большинство деревни и имеющую в своих руках большую часть производительных сил сельского хозяйства. Мы окончательно побьем кулака в том случае, если середняка свяжем теснейшими, неразрывными узами через бедноту с промышленными рабочими, советской властью и партией.

РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ ПО ДОКЛАДУ ЦК РКП (б).

(Принята единогласно).

Заслушав доклад т. Рыкова о работе ЦК РКП (б), XIV московская губпартконференция целиком и полностью одобряет политическую и организационную работу ЦК.

Конференция с удовлетворением констатирует, что ЦК в новых складывающихся условиях, как международных, так и внутренних, в обстановке крайне сложной и ответственной, сумел твердо провести через все и всякие препятствия правильную линию партии на основе ясных и четких принципов ленинизма.

Конференция особо подчеркивает, что ЦК твердо руководил всей партией, давая отпор как тем внутрипартийным течениям, которые недооценивают опасности текущего момента, так и тем, которые выражают собой ликвидаторское безверие в силы пролетариата и в возможность социалистического строительства в СССР.

Только благодаря этому твердому руководству партия и весь рабочий класс сумели достигнуть значительных успехов на арене международной борьбы и на путях социалистического строительства внутри страны.

Конференция констатирует, что ЦК вел партию в духе боевого интернационализма, все время держа курс на развитие международной революционной борьбы, укрепление пролетарской солидарности и поддержку угнетенных народов колониальных и полуколониальных стран. Через делегацию РКП в Коминтерне ЦК способствовал оздоровительному процессу в ряде братских компартий (Чехо-Словакия, Германия, Польша). Через фракции коммунистов в профсоюзах ЦК проводил неуклонную политику борьбы за единство международного профдвижения, достигнув здесь крупнейших результатов. Благодаря правильной политике и достигнутым успехам, СССР начинает все больше и больше играть роль мировой базы социализма в глазах самых широких беспартийных и даже социал-демократических кругов западно-европейского пролетариата.

Конференция констатирует, далее, успехи в области внешней политики Советского Союза, руководимого нашей партией и ее ЦК: ряд дальнейших признаний, успехи торговой и концессионной политики, рост симпатий со стороны полуколониальных государств, укрепление позиции СССР по всему фронту международных отношений. Считая главной основой и главным руководящим правилом в этой области политику мира, конференция одобряет целиком отрицательную позицию ЦК в вопросе о вхождении в Лигу Наций, являющуюся одним из прикрытых пацифистскими фразами орудий войны против слабых наций и колониальных народов.

Вместе с тем, исходя из обстановки капиталистического окружения и возможных в виду этого попыток интервенции со стороны империалистических государств, конференция считает абсолютно необходимым всемерное укрепление нашей Красной армии и Красного флота и поднятие обороноспособности нашей страны на должную высоту.

Вместе с тем конференция отмечает успехи как в области военной реорганизации армии, так и в области политической работы внутри армии.

Конференция убеждена, это строительство социализма в СССР возможно, необходимо и обязательно. Она полагает, что отчетный год, прошедший под знаком хозяйственного под'ема, полностью доказал это. До

захвата власти в других странах со стороны пролетариата, но при его непрерывной поддержке, без так называемой «помощи» со стороны заграничного капитала, без своих домашних помещиков и капиталистов, рабочий класс в союзе с крестьянством достиг уже известных успехов в социалистическом строительстве.

Конференция считает поэтому крайне вредным, граничащим с пораженчеством, скептицизм в отношении возможности строительства социализма в стране, которая является единственной страной, где на-лицо имеется диктатура пролетариата. Такое отрицание ослабляет волю пролетариата, демобилизует его и способствует об'ективно делу противников социализма.

Конференция, решительно высказываясь против попыток отойти от линии новой экономической политики, которую Ленин считал «единственно правильной хозяйственной политикой пролетариата», констатирует, что на рельсах этой политики пролетариату удавалось за последнее время систематически, несмотря на все трудности, наступать на частный капитал, повышая все время удельный вес социалистического ядра всего народного хозяйства. Это наступление есть не что иное, как постепенное движение к социализму, строить который призван рабочий класс.

Успехи нашего строительства прежде и раньше всего выразились в успехах нашей государственной промышленности, являющейся основной базой строющегося социализма, в улучшении материального положения рабочего класса (поднятие зарплаты), в широком рабочем жилстроительстве, в успешной борьбе с безработицей, в поднятии культурного уровня страны. Эти успехи в дальнейшем возможны лишь постольку, поскольку широкие слои рабочего класса будут сознательно относиться к государственным предприятиям, как к предприятиям «последовательно-социалистического типа» (Ленин). Лишь при этом условии возможно проведение таких кампаний, как кампания по под'ему производительности труда; лишь при этом условии возможно все большее и большее широкое вовлечение широких масс рабочего класса в дело строительства промышленности; лишь при этом условии возможна борьба с частным капиталом. Поэтому особенно вредными являются попытки замазать принципиальную разницу между нашими социалистическими предприятиями, с одной стороны, предприятиями частными, буржуазно-госкапиталистическими, или же концессиями в СССР (госкапиталистические предприятия при пролетарской диктатуре) — с другой. Особенно вредными являются подобные попытки именно теперь, когда в производственный процесс, а равно и на арену политической жизни выступают новые слои рабочих из крестьян и рабочий молодняк, которые не прошли ни сквозь строй старорежимной фабрики, ни через школу нашего профдвижения и широкой общественной работы. Конференция приветствует решение ЦК внести ясность в этот вопрос и считает необходимым решительный отпор ликвидаторским попыткам трактовки нашей социалистической промышленности, как промышленности госкапиталистической. Конференция настаивает на том, чтобы воспитывать рабочие массы в духе сознательного отношения к госпромышленности, как к основной базе социализма.

Конференция приветствует последние решения ЦК партии (начало ноября), исправляющие первоначальные предложения, в свое время утвержденные ЦК, о темпе хозяйственного развития, связанные с переоценкой урожая, хода хлебозаготовительной кампании и т. д. Конференция рекомендует ЦК усилить в дальнейшем руководство работой хозяйственных органов. Конференция считает вполне правильными и своевременными решения ЦК об улучшении системы монополии внешней торговли и слиянии наркоматов внешней и внутренней торговли.

Конференция целиком и полностью солидаризуется с решениями XIV всесоюзной конференции партии, а равно и пленума ЦК в октябре текущего года о работе среди бедноты и считает эти решения основой всей политики партии в деревне.

Основной, решающей судьбы социализма в нашей стране, задачей является попрежнему задача смычки с главной массой крестьянства, т.-е с его середняцкой массой. Середняк является, по Ленину, центральной фи-

гурой нашего земледелия и потому, что он составляет большинство деревенского населения вообще, несмотря на некоторый рост диференциации в деревне, и потому, что середняцкие хозяйства играют решающую роль в хозяйственном росте деревни. Поэтому вопрос смычки социалистической промышленности с сельским хозяйством есть, прежде всего, вопрос о ее смычке с хозяйством середняка. Потому же вопрос о союзе пролетариата с крестьянством есть в первую голову вопрос о смычке с середняцкими массами крестьянства. Никакое уверенное строительство социализма невозможно без постоянного решения именно этой задачи.

Конференция полагает, что недооценка середняка, боязнь середняка, непонимание его общественно-экономической и политической роли есть об'ективно не что иное, как подрыв союза рабочих и крестьян, ослабление диктатуры пролетариата, величайший ущерб делу строительства социализма.

Конференция рассматривает решения всесоюзной XIV партконференции как совершенно правильную директиву по проведению политики прочного союза с середняком. Конференция с удовлетворением отмечает, что эти решения повысили авторитет партии и пролетариата в деревне и облегчили в новых условиях дело пролетарского руководства страной.

Конференция полагает, что главной организационной формой, обеспечивающей втягивание основных масс крестьянства в дело социалистического строительства, является кооперация. Конференция целиком и полностью одобряет ясную постановку этого вопроса в решениях XIV конференции. Конференция полагает, что труднейшую задачу строительства социализма в деревне через кооперацию можно решить лишь при постоянно возрастающей роли государственной промышленности, транспорта и кредитной системы. Конференция считает, что партия должна употребить максимум усилий, чтобы оживить и укрепить кооперацию, обеспечить ей необходимый кадровый состав и возможно скорее изжить слабости и недочеты нынешней кооперации.

Конференция констатирует, что на-ряду с боязнью середняка и вместе с ней имеются течения внутри партии, не понимающие роли кооперации, ревизующие точку зрения Ленина на этот вопрос, не верящие в возможность социалистического строительства через кооперацию. Конференция полагает, что с этими течениями необходимо бороться со всей решительностью. Только имея перед собой перспективу растущей смычки между госпромышленностью и кооперацией, а этой последней со всей основной массой крестьянских хозяйств возможна энергичная борьба за осуществление кооперативных заветов Ленина.

Недооценка середняка и кооперации в значительной мере диктуется паникой перед кулаком. Конференция констатирует, что за последнее время на-лицо имеется процесс диференциации крестьянства, выделение его кулацких слоев, рост капиталистических отношений в деревне. Экономически кулак, несомненно, укрепляется. Политически он выходит на арену борьбы, энергично стараясь отбивать середняка от влияния рабочего класса и деревенской бедноты, этой главной опоры пролетариата. Рост новой буржуазии в городах, рост частного торгового капитала, перебрасывающего свои операции на деревню (в первую очередь хлебозаготовки и заготовки сырья), создают тенденцию к союзу этих элементов с кулачеством в борьбе этого последнего за середняцкие слои крестьянства. Последняя хлебозаготовительная кампания наглядно показала, что здесь на-лицо имеется крупная опасность. Конференция одобряет поэтому политику ЦК, направленную на борьбу как против недооценки середняка, так и против уклона, не видящего кулацкой и частно-капиталистической опасности. Конференция считает вполне правильными мероприятия, намеченные в резолюциях последнего пленума ЦК, о помощи деревенской бедноте и об организации ее. Конференция энергично подчеркивает, что создание бедняцких групп и т. п. ни в коей мере нельзя рассматривать как хотя бы малейший шаг к изжившей себя политике комбедов. Только самодеятельная организация бедняцких масс, энергичная борьба на фронте хозяйственного соревнования и политическая

активность, а вовсе не административный нажим и практика раскулачивания, смогут обеспечить надлежащую линию работы в деревне.

Конференция одобряет курс на оживление советов, кооперации, комсомола, профсоюзов и на развертывание внутрипартийной демократии, взятой ЦК. Укрепление инициативы, усиление ее при постоянстве твердого партийного руководства есть повелительная задача дня. Конференция вменяет в обязанность всем членам московской организации приложить все усилия по работе среди массовых организаций пролетариата и крестьянства и всеми мерами способствовать делу вовлечения широких масс в строительство социализма.

Вместе с тем конференция отвергает попытки, делавшиеся под флагом якобы ленинизма, бюрократизировать некоторые организации добровольных обществ, выражающих собою рост пролетарской и крестьянской общественности. Простое прикрепление беспартийных рабселькоровских организаций к партийным отделам, что проповедывалось некоторыми товарищами, есть один из видов такой бюрократизации. Конференция целиком разделяет здесь позицию ЦК.

В особенности приветствует конференция решение ЦК, направленное к расширению внутрипартийной демократии. Только при повышении активности всей массы членов партии и при росте квалификации в ее кадровом составе партия сможет выполнять свою руководящую роль, которая неизбежно должна возрастать. Вместе с тем, конференция отвергает огульные нападки на «партаппарат», представляющие собою запоздалое повторение того, что говорила оппозиция 1923 г.

Укрепление партии, являющееся необходимейшей предпосылкой правильного руководства, предполагает также и регулирование состава партии. Конференция считает необходимым, наряду с борьбой за улучшение качества членов партии, вовлечение все большего количества пролетариев в партийную организацию и повышение процента пролетариев внутри партии. Этот рост партии, необходимый в силу роста нашей промышленности и укрепления диктатуры пролетариата, никоим образом не должен, однако, превращаться в ненормальное разбухание партии за счет элементов, не прошедших школу профсоюзов, беспартийного актива, широкой пролетарской общественности.

Поэтому конференция отвергает прожектерские попытки немедленного же вовлечения 50 и больше процентов всех рабочих в партию. Такая, ничего общего с ленинизмом не имеющая, политика превратила бы нашу коммунистическую партию в аксельродовскую «широкую рабочую партию» и сделала бы невозможным коммунистическое руководство рабочим классом.

Конференция обращает внимание членов партии на необходимость более внимательного и чуткого отношения к вопросам комсомольского движения, представляющего в значительной мере будущее нашей партии. Отмечая рост комсомола, конфренция вместе с тем указывает на падение дисциплины, рост текучести и политическую безграмотность среди комсомольского состава и приглашает членов партии к решительной борьбе с этими недостатками.

Конференция обращает внимание членов организации также на то, что в данных условиях необходимо особенно внимательно следить за сохранением пролетарского руководства в РЛКСМ. С этой точки зрения конференция высказывается решительно против особых делегатских крестьянских собраний около РЛКСМ. Такие собрания неизбежно привели бы к созданию особого крестьянского союза против РЛКСМ и разорвали бы связь между рабочей и крестьянской частью юношеского движения.

Отмечая переход значительной части интеллигенции на сторону советской власти, конференция московской организации РКП (б) видит в этом новое доказательство роста пролетарской диктатуры, укрепления СССР, увеличения авторитета ленинской РКП (б).

Конференция горячо приветствует центральный орган партии «Правду», которая является вместе с тем органом МК, в особенности отмечая блестя-

щую кампанию «Правды» против мелкобуржуазных идеологических шатаний, троцкизма и т. п., проведенную в отчетном году. Конференция выражает свою полную солидарность с линией «Правды», как линией всей нашей ленинской партии.

Конференция полагает, что без т. Ленина особенно необходимо коллективное руководство партии. Только на этой основе, а равно на основе внутрипартийной демократии, повышенного чувства ответственности и роста пролетарской дисциплины возможно проведение правильной политики партии и необходимого единства ее воли.

Конференция твердо убеждена, что XIV партс'езд будет проведен под знаменем железного единства партии на основе ленинизма.

ДЕКЛАРАЦИЯ XXII ГУБПАРТКОНФЕРЕНЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП (б).

Целый ряд речей, направленных против нашей организации, и резолюция московской губернской конференции, полемически заостренная против нас же, вынуждает нашу XXII губпартконференцию выступить со следующей декларацией. Величайшим несчастьем для нашей партии и для ленинского единства было бы противопоставление друг другу московской и ленинградской организаций. Этого не хотят ни ленинградские, ни московские пролетарии-коммунисты.

Больше, чем ¼ века эти организации дружно и заодно держали знамя ленинизма. И та и другая организации со всей решительностью и непримиримостью всегда боролись против всех уклонов и извращений правильной партийной линии.

Могут ли быть сейчас какие-либо глубокие и неустранимые разногласия между московскими и ленинградскими пролетариями-ленинцами? Нет, таких разногласий нет и быть не может; их могут только создавать, их могут только измышлять, выставляя воображаемые призраки вместо реальных фактов.

1. «О ликвидаторском безверии».

На московской губпартконференции раздавались речи о том, что ленинградская организация и ее руководство страдают неверием в силы рабочего класса, заражены хныканием и т. д. и т. п. Над этими обвинениями можно было бы лишь весело посмеяться, если бы они не вызывали в нас величайшего негодования. Ведь и т. Ленина еще совсем недавно обвиняли в том, что в его представлении нет никакого социализма, а есть только маленький островочек социализма в нашей стране. Дико звучит обвинение ленинградской организации в ликвидаторском безверии в тот момент, когда у нас кипит, как никогда, строительская социалистическая работа, растут, закаляются пролетарские силы.

В истории нашей партии мы впервые слышим подобные неслыханные обвинения. До сих пор мы наблюдали враждебное отношение к нашей организации лишь со стороны врагов ленинизма, особенно в период двух последних дискуссий с троцкистской оппозицией.

Мы знаем, как Ильич относился к ленинградским рабочим-коммунистам, как он ценил их отвращение к пустой фразе, их твердость и решительность.

Всем известно, что коренной ленинградской рабочий, и прежде всего металлист, был неизменно одним из важнейших устоев большевизма.

Неужели же в городе Ленина, в крупнейшем пролетарском центре, прошедшем через три революции, зародились теперь ликвидаторские сомнения, зародилось маловерие в коммунизм»?

Это не только противоречило бы всему предыдущему ходу нашей пролетарской борьбы, это противоречило бы самому факту современного, гигантски быстрого роста рабочего класса.

Этого нет и быть не может, но зато есть попытки смазать и затушевать происходящее на наших глазах. Есть попытки свести на-нет пролетарскую критику вредных, небольшевистских уклонов, критику попыток ревизии и выхолащивания ленинизма.

II. О госкапитализме и социализме.

Руководящим работникам, выражающим наши мнения, бросают обвинения в том, что будто они оценивают нашу социалистическую промышленность как промышленность государственно-капиталистическую или даже просто капиталистическую, с обычной для капитализма эксплуатацией рабочих и т. п. Это обвинение совершенно вздорное.

Как смотрел т. Ленин на вопрос о госкапитализме? Он ясно и четко обрисовал сущность нэпа в следующих словах:

> «Потребовался ряд переходных ступеней: госкапитализм и социализм, чтобы подготовить — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете — потрудитесь построить сначала пробные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму; иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму». («К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»).

Нашу национализированную промышленность мы, вслед за Лениным, считаем предприятием «последовательно социалистического типа». Каждый пролетарий, работающий на нашей государственной фабрике или заводе, работает в интересах всего пролетариата для социализма.

Но мы не можем согласиться с тем, будто бы государственным капитализмом Ленин считал только концессии или аренду. На самом деле концессии и аренду Ленин считал только наиболее простыми и ясными примерами того, что такое государственный капитализм в пролетарском государстве.

> «Свобода торговли обозначает свободу капитализма. Но это обозначает новую его форму. Это значит, что мы до известной степени заново создали капитализм. Мы делаем это совершенно открыто. Это есть государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве — это два различных понятия. В капиталистическом государстве государственный капитализм обозначает, что капитализм признается государством и контролируется государством на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса». Так говорил Ленин. (Том XVIII, часть I, стр. 332).

Нас незачем учить, что наша промышленность есть социалистическая, что она является основой всего дальнейшего строительства социализма в нашей стране, что, только опираясь на этот подлинно социалистический элемент в нашем хозяйстве (т.-е. на нашу госпромышленность), сможем мы побороть мелкобуржуазную стихию. Мы знаем это давным давно. Мы исходим из этого, мы опираемся на это, мы никогда не сомневались в этом и мы отвергаем всякие намеки на эту сторону, но свободу торговли и все с ней связанное — вот что забывают критики Ленина в вопросе о госкапитализме.

А, между тем, и наша социалистическая промышленность уже по одному тому, что у нас существует свобода торговли, целым рядом шестеренок и приводных ремней связана с миллионами мелких крестьянских хозяйств через рынок. Именно отсюда и вытекает первостепенная роль наших командных высот в народном хозяйстве, которые должны еще побороть, преодолеть, подчинить себе мелкобуржуазную стихию крестьянских распыленных хозяйств.

Те, кто забывают сказанное Лениным о государственном капитализме, желают ли они того или не желают, затушевывают ход классовой борьбы, т.-е. мешают подлинному усилению социалистических элементов в нашем хозяйстве.

В вопросе о государственном капитализме, как и во всех других, мы стоим на позиции Ленина. Как раз те, кто в течение ряда лет критикуют Ленина в этом вопросе, как раз те, кто совсем еще недавно совершенно откровенно писали о своем несогласии с Лениным в вопросе о государственном капитализме, упрекая его в том, что у него выходило так, что «нет никакого социализма, а есть маленький островочек социализма, все остальное государственный капитализм и даже островочек этот затерялся» — как раз они и обрушиваются на нас, сохранивших и в этом вопросе полную верность Ленину.

Являются ли наши национализированные фабрики и заводы предприятиями последовательного социалистического типа? Да, являются.

Являются ли концессии и аренда государственным капитализмом? Да, являются, и то и другое бесспорно. Но этим вопрос о государственном капитализме нисколько не исчерпан. Свобода торговли в СССР есть факт. Наличие двадцати двух миллионов крестьянских индивидуальных хозяйств, определяющих в сильнейшей степени всю экономику страны и теснейшим образом связанных с государственной промышленностью через рынок, есть факт.

И, вместе с тем, регулирование «свободы капитализма» (Ленин) пролетарским государством в СССР есть также факт. И постепенный рост социалистических элементов и успешная борьба элементов социализма с элементами капитализма — также есть факт.

Вот в с я правда, как ее излагал нам Ленин.

И если за это нас об'являют «пессимистами», — и если нам скажут, что у нас выходит так, что «нет никакого социализма, а есть маленький островочек социализма, все остальное государственный капитализм, и даже островочек этот затерялся», — это будет такая же неправда, как тогда, когда она говорилась о Владимире Ильиче.

Капитализм, допущенный и контролируемый пролетарским государством, есть тоже капитализм, есть своеобразный государственный капитализм в пролетарском государстве—такой государственный капитализм, о котором «не написано ни в одной книжке» (Ленин).

Только потакая профессорско-либеральному замазыванию классовой борьбы в переходный период нэпа или повторяя осужденные Лениным и всей партией ошибки «левых» коммунистов 1918 г., можно предпринимать ревизию ленинизма в этом вопросе. Социалистические элементы нашего хозяйства растут — растут, безусловно, быстрее, шире, прочнее, чем элементы капитализма. Наше наступление на хозяйственном фронте развивается успешно. И все же Россию нэповскую н а д о е щ е п р е в р а т и т ь, как завещал нам Ленин, в Россию социалистическую. К т о з а м а з ы в а е т э т о — т о т, в с у щ н о с т и, с ч и т а е т, ч т о н э п и е с т ь с о ц и а л и з м. Те «оптимисты», которые в противоположность «пессимисту Ленину», доказывают, будто у нас уже кругом социализм, оказывают плохую услугу делу подлинного строительства социализма.

III. О середняке, о бедняке и кулацкой опасности.

Нас обвиняют в недооценке середняка, в сеянии паники перед кулацкой опасностью. Делается это вразрез с точными и недвусмысленными решениями нашей организации, со всей ее работой, вразрез со всеми выступлениями наших руководящих товарищей.

Неправда, что мы стараемся оттеснить на задний план середняка—центральную фигуру земледелия.

Неправда, ибо мы ленинцы, ибо за союз рабочих и крестьян под пролетарским руководством мы бились в течение не одного десятилетия.

Неправда это, ибо ленинградская организация вместе с ее нынешними руководителями со всей беспощадностью разоблачала троцкизм как раз за недооценку крестьянства.

Неправда это, ибо мы все свои силы отдаем сплочению бедняка и середняка против кулака.

Ораторы на московской губпартконференции говорят о нашей панике перед кулацкой опасностью. А, между тем, некоторые из этих ораторов ничего не сделали для борьбы против кулацкого уклона Богушевского, Слепкова и др., когда те отправлялись на поклон к кулаку.

Мы безусловно согласны с той частью резолюции московской губпартконференции, которая указывает на опасность недооценки середняка. Мы считаем абсолютно правильной формулу VIII с'езда РКП (б): «Соглашение пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством». Малейшую же попытку подмены ее союзом с середняком через голову бедняка мы считаем гибельной, так как это сделало бы невозможной руководящую роль пролетариата в рабоче-крестьянском союзе.

IV. Об «аксельродовщине».

Нас обвиняют в стремлении привести партию к вредному разбуханию за счет беспартийных, несознательных и неорганизованных элементов рабочего класса.

Ленинградской организации и ее руководителям бросаются обвинения в аксельродовщине, т.-е. меньшевизме.

Вся история нашей парторганизации есть история борьбы с меньшевизмом и всеми его ответвлениями.

Только маловеры, не видящие гигантского под'ема пролетарской массы, могут забывать повелительную необходимость итти все к большему охвату партией рабочего класса, по мере нашего продвижения на пути социалистического строительства.

Меньшевик Аксельрод проповедывал 20 лет тому назад широкую рабочую партию в противовес большевистской организации.

И это сравнивают со стремлением пролетарского авангарда расширять партию за счет рабочих на 9 году пролетарской диктатуры, в эпоху под'ема хозяйства, при количественном и качественном росте всего рабочего класса! Вот где настоящий пессимизм и безверие, вот где подлинная недооценка сил рабочего класса!

Не на словах, а на деле мы за все большее приближение всей массы нашего класса к социализму. Ленинградские пролетарии-ленинцы хотят, чтобы их понимали так же, как их понимал Владимир Ильич.

V. О пессимизме и оптимизме.

Мнимый «оптимизм» Богушевских и Слепковых на деле проистекает из глубокого неверия в революционные силы рабочего класса, из непонимания того, что рабочий класс, в союзе с бедняком и середняком, преодолеет все опасности со стороны кулака и новой буржуазии. Именно это неверие и побуждает их искать компромисса с кулаком и бить ему поклоны.

Мы твердо и непоколебимо знаем, что рост советской государственной промышленности есть рост социализма в нашей стране и единственно верное наступление на мелкобуржуазную стихию. Все свои силы мы отдаем неустанной борьбе за этот рост.

Вместе с могучим ростом нашего класса происходит рост враждебных и полувраждебных нам слоев (нэпман, кулак и вообще новая буржуазия).

При этой обстановке самое бережное и настойчивое собирание пролетарских сил на подлинно ленинской основе и при беззаветной верности делу международной революции есть залог дальнейшего победоносного развития пролетарской диктатуры в СССР.

Как ленинцы, мы боремся и хотим вместе с московскими товарищами и вместе со всеми остальными отрядами ленинцев бороться за нашу ленин-

скую крепость и силу, за нашу ленинскую сплоченность, беспощадно отметая всякую попытку выдумывать разногласия там, где их нет.

Пусть не пытаются делить нас на «верхи» и «низы». Ленинградская организация единая и слитная организация снизу доверху, об'единенная одним стремлением — отдать, как всегда, все свои силы нашей партии.

Да здравствует наше ленинское единство!

Да здравствует наша пролетарская сплоченность!

Да здравствует наша стальная ленинская партия!

(Принято единогласно — при 3 воздержавшихся).

ОТВЕТ МК РКП(б) НА ПИСЬМО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБПАРТКОНФЕРЕНЦИИ.

Дорогие товарищи!

Московский комитет РКП (б) считает себя вынужденным ответить на декларацию, прочтенную в конце заседания московской конференции от имени ленинградских товарищей. Это тем более необходимо, что коммунистические пролетарии Москвы не допускают и мысли о враждебном или полувраждебном, или даже просто нейтральном отношении к коммунистическому авангарду ленинградского пролетариата. Мы считаем ленинградских товарищей ближайшими друзьями, вернейшими и лучшими борцами нашего общего дела и нашей славной ленинской партии, сплоченной и воспитанной десятилетиями суровой борьбы. Тем более необходимым становится наш ответ, тем с большей горечью мы должны констатировать, что ряд ответственнейших руководителей вашей организации систематически толкал и толкает вас на отход от славных традиций ленинградской организации, бывшей всегда верной опорой всей партии и ее ЦК. С величайшей тревогой и величайшей горечью мы констатируем, что такие испытанные рабочие-бойцы, всеми корнями связанные с ленинградскими фабриками и заводами, лучшие сыны ленинградского пролетариата, живое воплощение славных традиций его борьбы, как Комаров и Лобов, шельмуются новыми руководителями Ленинграда, вроде т.т. Сафарова или Саркиса, снимаются с ответственных постов за верность ЦК, за продолжение старой линии ленинградской организации в угоду новым веяниям отчужденности, сепаратизма, истерической крикливости и интеллигентского безверия в нашу победу. Мы считаем своим долгом ответить вам. Мы считаем своей обязанностью предупредить вас, товарищи!

I. О ликвидаторском безверии.

В ответ на нашу резолюцию, вы, товарищи, пишете, что ленинградская организация партии обвиняется нами в безверии в дело социалистического строительства. Это неправда. Обвинялась вовсе не ленинградская организация: обвинялись некоторые — правда, влиятельные у вас — товарищи, а равно и ряд других товарищей в нашей московской организации и в партии вообще.

За что был снят Ленинградским комитетом т. Залуцкий, один из ваших руководителей? За то, что он, поддавшись с рядом других товарищей устряловско-меньшевистской идеологии, обвинял ЦК партии в перерождении и в термидорианстве, т.-е. в политике восстановления буржуазных порядков. Когда троцкистская оппозиция только намекнула на возможность перерождения ЦК (Гэды и Вальяны), вся партия, и в первую голову вы, товарищи, дали дружный отпор. А теперь, после того, как т. Залуцкий поднял прямое, неслыханное, несуразнейшее обвинение против ЦК, во много раз усилив намеки прежней оппозиции,—по инициативе ваших руководителей выбирается т. Залуцкий, в награду за преступление против партии, на XIV партийный с'езд. Разве это не показательно? Проваливают Комарова и Лобова за верность партии и демонстративно выбирают т. Залуцкого за его атаку на партию. Это — факт, неслыханный в истории ленинградской организации. Это отход от ее традиций. Это капитуляция перед буржуазной идеологией. Вот вам один кричащий факт.

Другой факт. Не так давно товарищи Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет итти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но, тем не менее, мы идем и будем итти вперед. Мы точно так же полагаем, что точка зрения т.т. Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции.

Тов. Зиновьев и Каменев — это не Богушевский. Они признанные партийные вожди. Тем опаснее их ошибка. Если ее взять в свете рассуждений т. Залуцкого о перерождении ЦК и термидорианцах, тогда идеология ликвидаторского безверия становится во весь рост. И с этой упадочной идеологией мы считаем себя обязанными вести борьбу.

II. О госкапитализме и социализме.

В связи с этим стоит и другая ошибка ваших руководителей, а именно ошибка в вопросе о госкапитализме. Ровно ничего не стоят попытки свести суть спора к разногласиям 1921 года, к которым большинство ЦК вовсе не причастно. Нужно обсуждать вопрос так, как он стоит теперь, в настоящих условиях. Вы пишете, что считаете наши госпредприятия, вместе с Лениным, предприятиями последовательно-социалистического типа. Это хорошо.

А вот что пишет т. Залуцкий, который обвиняет ЦК в термидорианстве. Мы, по Залуцкому,

> «делаем только первые шаги к подходу превращения современного переходного предприятия „социалистического типа", но работающего еще на началах „государственного капитализма", в подлинно-социалистическое предприятие... То, что мы имеем сейчас, в основном пока есть то, что В. И. Ленин называл государственным капитализмом. .».

По Ленину, наши госпредприятия суть предприятия «последовательно-социалистического типа», а по Залуцкому — нет. Не есть ли это ревизия ленинизма? Конечно, да. Не связано ли это с обвинениями партии в перерождении? Конечно, да. Как же вы решаетесь считать пред'явленные вашим руководителям обвинения вздорными, наши упреки неосновательными, нашу борьбу с пессимистическим уклоном необоснованной?

Мы можем констатировать, что эти обвинения уже оказали свое действие. Из-за «термидора» Ленинградский комитет вынужден был снять т. Залуцкого — это факт. А по поводу своего маловерия сам т. Залуцкий признал свою ошибку. В «Ленинградской Правде» (№ от 13 декабря*) т. Залуцкий пишет:

> «...после того, когда я увидел в „Правде" целый ряд статей по этому вопросу, мне стала ясной неудачность отдельных моих формулировок. И я признаю их ошибочность».

Итак, «Правда», которая есть и ц. о. и орган МК, поправила т. Залуцкого. Он сдал свою позицию. Он сознался, что в этом пункте ревизовал ленинскую постановку вопроса. Но почему же никто не догадался в Ленинграде поправить т. Залуцкого?

Далее. Вы пишете, что согласны с Лениным. Но почему т. Зиновьев в своей книге «Ленинизм» нигде не говорит прямо, ясно и определенно о том, что, по Ленину, наши госпредприятия суть предприятия «последовательно-социалистического типа»? Почему об этом важнейшем вопросе т. Зиновьев, составивший свою книгу на девять десятых из ци-

---

* См. IV отдел главы третьей настоящего сборника. Прим. сост.

тат, скрывает ясную постановку его Лениным? Не есть ли это тоже замаскированная ревизия ленинизма? Ведь т. Зиновьев писал о злободневных вопросах. О госкапитализме в его книге целая глава. Зачем ему понадобилось выбросить то, с чем вы все согласны? И почему т. Зиновьев не признал честно и открыто своей ошибки? Более того.

Тов. Зиновьев в своей книге «Ленинизм» по сути дела пишет то же, что и товарищ Залуцкий (см., напр., стр. 254) до признания им своей ошибки:

> «Разве даже в современных наших государственных трестах, — пишет тов. Зиновьев, — в их операциях, в их системе работы, в их окружении и т. д.... нет элементов капитализма? Разве рабочие, крестьяне, народ не видят, не чувствуют этого? Разве не почувствуют рабочие всей фальши, если мы будем преподносить им сладенькие фразы о том, что это и есть социализм?»

Предъявляя нам вздорное обвинение, будто мы, сторонники партийной линии, полагаем, что у нас «кругом процветает социализм» (чего не говорил и не мог говорить ни один не сошедший с ума человек), т. Зиновьев называет сладенькими фразами ленинские утверждения о социалистическом характере нашей госпромышленности, которая еще бедна, нища, отстала, но которая все же есть наша, социалистическая госпромышленность.

Мы не будем цитировать т.т. Саркиса и Сафарова. У них дело обстоит никак не лучше.

Возьмем опять т. Зиновьева.

Тов. Зиновьев спорил несколько часов и не голосовал за следующую формулировку в тезисах т. Бухарина о молодежи, принятых ЦБ ЦК РКП (б):

> «Совершенно не случайно... что остатки разбитых революцией партий... рисуют наши социалистические по своему типу госпредприятия как просто капитализм, или ту, либо иную форму государственного капитализма...».

Тов. Зиновьев настаивал на том, чтобы выбросить последние слова, думая, что наши госпредприятия подходят под рубрику не обычного госкапитализма, а «госкапитализма в пролетарском государстве».

Что это — ленинская точка зрения? Мы полагаем, что это есть отступление от ленинской точки зрения.

Тов. Евдокимов (доклад ЛК на моск.-нарвской райпартконференции, «Ленингр. Пр.», № 263, от 17 ноября) говорил:

> «Элементы социалистического характера, или по крайней мере элементы государственного капитализма с зародышами социализма, сильнее, чем элементы мелко-собственнического характера».

Это вы считаете ясной постановкой вопроса?

Тов. Евдокимов прямо смешивает в одну кучу госкапитализм и социализм. Опять, почему эту путаницу не удосужились исправить в «Ленингр. Правде»? Не довольно ли, товарищи? Мы, конечно, рады, что т. Залуцкий в этом вопросе сознался в своей ошибке. Но мы будем добиваться, чтобы то же сделали и т. Зиновьев, и т. Евдокимов, и Саркис, и Сафаров. Ибо здесь уже на-лицо явный антиленинский уклон, явная ревизия ленинизма, мимо которой пройти партия не может. Мы выражаем твердую уверенность, что все вы, согласные с нами и с Лениным, заставите нынешних вождей своей организации признать свою ошибку, исправить ее и тем самым ликвидировать разногласия.

III. О середняке, бедняке, кулацкой опасности и крестьянстве вообще.

Вы пишете, товарищи, что вы, ленинградская организация в целом, отнюдь не отходите от ленинского понимания всей огромной роли середняка. Но и здесь вы напрасно принимаете на себя обвинения, направленные против отдельных, имеющих у вас влияние, товарищей. Приводим некоторые факты:

В первоначальном варианте программной статьи т. Зиновьева «Философия эпохи» середняк вовсе отсутствовал. Вы подумайте только! Пишется программная статья, долженствующая дать самую суть текущего периода. Всякий знает, что суть эта (т.-е. «философия» периода) состоит в проблеме смычки пролетариата и основной массы крестьянства, т.-е середняцкого крестьянства при опоре на бедноту. А, между тем, эта суть «исчезла», ибо исчез середняк. Только по настоянию ближайших товарищей по ЦК т. Зиновьев вставил середняка. Эти товарищи поправили т. Зиновьева, не вынося дела дальше, не выступая против него, не требуя от него признания ошибки. Но самый факт был.

Тов. Каменев делал доклад на пленуме МК. И что же? И у т. Каменева середняк исчез, хотя как можно мыслить текущий момент без этого середняка? Товарищи по ЦК поправили т. Каменева, который вставил фразу о середняке при печатании доклада.

Тов. Зиновьев в своей брошюре «Итоги XIV всесоюзной партконференции и III с'езда советов СССР» (изд. «Моск. Раб.», стр. 11 и 12) говорит о лозунге нейтрализации середняка, а не о прочном союзе с ним в период укрепления пролетарской диктатуры, как говорил т. Ленин.

XIV партконференция приняла свои решения именно в целях дальнейшего укрепления союза с середняком. А т. Зиновьев в своей книжке «Ленинизм» пишет про эти решения, что теперь «нам приходится делать дополнительные уступки именно капиталистическим элементам хозяйства» (стр. 255).

Мы могли бы отметить еще целый ряд выступлений товарищей и очень ответственных и таких, как Сафаров, Саркис и прочие. Но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в несомненно существующей тенденции к недооценке середняка. Эта же точка зрения проявляется в преувеличении кулацкой опасности, что теперь вполне точно установлено и специальным расследованием статистических данных, произведенным ЦКК.

Указание на необходимость решительной борьбы с обоими уклонами было формулировано впервые т. Бухариным в докладе перед конференцией и на самой XIV конференции, в чем легко убедиться при помощи простой справки. Свою ошибку («обогащайтесь») т. Бухарин снял трижды (печатно в статье против Устрялова, на пленуме ЦК РЛКСМ, на московской конференции), между тем как ни один из ошибавшихся товарищей-ленинградцев или их единомышленников, в том числе т. Зиновьев и т. Каменев, который говорил о нашем курсе на «богатеющую деревню», не сделал этого.

Боязнь середняка приводит иногда к предложениям, прямо опасным с точки зрения правильных соотношений между пролетариатом и крестьянством. Так, например, в книге т. Зиновьева «Ленинизм» выставлено предложение о делегатских собраниях середняцкой молодежи вокруг комсомола. Из излишней боязни середняка вытекло предложение, которое ведет к организации самостоятельного, фактически антипролетарского, крестьянского союза молодежи против комсомола.

Такие последствия имеют отход от ленинизма.

Почему эту ошибку т. Зиновьева не попытались открыто и честно исправить?

Характерно для этих шатаний, что они приводят иногда к еще более худшим результатам. Так, например, известный выискиватель крестьянских уклонов т. Сафаров пишет о процессе международной революции:

> «Основных исторических ступеней революционных превращений можно установить несколько... третья (ступень) — превращение... промежуточных форм движения, промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское». (Сафаров. «Ленинизм, как теория развития пролетарской революции». «Прибой». 1925 г. Стр. 22).

Здесь т. Сафаров идейно капитулирует перед мелкой буржуазией, прямо зачисляя ее в пролетариат. Так он раз'ясняет ленинизм.

А, с другой стороны, т. Зиновьев иногда вовсе не замечает крестьянства. Так, обучая новых товарищей истории нашей большевистской партии, т. Зиновьев пишет:

«В 1903 году картина была такая: на-лицо были три основных силы: царское самодержавие, рабочий класс и либеральная буржуазия». («История РКП», изд. 3, Госиздат. Ленинград. 1924 г. Стр. 92).

Ленин писал, что аграрно-крестьянский вопрос есть основа всей революции 1905 года. В этом была суть ленинизма. А т. Зиновьев это просмотрел: крестьянство у него исчезло все целиком. Почему т. Зиновьев не признал эту ошибку? Чем виноваты десятки тысяч молодых товарищей, обучающихся и поныне на этих учебниках?

Что союз пролетариата с середняком не может и не должен итти через голову бедняка, в этом между нами нет абсолютно никаких разногласий.

Вот как обстоит дело с ленинизмом в крестьянском вопросе.

IV. О кооперации.

Всем уже теперь известно, что основной план Ленина, оставленный им партии в качестве политического завещания, состоял в смычке социалистической госпромышленности с кооперацией, рост которой, в наших условиях, тождественен в основном с ростом социализма.

В своей статье «О кооперации» т. Ленин писал:

«Несомненно, что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением. Несомненно также, что в обстановке нашей теперешней экономической действительности, когда мы соединяем частно-капиталистические предприятия, но не иначе, как на общественной земле, и не иначе, как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему классу,— с предприятиями последовательно-социалистического типа (и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом), то тут возникает вопрос еще о третьем виде предприятий, которые раньше не имели самостоятельности с точки зрения принципиального значения: именно о предприятиях кооперативных. При частном капитализме предприятия кооперативные отличаются от предприятий капиталистических, как предприятия коллективные от предприятий частных. При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу.

«Вот это обстоятельство у нас недостаточно учитывается, когда рассуждают о кооперации. Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение. Если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом».

И в другом месте:

«Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше „небольшим" исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную „культурную работу"».

Тов. Ленин, следовательно, ясно подчеркивал возможность непосредственно социалистического развития кооперации при ее смычке с растущей социалистической госпромышленностью. Сюда он предлагал партии направить свои силы. Так он ставил вопрос уже в 1923 г. А что пишет т. Сафаров в 1925 г.? Он пишет:

«Из всех форм государственного капитализма кооперативный государственный капитализм представляет то первостепенное преимущество...» и т. д. («Крестьянский вопрос и ленинизм», стр. 72).

Что же мы получаем? У Ленина кооперация трактуется как основной путь социалистического развития в деревне, поскольку через нее будет налаживаться все более тесная смычка между крестьянскими хозяйствами и социалистической государственной промышленностью под организующим воздействием командных хозяйственных высот.

А у Сафарова — это есть путь капиталистического развития. Это что, тоже верность ленинизму? Это ревизия ленинизма. Товарищи ревизуют ленинские взгляды на промышленность. Они ревизуют ленинские взгляды на кооперацию. А потом удивляются, что партия высказывается против этой ревизии. Так нельзя. С этими уклонами партия обязана вести последовательную борьбу. Ибо новые ревизионисты уничтожают весь план строительства социализма, указанный нам т. Лениным.

V. Несколько слов об «аксельродовщине».

И здесь, товарищи, вы неправы. Вы абсолютно правы, когда говорите, что только маловеры могут забывать про «повелительную необходимость итти все к большему охвату партией рабочего класса». Но кто же и когда это оспаривал? В этом мы целиком и полностью с вами солидарны.

Но мы абсолютно не согласны с фантастическими лозунгами т. Саркиса. Он выставил лозунг: «В течение года 90 проц. рабочих от станка в партии». Как ни толковать этот лозунг, все равно он нелеп. Если речь идет о 90 проц. всех промышленных рабочих, всего состава пролетариата, то это чудовищное разбухание партии означало бы наплыв в партию полукрестьянской массы и крах коммунистического руководства. Так можно только поспешить и насмешить людей. Но и второе толкование, которое т. Саркис считает теперь своим мнением, тоже не вывозит его из беды. Ибо, если речь идет о том, чтобы к будущему с'езду у нас было внутри партии 90 проц. рабочих от станка, т.-е. 90 проц. состава партии состояло бы из таких рабочих, то тогда выходило бы еще хуже. А именно, простой расчет показывает, что тогда нам в течение одного года пришлось бы принять пять миллионов новых рабочих! Ибо у нас из 1 миллиона членов партии около 600 тысяч не-рабочих от станка. Они, по Саркису, должны составлять 10 проц., т.-е. одну десятую часть партии. Все же партия тогда должна насчитывать в десять раз больше, т.-е. 6 миллионов. А, следовательно, нужно в течение года к имеющемуся миллиону добавить еще пять. Вот до какого фантастического плана доходят новые столпы ленинизма вроде Саркиса!

Мы против такого легкомысленного бросания лозунгов. Мы против такого «руководства». Мы против такой легкомысленной демагоги-

ческой игры. И мы прямо говорим, что такие идеи, не берущие в расчет руководящей роли партии, перепрыгивающие через целую историческую полосу, ничего общего с ленинизмом не имеют и иметь не могут. Это действительно настоящая «аксельродовщина».

VI. О пессимизме и оптимизме.

Перед своей смертью Ленин оставил всем нам завет политики на долгие годы. Основой этой политики является смычка между социалистической госпромышленностью и кооперацией, рост которой, по Ленину, в наших условиях тождественен с ростом социализма. Против этих главных основ политики направляется, по существу дела, критика упомянутых товарищей. Отрицание социалистического характера госпромышленности и неверие в возможность социалистического пути кооперации — вот что характерно, как мы видели, для их позиции. Мы отлично понимаем, трезво и спокойно взвешиваем все опасности: и абсолютный рост частного капитала, и рост кулака, и международные опасности. Но мы также хорошо знаем, что мы в нашей стране можем строить и строим социализм. Мы знаем, что его основная база, госпромышленность, все более и более превращается в силу, которая ведет всю экономику нашей страны. Мы прекрасно видим, что нэп не есть только сплошное отступление, как проповедуют т.т. Зиновьев, Сафаров, Саркис и другие; ибо мы видим, что из полосы отступления мы вышли, что мы наступаем на рельсах нэпа широким фронтом на частный капитал, что мы имеем все больше и больше шансов повернуть основы развития в деревне на пути, неведомые старому капиталистическому обществу. Мы ведем классовую борьбу, местами достигающую громадного напряжения. Но мы ведем ее с растущим перевесом наших сил. Вот на чем основана наша непоколебимая уверенность в победе.

* * *

В настоящее время, когда с нами нет т. Ленина, поистине смешна претензия отдельных лиц, хотя бы и крикливых, на монополию стопроцентного ленинизма. На место лиц становится коллектив. Верховным истолкователем ленинской линии может быть только ЦК и партийный с'езд. Всякие попытки ссылаться на то, что такая мысль есть «формально-демократический» подход к вопросу, по сути дела, клонится к подрыву авторитета партии и ее руководства. Никакого другого критерия, кроме общепартийного, у нас нет и быть не может, ибо нет т. Ленина. Мы отлично знаем, что перед нами стоят огромные трудности, и что неизбежны трения и внутри нашей партии. Но мы все эти трудности преодолеем, если сумеем сохранить и укрепить единство общепартийной воли и единство партийного ленинского руководства. Партийная сплоченность была всегда одним из отличительных свойств большевизма. Подрыв ее — это подрыв ленинской партии, подрыв всего дела, под знаменем которого партия боролась. Мы с горечью констатируем, что ревизионистские попытки ряда товарищей в Ленинграде привели и к явным нарушениям организационных заветов Ленина, к попыткам использовать ленинградскую организацию как центр борьбы против большинства партии и ее ЦК. Но мы глубоко уверены, что испытанные бойцы Ленинграда, неизменно бывшие в боевой связи с московскими рабочими, стоявшие во главе всего рабочего движения России, одернут своих вождей и обеспечат развитие ленинградской организации не против всей партии, а вместе со всей партией и в первых ее рядах. Мы глубоко уверены, что они помогут провести все решения партийного с'езда с той же дружностью, с какой партия проводила свои решения на всем протяжении своего исторического существования.

Да здравствует XIV партс'езд!
Да здравствует наша партия!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дискуссия в печати.

Настоящая глава посвящена исключительно дискуссии в печати. В основу подбора материала составители положили разбивку его по основным вопросам происходившей дискуссии, как-то: крестьянский вопрос и кооперация как путь к социализму, о новой экономической политике, о победе социализма в одной стране, о характере нашей промышленности, о госкапитализме. Таким образом, по вопросам, имеющим большое практическое значение, легшим в основу партийной тактики в переживаемый период времени, составители группировали материал, теоретически освещающий вопрос и выявляющий ленинскую установку понятий по тому или иному кругу дискуссионных вопросов. Конечно, в связи с тем, что на-ряду со статьями большинства приведены и статьи «оппозиции», читатель найдет и иное истолкование ленинских взглядов по вопросу о госкапитализме, о нэпе, о нашей госпромышленности и т. п. — со стороны представителей оппозиции, но простое сравнение этих статей со статьями большинства и, наконец, обращение к сочинениям В. И. Ленина сведет на-нет параллельное истолкование основных понятий ленинизма.

В связи с обилием дискуссионного материала и необходимостью дать в одном сборнике освещение основных вопросов дискуссии, составители включили в эту главу самые важные статьи, либо более выпукло ставящие вопрос, либо популярно его излагающие, либо дающие оригинальную установку вопроса. Статьи, представляющие интерес лишь в незначительной своей части, не помещались в сборнике, а использовывались для вводных статей к отделам и для тех или иных примечаний.

По указанной уже выше причине составители не включили целый ряд статей по вопросам: должна ли наша страна стать аграрной страной, о фракционной работе оппозиции и о регулировании роста партии. В данном случае составители исходили еще из следующих соображений. По

первому вопросу частично материал освещался в речах на с'езде и косвенным образом в статьях I отдела, посвященного «крестьянскому вопросу»; по второму и третьему указания в достаточной степени имеются в IV и V главах.

При определении порядка расположения отделов составители исходили из принципа развертывания вопроса: ранее ставился вопрос, могущий служить исходным пунктом для об'яснения других вопросов и не требующий для своего понимания привлечения основного материала из других отделов; составители считают все же необходимым отметить, что в некоторых случаях то или иное название отдела носит условный характер, суммируя группу вопросов, взятых из других отделов, но об'единенных рассмотрением их под одним и тем же углом зрения.

На-ряду с вопросами, относящимися к самой дискуссии, вопросами, являющимися предметом ожесточенных не только словесных, но и тактических боев, составители включили вопрос — зарубежная печать о дискуссии (отдел, носящий не дискуссионный, а скорее всего информационный характер), дав его в конце книги, как приложение.

1. Крестьянский вопрос. Кооперация. Путь к социализму.

Настоящий отдел охватывает собою один из основных вопросов дискуссии. Вопрос о крестьянстве, о его расслоении, о темпе этого расслоения, его путях, о роли кооперации в деле приобщения деревни к социализму и ряд других, связанных с вышеуказанными, вопросов — все они вместе взятые составили центральный пункт разногласий между «новой оппозицией» и большинством. И в самом деле, поскольку имелись разногласия и по ряду других вопросов, поскольку в ходе дискуссии «новая оппозиция» проделала по ним ряд отступлений, либо выдвигая новые смягченные формулировки, либо отказываясь от прежних позиций — в крестьянском вопросе коренное разногласие между оппозицией и большинством партии оставалось до самого конца, и острота положений не была смягчена никакими компромиссными предложениями. Вопрос о двух уклонах в крестьянском вопросе, вопрос о направлении огня в сторону определенного уклона создал две непримиримые стороны, привел к занятию двух различных позиций оппозицией и всей остальной партией. Вот это-то коренное разногласие по основному вопросу дискуссии, это расхождение по вопросу истолкования центральной проблемы современности — проблемы рабоче-крестьянского блока — и со-

здавало и создает положение, чреватое опасностями и всяческими трудностями в деле строительства социализма в нашем Союзе. Ибо рабоче-крестьянский союз прежде всего требует железного единства партии как в понимании его сущности и задач, стоящих перед ним, так и в деле практического осуществления последних. Не даром В. И. Ленин писал: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством, и обеспеченная победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарской революции, кои растут)».

Исходя из указанного выше, составители и подобрали материал по крестьянскому вопросу. Для более отчетливого представления в начале отдела приведен отрывок из доклада В. Молотова на октябрьском пленуме ЦК РКП — «О работе партии среди деревенской бедноты», в которой читатель найдет осуждение позиции Богушевского, на-ряду с осуждением позиции, недооценивающей значения нэпа, а следовательно и значения середняцкого слоя деревни. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что так называемая недооценка кулака, сведение роли кулака к «жупелу», была резко осуждена с самого начала ЦК РКП и никаким влиянием среди большинства членов партии не пользовалась; несмотря на это обстоятельство, «оппозиция» создала из незаметного Богушевского «фигуру» и криками о кулацких тенденциях замазывала истинную свою позицию. Теперь уже установлено, что ни Богушевский, ни Кантор и ни Спасский, впавшие в ошибку по вопросу о роли, значении и возможности приобщения кулака к социализму, не завербовали в свои ряды ни кого-либо из теоретиков партии, ни сколько-нибудь видных работников, не говоря уже о том, что партийная масса вообще не пошла за ними.

Крикам о кулацкой опасности большинство противопоставило большевистскую, выдержанную позицию — трезвый учет классовых отношений в деревне, рассматриваемый в разрезе перспектив нашего развития, нашего продвижения к социализму совместно с основной массой деревни — середняцким и бедняцким крестьянством. В противовес положению оппозиции, что главная опасность — это опасность кулацкого роста, недооценка кулака (см. на стр. 62 ст. И. Вардина — «Где главная опасность»), большинство заострило вопрос на недооценке середняка, как на самом серьезном антиленинском уклоне.

Одним из интереснейших вопросов в настоящем отделе является вопрос о приобщении деревни к социализму. Различное истолкование ленинского понимания кооперации в связи с различием позиций в крестьянском вопросе привели и здесь к построению оппозицией отличной от большинства платформы. По этому вопросу приведен интересный

отрывок из речи Рыкова на XIV моск. губпартконференции, содержательная статья за подписью А. С.: «Кооперация и приобщение деревни к социализму» и др., а также и некоторые статьи из полемики между Ц. О. «Правдой» и «Ленинградской Правдой».

Из вопросов, входящих в круг проблемы настоящего отдела, составители не включили статистических данных о расслоении крестьянства. Эти данные были выявлены в ряде статей Я. Яковлева: «О балансе купли и продажи хлеба» («Правда» от 9/XII за № 281), статья в № 284 той же «Правды», статья «Еще к вопросу о расслоении», в статье А. Микояна «О расслоении деревни», а также в статьях: А. Смирнова «Об итогах партийного расследования переоценки кулака и недооценки середняка» и Ю. Ларина «Итоги партийного рассследования переоценки кулака и недооценки середняка». Последние две статьи помещены в «Правде» от 16 и 22 декабря 1925 г. Читателю, интересующемуся детальным изучением вопроса, рекомендуется обратиться к указанному материалу.

Точно так же не включен в отдел вопрос о так называемой аграризации нашего Союза. Точка зрения превращения Союза преимущественно в страну аграрную, вывозящую сырье и ввозящую машины и готовые фабрикаты, была обоснована в речи Г. Сокольникова на XIV с'езде партии. В дискуссии в печати эта позиция нашла свое отражение в статьях Л. Шанина. Из них отметим для интересующегося читателя: «Сельское хозяйство и промышленность в развитии ближайших лет» в № 285 «Правды» и «Пересмотр хозяйственного плана» в «Эк. Жизни» № 276. В полемике с Л. Шаниным участвовали И. Кроваль («Правда» от 8 и 13 декабря), Милютин — там же от 15 декабря, давшие резкую отповедь попыткам поставить Союз на путь неизбежного превращения в аграрно-колониальный придаток капиталистического Запада и указывающие как на очередную задачу — индустриализацию Союза, преобразование его в аграрно-индустриальную страну, могущую в условиях капиталистического окружения строить социализм в крестьянской стране.

Не заняв правильной позиции в разрешении крестьянской проблемы, оппозиция, естественно, не могла дать правильной оценки и по ряду других вопросов, связывающихся в один узел центральной проблемой рабоче-крестьянского союза.

О РАБОТЕ ПАРТИИ СРЕДИ ДЕРЕВЕНСКОЙ БЕДНОТЫ

(Из доклада В. М. Молотова на пленуме ЦК РКП (б) 8 октября 1925 г.).

Новые задачи партии в деревне и организация бедноты.

Нам нужно в настоящее время суметь сделать таким образом, чтобы кулачество не вело за собой деревню, не вело за собой не только бедняков, но и середняков, наша задача — вырвать из-под влияния кулачества бедноту и, что особенно трудно, вырвать из-под влияния кулачества середняков деревни. Мы должны учесть рост активности и оживление во всех слоях крестьянства и на этой основе суметь развернуть свою работу против политических поползновений кулачества. Вот отсюда и вытекает то новое, что мы должны внести теперь в решения партии по вопросу нашей политики в деревне. Это новое заключается в том, каким образом в данное время, в данных условиях, при теперешних силах и при теперешней общеполитической обстановке, каким образом лучше организовать вокруг нашей партии бедноту, беднейшие слои деревни и, вместе с тем, каким образом лучше вырвать из-под влияния кулачества середняцкие элементы и повести их за собой — за партией, за пролетариатом и беднейшими слоями деревни. В этом теперь в деревне важнейшая задача нашей работы.

В связи с этим и намечается та практическая задача, которая формулирована в первой части выводов предлагаемой теперь резолюции. Здесь именно и говорится о том, что партия должна сейчас поставить перед собой задачу — организовать вокруг себя бедноту в деревне.

Для этого парторганизации должны устраивать особые собрания бедняков в деревне, организовать или, по крайней мере, приступить к организации особых групп бедняков, найти новые гибкие формы организации бедняков вокруг нашей партии и этим путем, при совместной работе с середняками, добиться сплочения вокруг нашей партии всей основной крестьянской массы.

Основная линия партии и вопрос о середняке.

К среднему крестьянину в настоящее время должны быть формулированы как такие основы, которые опираются «на почву прочного союза» с ним. После статьи Ленина «О кооперации» тем более приходится сказать, что эта постановка абсолютно и единственно правильна для настоящей эпохи пролетарской революции. Именно статья «О кооперации», говорящая о том, что мы теперь вошли в полосу «мирной» организационной, «культурной» работы, в полосу «культурничества», когда развертывание действительно массового кооперирования крестьянства стало основной задачей социалистического строительства в деревне, — подчеркивает основную линию нашей политики в деревне по отношению к среднему крестьянину. Если сделать из этого вывод для нашей практической работы — государственной, партийной и другой, то, мне ду-

мается, тогда станет особенно ясным, насколько правильны были решения партии, принятые этой весной (постановления апрельского пленума ЦК и XIV партконференции), и ряд важнейших для крестьянства решений советской власти. Политика соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством для настоящего периода обязательна, а отсюда для пролетарской революции вытекает следующий вывод: все то, что партия и советская власть могут в настоящее время сделать для улучшения положения крестьянской массы, все то, что они могут сделать в смысле поддержки основной крестьянской массы, — партия и советская власть должны делать и проводить безотлагательно. При этом должно быть, конечно, особое внимание к нуждам и интересам беднейших слоев деревни.

Два уклона от правильной политики.

Мы знаем, что к настоящему времени, т.-е. после первых 8 лет пролетарской революции, после того, когда и помещичья земля, и значительная часть земель кулачества перешла в руки мелкого и среднего крестьянина, наша деревня в значительной мере осереднячена, и что основная масса хозяйств в деревне — середняцкая масса. Идущий в деревне процесс социального расслоения дает — и в ближайшие годы еще больше будет давать, — себя знать, увеличивая количество бедняков и выделяя из зажиточного слоя сельскую буржуазию. Но не трудно убедиться, что теперь главную массу хлеба производит и выбрасывает на рынок именно середняцкая масса. Поэтому наша политика хлебных цен должна быть такой, которая прежде всего соблюдала бы интересы пролетарского государства в целом, чтобы эта политика давала возможность укреплять основы пролетарской диктатуры, основы социализма. Но вместе с тем эта политика должна быть такой, чтобы она не разрывала прочного союза с середняком и допускала известные уступки по отношению к интересам этой части крестьянства. Поэтому, когда мы говорим о политике понижения хлебных цен или о политике удержания цен от чрезмерного понижения, — и в том, и в другом случае мы должны быть очень внимательны к интересам основной середняцкой массы, к интересам, которые должны быть, однако, согласованы с интересами пролетарского государства. Вот сочетания этих интересов при обеспечении основных интересов пролетарского государства, при обеспечении основных интересов рабочих и беднейших слоев деревни, и есть та политика, которая должна проводиться нашей партией.

Мы должны учесть возможность и до известной степени даже неизбежность двоякого искажения этой политики, избегать двух уклонов от нее, против которых мы должны решительно бороться. Первая опасность искажения, первый уклон от правильной политики выявился бы в том случае, если бы при проведении политики развертывания товарооборота в стране, политики устранения «пережитков военного коммунизма» в деревне, не доучитывалось, что это связано, как об этом говорил еще Ленин, с прямыми уступками мелкому товаропроизводителю, связано с оживлением капитализма в деревне, связано с ожи-

влением кулачества, и что эта политика сама по себе еще не устраняет роста классового расслоения в деревне и соответственно известного усиления враждебных пролетариату социальных сил. Поэтому первая опасность, которую мы не должны упускать из виду, заключается в недооценке отрицательных сторон нэпа, отрицательных сторон политики на большее вовлечение в товарооборот теперешнего мелкого частного крестьянского хозяйства, на почве которого растут и элементы капитализма и все еще увеличивается количество деревенской бедноты. Нам приходится поэтому бороться против фальшивого подкрашивания тяжелого положения деревенской бедноты в современной деревне, против недооценки отрицательной роли кулачества в нашей деревне.

Отмечу здесь же, что на апрельском пленуме ЦК и в докладе о кооперации на партконференции указывалось на недопустимость недооценки опасности роста кулачества и на необходимость максимального внимания к интересам бедноты в нашей деревне.

Но сейчас приведу один пример, который явно говорит, что в этой области у нас были уже за последнее время такие выступления, которые должны вызывать отпор со стороны нашей партии. Вот, например, статья т. Богушевского в «Большевике», №№ 9—10. Там по поводу кулачества говорится таким образом: «Кулак это — жупел, это призрак старого мира. Во всяком случае это — не общественный слой, даже не группа, даже не кучка! Это — вымирающие уже единицы». Дальше говорится в таком же роде: «Только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно об'яснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака».

Редакция «Большевика» заявила, что она решительно несогласна с этой частью статьи т. Богушевского. И это совершенно верно. Следует признать, что такая оценка—вернее, недооценка,—роли кулачества в современной деревне, конечно, внесла бы смуту и путаницу в оценку действительного положения нашей деревни. Она противоречит тому, что партия говорила и говорит о кулаке.

Но есть и другая опасность и тоже не кажущаяся, а заставляющая нас быть очень внимательными в другом отношении. Эта опасность заключается в недооценке всей необходимости нэпа, являющегося, по выражению Ленина, уступкой крестьянину-собственнику, и всей той важнейшей роли и того крупнейшего значения, которое крестьянин-середняк имеет в нашей деревне. Эта опасность заключается в недооценке того, что нам необходим «прочный союз» с середняком, что единственно правильной политикой партии в настоящее время будет такая политика, которая добьется правильного обеспечения интересов пролетарского государства на основе союза с середняком.

Всем вам, товарищи, хорошо известен пример т. Ларина, который в этом вопросе допускает грубые ошибки, несовместимые с правильной политикой партии в деревне, ведущие к нарушению этой политики. Не буду останавливаться на них. Всем хорошо известны эти ошибки. О них говорилось не раз, между прочим, и на последней конференции.

Приведу другой более свежий пример из этой же области.

Сошлюсь на одну из статей, напечатанных в харьковском «Коммунисте» в июле прошлого года. Статья принадлежит т. П. Солодубу, которого некоторые из присутствующих товарищей знают. В этой статье т. Солодуб защищает необходимость сохранения комнезамов и возражает против обсуждавшегося в это время плана реорганизации комнезамов на Украине. Какими же доводами он защищает существование комнезамов в их прежнем виде?

Вот его основная мысль. Он говорит:

> «Неверно было бы рассматривать незаможных крестьян как группу, социально связанную с середняками. Только в незначительной части интересы незаможников и середняков могут совпадать. В большинстве они (интересы) в силу хозяйственной природы середняка совершенно другие».

И дальше он перечисляет доводы в пользу комнезамов. Не останавливаясь на двух первых его доводах в пользу оставления прежнего типа комнезамов, следует особо подчеркнуть два последних аргумента т. Солодуба, а именно, что нужно сохранить организацию незаможных селян,

> «в-третьих, как организацию, защищающую интересы всей бедноты, сталкивающейся на каждом шагу с интересами кулаков и середняков, и, в-четвертых, как единственную политическую базу, опираясь на которую, партия может проводить на селе свою политику».

Вот пример перегиба в другую сторону, против которого партия тоже должна решительно бороться.

Этот перегиб ведет к тому, что т. Солодуб противопоставляет бедняка середняку и прямо говорит, что интересы бедняка и середняка в большинстве случаев непримиримы, «на каждом шагу» противоположны и не могут быть согласованы.

Правильна ли эта точка зрения? Нет, абсолютно неправильна и неприемлема для нашей партии. У т. Солодуба, да и не только у него, сквозит явное непонимание роли середняка в данный период пролетарской революции. Владимир Ильич говорил о том, что интересы пролетариата и среднего крестьянства не противоположны, что в основном при пролетарской диктатуре и тот и другой класс должны и могут договориться, не доводя дело до раскола, «который был бы губителен для Советской Республики». Если Владимир Ильич говорил, что мы можем и должны договориться с средним крестьянством, что мы можем с ним «ужиться», идя по пути укрепления пролетарской диктатуры, то тем паче при советском строе должны «ужиться» и договориться середняк и бедняк, а в этом и есть сейчас основной момент нашей работы в деревне. Решительная борьба против такого уклона, против такого понимания, которое противопоставляет середняка бедняку и которое тем самым толкает середняка к кулаку, — решительная борьба против подобных уклонов является необходимой во всей работе нашей партии в настоящее время.

Нам нужно суметь вести такую политику, которая давала бы нам возможность на известный период «ужиться» с середняком, «ужиться» с мелким товаропроизводителем, которого только постепенно, и прежде

всего через кооперацию, мы будем вовлекать в социалистическое строительство; вместе с тем, в нашей работе в деревне нужно укреплять уже теперь нашу опору на наиболее близкие нам слои, на беднейшие слои деревни, добиваясь от них более активной поддержки для партии и борясь вместе с тем с эксплуататорскими стремлениями кулачества. Но эта политика будет действительно правильной и будет давать тот результат, который необходим для пролетарского государства, только в том случае, если она будет опираться на развитие социалистических элементов нашего хозяйства в городе (госпромышленность), на укрепление политической диктатуры рабочего класса, на рост и укрепление сил пролетариата, на всю политику партии в целом.

А это значит, что развитие пролетарской революции может быть основано только на союзе пролетариата и крестьянства, при чем на таком союзе, который обеспечивал бы укрепление руководства пролетариата по отношению к крестьянским массам. Только дальнейшие успехи пролетарской революции и, прежде всего, рост советской крупной промышленности и поднятие культурности и организованности масс для социалистического строительства нашей страны в целом открывают перед крестьянством (и в частности перед деревенской беднотой, условия жизни которой пока особенно тяжелы) настоящие возможности к хозяйственному и культурному под'ему ко все большему вовлечению в подлинное строительство социализма. С учетом этого мы должны подходить и к задачам сегодняшнего дня.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК РКП (Б) ОТ 10 ОКТЯБРЯ 1925 Г.

1. Решения XIV партконференции имеют своей непосредственной задачей проведение под руководством пролетариата политики высвобождения среднего крестьянства из-под влияния кулачества и укрепления союза пролетариата и беднейших слоев крестьян со средним крестьянством путем, прежде всего, оживления советов и массового кооперирования крестьянства на основе ликвидации пережитков военного коммунизма и развязывания товарооборота.

Успех этой политики обусловливается более или менее полным овладеванием командными экономическими высотами, укреплением и ростом национализированной крупной промышленности, транспорта, государственных финансов и кредитной системы. Лишь постольку делается возможным постепенное вовлечение хозяйств основной массы крестьянства на путь социалистического развития, через кооперацию в первую голову.

2. Точно так же, как развитие нашей экономики вообще, в условиях нэпа, проходит в противоречивых формах и в борьбе различных хозяйственных систем (частный капитал и государственное хозяйство, индивидуальные и коллективные формы хозяйства), так и в области сельскохозяйственного производства в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из более зажиточных слоев крестьянства) и элементов, развивающихся в сторону социализма (коллективные хозяйства, кооперация и т. д.). Такие противоречивые тенденции неизбежно должны наблюдаться даже внутри самой кооперации, и вопрос окончательно решит лишь борьба этих тенденций.

3. В этой борьбе победу социалистических элементов в возрастающей степени будут обеспечивать растущая мощь стоящего у власти пролетариата, рост государственной промышленности и развитие государственной и кооперативной кредитной системы. Вместе с общим процессом развития про-

изводительных сил страны развитие деревни в этих условиях все более и более будет направляться в сторону социализма, главным образом через развитие кооперации.

4. Намеченная XIV партконференцией политика по отношению к деревне только начала проводиться в жизнь. Партия все больше развертывает работу как в деле массового кооперирования крестьянства, так и в деле вовлечения широких крестьянских масс во все советское строительство (оживление советов). Положительные результаты этой политики уже успели сказаться в укреплении авторитета партии и советской власти в деревне. Однако, проведение решений XIV партконференции встречает в отдельных случаях такого же рода возражения, какие наблюдались при переходе к нэпу в 1921 г. В связи с этим создается опасность искажения этой политики в двух направлениях: в направлении недооценки отрицательных сторон нэпа и в направлении непонимания значения нэпа как необходимого этапа к социализму.

5. Первая опасность — опасность недооценки отрицательных сторон нэпа — ведет к забвению интересов деревенской бедноты и недооценке кулацкой опасности. Вторая опасность — непонимание всей необходимости нэпа — ведет к забвению важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, к разрыву союза рабочих и крестьян и, следовательно, к ослаблению пролетарской диктатуры в стране. Решительная борьба с обеими этими опасностями есть непременное условие для предотвращения срыва принятой партией политики в деревне и для правильного проведения в жизнь решений XIV партконференции.

6. Проведение решений XIV партконференции, особенно развертывание массового кооперирования крестьян и оживление советов и связанные с этим организация бедноты и борьба за среднее крестьянство, приобретает особо важное значение в данный момент в виду ускоряющегося развития товарных отношений вследствие хорошего урожая и неизбежного для ближайшего времени усиления процессов социального расслоения (диференциации) крестьянства.

В связи с этим особо выдвигаются вопросы о сплочении бедноты и батрачества вокруг партии и советской власти, о методах руководства и формах организации этих слоев деревни, а также и о различных видах материальной, культурной и политической помощи им со стороны партии и государственной власти.

Исходя из этого, признать необходимым:

А. При проведении политики оживления советов, вовлечения в их работу широких масс бедняков и середняков, партия должна особое внимание уделить на то, чтобы при этом сплотить вокруг себя бедноту и вести за собой среднее крестьянство. Для этого во время перевыборов и в дальнейшей работе советов (а также в кооперации, крестпомах) необходимо проводить особое собрание бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков (с непременным втягиванием в них батрачества), всемерно стремясь при этом к совместному с середняками отстаиванию практических мероприятий в работе советов, кооперации, крестпомов и к совместному с середняками выдвижению кандидатов при перевыборах.

Б. В работе кооперации усилить внимание к вовлечению бедноты, разработав дополнительные меры по облегчению доступа бедняков в сельскохозяйственную и кредитную кооперацию (помощь государства при внесении паев и т. п.) и по увеличению материальной помощи беднейшим слоям деревни путем расширения сельхозкредита (удлинение сроков кредитования для бедноты, организация при сельхозтовариществах предприятий, обслуживающих главным образом бедноту, как, например, прокатных пунктов и т. п.).

В. В целях оказания помощи в деле поднятия бедняцких хозяйств, наряду с усилением внимания к кредитованию этих хозяйств из средств сельскохозяйственного кредита на общих основаниях, необходимо

образовать постоянный специальный фонд в составе Центрального Сельско-Хозяйственного банка.

Предназначить этот постоянный фонд специально на цели кредитования бедноты и, в частности, коллективов на особо льготных условиях (льготные сроки, особо льготные условия обеспечения и т. п.).

Г. Всемерно содействовать строительству колхозов (с.-х. коммун, с.-х. товариществ) маломощного и среднего крестьянства, усиливая кредитную помощь и особенно облегчая им приобретение сел.-хоз. машин (в частности тракторов), стремясь связать работу колхозов с помощью окрестному маломощному и среднему крестьянству. На-ряду с этим необходимо усилить поддержку развития простейших видов коллективизации (артели, машинные товарищества, товарищества по совместной обработке земли, по совместному использованию скота и т. п.), особенно обращая внимание на вовлечение в эти товарищества маломощных хозяйств.

Д. Отмечая недостаточное внимание к работе крестпомов, обязать парторганизации, согласно решению XIII партс'езда о работе крестпомов, усилить содействие их работе. Организации крестпомов необходимо строить на основе существующего положения ВЦИК, а именно на основе коллективно-добровольного членства всех крестьян, имеющих право избирательного голоса при выборах в советы, добиваясь более активного участия в их работе беднейших слоев деревни. На-ряду с развитием работы по индивидуальной и общественной взаимопомощи в деревне, крестпомы должны усилить связь с работой советов и кооперации, содействуя облегчению доступа маломощных в кооперацию, получению ими кредита для своего хозяйства, защищая и наблюдая за предоставлением бедноте установленных законами льгот и т. п.

Е. Утвердить решение пленума ЦК КП (б) У (от 23—25 июля с. г.) о реорганизации комнезамов с превращением их в организации общественные и добровольные. В дальнейшей работе комнезамы должны направить свою деятельность на сплочение бедняков и середняков, на отстаивание интересов маломощных (незаможных) в советах, кооперативах, кресткомах, на сосредоточении главного влияния на задачах поднятия хозяйств деревенской бедноты. С реорганизацией комнезамов и выдвижением в их работе новых задач парторганизации должны еще больше внимания сосредоточить на деле руководства их работой.

Ж. В связи с проведением «временных правил о применении наемного труда в сельском хозяйстве» особенное значение приобретает работа Всеработземлеса, как органа сплочения и защиты интересов пролетарских слоев в деревне. Всеработземлес должен, всемерно укрепляя связь беднейших слоев деревни с промышленными рабочими города, на деле стать организацией широких пролетарских и полупролетарских масс: сел.-хозяйственных рабочих, батраков и полупролетарских элементов деревни, основным занятием которых является работа по найму. При этом необходима дальнейшая всемерная поддержка партийными силами органов Всеработземлеса и усиление его материальных средств.

З. Парторганизации должны добиваться действительного проведения в жизнь законов, охраняющих интересы беднейших слоев деревни, и предоставленных им по этим законам льгот (освобождение от налогов или понижение их для маломощных, льготы по проведению землеустройства, льготный отпуск леса и т. п.). Во всей работе советов, кооперации, крестпомов — парторганизации, при активном участии комсомола, должны брать на себя инициативу в деле организации беднейших слоев и обеспечения их интересов в работе соответствующих органов (прием в школы детей бедноты, защита бедняков в судах, облегчение беднякам доступа в кооперацию, поддержка селькоров из беднейших слоев и т. п.).

И. Задача помощи и организации деревенской бедноты на основе укрепления руководства пролетариата выдвигает перед партией необходимость дельнейшего укрепления партийных и комсомольских организаций в деревне. Необходимо на основе принятых партией решений больше внимания уделять привлечению в партию и в комсомол беднейших

элементов деревни, в особенности сел.-хозяйственных рабочих и батраков, всячески поддерживая выдвижение из их среды работников для руководящей работы во всех общественных органах деревни, вовлекая наиболее активные силы из них в парторганизацию, помятуя, что наиболее крепкой опорой коммунистической партии в деревне могут быть только пролетарские и полупролетарские слои дерезни.

ГДЕ ГЛАВНАЯ ОПАСНОСТЬ?

Откуда революции грозит ныне главная опасность? Где наиболее слабое наше место? Какие внутренние уклоны наиболее опасны сегодня?

В марте 1922 года, на XI с'езде нашей партии Ленин говорил:

> «Сегодня на нас не наступают с оружием в руках и, тем не менее, борьба с капиталистическим обществом стала в 100 раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг. Я говорил о коммунистическом соревновании с точки зрения развития форм хозяйственного и форм общественного уклада. Это не есть соревнование: это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом».

Если бы кто-нибудь из большевиков эти ленинские слова произнес сегодня, какой крик и хохот подняли бы люди с «крепкими затылками»! Сколько издевательств посыпалось бы по адресу «истериков», «паникеров» и т. д. и т. п.!

Об «отчаянной», «бешеной» борьбе, в 100 раз большем «ожесточении», в сто раз большей опасности Ленин говорил весной 1922 года,— ровно год спустя после об'явления нэпа.

Но за прошедшие с тех пор 3 года опасность разве уменьшилась? За 3 года вырос кулак, за 3 года более серьезной силой стала буржуазия; на международной арене капитализм достиг известной частичной стабилизации. Мы бурно росли эти три года, но и опасности росли и растут.

Говорить о нашем росте и преуменьшать стоящие перед нами опасности — разве это, об'ективно, не то, что нужно врагу? Но нам кричат: «Вы не верите в силу пролетариата!».

Сотни раз слышали большевики это обвинение от меньшевиков. В основе этого обвинения всегда лежало стремление меньшевиков скрыть от пролетариата правду о трудностях, чтобы, когда трудности станут во весь рост, предложить ему тогда капитулировать.

Об'ективно в основе и нынешних обвинений в неверии в силу пролетариата лежит эта же самая тенденция: сегодня преуменьшить наметившиеся опасности, чтобы завтра предложить капитулировать перед реально оформившеюся опасностью.

Мы верим в могучую силу пролетариата. Мы знаем, что это великий класс, который не испугается трудностей, который преодолеет все препятствия. Но для этого он должен видеть все намечающиеся

опасности. Не страшно даже, если опасность несколько преувеличена. Большевики всегда придерживались правила: лучше преувеличить опасность, чем преуменьшать ее. Тот, кто не является партийным Иваном, не помнящим родства, тот знает, что это именно так. Ленин и большевики предпочитали преувеличивать опасность, чем преуменьшать. Самым худшим, прямо-таки гибельным, является не то, что крепкозатылочные назовут теперь паникой, самым худшим, самым опасным является замазывание опасности, преуменьшение опасности. Несколько времени тому назад наша центральная печать, руководимая Н. И. Бухариным, начала замазывать кулака — Богушевский, Слепаков и другие. Партия сбила их с этой позиции — ныне не отрицают уже наличности кулака. Ныне тактика иная: правую опасность преуменьшают; центр внимания партия хочет передвинуть в сторону «левой» опасности, которая сегодня ни в каком случае не является главной.

Но Богушевского можно спасти, только раздувая Ларина, все основные статьи которого, кстати сказать, печатались в свое время в «Правде» *.

Позицию укрывательства правой опасности наиболее четко выявил в своем докладе на московской губконференции т. Куйбышев. Он говорил:

> «В области партийно-идеологической трудность заключается в возможной панике перед несколько возросшими элементами кулачества, в забывании, в силу этого, центральной роли середняка и решающего значения союза с ним рабочего класса, в преувеличении имеющегося в деревне расслоения и в построении, на основании этого панического преувеличения, разных левых теорий.
>
> Конечно, на-ряду с паникой перед кулаком, на-ряду с преувеличением расслоения деревни и отказом на этой почве от прежней испытательной тактики союза середняков, на-ряду с этим уклоном возможен, реален и другой уклон в сторону замазывания происходящего расслоения, отрицания кулака, его опасности и, как следствие этого уклона,— отсутствие стимула к организации бедноты, забывание ее интересов...
>
> Этот уклон также вреден, но, на мой взгляд, он не представляет для нас такой реальной сегодняшней опасности. Этот уклон не может иметь сколько-нибудь широкого распространения среди организованных членов партии.
>
> А вот другой уклон, руководящий левыми фразами, является значительно более опасным».

Политически эти рассуждения т. Куйбышева означают: главная опасность советскому строю угрожает не со стороны буржуазной идеологии верхов и ее отражения, в виде правого уклона, а со стороны анархической идеологии низов, и не со стороны кулаков, а бедноты, не со стороны буржуазной, а ... может быть, рабочей оппозиции. Если

---

* Сущность позиции Ларина, так наз. «бедняцкого уклона», состоит в том, что он считает невозможным никакими мерами помочь бедноте; несмотря на все, кулак будет расти, беднота увеличиваться и беднеть, и в свое время придет «третья» революция, которая уничтожит кулака.

Прим. сост.

говорить историческими аналогиями, то опасность революции угрожает не со стороны жирондистов *, дантонистов **, а со стороны гебертистов ***, «бешеных» «анархистов» великой французской революции.

Если прав т. Куйбышев, если главная опасность нам угрожает не со стороны верхов, а со стороны низов, не со стороны идеологических представителей буржуазии, а со стороны идеологических представителей деревенской бедноты, — тогда и политика партии должна получить совершенно определенное направление, тогда идеология партии должна подвергнуться пересмотру.

Будем смотреть правде прямо в глаза. За последний период явственно заметилась тенденция искать врага не справа, а слева. Эта тенденция нашла выражение в печати, она отразилась в борьбе на идеологическом фронте. Отрицали не только наличие кулацкой, буржуазной опасности в обществе, отрицали наличие буржуазной опасности в идеологии. При этом те, которые подчеркнули наличность опасности со стороны буржуазной идеологии, обвинялись в «неверии» в силы пролетариата.

Здесь мы считаем необходимым подчеркнуть то, чего, видимо, не знает т. Куйбышев: всякий уклон в нашей партии является отражением иноклассовой, непролетарской идеологии. Уклоны Богушевского, Кантора, Яковлева, Слепкова, Марецкого и др.—это отражение кулацко-нэпмановской идеологии. Уклон Ларина — это проявление мелкобуржуазного, анархо-синдикалистского, потребительского «коммунизма».

Мы говорим, что наиболее опасными в переживаемую эпоху являются левые уклоны Богушевского и Яковлева. Ибо этот уклон выражает единственно реальную сегодня кулацко-нэпмановскую опасность. Отрицание главной опасности справа, это есть отрицание буржуазной опасности, но так как опасность все-таки откуда-то угрожает нам, то отсюда отрицатели правой опасности неизбежно должны повернуть фронт налево.

Теперь спросим, с точки зрения классовой, что означает поворот фронтом налево? Об'ективно совершенно неизбежно—это есть фронт против рабочего класса и деревенской бедноты. Это сказывается, между прочим,

---

* Жирондисты — одна из политических партий в эпоху великой французской революции, выражавшая интересы либеральной буржуазии и в своих мероприятиях отличавшаяся нерешительностью и половинчатостью. Прим. сост.

** Дантонисты составляли правое крыло революционной партии мелкой буржуазии (якобинцы) во время великой франц. революции. Вместе со своим вождем (Дантоном) наиболее видные из них были осуждены револ. трибуналом и казнены. Прим. сост.

*** Гебертисты — группа друзей Гебера во время французской революции (1792—94 г.г.), сторонники энергичной экономической политики в интересах бедноты. Прим. сост.

в вопросе о дальнейшем приеме рабочих в нашу партию. Ведь подумайте: т. Куйбышев ищет «уклон» в ленинградской организации. Допустим, в Ленинграде есть «уклон», но тогда встает вопрос: каково классовое содержание ленинградского «уклона», какой класс представляют ленинградские пролетарии. Достаточно поставить эти вопросы, чтобы поразительная глупость искания «уклонов» у ленинградских большевиков стала очевидной. Ленинградский большевистский пролетариат по-ленински воюет против основной опасности, кулацко-нэпмановской опасности. В этом его «вина», за это его ненавидят не-пролетарские слои советского общества. Но может быть кто-либо осмелится открыто заявить, что позиция ленинградских большевиков совпадает с позицией Ларина? Но такая попытка ясно глупа и политически бесчестна.

Ларин находится от ленинского большинства на таком же расстоянии, как Слепков, Яковлев, Богушевский. Ларинская «левизна», разумеется, ничего общего не имеет с большевистской левизной. Бухарин хорошо знает, и должен это знать и Куйбышев, что в лице Ларина редактор нашего ЦО имеет, в конце концов, верного сотрудника и союзника. Но ведь они представляют разные стороны буржуазного уклона. Если Бухарин будет сбит с его сегодняшней позиции, он перейдет на позицию Ларина. Разве в его книге «Экономика переходного периода» мало «ларинизма»?

Поэтому-то Ленин распорядился вырвать первую страницу его книги, на которой было напечатано авторское посвящение Ленину.

Как политически стоит сегодня вопрос? По основному для нашей эпохи вопросу о крестьянстве имеются три точки зрения: а) кулацко-нэпмановская (Богушевский, Кантор, Яковлев); б) «бедняцко»-потребительская (Ларин); в) пролетарская (Ленинград). Из двух видов мелкобуржуазных уклонов, наиболее опасным в наше время является правый уклон. Тот, кто пытается отыскать какую-то четвертую точку зрения, тот хочет выдумать доселе никому неизвестный серединный «середняцкий большевизм». Выдумываемый теперь «середняцкий большевизм»—это «большевизм» Марии Спиридоновой, «большевизм» левых эс-эров. Это безнадежная попытка. В природе нет «середняцкого большевизма» — есть только пролетарский большевизм.

Капитальная разница заключается в том, что подлинный большевизм за союз с крестьянином под руководством рабочего класса, народнический большевизм за «равноправный блок» пролетариата и крестьянства, в котором пролетарского руководства нет.

Мы утверждаем: печатающиеся ныне в «Правде» статьи о госкапитализме — это сплошные перепевы левых эс-эров

Штейнберга, Шрейдера, Камкова и Чижикова. Когда хотят представить дело так, что мелкий собственник является, несомненно, активным строителем социализма — это есть ничто иное, как народническая идеализация мужика. Дело дошло до того, что некоторые коммунисты о комбедах заговорили языком Камкова, Карелина и Марии Спиридоновой.

В 1918 г., руководимые Бухариным, Осинским, Ломовым, Куйбышевым и др., «левые коммунисты» были очень близки к левым эс-эрам. Близость эта, по сообщению Бухарина, во время дискуссии в 1923 г. зашла так далеко, что левые эс-эры весной 1918 года осмелились предложить лидерам «левых коммунистов» общими силами арестовать правительство Ленина.

С того времени многие «левые коммунисты» проходили через ряд ошибок и иногда прочно утверждались на линии ленинского большевизма. Сегодня, к сожалению, мы видим, что такая эволюция пройдена далеко не всеми бывшими «левыми коммунистами». Сегодня мы видим, что многие здесь об'ективно заменяют отсутствующее на исторической арене лево-эсэрство. Этот факт лишний раз подтверждает ту истину, что люди могут изменяться, но политическое направление сохраняется.

Родственный лево-эсэровский «левый коммунизм» в рядах нашей партии фактически сохранился, он имеет во главе старых вождей — против них необходима старая ленинская большевистская борьба.

Да, перед нами отрыжка «левых» направлений 1918 г., тот социализм, построение которого Бухарин, Варейкис, Угланов и Каганович хотели «окончить» (выражение Кагановича)[1] в одной отдельно взятой стране. Это — социализм не большевистский, не пролетарский, это — «социализм» левых эс-эров, «социализм» мелких собственников, мещан и чиновников — социализм не Ленина, а Марии Спиридоновой.

Иными словами, это — вовсе не социализм, а мужицко-собственническая община народников и... Варейкиса (см. его «знаменитую» книжку «О возможности победы социализма в одной стране»).

Итак, где главная опасность? Там только, где ее указал Ленин в марте 1922 г. Мы выросли за три года, но выросла и буржуазия. Мы стали сплоченнее и активнее, но буржуазия, кулачество, буржуазная мещанская интеллигенция тоже имеет значительно большее количество зацепок, чем три года тому назад. Опасность угрожает революции не со стороны анархистских настроений бедноты, а опасность — и единственно серьезная опасность — угрожает революции со стороны

---

[1] См. «Правду» от 10 декабря 1925 г. Речь т. Кагановича на с'езде КП (б) У.

капитализма, борьба с которым стала «во сто раз более ожесточенной и опасной». «Здесь, только здесь, нам необходимо вести «отчаянную», бешеную, если не последнюю, то близкую к тому, борьбу не на живот, а на смерть» (Ленин).

Главная опасность сегодня не со стороны пережитков военного коммунизма, не со стороны «духа» комбедов: главная решающая опасность — со стороны кулака и нэпмана, со стороны поддерживающей их мировой буржуазии.

Главная трудность здесь.

Ленин на XI с'езде говорил:

> «В тысячу раз труднее положение, когда приходится иметь дело с неприятелем, стоящим здесь в обыденщине экономической».

В десятки раз труднее положение, когда Богушевские, Канторы, Слепковы помогают неприятелю получше укрепиться в «обыденщине экономической», когда председатель ЦКК Куйбышев направляет внимание партии от опасности существующей в сторону опасности несуществующей.

Кто главную опасность видит не в кулацко-нэпманской, а в бедняцкой идеологии, тот не ревизует ленинизма, тот без ножа режет ленинизм. Историческая задача большевизма в наше время—разбить очередное проявление правого уклона, вооруженного лево-эсэровскими фразами.

И. Вардин.

«Ленинградская Правда» № 290,
от 18/XII 1925 г.

ОППОЗИЦИОННЫЕ «ПЕРЛЫ».

Как поведение, так и сами идейные ошибки оппозиции имеют свою логику. Поучительно, например, вспомнить, до чего докатился один из лидеров оппозиции, т. Вардин, выступая на страницах «Ленинградской Правды» в дни с'езда. Его статья «Где главная опасность» (№ 290, 18 декабря 1925 г.), помещенная в самый день открытия с'езда, вызвала огромное возмущение в среде делегатов.

Вот что писал ее автор:

> «По основному для нашей эпохи вопросу о крестьянстве имеются три точки зрения: а) кулацко-нэпмановская (Богушевский, Кантор, Яковлев); б) «бедняцко-потребительская» (Ларин); в) пролетарская (Ленинград). Из двух видов мелкобуржуазных уклонов наиболее опасным в наше время является правый уклон. Тот, кто пытается отыскать какую-то четвертую точку зрения, тот хочет выдумать доселе никому неизвестный серединный «середняцкий большевизм»... «Выдумываемый теперь „середняцкий большевизм“ — это „большевизм“ Марии Спиридоновой, „большевизм“ левых эс-эров».

Что это такое? Это — обвинение Центрального Комитета нашей партии в кулацко-нэпмановском уклоне, обвинение с'езда партии в выдумывании «середняцкого большевизма», а так как с'езд целиком и полностью принял точку зрения ЦК, то это есть обвинение в с е й п а р т и и в кулацко-нэпмановском уклоне.

Может быть, наши выводы неосновательны? Нет, они вполне точны. Т р и точки зрения, говорит злополучный автор, есть по крестьянскому вопросу, — и перечисляет их. Мы ищем, где же среди них, по мнению Вардина, точка зрения ЦК?! И, конечно, находим! Это, с точки зрения Вардина, ни третья, ни вторая точки зрения, стало-быть, п е р в а я. В «лучшем» для нашей партии случае, она, оказывается, на своем с'езде «выдумывает» диковинный «середняцкий большевизм»!

Прежде всего, по прочтении такой статьи сам собой напрашивается вопрос: как же чувствует себя в партии тот «правоверный» (или «анти-середняцкий») большевик, которого «осенило», будто партия впала в кулацко-нэпмановский (это не шутка) уклон? . .

Кроме того, да будет позволено поставить вопрос: какая же классовая сила в действительности подталкивала руку самого залихватского писаки, так бесстыдно (и бездоказательно) обвинившего свою партию, пролетарскую коммунистическую партию, в «кулацко-нэпмановской точке зрения»?

Разве не ясно, что его пером водил, — пусть это было помимо его доброй воли и сознания, — м е щ а н и н, которого бесят успехи социализма в нашей стране, который все сплетни и слушки собирает против нашей партии, лжет и клевещет на нее, раздувает недостатки нашего социалистического строительства и, будучи бессильным задержать наше вхождение в раскрывающие перед нами врата социализма, срывает свою злость хоть тем, что исподтишка пытается замазать нам ворота грязью и слюной? . .

Разве не он, этот мещанин, со сладострастием прочел и прочтет столь смачные и вкусные для него строчки, как обвинение в кулацко-нэпмановском уклоне — кого? Той п а р т и и, которая стоит во главе мировой революции, во главе диктатуры пролетариата и строительства социализма в нашей стране!

Ясно, что и здесь, в лице Вардина, оппозиция скатилась в мещанское болото.

А ведь статья эта пошла в органе ленинградского губкома без всяких примечаний; стало-быть, редакция с ней полностью солидаризировалась, за нее готова была отвечать! . .

«Уклон не есть еще готовое течение. Уклон есть то, что еще можно поправить. Люди несколько сбились с дороги, или начинают сбиваться, но поправить еще можно». Так говорил В. И. Ленин. Уклон, который украшался и увенчивался Вардиными, партия во-время поправляет. Но его выправить до конца можно только при доброй воле самих уклоняющихся товарищей.

Этой доброй воли и ждет партия от них. Было бы печально, если бы они продолжали упорствовать и бороться с партией. Надеемся, что этого вполне можно избежать, что этого больше не будет.

«Ленинградская Правда» № 26,
от 2/II 1926 г.

ИЗ ДОКЛАДА ТОВ. РЫКОВА НА XIV КОНФЕРЕНЦИИ РКП (б) О КООПЕРАЦИИ.

Поскольку актуальнейшим вопросом настоящего времени является развитие производительных сил деревни, изживание «военно-коммунистических» методов руководства крестьянской массой и обеспечение быстрейшего движения всей нашей экономической системы к социализму, постольку решающее значение имеет работа по кооперированию широких слоев крестьянства. С работой кооперации в деревне связана центральная для всего переходного времени проблема относительно возможных путей и характера эволюции крестьянского мелкого производства, в условиях пролетарской диктатуры, от его натуральных докапиталистических и частично-капиталистических форм хозяйствования к социалистическим.

Кооперация является в этом отношении нашим главным, почти единственным рычагом. С переходом деревни к накоплению встает практическая задача определить, в каком направлении и по каким путям пойдет это накопление: по руслу ли созревающей социалистической системы, или вне ее.

Начинающийся в деревне процесс товаризации и накопления пойдет, несомненно, довольно быстрым темпом, и деревня будет пред'являть по отношению к нашей промышленности исключительные требования.

Направляемое через кооперацию, это накопление может быть использовано в соответствии с общими задачами нашего социалистического строительства. Если это накопление пойдет мимо нашей системы, тогда мы получим обособленные центры двух конкурирующих систем (капиталистической и социалистической) и необычайную сложность в смысле государственного руководства и регулирования всей экономической жизни страны. Поэтому-то правильное разрешение вопроса о кооперации на данной стадии развития сельского хозяйства имеет решающее для строительства социалистического хозяйства значение.

С какого бока и как должна партия подходить к втягиванию экономики деревни в орбиту социалистически-организующегося города?

В условиях развивающейся товарности хозяйства практически возможным и теоретически правильным является подход со стороны основного звена, связующего деревню с городом, — со стороны товарооборота. Таким образом, основной путь лежит через сферу обращения, и задача кооперирования крестьянства заключается в организации и об'единении его, как товаропроизводителя. Противоположная точка зрения, выставляющая главнейшей задачей непосредственное

обобществление процессов сельско-хозяйственного производства (обработка земли, совместное владение скотом, инвентарем и т. п.), представляется менее правильной. При настоящем положении деревни для нас главным является вопрос о том, какими методами государство и партия сохранят полностью в своих руках контроль и регулирование хозяйственных процессов деревни при мелкобуржуазном характере с.-х. производства. Этого мы можем достигнуть путем организации крестьянского хозяйства по той линии, которая деревню связывает с городом, т.-е. путем организации крестьян, как товаропроизводителей.

Не будет лишним вспомнить здесь, какое значение придавал Владимир Ильич торговле. «Торговля — вот то „звено" в исторической цепи событий, — говорит он в статье «О значении золота», — за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко „ухватимся", мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамент социалистическо-общественных экономических отношений не создать».

КООПЕРАЦИЯ И ПРИОБЩЕНИЕ ДЕРЕВНИ К СОЦИАЛИЗМУ.

Кооперация приобретает в нашу эпоху исключительно важное значение как в капиталистических странах, так и особенно в той шестой части земного шара, на территории которой строится социализм под руководством пролетарской диктатуры. Кооперация выступает в роли мощнейшей организации, широко охватывающей крестьянство и весьма серьезно воздействующей на развитие деревни.

Россия является страной, в экономической и политической жизни которой крестьянство играло и играет особенно выдающуюся роль. Этим об'ясняется и тот факт, что партии российского пролетариата довелось заниматься вопросом о роли кооперации особенно серьезно.

Впервые вопрос о кооперации стал перед российскими марксистами в обстановке развивающегося, победно шествующего капитализма, вытесняющего старые докапиталистические хозяйственные формы и подчиняющего законам своего развития деревню. Наиболее ярко и полно большевики выявили свою точку зрения на роль и судьбы кооперации в условиях господства буржуазии в борьбе с эс-эровским народничеством.

Виднейший теоретик эс-эров В. Чернов пытался доказать, что социалистическое развитие может иметь место в рамках и условиях господства буржуазии. Он утверждал, что растущее кооперирование деревни может противопоставить силе накопляющегося капитала социалистические элементы; он указывал на кооперирование крестьянства как на средство эволюционного перехода к социализму, который будет укрепляться параллельно с развитием капиталистической индустрии и вообще ростом капиталистических элементов.

Большевики — и прежде всего Ленин — дали блестящую критику этой утопической народнической теории. Они доказали, что в условиях капиталистического господства кооперация или будет побиваться капиталом, или будет подчиняться капиталу, обогатив последний лишь новой кооперативной формой капиталистического накопления. Мелкобуржуазные утописты не понимали элементарнейших процессов общественного развития; прежде и раньше всего они не понимали ведущей роли города с его передовыми экономическими, социальными и политическими связями в отношении деревни. Подытоживая опыт борьбы с идеологами мелкобуржуазной контр-революции, т. Ленин писал:

«Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонге, Макдональды и К°), ни разбивали себе лба перед богинями „равенства", „всеобщего голосования", „демократии", „чистой демократии" или „последовательной демократии", от этого не исчезает экономический и политический факт неравенства города и деревни. Это — факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

«Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведет за собой деревню, деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс из „городских классов" сумеет повести за собой деревню, осилить эту задачу, и какие формы это руководство города примет». (Собр. соч., т. XVI, стр. 442).

Кооперация в условиях капитализма играет, прежде всего, роль связующего экономического звена между деревней, в которой крестьянское хозяйство является и формой простого товарного хозяйства и формой буржуазного хозяйства, и городом, гнездом крупнокапиталистического производства. Обращаясь к сложной системе связей деревни и капиталистического города через кооперацию, мы должны отметить наличие следующего рода явлений.

В-первых, контрагентом кооперативного обмена между деревней и городом со стороны последнего выступает прямо или посредственно капиталистическая индустрия (поставляющая, между прочим, для деревни орудия производства, без которых немыслим серьезный хозяйственный прогресс в деревне); во-вторых, город является средоточием банков и кредитных учреждений, в которые кооперация увязла и которые находятся в распоряжении крупнейших капиталистов; в-третьих, на страже интересов крупного капитала стоит и политическая власть, в городах наиболее тесно сросшаяся с крупным капиталом.

Все эти явления свидетельствуют об исключительно благоприятных условиях для усиления капиталистического города, как ведущего начала по отношению к деревенской кооперации.

Какие же тенденции наблюдаются в условиях господства капитала со стороны частично кооперируемой деревни? В-первых, деревня в условиях товарно-капиталистических отношений неизбежно идет в своем развитии по пути диференциации и усиления экономической

мощи буржуазных элементов сельского населения; этому экономическому усилению соответствует рост политического влияния буржуазии, подчиняющей себе местные ответвления государственного буржуазного аппарата, стоящего на страже интересов капитала; во-вторых, поскольку в экономической жизни деревни крестьянская буржуазия играет определяюще-господствующую роль, она соответственно все больше завоевывает главные позиции и в кооперации. В частности, следует отметить, что руководящие организаторские кадры кооперации, как правило, составляются из этих буржуазных элементов плюс близких им по интересам помещиков.

Таким образом, крупный капитал городов встречает в лице деревенской буржуазии звено, за которое он тянет всю цепь крестьянской кооперации.

Меняется ли роль кооперации в условиях, когда город становится гнездом социалистического производства и политическим центром организовавшегося в государство пролетариата?

Только чудаки могли бы отрицать, что социалистический переворот и диктатура пролетариата радикально меняют соотношение различных экономических факторов и, в частности, роль кооперации во взаимоотношениях города и деревни.

Город руководит деревней и в этот период, ибо «это — факт неизбежный... при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму — в частности». (Ленин). Но этот город — другой.

Во-первых, контрагентом кооперируемой деревни со стороны города выступает, прямо или посредственно, социалистическая государственная промышленность; во-вторых, банки и кредитные учреждения, без которых не может развиваться кооперация переходного периода, находятся в распоряжении пролетарского государства, строящего социализм; в-третьих, политическая власть принадлежит пролетариату, при чем пролетарское государство имеет в своих недрах огосударственными ряд важнейших экономических отраслей: промышленность, банки, транспорт, кредитные учреждения, регулирующие экономические об'единения и т. д., и т. п.; в силу национализации основных средств производства и роста государственно-планового начала диктатура пролетариата является более мощным фактором экономического строительства, чем буржуазное государство, в лучшем для него случае регулирующее частно-капиталистические отношения. Ведущая сила социалистического города встречает и со стороны деревни ряд новых тенденций, способствующих успешному воздействию этой силы на деревню.

Во-первых, социалистическая революция экономически усиливает бедноту и среднее крестьянство; во-вторых, политическая власть в деревне, воздействующая на экономические отношения, руководится пролетариатом, организующим в местных ответвлениях государственного аппарата бедноту и середняка против кулака; в-третьих, в деревне появляется ряд общественных организаций, помогающих бедноте и середняку и пользующихся в этом деле поддержкой пролетар-

ского государства, в то время как крестьянская буржуазия поставлена в выгодные условия в отношении организации своих сил.

В итоге этих новых соотношений в деревне, на-ряду с процессом диференциации и выделения экономического усиления буржуазии, — в условиях диктатуры пролетариата,—имеют место процессы организации и усиления бедняцких и середняцких элементов деревни, как правило, господствующих в ее общественных организациях и играющих соответственно определяющую роль и в кооперации.

Крайне важным является, далее, то обстоятельство, что руководящие организаторские кадры членов кооперации выдвигаются здесь не из буржуазии и помещиков, а из полупролетарских, бедняцких и середняцких слоев, а также и из политической организации пролетариата — коммунистической партии.

Таким образом, социалистический город, стремящийся подчинить своему влиянию кооперируемую мелкую буржуазию деревни, встречает со стороны последней на-ряду с враждебными ему силами и тенденциями и ряд благоприятствующих укреплению его влияния факторов. Впервые вопрос о методах приобщения деревни к социализму в условиях диктатуры пролетариата поставлен т. Лениным. Именно им дана установка партии по этому вопросу. На втором конгрессе Коминтерна он выступил с общим положением о возможности приобщения деревенских колониальных стран к социализму при условии победы пролетариата в передовых экономических странах.

> «Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию...».

Здесь т. Ленин берет проблему взаимоотношения социалистического города и деревни во всемирно-историческом масштабе: можно сказать условно, что здесь Ильичем разрешался вопрос о взаимоотношении мирового социалистического города с пореволюционной мировой деревней. После укрепления диктатуры пролетариат в России перед нашей партией стал уже не теоретический вопрос о возможности союза пролетариата и крестьянства в борьбе за социалистический строй, а о методах приобщения крестьянства к социализму.

И, отвечая уже на этот вопрос, Ильич с ясностью и категоричностью, не оставляющими сомнения, указал на кооперацию как на

главный метод строительства социализма в деревне.

«В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? — В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров. И поэтому мы правы, находя в этом „кооперативном" социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир).

Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен.

Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса. Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше „небольшим" исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». (Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 144).

В полном согласии с этими положениями т. Ленина, Исполком Коминтерна, собравшийся весною 1925 года, установил относительно путей развития деревни следующее.

Характеризуя тактическую линию в аграрном вопросе в «органический» период капитализма (т.-е. до войны 1914 г.), Исполком Коминтерна заявляет в тезисах по аграрному вопросу:

«Основным углом зрения в эту эпоху было предвидение грядущих путей капиталистического развития. Революционные марксисты должны были прежде всего разбить теорию так называемого „некапиталистического развития" сельского хозяйства, которая состояла в учении о якобы совершенно особых путях развития сельского хозяйства, в противоположность развитию индустрии».

Определяя, далее, в этих же тезисах задачи партии в отношении крестьянства после захвата власти пролетариатом и ее упрочения, Исполком Коминтерна заявляет:

«При завоевании власти рабочим классом, при экспроприации капиталистов и помещиков, при национализации важнейших стратегических пунктов экономической жизни (банков, крупной индустрии, транспорта и т. д.), радикальным образом меняются условия экономической жизни вообще, деревенской жизни в частности, в том числе и условия развития крестьянского хозяйства. Эти новые условия делают возможной некапиталистическую эволюцию крестьянского хозяйства. Его развитие, хотя и в противоречивых формах, может теперь итти через кооперацию к социализму. Ибо кооперативные об'единения крестьянских хозяйств, об'единения, которые, поскольку они оказываются жизнеспособными, в условиях капитализма неизбежно сами превращаются в капиталистические предприятия, так как зависят от капиталистической индустрии, капиталистических банков, капиталистической хозяйственной среды вообще, в условиях пролетарской дикта-

туры развиваются в системе других отношений и зависят от пролетарской индустрии, пролетарских банков и т. д. Другими словами, если они при капитализме врастали в систему капиталистических хозяйственных организаций, они в новых условиях будут, при правильной политике со стороны пролетарского государства, врастать в системе социалистических хозяйственных отношений».

Что касается РКП, то она твердо руководствуется этими положениями в своей практике и уделяет кооперации исключительно большое внимание в связи с делом социалистического строительства в нашей стране; в частности в решениях последней XIV партконференции по партийно-организационному вопросу сказано:

«Элементы капитализма, которые в ближайшие годы будут неизбежно нарастать, будут преодолеваться средствами экономической борьбы и растущим кооперированием основной массы крестьянства».

Такова принципиальная установка нашей партии по вопросу о кооперации, как методе социалистического строительства.

Однако, понимая кооперацию как столбовой путь к социализму, целиком и полностью разделяя положение Ильича о том, что в наших условиях «простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма», — партия, вслед за Ильичем, понимает и подчеркивает те трудности, которые стоят на пути социалистического кооперирования крестьянства. Совершенно бесспорно, что движение крестьянства к социализму через кооперацию протекает и будет протекать в противоречивых формах, что «столбовой путь к социализму» будет сплошь и рядом пересекаться растущим капитализмом, что по этому пути мы будем итти в борьбе и с боями. Мы считаем необходимым отметить здесь минимальный ряд противоречий, в которых будет протекать кооперативное развитие. Во-первых, кооперация на первых порах не в состоянии охватить подавляющего большинства сельского населения; значительные массы крестьянства, в том числе и бедного крестьянства, будут еще в ближайшее время находиться в значительной мере под влиянием и экономической гегемонией частного капитала и сельской буржуазии, борющихся с кооперацией.

Во-вторых, внутри кооперации будет происходить борьба различных социальных слоев кооперированного крестьянства, в результате которой кое-где победа может быть одержана буржуазными элементами, а отдельные кооперативы могут подпасть под буржуазное влияние.

В-третьих, следует отметить, что, если, с одной стороны, кооперация содействует переходу массы крестьянства к общественным формам производства, то, с другой стороны, кооперация может быть, особенно на первых порах, использована сплошь и рядом для индивидуально-хозяйственного накопления.

В-четвертых, являясь в основном «столбовым путем к социализму» и с точки зрения своей об'ективно-социальной функции являясь более высокой и передовой хозяйственной организацией, чем капиталистиче-

ская кооперация, наша кооперация по своей технике, «капиталоинтенсивности» и масштабам на первых порах будет ниже, «беднее», чем таковая в буржуазных странах.

Наконец, несмотря на то, что по своему существу наша кооперация, будучи взята в своем развитии, является элементом роста социализма, она, прибегая к методам товарного хозяйства, носит внешнее капиталистическое облачение.

Эти противоречия — и более серьезного и менее существенного порядка — свойственны развитию современной советской кооперации и будут ей присущи еще значительное время.

Переходная от капитализма к коммунизму эпоха есть в основном эпоха борьбы капиталистических и социалистических хозяйственных форм в условиях диктатуры пролетариата. В конечном исходе борьбы капитализма переходного периода во всемирно-историческом масштабе мы не имеем никаких оснований сомневаться. Но на отдельных участках этой исторической борьбы теоретически возможно частичное и временное поражение социализма со стороны капитализма. С точки зрения судеб кооперации Советского Союза прямо-таки решающее значение приобретает вопрос о том, укрепляется ли и достаточно ли быстро растет экономически-социалистический город и экономическая мощь основных факторов социалистического хозяйства, или здесь капиталистические факторы одерживают верх.

Опыт экономической борьбы организованного в госуд. власть пролетариата до настоящего времени дает основания заключить, что социалистический город сильно укрепился в последние годы за счет частного капитала; что кривая развития социалистических элементов нашего хозяйства есть кривая его быстрого под'ема, при чем этот рост социализма значительно обгоняет рост враждебных социализму экономических сил.

Укрепление социализма в городе, т.-е., прежде всего, укрепление социалистической промышленности, дает нам право утверждать, что возможности экономического воздействия города на деревню с дальнейшим нашим развитием увеличиваются; что, рисуя перспективы экономического движения нашей страны мы должны учитывать все возрастающую экономически воздействующую роль города в отношении деревни.

Рост социалистической промышленности и увеличение удельного веса социалистического города в общехозяйственной системе Советского Союза повлечет за собой в отношении кооперации ряд весьма важных последствий. Во-первых, кооперация будет сильнее и крепче, чем прежде, связываться с социалистической промышленностью, банками, кредитными учреждениями, получая с их стороны возрастающую экономическую помощь и одновременно экономически подчиняясь их регулирующему влиянию. Во-вторых, рост социалистической промышленности повлечет за собой вытеснение частного капитала за сферы не только промышленности и оптовой торговли, но и из розничной торговли, ибо кооперация будет полнокровной, благодаря непрерывно растущему притоку в нее продукции социалистического производства.

В-третьих, вытекающее отсюда усиление кооперации, а также и непосредственная помощь со стороны экономически усиливающегося пролетарского государства дадут возможность партийным и передовым советским работникам, влияющим на кооперацию, реально помогать бедняцким и маломощным слоям деревни.

В-четвертых, рост кооперации и усиление ее влияния, а также укрепление ее связи с пролетарским социалистическим городом, несомненно вызовут усиление производственных моментов в кооперативном движении, что в свою очередь будет исключать возможность использования кооперации для индивидуально-хозяйственного накопления и подготовлять полное обобществление крестьянского хозяйства.

В-пятых, вместе с ростом кооперации будет ликвидироваться и противоречие между ее высокой функцией, как «столбового пути к социализму», и ее «бедностью».

В-шестых, рост кооперации будет сопровождаться ростом культурности и уяснением сущности кооперации со стороны охватываемой ею массы крестьянства.

Нет никакого сомнения в том, что эти процессы захватят целую эпоху; на пути к победе в этой области несомненны прорывы и поражения особенно на первых ступенях, но что вместе с успехами социалистической промышленности и укреплением других экономических командных высот социалистического города кооперация действительно станет мощным орудием социалистической переделки крестьянских хозяйств — в этом мы можем быть уверены.

Те, кто сомневаются в этом и склонны скептически относиться к положениям Ильича, высказанным им в статье «О кооперации», по существу дела вынуждены — хотят этого они или не хотят — прийти к выводу о невозможности строительства социализма в крестьянской стране.

«Безверие в социалистические пути нашего развития» проявляется в наше время не только в ликвидаторской оценке социального существа нашей госпромышленности, но и в неправильной, не ленинской оценке роли, характера и путей развития нашей кооперации, в отрицании об'ективно-социалистической — в конечном счете — роли нашего кооперативного развития.

А. С.

Ц. О. «Правда» № 281,
от 9/XII 1925 г.

О ЛИКВИДАТОРСКОМ «ОПТИМИЗМЕ».

До сих пор лежал под спудом целый ряд литературных выступлений, относящихся по преимуществу к весне и лету 1925 года. Именно это обстоятельство мешает широкой массе членов партии разобраться в действительной цене тех обвинений в ликвидаторском пессимизме, которые направляются по адресу ленинградской организации. Отдельные оговорочки в том духе, что сама ленинградская организация —

«здорова», заражены же вредным унынием лишь ее руководители, не имеют серьезного значения, так как от них несет старыми, знакомыми мотивами из периода наших боев с троцкизмом. Ведь и Троцкий противопоставлял партию аппарату. С другой стороны, подлинно-серьезное и деловое отношение к крупной пролетарской организации предполагает, что с нею считаются как с определенным коллективом, но не пытаются третировать ее по-ломовски, как какую-то бесформенную и безыдейную массу.

Собственно говоря, весенние литературные выступления по вопросам нашей крестьянской политики и сделали весну в вопросе о кулаке.

Как раз во всех этих выступлениях, несомненно противоречащих решениям XIV партконференции, красной нитью проходила мысль о том, что государственная социалистическая промышленность не является главным и решающим рычагом в деле нашего продвижения к социализму.

В политике частенько бывает, что нашим же добром нам бьют челом. Разберемся же по существу в отдельных выступлениях весны 1925 года.

Известно, что тогда была пущена в оборот идея о коренной перемене стратегического плана Ильичем в период с 1921 по 1923 г. В соответствии с этим пошла литературная обработка в смысле «переоценки ценностей», в смысле переоценки взаимоотношений между нашей социалистической и пролетарской промышленной базой и кооперативной организацией широких крестьянских масс.

В наиболее наивной форме это выразил М. Кантор, принявшись за воскресение из мертвых всей старой ревизионистской рухляди.

Чтобы не быть голословными, подобно нынешним нашим обвинителям, приведем собственные слова М. Кантора:

> «Ревизионисты заставили соц.-дем. более серьезно задуматься над отношениями с крестьянством; они предостерегали от слишком упрощенного подхода к хозяйственным процессам деревни (это упрощенство несомненно было); они выявили роль крестьянской кооперации и впервые сделали теоретическую попытку увязать кооперативную проблему с общегосударственной, как ее часть».

Послушаем Давида:

> «Товарищества крестьянских производителей еще не представляют собой социалистической формации. Они далеки от этого. Но еще в меньшей степени „сельско-хозяйственные производительные товарищества этого рода являются переходной стадией к капитализму", как то утверждает Каутский. Таким утверждением с самого начала загромождают путь к правильному познанию того, что здесь происходит. Это есть преобразование отсталого изолированного, мелкого производства в рациональное, организованное мелкое производство. Мы должны видеть в этом движении могучие зачатки процесса социализации в сельском хозяйстве.
>
> Развитие товарищества крестьянских производителей есть первое условие непосредственного экономического союза между мелким крестьянином и промышленным рабочим. Вторым условием является товарищеская организация последнего как потребителя. И эта организация находится в процессе могучего, многообещающего развития.

Здесь находится широкий мост, через который в будущем потянутся массы трудящегося народа города и деревни, подавая друг другу руки для прочного освободительного союза».

Как вам нравится эта тирада? «Если бы из нее изъять полемическую часть и отвлечься от того, что она имеет в виду капитализм, а не диктатуру пролетариата, то ее можно было бы поместить в любом нашем журнале как образец правильного толкования смычки»[1].

Книжку господина Давида т. Ленин в то время характеризовал как «свод буржуазных предрассудков и буржуазной лжи, под прикрытием „тоже социалистических" словечек» *. Кантор же представил положение таким образом, что для правильного понимания крестьянского вопроса ревизионистам нехватало лишь признания советской власти. Он не потрудился даже поразмыслить над тем, что главный порок ревизионизма заключался в непонимании решающей роли крупной промышленности — как в деле организации борьбы рабочего класса за власть, так и в деле социалистического переустройства общества в целом.

Ревизионизм сознательно стремился преуменьшить значение крупной промышленности, как основы социалистического переворота, ибо он исходил из желания растворить рабочий класс в бесформенной мелкобуржуазной массе.

Русская эсэровщина, бывшая самобытным ответвлением ревизионизма, также старалась свести на-нет значение пролетарской классовой борьбы путем изыскания особых, внеклассовых и надклассовых, путей развития русской деревни.

Еще в 1913 году т. Ленин писал про сухановскую теорию некапиталистического развития деревни:

«Теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе, защищаемая господином Гиммером, есть в сущности теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов — в рабочем движении всего мира, т. е. новейшей разновидности тех же буржуазных демократов. Не будет преувеличением сказать, что эта теория есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества»[2].

Называя теорию некапиталистического развития деревни самообманом всего буржуазного общества, т. Ленин тем самым подчеркивал,

---

[1] «Большевик» № 7.

* Давид, Эдуард — видный деятель правого крыла германской социал-демократии, ревизионист. В книжке «Социализм и сельское хозяйство», о которой идет речь, доказывал неприменимость общей теории марксизма к условиям сельского хозяйства. Прим. сост.

[2] Т. IX, стр. 186.

что в основе этой ревизионистской теории лежит мечта мелкого буржуа стать самостоятельным хозяином, «выбиться в люди», обойтись без классовой борьбы. Ревизионисты, подражая буржуазным профессорам, противопоставляли деревню, как арену полного мира между классами, городу, как арене мятежной классовой борьбы.

Кантор не понял революционной и организующей роли крупной социалистической промышленности, поскольку он изображает кооперативное развитие в деревне как самостоятельное и равноправное русло социалистического развития.

В другой его статье это выражено еще откровеннее:

> «Крестьянин сам, своими руками должен строить социализм в деревне... Пролетарское государство, весь рабочий класс должны ему всячески помочь в этом деле, но не пытаться заменить собою крестьянина. Стомиллионную массу крестьянства никак не заменишь»[1].

Приведенная рулада лучше всего показывает, как этот кооперативный «оптимизм» скатывается к мелкобуржуазной, эс-эровской теории равноправия города и деревни, пролетариата и крестьянства в области социалистического строительства общества.

Тов. Ленин учил нас: «Один класс ведет, при капитализме, классовую борьбу с капиталом. Так же при ее продолжении в форме диктатуры пролетариата. Мелкая буржуазия—„постольку-поскольку“» (сравни Коммунистический манифест)[2].

Именно на забвении этой истины основываются все попытки новейшей ревизии ленинизма под прикрытием криков о ликвидаторском безверии противников этой ревизии.

Разве неловкий Кантор был одинок?

Полюбуйтесь для примера А. Стецким *: утверждая, что «нам целесообразно... допустить капиталистический способ ведения хозяйства в деревне», он в то же время заявлял, что «именно кооперация создаст в условиях диктатуры пролетариата для этой [3] основной массы крестьянских хозяйств возможность некапиталистической эволюции, создаст возможность перехода к социализму — минуя капитализм — наиболее легким, безболезненным, доступным для крестьян путем»[4].

---

[1] «Молодой Большевик» № 4 (апрель).
[2] Ленинский сборник. III. Стр. 496.
[3] Середняцкой.
[4] «Новый этап новой экономической политики». «Комс. Правда» № 7.

* Статьи А. Стецкого, Кантора и Ю. Спасского, которые цитирует Г. С., в настоящем сборнике не помещены; рекомендуем обратить внимание на выводы и положения, выдвигаемые в этой статье Г. С.

Прим. сост.

У Стецкого, таким образом, получалось, что развитие капитализма и некапиталистическая эволюция в деревне пойдут... по двум совершенно обособленным половинкам. Очевидно, каждая прослойка крестьянства будет окружена стеклянным колпаком, так что кулак, распространяя свое капиталистическое влияние, не будет при этом ни эксплуатировать бедняка, ни закабалять середняка.

Теория срастания противоположных классовых групп и прослоек в деревне получила свое увенчание в учении о беспересадочном врастании кулака в социализм. Сломав границы между рабочим классом и крестьянством, наши «оптимистические» реформаторы занялись дальнейшим смешением классов, уже в самой деревне. Таким-то путем и родилась на свет знаменитая формула Ю. Спасского:

> «В Соединенных Штатах или в Канаде фермер льет воду на мельницу финансового капитала, а у нас он, даже в своем законченном кулацком виде, будет одним из винтиков машины социалистического накопления» [1].

Мы не обязаны перечислять всех Слепковых. Товарищ-читатель и без того уже достаточно угнетен цитированной нами мещанской пошлостью.

Остается еще указать на первоисточник самоновейших теорий «дополнения и восполнения» ленинизма. Это — старый утопист Фурье, проповедывавший смешение классов. Он доказывал, что

> «секрет единства интересов — в ассоциации. Все классы общества, ассоциированные и об'единенные общностью интересов, забудут взаимную ненависть...» [2].

Еще и еще раз старик Гегель был прав: исторические события повторяются дважды, — однажды как трагедия, другой раз как фарс.

Гвоздь всей недооценки отрицательных сторон нэпа заключается в «социалистическом» прикрашивании мелкобуржуазных условий, в пренебрежении к существующим классовым различиям и противоречиям. Если отрицание классовой борьбы рядится в блестящие одежды социалистического оптимизма, то это не меняет дела по существу. Отрицание социалистической роли и социалистического существа нашей промышленно-пролетарской базы и происходит в форме подкрашивания мелкобуржуазной отсталости и ее пороков, в форме попыток смазать различие ролей между пролетарием и мелким товаропроизводителем в переходный период от капитализма к коммунизму.

В конечном счете, все эти попытки уходят своими корнями в крестьянскую экономику, все еще остающуюся до известной степени почвой для возрождения капитализма и буржуазно-реформистских предрассудков.

---

[1] «Печать и революция», книга пятая-шестая.
[2] Ш. Фурье. Избранные сочинения. 1918. Москва. Стр. 143.

Перед нами на-лицо прямые попытки смазать, затушевать, выхолостить классовую природу крестьянской экономики.

Отто Бауэр на последнем с'езде австрийской социал-демократии проделывал то же самое. В своем заключительном слове он сказал:

«Крестьянское хозяйство само по себе не является ни капиталистической, ни социалистической формой предприятия. Однако, с возникновением капитализма в области промышленности, торговли и банкового дела, крестьянское хозяйство вынуждено было постепенно приспособляться к возникшему, таким образом, капиталистическому рынку... Аналогичным путем пойдет дело и со строительством социализма. Он, прежде всего, социализирует крупную промышленность, крупное землевладение, оптовую торговлю и банковское дело; таким образом будет создана та окружающая социалистическая среда, к которой должно будет приспособляться хозяйство крестьянина путем такого же органического процесса, какой происходил в капиталистическом окружении. Таким путем, без насилия, без помощи декретов, но посредством органического процесса приспособления к социалистическому окружению крестьянство будет включено в социалистическое общество» [1].

У Буэра нет и намека на то, что до тех пор, пока еще не произошло отмирание классов, это приспособление будет одновременно и процессом развития классовых противоречий.

Однако, что вы хотите от меньшевика, когда наши большевистские взгляды на развитие крестьянского хозяйства рисуются иными литераторами в еще более отталкивающе-пошлом виде.

«Охваченный кольцом социалистических командных высот, аграрный капитализм будет рычагом роста социалистических элементов советского хозяйства»?! [2].

Попытки изображать общество, так или иначе разделенное на классы, как товарищество на паях, — такова основа всех теорий реформизма.

Мы исходим из решающей социалистической роли нашей обобществленной промышленности, потому что мы считаем непререкаемым руководство рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму. Громкой фразы мы не боимся, потому что взяли себе за правило руководиться тем примером, который завещал нам Ильич. Ленинградских же рабочих Владимир Ильич особенно ценил за то, что они «наименее податливы на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние» [3]. — Если с ростом наших материальных успехов на пути к социализму шагнуло вперед и классовое расслоение на мелкобуржуазной почве в нашей стране, мы не поддадимся отчаянию и не впадем в мелкобуржузный маразм, прикрывающийся «оптимистическими» словечками. Социализм мы не отделяем от рабочего класса. *Г. С.*

«Ленинградская Правда» № 287,
от 15/XII 1925 г.

[1] Венская «Рабочая Газета». 17 ноября 1925 г.
[2] Ю. Спасский. «Печать и революция». Книга пятая-шестая.
[3] См. «Ленин о ленинградских рабочих», стр. 179.

ОТВЕТ ТОВ. САФАРОВУ.

Напечатанная выше статья т. Сафарова вызывает, прежде всего, недоумение.

Тов. Сафаров буквально каждый день печатает по одной, а то и по две статьи в «Ленинградской Правде». В этих статьях он защищает в корне неправильное толкование ленинской позиции по вопросу о госкапитализме, вынуждая ЦО партии ему отвечать.

В центре дискуссии до сих пор стоял именно вопрос о госкапитализме. И вот, присылая в первый раз свою статью по дискуссионным вопросам для читателей ЦО партии, т. Сафаров по вопросу о государственном капитализме, который до сих пор, повторяем, стоял в центре дискуссии, молчит.

Что это? Отказ от своих прежних позиций по вопросу о госкапитализме, отступление (так сказать, «от госкапитализма к социализму»), которое партия могла бы только искренно приветствовать?

Так ли следует понимать т. Сафарова, когда он усиленно делает ударение на «социалистическом существе» нашей государственной промышленности, вплоть до того, что начинает обвинять своих противников (это как будто бы «с больной головы на здоровую»?) не более, не менее, как в «отрицании социалистической роли и социалистического существа нашей промышленной базы"?

Или, может быть, это просто-напросто неуважение к читателям ЦО партии, нежелание перед ними во весь рост выявить свои позиции, хотя бы так, как это делалось автором в «Ленинградской Правде»? А может быть, это тактический маневр, рассчитанный на уловление простачков, которые скажут: не может подкапываться под социалистическое существо госпредприятий тот, кто обвиняет в этом своих противников. Может быть, это тактическая маскировка?

К сожалению, верно именно последнее предположение, как это мы увидим из разбора статьи. Прежде чем перейти непосредственно к этому разбору, отметим только напрасную попытку т. Сафарова козырнуть аналогией с троцкизмом. Область параллелей с троцкизмом— крайне невыгодная область для т. Сафарова. Достаточно, вспомнить, что т. Сафаров, как прежде т. Троцкий, выступает против ленинского ЦК нашей партии.

Не давая читателям «Правды» точно сформулированной своей точки зрения на госкапитализм, т. Сафаров переводит полемику в иную, правда, не менее (а с известной точки зрения еще более) важную, принципиальную плоскость.

После прочтения статьи т. Сафарова встает коренной вопрос нашего отношения к крестьянству, — именно вопрос о путях, которыми мы должны вести крестьянство к социализму. Конкретнее: возможна ли при диктатуре пролетариата, держащей в своих руках крупные средства производства, некапиталистическая эволюция мелкого земледелия? Или такая эволюция невозможна, пути ее закрыты, и строить социа-

лизм в деревне мы сможем только после того, вслед за тем, как крестьянство переварится в котле капитализма, который мы направляем в русло государственного капитализма?

От прямого ответа на вопрос о возможности или невозможности некапиталистической эволюции в нашей деревне т. Сафаров уклоняется. Это не по-большевистски. Но мало того: т. Сафаров обнаруживает явно скептическое отношение к самой постановке вопроса о возможности такой эволюции. Ряд мест статьи указывает, что т. Сафаров отрицательно решает этот вопрос.

Разберем одно за другим выдвигаемые т. Сафаровым положения.

Пункт 1.

> «Называя теорию некапиталистического развития деревни самообманом всего буржуазного общества, т. Ленин, — пишет т. Сафаров, — тем самым подчеркивал, что в основе этой ревизионистской теории лежит мечта мелкого буржуа»... и т. д.

Разве это называется правильным толкованием Ленина, а не извращением его цитаты, притом на глазах у всех?! Ленин говорит о «теории некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе, а т. Сафаров фокусничает при всем честном народе, проглатывая слова Ленина «в капиталистическом обществе», перевертывая цитату против тех, кто говорит о возможности некапиталистической эволюции крестьянских хозяйств у нас, при диктатуре пролетариата.

Этим самым смазано все различие исторических условий, и Ленин из глубокого диалектика превращен в чистейшего догматика и шаблонера меньшевистского пошиба. Так нельзя обращаться с Лениным, намереваясь установить его действительные взгляды.

Пункт 2. Тов. Сафаров ставит в вину т. Стецкому, что он допускает у нас, на-ряду с капиталистическим методом ведения хозяйства в деревне, также и

> «возможность некапиталистической эволюции», «возможность перехода к социализму, минуя капитализм, наиболее легким, безболезненным, доступным для крестьянина путем».

Мы решительно не понимаем, что в этих словах т. Стецкого смутило т. Сафарова. Отрицает ли последний наличие в нашей деревне двух типов и двух путей развития крестьянского хозяйства: капиталистического и социалистического? Тогда почему он увертывается от лобовой политики и «под'езжает» откуда-то сбоку: у т. Стецкого-де обе эволюции отделены одна от другой «стеклянным колпаком» и т. д. В приведенных т. Сафаровым словах т. Стецкого даже намека на нечто подобное нет. Конечно, капиталистическая и социалистическая тенденции в крестьянстве находятся в жестокой борьбе между собой; конечно, мы имеем сплошь и рядом сложнейший переплет этих различных враждующих тенденций, как это бывает и во всякой живой жизни, которая есть нечто отличное от голой тео-

ретической абстракции. Разве это в какой бы то ни было мере отрицается или затушевывается словами Стецкого? Ничуть.

Может быть, т. Сафарову не понравилось выражение — «минуя капитализм», и на этом основании он обвинил т. Стецкого в механическом разделении некапиталистической эволюции от капиталистической. Но ведь это выражение принадлежит Ленину, говорившему не об отдельных слоях крестьянства, а о целых крестьянских странах, которые при благоприятных условиях могут прийти к социализму, «минуя капиталистическую стадию развития». Неужели, говоря так, Ленин отделял эти страны «стеклянным колпаком» (?) от всех прочих стран, или игнорировал отдельные капиталистические элементы, которые могут быть и есть в этих странах?

Если т. Сафарову не нравится выражение, принадлежащее Ленину, то надо открыто спорить против Ленина, не прикрываясь криками о чьем-то «эсэрстве», а обвинение Ленина в эсэрстве слишком не ново. Оно испокон веков составляло оружие меньшевизма. Уже по одному этому т. Сафарову следовало бы осмотрительнее относиться к некоторым, на первый взгляд «левым» аргументам.

Пункт 3. Тов. Сафаров выпускает на арену Бауэра и Давида, призванных у него сыграть, примерно, ту же роль, какую в 1923 году у Троцкого играли Гэд, Вальян и др. «ученики Маркса». О действительной ценности делаемых т. Сафаровым сравнений и о том, против кого они направлены, мы еще скажем ниже. Но сначала остановимся на отдельных характерных для т. Сафарова «мелочах».

Тов. Сафаров обрушивается на «попытки смазать, затушевать, выхолостить классовую природу крестьянской экономики». Отто Бауэр,— говорит он, — проделывал то же самое, — из всей бауэровской цитаты подчеркивает то, что ему, видимо, кажется наиболее вопиющим, а именно слова Бауэра:

> «Крестьянское хозяйство, само по себе, не является ни капиталистической, ни социалистической формой предприятия».

Спрашивается — верны эти слова или нет? Разумеется, Бауэр — оппортунист, а оппортунист может отрицать капиталистический характер даже кулацкого хозяйства. Может ли кто-либо из нас отвечать за Бауэра? Конечно, нет. Но не менее ясно, что огромное большинство наших крестьянских хозяйств действительно «не является ни социалистической, ни капиталистической формой предприятий». Эту фразу Бауэра, самое по себе, причислять к оппортунизму есть не более оснований, как, скажем, формулу исторического материализма о том, что развитие производительных сил лежит в основе развития общества. Она не перестает быть верной только оттого, что ее где-нибудь произнесет какой-нибудь меньшевик.

Спрашивается — разве Ленин в своих знаменитых пяти укладах нашей экономики относил большинство крестьянских хозяйств к социализму или капитализму? Всякому ясно, что нет. Тов. Сафаров боится (и совершенно напрасно), что, признав у нас возможной некапиталисти-

ческую эволюцию деревни, мы уже тем самым отнесем крестьянство к социализму. От этой ни на чем не основанной боязни он шарахается в другую сторону и торопится с зачислением нашего крестьянства в кулаки (в капитализм), смотрит только на одну кулацкую опасность и, раскрыв на нее широко свои глаза, просматривает действительное средство предупреждать самое появление этой опасности — социалистическое кооперирование широкой массы середняцких и бедняцких хозяйств, сворачивание их посредством кооперации на рельсы некапиталистической эволюции.

Пункт 4. Наконец, мы вплотную подходим к «гвоздю» всей сафаровской статьи. Приводимые им цитаты из оппортунистов, по его замыслу, должны прихлопнуть фантазеров о некапиталистическом пути развития деревни так, что от них останется не больше, как мокрое место.

Посмотрим, как на этом «гвозде» сидит т. Сафаров.

Смешно принимать за чистую монету, за высокопробный коммунизм то, что говорят оппортунисты. Когда, скажем, Бауэр говорит о «социалистическом окружении» крестьянства, то разве под этим «окружением» он разумеет настоящую диктатуру пролетариата с подавлением и экспроприацией экспроприаторов? Конечно, нет. По одному этому уже его слова о вовлечении крестьянства в социализм имеют лишь внешний вид сходства с тем, что говорим мы. Точно так же обстоит дело и с рассуждениями Давида, которые получают известное внешнее сходство с нашими рассуждениями лишь после того, как мы внесем в них «небольшую поправочку» на диктатуру пролетариата.

Но когда т. Сафаров, на основании этого сходства, пытается умозаключить об оппортунизме тех, кто считает кооперацию действительно социалистической в наших условиях, то да позволено будет нам напомнить ему произведение, не пользующееся, к сожалению, достаточным почетом у т. Сафарова и его друзей. Вот что сказано в этом произведении:

> «В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто в своей фантастичности. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого (какой ужас, т. Сафаров!—**В. А.**) в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неприкрашенной действительностью.
>
> «В чем состоит фантастичность старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? [1].—В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании рабочим классом политической власти, о свержении господства класса эксплуататоров, и поэтому мы правы, находя в этом „кооперативном

[1] Без большой натяжки, вместо Оуэна, мы могли бы представить, как с этим, конечно, согласится и т. Сафаров, например Фурье.

социализме" сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну — в классовый мир (так называемый гражданский мир).

«Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен».

«Но посмотрите (посмотрите, т. Сафаров!—**В. А.**), как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

«Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше „небольшим" исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Давайте же внимательно вдумаемся в постановку вопроса о «старых кооператорах» Лениным (ибо мы только что цитировали его статью «О кооперации») и Сафаровым. Ленин говорит, что «мечтания» (и даже «пошлости») «старых кооператоров» в новых условиях при диктатуре пролетариата, становятся осуществимыми и намечают нам действительные пути к социализму. Сафаров же обвиняет в «мещанской пошлости» тех, кто в условиях диктатуры пролетариата повторяет «пошлости» старых кооператоров . . .

Не начинает ли читатель понимать, в чем состоит настоящий «гвоздь», на который крепко уселся т. Сафаров? Не ясно ли, что именно против Ленина, а не против кого-нибудь другого, направлены ссылки т. Сафарова на «старого утописта Фурье», который является будто бы «первоисточником самоновейших теорий».

Упоминание именно Фурье, а не кого-либо другого, получает в таком контексте свой «символический» смысл. Каждому политическому младенцу известно, что в истории утопического социализма имена Роберта Оуэна и Шарля Фурье стоят рядом одно за другим. И вот в то время, как Ленин говорит о воплощении в жизнь при диктатуре пролетариата мечтаний Оуэна, т. Сафаров противопоставляет Оуэну «старого утописта Фурье» как «первоисточник самоновейших теорий».

Такая ничтожная мелочь, как ссылка на Фурье, выдает т. Сафарова с головой. Он не продумал ленинской статьи «О кооперации», он не пересмотрел своего отношения к «старым кооператорам». А поэтому и его критику отношения партии к кооперации мы не можем считать ни ленинской, ни вообще основательной в какой бы то ни было мере.

Пункт 5. Тов. Сафаров пытается заполучить монополию на понимание «решающей роли крупной промышленности». Но ни с какой стороны эта монополия не дается в руки т. Сафарову. Если бы он в самом деле понимал решающую роль крупной промышленности, находящейся в руках пролетариата, то он не сомневался бы в возможности для диктатуры пролетариата повести широкую массу крестьянства не только через капита-

лизм, но и непосредственно к социализму. «Решающая» роль крупной социалистической промышленности в том и состоит, что она «не сама себе довлеет», заводя у себя на кооперативно-цеховой лад социалистические порядки, а ведет, дает возможность диктатуре пролетариата вести к социализму мелкое производство.

А если такая возможность — вести к социализму мелкое производство — отрицается за крупной промышленностью, то в чем же ее «решающая» роль? Не ясно ли, что в этом случае преуменьшается настоящая ее роль под прикрытием искусственных выкриков «об основной базе социализма».

А разве паника перед деревенским кулаком может исходить из действительного понимания решающей роли «крупной социалистической промышленности»?

Пункт 6. Классовую борьбу с капитализмом пролетариат ведет один,—говорит Ленин. — Мелкая буржуазия — «постольку-поскольку». Тов. Сафарову кажется, что эти положения в корне противоречат построению социализма в деревне «руками крестьянства». Он видит в этом эс-эровскую теорию «равноправия» города и деревни, пролетариата и крестьянства в области строительства социализма.

Но в том-то и суть, что кооперативное развитие деревни отнюдь не есть «самостоятельное и равноправное русло социалистического развития». Ни о какой теории равноправия и речи не может быть. Кооперирование крестьянства, с точки зрения пролетариата, является одной из форм и притом существеннейшей формой классовой борьбы пролетариата за преодоление мелкособственнических сторон и тенденций крестьянства.

Принципиально это есть классовая борьба, а не «равноправное строительство социализма». Но это есть особая форма классовой борьбы. Это не то, что борьба с буржуазией. Это есть

> «систематическое руководящее воздействие», «тоже— борьба, но особого рода, преодоление известного, правда совсем иного, сопротивления и совсем иного рода преодоление». (Ленин, в тех же заметках о диктатуре, которые цитирует т. Сафаров, — Лен. сб. III).

Пролетариат вовлекает крестьянство в строительство социализма, подталкивает крестьянство к социализму, втягивает в социализм, активно руководит крестьянством. («Увлечь и направлять». — Ленин, там же).

Это нечто в корне иное, чем «теория равноправности». Т. Сафаров угодил, по любимому выражению т. Евдокимова, «мимо Сидора да в стену».

Пункт 7. Тов. Сафаров критикует положение о том, что «аграрный капитализм будет рычагом роста социалистических элементов советского хозяйства», или, что кулак «будет одним из винтиков социалистического накопления». Нет спору. Такого рода безоговорочные формулировки неверны.

Но если т. Сафаров вообще отрицает какую бы то ни было возможность использования капитализма в интересах социалистического накопления, то он должен быть последовательным и критиковать Ленина, который сказал, что у нас капитализм есть «пособник социализма».

> «Это может показаться парадоксом: частно-хозяйственный капитализм в роли пособника социализму. Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт». (Брошюра о «Продналоге». Собр. соч., том XVIII, ч. I, стр. 225).

Будет ли т. Сафаров катиться во взятом им направлении дальше по пути к «рабочей оппозиции», которая считала нэп не только отступлением, но и изменой социализму, — или он во-время остановится?

Партия должна все силы приложить, чтобы т. Сафаров и его единомышленники остановились и «отступили» . . . от государственного капитализма — к социализму».

Что же мы имеем в итоге?

Возможность некапиталистической эволюции крестьянского хозяйства при диктатуре пролетариата взята под сомнение. (В связи с этим, по сути дела, под обстрел попала ленинская статья «О кооперации»). Путь нашего крестьянства к социализму мыслится лишь как путь через развитие капиталистических отношений в деревне. В нэпе усматривается только развитие классовых противоречий, и этот путь развития классовых противоречий об'является единственным путем к социализму (отсюда в других статьях т. Сафарова — «всеоб'емлющая» трактовка госкапитализма). В нэпе совершенно игнорируется другая его сторона — строительство социалистической кооперации в деревне, непосредственная смычка двух основных классов нашего общества. Отсюда неизбежна следующая цепочка выводов:

1) Нэп есть отступление и только. 2) Для строительства социализма в деревне нэп придется сменить какой-то другой политикой. 3) Этого не удастся сделать до победы международной революции. 4) «Подлинный под'ем социалистического строительства» в России поэтому возможен только после победы международной революции.

Читатель заметил, конечно, что последнее звено выводов мы формулировали словами т. Троцкого. «Крайности» сошлись! . .

«Социализм мы не отделяем от рабочего класса», — говорит т. Сафаров. Прекрасные слова! Они должны быть дополнены тем, что пролетариат есть освободитель всех трудящихся от всякой эксплуатации; он понимает социализм не как увековечение своей классовой обособленности, а как полное уничтожение классов, и он ведет за собой по пути к социализму, в первую голову, мелкое крестьянство.

В. Астров.

Ц. О. «Правда» № 288,
от 17/XII 1925 г.

II. О победе социализма в одной стране.

Вопрос о победе социализма в одной стране является одним из тех основных вопросов в минувшей дискуссии, от разрешения которого зависела и правильная постановка целого ряда связанных с этим вопросом проблем. Так, совершенно бесспорно, что отрицание возможности победы социализма в одной стране вело к своеобразному неверию в дело социалистического строительства у нас в настоящих условиях, а это в свою очередь обусловливало целую цепочку взглядов, начиная от уверенности в том, что «мы погибнем из-за нашей технической отсталости» (Зиновьев и Каменев), что нам надо отказаться от монополии внешней торговли (Сокольников), что мы на известный период должны превратиться в страну, вывозящую сырье (Шанин), и кончая убеждением в том, что наш строй не социалистический, а госкапиталистический, что наши предприятия не суть предприятия последовательно-социалистического типа, что социализма у нас очень мало, что нэп — это отступление в основном и т. д. Ясно, что отрицание основного характера нашего развития, а именно роста социализма, питало и неверие в пути социалистического строительства, приводило к неправильному представлению о нашей экономике, о нэпе — одним словом, основной вопрос питал своими истоками корни многих ответвлений как чисто теоретического, так и практического характера.

Исходя из указанного, составители и поместили настоящий отдел перед вопросами о нэпе, о госкапитализме, о характере нашей госпромышленности, поместив его вслед за крестьянским. Составители учли также наличие в первом отделе весьма важного материала для более полного понимания настоящего вопроса, а именно постановку вопроса о продвижении деревни к социализму через кооперирование сельского населения, о кооперации как пути к социализму. Развитие этого вопроса с рядом обобщений и выводов читатель найдет во второй части ст. И. Сталина, помещенной в настоящем отделе.

В настоящем отделе помещены отрывки из постановления XIV партконференции о задачах Коминтерна и статья И. Сталина.

В первом отрывке читатель найдет ясную, точную и правильную формулировку вопроса о возможности победы социализма в одной стране. Подробное развитие этих положений читатель найдет в ст. И. Сталина. Считая эту статью исчерпывающей, составители не сочли нужным помещать еще какие-либо статьи по данному вопросу. Со стороны оппозиции специальных статей по этому поводу не писалось, за

исключением статьи Соловьева, помещенной в «Ленинградской Правде» от 18 декабря 1925 г. № 290. Выступления представителей оппозиции по этому поводу разбросаны в ряде статей и речей, связанных с другими вопросами дискуссии. Но все они сводились к нескольким основным возражениям или «обвинениям». Первое — сторонники большинства подменили слово «строить социализм» — словом «построить.» Что это обвинение — явная демагогия, следует из соответственных выдержек из В. И. Ленина, а равно и из резолюции XIV партконференции («Тезисы о задачах Коминтерна»). Второе — уверенность в возможности построить социализм в одной стране отдает национальным душком и приводит к утрате чувства интернациональной солидарности. Это обвинение вполне опровергает резолюция с'езда, настаивающая на расширении социалистического строительства и держащая курс на мировую революцию, устанавливающая через строительство социализма базу для пролетарской революции в ряде других стран; этого же вопроса касается и т. Сталин в своей статье. Третье — оппозиция подменивает вопрос о строительстве социализма вопросом о полном осуществлении коммунистического общества в одной стране (чего не утверждал никто из сторонников большинства) и, отвечая, вполне естественно, в отрицательном духе на этот вопрос, распространяет его и на вопрос об осуществлении социализма в одной стране, т.-е. вопрос о первой, низшей, фазе коммунистического общества, осуществимость которой доказывал В. И. Ленин в ряде своих работ, говоря, что в нашей стране мы имеем все необходимое для полного построения социалистического общества.

Не помещена нами в сборнике ст. А. Стэна «О победе социализма в одной стране», напеч. в «Правде» от 10/XII—1925 г. № 282, так как вопросы, имеющиеся в ней, затронуты в ст. И. Сталина; достоинство последней состоит в том, что она ставит вопрос не только теоретически, но и практически, т.-е. ставит вопрос о путях нашего социалистического строительства и в городе и в деревне.

ИЗ ТЕЗИСОВ О ЗАДАЧАХ КОМИНТЕРНА И РКП (б) В СВЯЗИ С РАСШИРЕННЫМ ПЛЕНУМОМ ИККИ, ПРИНЯТЫХ XIV КОНФЕРЕНЦИЕЙ РКП (б).

. . . Из «неравномерности экономического и политического развития», каковая неравномерность есть «безусловный закон капитализма», т. Ленин справедливо выводил две вещи: а) возможность «победы социализма первоначально в немногих, или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» и б) возможность, что эти немногие, или

даже одна страна, не обязательно будут странами самого развитого капитализма. (См., в особенности, заметки о Суханове).

Опыт русской революции доказал, что такая первая победа в одной стране не только возможна, но что при ряде благоприятных обстоятельств эта первая страна победоносной пролетарской революции может (при известной поддержке международного пролетариата) продержаться и упрочиться на долгий период, даже в том случае, когда эта поддержка не выливается в форме прямых пролетарских революций в других странах.

Но, вместе с тем, ленинизм учит, что окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе (или в нескольких решающих странах).

«Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле начнет ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего главного надежного сотрудника, — европейского и американского социалистического пролетариата». (Ленин, 1917 г., «Письмо к швейцарским рабочим»).

«Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной» (Ленин, том XV, 129, 1918 г.).

«Когда три года тому назад мы ставили вопрос о задачах и условиях победы пролетарской революции в России, мы всегда говорили, что прочной не может быть эта победа, если только ее не поддержат пролетарская революция на Западе, что правильная оценка нашей революции возможна только с точки зрения международной. Для того, чтобы добиться того, чтобы победить прочно, мы должны добиться победы пролетарской революции во всех, или, по крайней мере, в нескольких главных капиталистических странах» (Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 189, 1920 год).

Это коренное положение ленинизма остается целиком верным и теперь.

9. Вообще победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране. Полемизируя с т. Троцким по вопросу о Соединенных Штатах мира, т. Ленин еще в 1915 г. писал:

«Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединенные Штаты мира был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом, во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным.

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое

правительство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» («Против течения»).

С другой стороны, наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией о к о н ч а т е л ь н о й п о б е д ы с о ц и а л и з м а, т.-е. гарантии от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран.

Из этого отнюдь не вытекает, что невозможна постройка полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран. Составной частью троцкистской теории перманентной революции является утверждение, что «подлинный под'ем социалистического хозяйства в России станет возможным т о л ь к о п о с л е п о б е д ы пролетариата в важнейших странах Европы» (Троцкий, 1922 г.), утверждение, обрекающее пролетариат СССР в нынешний период на фаталистическую пассивность. Против подобных «теорий» т. Ленин писал:

«До бесконечности шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, об'ективных предпосылок для социализма». (Заметки о Суханове).

Необходимо помнить программное заявление т. Ленина в его последней статье о кооперации, имеющее для нынешних условий особенное значение и гласящее:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это — все необходимое и достаточное для этого построения... Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международное отношение, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе».

Из этого вытекает, что страна рабочей диктатуры, являющаяся основной базой международной революции, должна рассматривать себя как ее могущественнейший рычаг и подспорье; с другой стороны, господствующая в ней партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть—и наверняка будет—победоносным, если

удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации. Другими словами, правильной политикой как в отношении к крестьянству внутри страны, так и в области международных отношений, РКП должна преодолеть все затруднения, вытекающие из замедления темпа мировой революции.

...15. Коминтерну предстоит период особенно трудной, сложной и ответственной работы. Задача РКП будет заключаться в том, чтобы в этот период оказать особенно надежную поддержку Коммунистическому Интернационалу, борясь теперь против «похоронных» настроений с той же энергией и страстностью, с какой большевизм боролся в свое время против ликвидаторства.

16. В связи с сложившимся на международной арене положением, нашей партии в данный период могут угрожать две опасности: 1) уклон к пассивности, вытекающий из чрезмерно расширительного толкования наметившейся кое-где стабилизации капитализма и замедленного темпа международной революции, отсутствие достаточного импульса к энергичной и систематической работе над построением социалистического общества в СССР, несмотря на замедленный темп международной революции, и 2) уклон к национальной ограниченности, забвение обязанностей м е ж д у н а р о д н ы х пролетарских революционеров, бессознательное пренебрежение к теснейшей зависимости судеб СССР от развивающейся, хотя и медленно, международной пролетарской революции, непонимание того, что не только международное движение нуждается в существовании, упрочении и усилении мощи первого в мире пролетарского государства, но и диктатура пролетариата в СССР нуждается в помощи со стороны международного пролетариата.

РКП должна видеть обе эти опасности и дать решительный отпор обоим возможным уклонам.

ВОПРОС О ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ.

(Главы VI и VII из книги И. В. Сталина «К вопросам ленинизма»).

В брошюре «Об основах ленинизма» (апрель 1924 г.) имеются две формулировки по вопросу о победе социализма в одной стране. Первая формулировка гласит:

> «Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран, или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь: нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира — все это ведет не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах» (см. 3-ю главу брошюры).

Это положение совершенно правильно, и оно не нуждается в комментариях. Оно направлено против теории социал-демократов, счи-

тающих взятие власти пролетариатом в одной стране, без одновременной победоносной революции в других странах, — утопией.

Но в брошюре «Об основах ленинизма» имеется еще вторая формулировка. Там сказано:

> «Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране, еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства — остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны, — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран». (См. там же.).

Эта вторая формулировка была направлена против утверждения критиков ленинизма, против троцкистов, заявлявших, что диктатура пролетариата в одной стране, при отсутствии победы в других странах, не может «устоять против консервативной Европы».

Постольку — но только постольку — эта формулировка являлась тогда (апрель 1924 г.) достаточной, и она, несомненно, сослужила известную пользу.

Но впоследствии, когда критика ленинизма в этой части была уже преодолена в партии и когда на очередь стал новый вопрос, вопрос о возможности построения полного социалистического общества силами нашей страны, без помощи извне, — вторая формулировка оказалась уже явно недостаточной и потому неправильной.

В чем состоит недостаток этой формулировки?

Ее недостаток состоит в том, что она связывает в один вопрос два разных вопроса: вопрос о возможности построения социализма силами одной страны, на что должен быть дан положительный ответ, и вопрос о том, может ли страна с диктатурой пролетариата считать себя вполне гарантированной от интервенции и, стало-быть, от реставрации старых порядков без победоносной революции в ряде других стран, на что должен быть дан отрицательный ответ. Я уже не говорю о том, что эта формулировка может дать повод думать, что организация социалистического общества силами одной страны невозможна, что, конечно, неправильно.

На этом основании я видоизменил, исправил эту формулировку в своей брошюре «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (декабрь 1924 г.), расчленив этот вопрос на два вопроса: на вопрос о полной гарантии от реставрации буржуазных порядков и вопрос о возможности построения полного социалистического общества в одной стране. Это было достигнуто, во-первых, путем трактовки «полной победы социализма», как «полной гарантии от восстановления старых порядков», возможной лишь в порядке «совместных усилий пролетариев нескольких

стран», и, во-вторых, путем провозглашения, на основании брошюры Ленина «О кооперации», той неоспоримой истины, что мы имеем все необходимое для построения полного социалистического общества (см. «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов»).

Эта новая формулировка вопроса и легла в основу известной резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП», рассматривающей вопрос о победе социализма в одной стране в связи со стабилизацией капитализма (апрель 1925 г.) и считающей построение социализма силами нашей страны возможным и необходимым.

Она же послужила основой моей брошюры «К итогам работ XIV партконференции», изданной непосредственно после XIV партконференции, в мае 1925 г.

По вопросу о постановке вопроса о победе социализма в одной стране в этой брошюре сказано:

> «Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством (речь идет здесь о построении социализма в одной стране. — **И. Ст.**). Другая группа противоречий — это противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма, и всеми остальными странами, как странами капитализма (речь идет здесь об окончательной победе социализма. — **И. Ст.**»... «Кто смешивает первую группу противоречий, совершенно преодолимых усилиями одной страны, со второй группой противоречий, требующих для своего разрешения усилий пролетариев нескольких стран, — тот допускает грубейшую ошибку против ленинизма, тот либо путаник, либо неисправимый оппортунист» (см. «К итогам работ XIV партконференции»).

По вопросу о п о б е д е социализма в нашей стране брошюра говорит:

> «Мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса...», ибо «при диктатуре пролетариата у нас имеются... все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество, преодолевая все и всякие внутренние затруднения, ибо мы можем и мы должны преодолеть их своими собственными силами» (см. там же).

По вопросу же об о к о н ч а т е л ь н о й победе социализма там сказано:

> «Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а, значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах, является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма» (см. там же).

Кажется, ясно.

Известно, что в том же духе толкуется этот вопрос в моей брошюре «Вопросы и ответы» (июнь 1925 г.) и в политотчете ЦК на XIV с'езде ВКП (декабрь 1925 г.).

Таковы факты.

Эти факты известны, я думаю, всем и каждому, в том числе и т. Зиновьеву.

Если теперь, спустя почти два года после идейной борьбы в партии и после принятой резолюции на XIV партконференции (апрель 1925 г.), т. Зиновьев находит возможным в своем заключительном слове на XIV партс'езде (декабрь 1925 г.) вытащить старую, совершенно недостаточную формулу из брошюры Сталина, писанной в апреле 1924 г., как базу для решения уже решенного вопроса о победе социализма в одной стране, — то эта своеобразная манера т. Зиновьева говорит лишь о том, что он окончательно запутался в этом вопросе. Тащить партию назад, после того как она ушла вперед, обходить резолюцию XIV партконференции, после того как она подтверждена пленумом ЦК, — это значит безнадежно увязнуть в противоречиях, не верить в дело строительства социализма, сойти с пути Ленина и расписаться в своем собственном поражении.

Что такое в о з м о ж н о с т ь победы социализма в одной стране?

Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране, при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах.

Без такой возможности строительства социализма есть строительство без перспективы, строительство без уверенности построить социализм. Нельзя строить социализм, не будучи уверен, что его можно построить, не будучи уверен, что техническая отсталость нашей страны не является н е п р е о д о л и м ы м препятствием к построению полного социалистического общества. Отрицание такой возможности есть неверие в дело строительства социализма, отход от ленинизма.

Что такое н е в о з м о ж н о с т ь полной, окончательной победы социализма в одной стране без победы революций в других странах?

Это есть невозможность полной гарантии от интервенции, а, значит, и реставрации буржуазных порядков без победы революции, по крайней мере, в ряде стран. Отрицание этого бесспорного положения есть отход от интернационализма, отход от ленинизма.

«Мы живем, — говорит Ленин, — не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце-концов либо одно, либо другое победит. А пока это наступит ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что пролетариат, как господствующий класс, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это также своей военной организацией» (т. XVI, стр. 102).

«Мы имеем перед собою, — говорит Ленин в другом месте, — в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое, известное равновесие. Надолго ли это — не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осто-

рожность. И первой заповедью нашей политики, первым уроком, — уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть на-чеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске» (т. XVIII, ч. I, стр. 425).

Кажется, ясно.

Как обстоит дело у т. Зиновьева насчет вопроса о победе социализма в одной стране?

Слушайте:

«Под окончательной победой социализма следует понимать, по крайней мере: 1) уничтожение классов и, стало-быть, 2) упразднение диктатуры одного класса, в данном случае диктатуры пролетариата...». «Чтобы еще точнее уяснить себе, — говорит дальше т. Зиновьев, — как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 году, надо различать две вещи: 1) обеспеченная возможность строить социализм — такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может мыслиться и в рамках одной страны, и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т.-е. осуществление социалистического строя, социалистического общества» (см. «Ленинизм» Зиновьева, стр. 291 и 293).

Что все это может означать?

А то, что под окончательной победой социализма в одной стране т. Зиновьев понимает не гарантию от интервенции и реставрации, а возможность построения социалистического общества. Под победой же социализма в одной стране т. Зиновьев понимает такое строительство социализма, которое не может и не должно привести к построению социализма. Строительство на авось, без перспективы, строительство социализма при невозможности построить социалистическое общество — такова позиция т. Зиновьева.

Строить социализм без возможности построить его, строить, зная, что не построишь, — вот до каких несообразностей договорился т. Зиновьев.

Но это ведь издевка над вопросом, а не разрешение вопроса.

А вот еще одно место из заключительного слова т. Зиновьева на XIV партс'езде:

«Вы посмотрите, до чего, напр., договорился т. Яковлев на последней курской губпартконференции. „Можем ли мы в одной стране, — спрашивает он, — будучи окружены со всех сторон капиталистическими врагами, можем ли мы в таких условиях в одной стране построить социализм?“. И отвечает: „На основе всего сказанного мы в праве сказать, что мы не только строим социализм, но что мы, несмотря на то, что мы пока что одни, что мы пока единственная в мире советская страна, советское государство, — мы этот социализм построим“ («Курская Правда» № 279, от 8 декабря 1925 г.). Разве это ленинская постановка вопроса, разве здесь не отдает душком национальной ограниченности?» [1].

Таким образом, по Зиновьеву выходит, что признать возможность построения социализма в одной стране — это значит стать на точку

[1] Разрядка И. Сталина.

зрения национальной ограниченности, а отрицать такую возможность— значит стать на точку зрения интернационализма.

Но если это верно, — стоит ли вообще вести борьбу за победу над капиталистическими элементами нашего хозяйства? Не следует ли из этого, что такая победа невозможна?

Капитуляция перед капиталистическими элементами нашего хозяйства — вот куда приводит внутренняя логика аргументации т. Зиновьева.

И эту несообразность, не имеющую ничего общего с ленинизмом, преподносит нам т. Зиновьев как «интернационализм», как «стопроцентный ленинизм»!

Я утверждаю, что в важнейшем вопросе о строительстве социализма т. Зиновьев отходит от ленинизма, скатываясь на точку зрения меньшевика Суханова.

Обратимся к Ленину. Вот что он говорил о победе социализма в одной стране еще до Октябрьской революции, в августе 1915 года:

> «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство[1], встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (см. т. XIII, стр. 133).

Что значит подчеркнутая фраза Ленина: «организовав у себя социалистическое производство»? Это значит, что пролетариат победившей страны может и должен организовать у себя, после взятия власти, социалистическое производство. А что значит «организовать социалистическое производство»? Это значит построить социалистическое общество. Едва ли нужно доказывать, что это ясное и определенное положение Ленина не нуждается в дальнейших комментариях. В противном случае непонятны были бы призывы Ленина ко взятию власти пролетариатом в Октябре 1917 года.

Вы видите, что это ясное положение Ленина, как небо от земли, отличается от путаного и антиленинского «положения» т. Зиновьева о том, что мы можем строить социализм «в рамках одной страны» при невозможности построить его.

Это было сказано Лениным в 1915 году, до взятия власти пролетариатом. Но, может быть, у него изменились взгляды после опыта взятия власти, после 1917 года? Обратимся к брошюре Ленина «О кооперации», написанной в 1923 году.

> «В самом деле, — говорит Ленин, — власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках проле-

[1] Разрядка И. Сталина.

тариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь, при нэпе, так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения [1]. (См. т. XVIII, ч. II, стр. 140).

Иначе говоря: мы можем и должны построить полное социалистическое общество, ибо мы имеем в своем распоряжении все необходимое и достаточное для этого построения.

Кажется, трудно выразиться яснее.

Сравните это классическое положение Ленина с антиленинской отповедью т. Зиновьева против т. Яковлева и поймете, что Яковлев только повторил слова Ленина о возможности построения социализма в одной стране, а Зиновьев, выступая против этого положения, бичуя т. Яковлева, отошел от Ленина и стал на точку зрения меньшевика Суханова, на точку зрения невозможности построения социализма в нашей стране в виду ее технической отсталости.

Неизвестно только, для чего же мы брали власть в Октябре 1917 г., если не рассчитывали построить социализм?

Не надо было брать власть в Октябре 1917 года,— вот к какому выводу приводит внутренняя логика аргументации т. Зиновьева.

Я утверждаю, далее, что в важнейшем вопросе о победе социализма т. Зиновьев пошел против определенных решений нашей партии, зафиксированных в известной резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП в связи с расширенным пленумом ИККИ».

Обратимся к этой резолюции. Вот что сказано там о победе социализма в одной стране:

«Наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией окончательной победы социализма, т.-е. гарантией от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран...». «Ленинизм учит, что окончательная победа социализма, в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений, возможна только в международном масштабе...». «Из этого отнюдь не вытекает, что невозможна постройка полного социалистического общества [1] в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран». (См. резолюцию).

Вы видите, что резолюция трактует окончательную победу социализма как гарантию от интервенции и реставрации — в полную

[1] Разрядка везде И. Сталина.

противоположность трактовке т. Зиновьева в его книге «О ленинизме».

Вы видите, что резолюция признает возможность постройки полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» более развитых в технико-экономическом отношении стран — в полную противоположность обратному утверждению т. Зиновьева в его отповеди против т. Яковлева в заключительном слове на XIV партс'езде.

Как назвать это, как не борьбой т. Зиновьева против резолюции XIV партконференции?

Конечно, партийные резолюции иногда не безгрешны. Бывает, что партийные резолюции содержат ошибки. Вообще говоря, можно предположить, что резолюция XIV партконференции тоже содержит некоторые ошибки. Возможно, что т. Зиновьев считает данную резолюцию ошибочной. Но тогда об этом надо сказать ясно и открыто, как подобает большевику. Однако т. Зиновьев не делает этого почему-то. Он предпочел избрать другой путь, путь тыловых атак резолюции XIV партконференции, при замалчивании этой резолюции и при отсутствии какой бы то ни было открытой критики резолюции. Тов. Зиновьев думает, видимо, что этот путь лучше всего достигает цели. А цель у него одна — «улучшить» резолюцию и «немножечко» подправить Ленина. Едва ли нужно доказывать, что т. Зиновьев ошибся в своих расчетах.

Откуда проистекает ошибка т. Зиновьева, где корень этой ошибки?

Корень этой ошибки заключается, по-моему, в уверенности т. Зиновьева в том, что техническая отсталость нашей страны является непреодолимым препятствием построения полного социалистического общества, что пролетариат не может построить социализм в виду технической отсталости нашей страны. Тов. Зиновьев и т. Каменев одно время пробовали выступить с этим аргументом на одном из заседаний ЦК партии перед апрельской партконференцией. Но они получили отповедь и вынуждены были отступить, подчинившись формально противоположной точке зрения, точке зрения большинства ЦК. Но, подчинившись ей формально, т. Зиновьев все время продолжал борьбу с ней (см. книгу т. Зиновьева «О ленинизме» и заключительное слово на XIV партс'езде). Вот что говорит об этом «инциденте» в ЦК ВКП Московский комитет нашей партии в своем «Ответе» на письмо ленинградской губпартконференции:

> «Не так давно товарищи Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет итти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идем и будем итти вперед. Мы точно также полагаем, что точка зрения т.т. Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции» (см. «Ответ»).

Этот документ появился в печати во время первых заседаний XIV партс'езда. Тов. Зиновьев, конечно, имел возможность выступить против этого документа еще на с'езде. Характерно, что у т.т. Зиновьева и Каменева не нашлось аргументов против этого тяжкого обвинения, выставленного против них московским комитетом нашей партии. Случайно ли это? Я думаю, что не случайно. Обвинение, видимо, попало в цель. Тов. Зиновьев и т. Каменев «ответили» на это обвинение молчанием потому, что нечем было его «крыть».

Новая оппозиция обижается, что т. Зиновьева обвиняют в неверии в дело победы социалистического строительства в нашей стране. Но если т. Зиновьев после целого года обсуждения вопроса о победе социализма в одной стране, после того, как точка зрения т. Зиновьева была отвергнута Политбюро ЦК (апрель 1925 г.), после того, как сложилось уже определенное мнение партии по этому вопросу, зафиксированное в известной резолюции XIV партконференции (апрель 1925 г.), если после всего этого т. Зиновьев решается выступить в своей книге «О ленинизме» (сентябрь 1925 г.) против точки зрения партии, если он потом повторяет это выступление на XIV с'езде, — то как об'яснить все это, это упорство, эту настойчивость в отстаивании своей ошибки, как не тем, что т. Зиновьев заражен, безнадежно заражен, неверием в дело победы социалистического строительства в нашей стране?

Тов. Зиновьеву угодно трактовать это свое неверие как интернационализм. Но с каких это пор отход от ленинизма в кардинальном вопросе ленинизма стал трактоваться у нас как интернационализм?

Не вернее ли будет сказать, что не партия, а т. Зиновьев грешит здесь против интернационализма и международной революции? Ибо что такое наша страна «строящегося социализма», как не база мировой революции? Но может ли она быть настоящей базой мировой революции, если она неспособна построить социалистическое общество? Может ли она остаться тем величайшим притягательным центром для рабочих всех стран, каким она, несомненно, является теперь, если она неспособна добиться у себя победы над капиталистическими элементами нашего хозяйства, победы социалистического строительства? Я думаю, что не может. Но не следует ли из этого, что неверие в победу социалистического строительства, проповедь этого неверия ведет к развенчанию нашей страны, как базы мировой революции, развенчание же нашей страны ведет к ослаблению мирового революционного движения? Чем отпугивали от нас рабочих г.г. социал-демократы? Проповедью о том, что «у русских ничего не выйдет». Чем мы бьем теперь социал-демократов, привлекая к себе целые вереницы рабочих делегаций и укрепляя тем самым позиции коммунизма во всем мире? Нашими успехами по строительству социализма. Но разве не ясно после этого, что кто проповедует неверие в наши успехи по строительству социализма, тот помогает косвенно социал-демократам, тот ослабляет размах международного революционного движения, тот неизбежно отходит от интернационализма? . .

Вы видите, что с «интернационализмом» т. Зиновьева дело обстоит ничуть не лучше, чем с его «стопроцентным ленинизмом» в вопросе о строительстве социализма в одной стране.

Поэтому XIV партс'езд поступил правильно, определив взгляды новой оппозиции как «неверие в дело строительства социализма» и «извращение ленинизма».

Борьба за победу социалистического строительства.

Я думаю, что неверие в победу социалистического строительства является основной ошибкой новой оппозиции. Ошибка эта является, по-моему, основной потому, что из нее проистекают все остальные ошибки новой оппозиции. Ошибки новой оппозиции по вопросу о нэпе, о госкапитализме, о природе нашей социалистической промышленности, о роли кооперации при диктатуре пролетариата, о методах борьбы с кулачеством, о роли и удельном весе среднего крестьянства — все эти ошибки являются производными от основной ошибки оппозиции, от неверия в возможность построения социалистического общества силами нашей страны. Что такое неверие в победу социалистического строительства в нашей стране?

Это есть, прежде всего, отсутствие уверенности в том, что основные массы крестьянства *могут втянуться*, в силу известных условий развития нашей страны, в дело социалистического строительства.

Это есть, во-вторых, отсутствие уверенности в том, что пролетариат нашей страны, имеющий в своем распоряжении командные высоты народного хозяйства, *способен* втянуть основные массы крестьянства в дело социалистического строительства.

Из этих положений исходит молчаливо оппозиция в своих построениях о путях нашего развития, — все равно — делает ли она это сознательно или бессознательно.

Можно ли втянуть основную массу советского крестьянства в дело социалистического строительства?

В брошюре «Об основах ленинизма» имеются на этот счет два основных положения:

> 1) «Нельзя смешивать крестьянство Советского Союза с крестьянством Запада. Крестьянство, прошедшее школу трех революций, боровшееся против царя и буржуазной власти вместе с пролетариатом и во главе с пролетариатом, крестьянство, получившее землю и мир из рук пролетарской революции и ставшее в виду этого резервом пролетариата, — это крестьянство не может не отличаться от крестьянства, боровшегося во время буржуазной революции во главе с либеральной буржуазией, получившего землю из рук этой буржуазии и ставшего в виду этого резервом буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что советское крестьянство, привыкшее ценить политическую дружбу и *политическое* сотрудничество с пролетариатом и обязанное своей свободой этой дружбе и этому сотрудничеству, не может не составлять исключительно благоприятный материал для *экономического* сотрудничества с пролетариатом».
>
> 2) «Нельзя смешивать сельское хозяйство России с сельским хозяйством Запада. Там развитие сельского хозяйства идет по обычной

линии капитализма, в обстановке глубокой диференциации крестьянства, с крупными имениями и частно-капиталистическими латифундиями на одном полюсе, с пауперизмом, нищетой и наемным рабством — на другом. Там распад и разложение в виду этого вполне естественны. Не то в России. У нас развитие сельского хозяйства не может пойти по такому пути, хотя бы потому, что наличие советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускают такого развития. В России развитие сельского хозяйства должно пойти по другому пути, по пути кооперирования миллионов мелкого и среднего крестьянства, по пути развития в деревне массовой кооперации, поддерживаемой государством в порядке льготного кредитования. Ленин правильно указал в статьях о кооперации, что развитие сельского хозяйства у нас должно пойти по новому пути, по пути вовлечения большинства крестьян в социалистическое строительство через кооперацию, по пути постепенного внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма сначала в области сбыта, а потом в области производства продуктов сельского хозяйства»... «Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство крестьянства охотно станет на этот новый путь развития, отбросив прочь путь частно-капиталистических латифундий и наемного рабства, путь нищеты и разорения».

Правильны ли эти положения?

Я думаю, что оба эти положения являются правильными и неоспоримыми для всего нашего строительного периода в условиях нэпа.

Они являются лишь выражением известных тезисов Ленина о смычке пролетариата и крестьянства, о включении крестьянских хозяйств в систему социалистического развития страны, о том, что пролетариат должен двигаться к социализму вместе с основными массами крестьянства, о том, что кооперирование миллионных масс крестьянства является столбовой дорогой социалистического строительства в деревне, что при росте нашей социалистической индустрии «простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма» (см. т. XVIII, ч. II, стр. 144).

В самом деле, по какому пути может и должно пойти развитие крестьянского хозяйства в нашей стране?

Крестьянское хозяйство не есть капиталистическое хозяйство. Крестьянское хозяйство, если взять подавляющее большинство крестьянских хозяйств, есть хозяйство мелко-товарное. А что такое мелкотоварное крестьянское хозяйство? Это есть хозяйство, стоящее на распутьи между капитализмом и социализмом. Оно может развиться и в сторону капитализма, как это происходит теперь в капиталистических странах, и в сторону социализма, как это должно произойти у нас, в нашей стране, при диктатуре пролетариата.

Откуда такая неустойчивость, несамостоятельность крестьянского хозяйства? Чем ее об'яснить?

Об'ясняется она распыленностью крестьянских хозяйств, их неорганизованностью, их зависимостью от города, от индустрии, от кредитной системы, от характера власти в стране, наконец тем общеизвестным положением, что деревня идет и должна итти за городом как в материальном, так и в культурном отношении.

Капиталистический путь развития крестьянского хозяйства означает развитие через глубочайшую диференциацию крестьянства, с круп-

ными латифундиями на одном полюсе и массовым обнищанием на другом полюсе. Такой путь развития является неизбежным в капиталистических странах, потому что деревня, крестьянское хозяйство находится в зависимости от города, от индустрии, от концентрированного кредита в городе от характера власти, а в городе царит буржуазия, капиталистическая промышленность, капиталистическая кредитная система, капиталистическая государственная власть.

Обязателен ли этот путь развития крестьянских хозяйств в нашей стране, где город имеет совершенно другой облик, где индустрия находится в руках пролетариата, где транспорт, кредитная система, государственная власть и т. д. сосредоточены в руках пролетариата, где национализация земли является всеобщим законом в стране? Конечно, не обязателен. Наоборот. Именно потому, что город является руководителем деревни, а в городе царит у нас пролетариат, держащий в руках все командные высоты народного хозяйства, — именно поэтому крестьянские хозяйства должны пойти в своем развитии по другому пути, по пути социалистического строительства.

Что это за путь?

Это есть путь массового кооперирования миллионов крестьянских хозяйств по всем линиям кооперации, путь об'единения распыленных крестьянских хозяйств вокруг социалистической индустрии, путь насаждения начал коллективизма среди крестьянства сначала по линии сбыта продуктов земледелия и снабжения крестьянских хозяйств городскими изделиями, а потом по линии сельско-хозяйственного производства.

И чем дальше, тем больше этот путь становится неизбежным в обстановке диктатуры пролетариата, ибо кооперирование по линии сбыта, кооперирование по линии снабжения, наконец, кооперирование по линии кредита и производства (сел.-хоз. товарищества) является единственным путем под'ема благосостояния деревни, единственным средством спасения широких масс крестьянства от нищеты и разорения.

Говорят, что крестьянство у нас несоциалистично по своему положению, что в виду этого оно неспособно к социалистическому развитию. Это, конечно, верно, что крестьянство несоциалистично по своему положению. Но это не есть аргумент против развития крестьянских хозяйств по пути социализма, если доказано, что деревня идет за городом, а в городе командует социалистическая промышленность. Во время Октябрьской революции крестьянство тоже не являлось социалистическим по своему положению, и оно вовсе не хотело установить в стране социализм. Оно добивалось тогда, главным образом, ликвидации помещичьей власти и окончания войны, установления мира. Тем не менее, оно пошло тогда за социалистическим пролетариатом. Почему? Потому, что свержение буржуазии и взятие власти социалистическим пролетариатом явилось тогда единственным путем выхода из империалистской войны, единственным путем установления мира. Потому, что других путей не было тогда и не могло быть. Потому, что нашей партии удалось тогда нащупать, найти ту степень соединения и подчинения специфических интересов крестьянства (свержение поме-

щика, мир) общим интересам страны (диктатура пролетариата), которая оказалась приемлемой и выгодной для крестьянства. И крестьянство, несмотря на его несоциалистичность, пошло тогда за социалистическим пролетариатом.

То же самое нужно сказать о социалистическом строительстве в нашей стране, о вовлечении крестьянства в русло этого строительства. Крестьянство несоциалистично по своему положению. Но оно должно стать — и обязательно станет — на путь социалистического развития, ибо нет и не может быть других путей спасения крестьянства от нищеты и разорения, кроме смычки с пролетариатом, кроме смычки с социалистической промышленностью, кроме включения крестьянского хозяйства в общее русло социалистического развития через массовое кооперирование крестьянства.

Почему именно через массовое кооперирование крестьянства?

Потому что в массовом кооперировании «мы нашли ту степень соединения частного интереса, частно-торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам» (Ленин), которая является приемлемой и выгодной для крестьянства и которая обеспечивает пролетариату возможность вовлечения основной массы крестьянства в дело социалистического строительства. Именно потому, что крестьянству выгодно организовать сбыт своих товаров и снабжение своего хозяйства машинами через кооперацию, именно поэтому оно должно пойти — и оно пойдет — по пути массового кооперирования.

А что означает массовое кооперирование крестьянских хозяйств при главенстве социалистической промышленности?

Оно означает о т х о д мелкотоварного крестьянского хозяйства от старого, капиталистического пути, чреватого массовым разорением крестьянства, и п е р е х о д на новый путь развития, на путь социалистического строительства.

Вот почему борьба за новый путь развития крестьянского хозяйства, борьба за вовлечение основной массы крестьянства в дело строительства социализма является очередной задачей нашей партии.

XIV с'езд ВКП поступил поэтому правильно, постановив, что:

> «Основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы, при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы» (см. резолюцию с'езда по отчету ЦК).

Глубочайшая ошибка новой оппозиции состоит в том, что она не верит в этот новый путь развития крестьянства, не видит или не понимает всей неизбежности этого пути в условиях диктатуры пролетариата. А не понимает она этого потому, что не верит в победу социалистического строительства в нашей стране, не верит в способность

нашего пролетариата повести за собой крестьянство по пути к социализму.

Отсюда непонимание двойственного характера нэпа, преувеличение отрицательных сторон нэпа и трактовка нэпа как отступления по преимуществу.

Отсюда преувеличение роли капиталистических элементов нашего хозяйства и преуменьшение роли рычагов нашего социалистического развития (социалистическая промышленность, кредитная система, кооперация, власть пролетариата и т. д.).

Отсюда непонимание социалистической природы нашей государственной промышленности и сомнения в правильности кооперативного плана Ленина.

Отсюда раздувание диференциации в деревне, паника перед кулаком, преуменьшение роли середняка, попытки сорвать политику партии по обеспечению прочного союза с середняком и вообще метание из стороны в сторону в вопросе о политике партии в деревне.

Отсюда непонимание той громадной работы партии по вовлечению миллионных масс рабочих и крестьян в строительство промышленности и сельского хозяйства, в оживление кооперации и советов, в управление страной, в борьбу с бюрократизмом, в борьбу за улучшение и переделку нашего государственного аппарата, которая знаменует собой новую полосу развития и без которой немыслимо никакое социалистическое строительство.

Отсюда безнадежность и растерянность перед трудностями нашего строительства, сомнения в возможности индустриализации нашей страны, пессимистическая болтовня о перерождении партии и т. д.

У них, у буржуа, все обстоит более или менее хорошо; у нас же, у пролетариев, — более или менее плохо; если не подоспеет с Запада революция, — пропало наше дело, — таков общий тон новой оппозиции, являющийся, по-моему, тоном ликвидаторским, но для чего-то выдаваемый оппозицией (должно быть, для потехи) за «интернационализм».

Нэп есть капитализм, говорит оппозиция. Нэп есть отступление по преимуществу, говорит т. Зиновьев. Все это, конечно, неверно. На самом деле нэп есть политика партии, допускающая борьбу социалистических и капиталистических элементов и рассчитанная на победу социалистических элементов над элементами капиталистическими. На самом деле нэп только начался отступлением, но он рассчитан на то, чтобы в ходе отступления произвести перегруппировку сил и повести наступление. На самом деле мы наступаем уже несколько лет и наступаем с успехом, развивая нашу индустрию, развивая советскую торговлю, тесня частный капитал.

Но каков смысл тезиса — нэп есть капитализм, нэп есть отступление по преимуществу? Из чего исходит этот тезис?

Он исходит из неправильного предположения о том, что у нас происходит теперь простое восстановление капитализма, простой «возврат» капитализма. Только этим предположением можно об'яснить со-

мнения оппозиции насчет социалистической природы нашей промышленности. Только этим предположением можно об'яснить панику оппозиции перед кулаком. Только этим предположением можно об'яснить ту поспешность, с которой ухватилась оппозиция за неправильные цифры о диференциации крестьянства. Только этим предположением можно об'яснить особую забывчивость оппозиции насчет того, что середняк является у нас центральной фигурой земледелия. Только этим предположением можно об'яснить недооценку удельного веса середняка и сомнения насчет кооперативного плана Ленина. Только этим предположением можно «обосновать» неверие новой оппозиции в новый путь развития деревни, в путь вовлечения деревни в социалистическое строительство.

На самом деле у нас происходит теперь не односторонний процесс восстановления капитализма, а двусторонний процесс развития капитализма и развития социализма, противоречивый процесс борьбы элементов социалистических с элементами капиталистическими, процесс преодоления элементов капиталистических элементами социалистическими. Это одинаково неоспоримо как для города, где базой социализма является государственная промышленность, так и для деревни, где основной зацепкой социалистического развития является массовая кооперация, смыкаемая с социалистической промышленностью.

Простое восстановление капитализма невозможно хотя бы потому, что власть у нас пролетарская, крупная промышленность в руках пролетариата, транспорт и кредит находятся в распоряжении пролетарского государства.

Диференциация не может принять прежних размеров; середняк остается основной массой крестьянства, а кулак не может возыметь прежнюю силу хотя бы потому, что земля у нас национализирована, она из'ята из обращения, а наша торговая кредитная, налоговая и кооперативная политика направлена на то, чтобы ограничить эксплуататорские стремления кулачества, поднять благосостояние широчайших масс крестьянства и выравнивать крайности в деревне. Я уже не говорю о том, что борьба с кулачеством идет у нас теперь не только по старой линии, по линии организации бедноты против кулачества, но и по новой линии, по линии укрепления союза пролетариата и бедноты с середняцкими массами крестьянства против кулака. Тот факт, что оппозиция не понимает смысла и значения борьбы с кулачеством по этой второй линии, этот факт лишний раз подтверждает, что оппозиция сбивается на старый путь развития деревни, на путь ее капиталистического развития, когда кулак и беднота составляли основные силы деревни, а середняк «вымывался».

Кооперация есть разновидность государственного капитализма, говорит оппозиция, ссылаясь при этом на «Продналог» Ленина, в виду чего она не верит в возможность использования кооперации, как основной зацепки для социалистического развития. Оппозиция и здесь допускает грубейшую ошибку. Такая трактовка кооперации была достаточна и удовлетворительна в 1921 году, когда был написан «Прод-

налог», когда у нас не было развитой социалистической промышленности, когда Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом. Но эта трактовка теперь уже недостаточна и превзойдена историей, ибо с тех пор времена изменились, социалистическая промышленность у нас развилась, госкапитализм не привился в той степени, в какой это было желательно, а кооперация, охватывающая теперь более десятка миллионов членов, стала смыкаться с социалистической индустрией.

Чем же иначе об'яснить тот факт, что уже спустя два года после «Продналога», в 1923 году, Ленин стал рассматривать кооперацию по-другому, считая, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» (см. т. XVIII, ч. II, стр. 144)?

Чем же иначе это об'яснить, как не тем, что за эти два года социалистическая промышленность успела уже вырасти, госкапитализм же не привился в должной степени, в виду чего Ленин стал рассматривать кооперацию уже не в сочетании с госкапитализмом, а в сочетании с социалистической промышленностью?

Изменились условия развития кооперации. Должен был измениться и подход к вопросу о кооперации.

Вот, например, одно замечательное место из брошюры Ленина «О кооперации» (1923 г.), проливающее свет на этот вопрос:

> «При государственном капитализме [1] предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе [1] предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются [1] от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу» (т. XVIII, ч. II, стр. 143—144).

В этой маленькой цитате разрешены два больших вопроса. Во-первых, вопрос о том, что «наш существующий строй» не есть госкапитализм. Во-вторых, вопрос о том, что кооперативные предприятия, взятые в сочетании «с нашим строем», «не отличаются» от предприятий социалистических.

Я думаю, что трудно выразиться яснее.

А вот еще одно место из той же брошюры Ленина:

> «Простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше „небольшим" исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (см. там же, стр. 144).

Очевидно, что в брошюре «О кооперации» мы имеем дело с новой оценкой кооперации, чего не хочет признать новая оппозиция и что она

---

[1] Разрядка везде И. Сталина.

старательно замалчивает, вопреки фактам, вопреки очевидной истине, вопреки ленинизму.

Одно дело — кооперация, взятая в сочетании с госкапитализмом, и другое дело — кооперация, взятая в сочетании с социалистической промышленностью.

Из этого, однако, нельзя делать тот вывод, что между «Продналогом» и брошюрой «О кооперации» лежит пропасть. Это, конечно, неправильно. Достаточно сослаться, например, на следующее место в «Продналоге», чтобы сразу уловить неразрывную связь между «Продналогом» и брошюрой «О кооперации» в вопросе об оценке кооперации. Вот оно:

> «Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, до-социалистических[1], даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой „новизне“» (т. XVIII, ч. I, стр. 220).

Из этой цитаты видно, что Ленин еще во время «Продналога», когда не было еще у нас развитой социалистической индустрии, считал возможным превращение кооперации, в случае успеха, в могучее средство борьбы против «до-социалистических», а, значит, и против капиталистических отношений. Я думаю, что эта именно мысль и послужила впоследствии отправной точкой для его брошюры «О кооперации».

Но что из всего этого следует?

А из этого следует, что новая оппозиция подходит к вопросу о кооперации не по-марксистски, а метафизически. Она рассматривает кооперацию не как историческое явление, взятое в сочетании с другими явлениями, в сочетании, скажем, с госкапитализмом (в 1921 г.) или социалистической промышленностью (в 1923 г.), а как нечто постоянное и раз на всегда данное, как «вещь в себе».

Отсюда ошибки оппозиции по вопросу о кооперации, отсюда ее неверие в развитие деревни к социализму через кооперацию, отсюда сворачивание оппозиции на старый путь, на путь капиталистического развития деревни.

Такова в общем позиция новой оппозиции в практических вопросах социалистического строительства.

Вывод один: линия оппозиции, поскольку есть у нее линия, колебания и шатания оппозиции, ее неверие и растерянность перед трудностями — ведут к капитуляции перед капиталистическими элементами нашего хозяйства. Ибо, если нэп есть отступление по преимуществу, если социалистическая природа государственной промышленности подвергается сомнению, если кулак почти-что всесилен, на кооперацию мало надежды, роль середняка прогрессивно падает, новый путь разви-

[1] Разрядка везде И. Сталина.

тия деревни сомнителен, партия почти-что перерождается, а революция с Запада еще не так близка, — то что же остается после всего этого в арсенале у оппозиции, на что она рассчитывает в борьбе с капиталистическими элементами нашего хозяйства? Нельзя же итти в бой с одной лишь «Философией эпохи».

Ясно, что арсенал новой оппозиции незавиден, если вообще можно назвать его арсеналом. Этот арсенал не для борьбы. Тем более он не для победы.

Ясно, что с таким арсеналом партия «в два счета» загубила бы себя, если бы она полезла в драку, — ей пришлось бы просто капитулировать перед капиталистическими элементами нашего хозяйства.

Поэтому XIV с'езд партии поступил совершенно правильно, постановив, что «борьба за победу социалистического строительства в СССР является очередной задачей партии»; что одним из необходимых условий для разрешения этой задачи является «борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями „последовательно-социалистического типа“ (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические»; что «такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала», что «с'езд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма» (см. резолюцию по отчету ЦК ВКП).

Историческое значение XIV с'езда ВКП состоит в том, что он сумел вскрыть до корней ошибки новой оппозиции, отбросил прочь ее неверие и хныканье, ясно и четко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства.

III. Новая экономическая политика.

Разногласия по вопросу об оценке новой экономической политики целиком вытекают из разногласий по крестьянскому вопросу и по вопросу о возможности строительства социализма в одной стране. Сбросивши со счета середняка, видя в деревне только две группы — кулаков и бедняков, видя в настоящее время только рост капиталистических элементов, главным образом, в деревне, оппозиция, логически видела в нэпе только уступку капитализму: в городе — нэпачу, в деревне — кулаку. Даже на XIV с'езде тов. Каменев заявил, что решения XIV всесоюзной партконференции — уступка кулаку. Оппозиция,

в своем паническом страхе перед несколько выросшими элементами капитализма, совершенно не заметила значительно большего роста социалистических элементов нашего хозяйства, она совершенно потеряла перспективу социалистического строительства, потеряла компас, необходимый, для выбора правильного пути в деле продвижения к социализму, — компас в виде учения Ленина о нэпе, как правильной политике партии, о нэпе, как необходимом «переходе» от капитализма к социализму, о нэпе, как пути к социализму.

Оппозиция в нэпе видит только отступление. О нэпе, как отступлении, говорит тов. Зиновьев в своей ставшей знаменитой книге «Ленинизм». Об этом же говорит т. Сафаров в своем ответе т. Гольденбергу. В доказательство своей отступательной теории, представители оппозиции приводят выдержки из Ленина, относящиеся к 1921 году, при этом они, умышленно или неумышленно, забывают, что уже в начале 1922 года т. Ленин заявил: «отступление окончено».

Недооценивая положительных сторон нэпа, недооценивая нэп, как период хозяйственного строительства социализма, оппозиция берет под свою горячую защиту «военный коммунизм» (см. ст. Сафарова «Ответ Гольденбергу»). При этом оппозиция забывает целый ряд отрицательных сторон «военного коммунизма», на которые указывал Ильич, забывает слова Ленина о том, что «военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой» (т. XVIII, ч. I, стр. 214).

Когда оппозиции было указано на неправильное толкование нэпа, как отступления, она отступила. Она признала, что мы все-таки двигаемся вперед, но тут же оставила себе лазейку, заявляя, что нэп — это передышка между двумя штурмами, что нэп есть «постепенный п е р е х о д от отступления к наступлению, это есть подготовка нового наступления» . . . Ильич уже в 1922 году говорил, что мы перешли в наступление более широким фронтом, так как соединились со всем крестьянством, так как установили прочную хозяйственную смычку с массой крестьянства, а в 1926 году находятся товарищи, которые говорят только о подготовке к наступлению (см. ст. Сафарова, стр. 130 настоящего сборника «Ленинизм с оговорочкой»).

Теория штурмов в корне противоречит учению Ленина о нэпе, как правильной политике победившего пролетариата, как о методе строительства социализма.

В 1917 году т. Зиновьев сделал большую ошибку. Эту ошибку в 1925 году он об'яснил тем, что он на несколько дней продолжил линию

т. Ленина о компромиссах. Не совершает ли в настоящее время оппозиция во главе с т. Зиновьевым ту же самую ошибку: не продолжила ли она несколько линию Ленина об отступлении, не продолжает ли она отступать, в то время как мы уже давно наступаем. Нам кажется, что да.

В заключение мы хотим указать, что различное понимание нэпа начало намечаться задолго до дискуссии. Уже в своем докладе на фракции РКП (б) III С'езда Советов Союза ССР 20 мая 1925 года т. Зиновьев ставил задачей момента вопрос не продвижения вперед, а «удерживаем ли мы подступы, пути к социализму» в обстановке преобладания мелкого и мельчайшего крестьянства» (Зиновьев «Важнейшие черты современного периода»). Только удерживать подступы, пути к социализму — вот наша задача, а не строительство социализма в рамках нэпа и через нэп, — вот что вытекает из вышеприведенных слов. Мы имеем некоторую передышку, мы удерживаемся на позициях, чтобы только после, при другой обстановке, при других обстоятельствах перейти к наступлению.

В связи с этим заявлением находится и другое, сделанное в том же докладе. Тов. Зиновьев говорит: «Я даже думаю, что, когда наступит переломный момент, когда мы сможем сказать: «Ныне отпущаеши», можно будет тогда опять употребить нэп и сказать: теперь это «ненужная экономическая политика». Видите, т. Зиновьев полагает, что на смену новой экономической политики придет другая экономическая политика; в настоящее время мы имеем не социализм, потому что мы только удерживаем при нэпе пути к социализму, а не идем по пути к социализму». Это то, что т. Сафаров назвал «Новым штурмом». Это в корне противоречит всеми ленинскому учению о нэпе как о пути к социализму.

В настоящем отделе сборника читатель найдет самые основные, главные статьи, помещавшиеся во время дискуссии в «Ленинградской Правде» и Ц. О. «Правде». Кроме того, дана статья т. Гольденберга из «Пропагандиста». Как увидит читатель, она первоначально как будто бы не вызывала возражений: во-первых, потому, что была помещена в органе агитпропотдела ленинградского губкома не в дискуссионном порядке, во-вторых, «ответ» на нее был помещен в «Ленинградской Правде» почти через полгода. Мы сочли нужным дать эту статью, так как журнал «Пропагандист» издавался очень незначительным тиражем, и достать его большинству читателей будет трудно, а с ответа на эту статью начинается дискуссия по вопросу об оценке нэпа. Выдержки из речи т. Зиновьева на фракции С'езда Советов и из

книги «Ленинизм» мы не даем, так как эти книги довольно распространены, особенно вторая.

Вопросы о нэпе, о госпромышленности и госкапитализме настолько тесно связаны, что некоторые авторы, говоря о госкапитализме, о госпромышленности, попутно касаются и вопроса об оценке нэпа. Лучше всего все эти три отдела читать как один целый отдел.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

«Только как вождь всех трудящихся, рабочий класс может победить. Это понял Владимир Ильич, когда он ходил и работал среди питерских рабочих, и эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса, он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся. Он понимал, что историческая задача рабочего класса — освободить всех угнетенных, освободить всех трудящихся. Вот эта основная идея и положила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича».

Н. Крупская.

Был ли нэп отступлением?

В 1921 году продовольственная разверстка была заменена продовольственным налогом, и крестьянство получило право свободно торговать излишками, остающимися после уплаты налогов. Это восстановление свободной торговли в деревне неизбежно означало также и восстановление свободной торговли в городе, установление рыночной связи между первой и вторым. Соответственная перестройка нашей промышленности, всего нашего государственного хозяйства ознаменовала конец так называемого «военного коммунизма» и наступление периода «новой экономической политики».

В известных кругах нашей партии и рабочего класса переход к нэпу был встречен с некоторым разочарованием. Несмотря на то, что необходимость сделать «уступку» крестьянству никем не оспаривалась, эта уступка представлялась как «отступление» от позиций, уже занятых в годы гражданской войны, как неизбежное, вынужденное, но все же «обходное» движение на пути к социализму. Так ли это в действительности? Верно ли, что переход к нэпу был отступлением?

Когда речь идет об «отступлении» или «приближении», то, повидимому, подразумевается отступление *от* или приближение *к* социализму. Вопрос о том, был или не был переход к нэпу «отступлением», надо формулировать таким образом: отдалил нас нэп от социализма

или приблизил к нему? Или другими словами: когда мы были ближе к социализму — в годы «военного коммунизма» или сейчас?

Достаточно так поставить вопрос, чтобы стала очевидной невозможность двух ответов. В 1925 году мы несомненно ближе к социализму, чем были в 1920 г. Надо быть безнадежным дураком, чтобы не видеть этого. Новая экономическая политика нас, следовательно, не отдалила от социализма, но приблизила к нему. И больше того: если бы мы в 1921 году перехода к нэпу не совершили, рабоче-крестьянский союз был бы взорван, могла бы погибнуть пролетарская диктатура, и мы были бы на много лет отброшены *назад* от социализма. Отступлением, поражением в борьбе за социализм был бы, следовательно, *отказ* от нэпа. Проведение нэпа было не только *необходимым* шагом, но и шагом *вперед* на пути к социализму.

Корень ошибочного мнения, будто нэп это — отступление, заключается в крайне путаных и неверных представлениях о существе социалистического строительства. До революции, когда на эту тему можно было только гадать и фантазировать, писателям, этим гаданием и фантазированием занимавшимся, строительство социализма представлялось как раскладывание по заранее определенным ящичкам всех элементов общественного производства. Учреждается некое определенное количество главков и центров, вырабатываются единый план производства и приноровленные к нему производственные программы, устанавливаются нормы потребления — и дело в шляпе, система социалистического хозяйства готова.

Опыт революции однако показал, что создание живого, действительного, а не книжного социализма идет совсем другими путями. Если бы все дело было в том, чтобы иметь главки и центры, об'единить в них управление промышленностью, наладить карточную систему и запретить рыночную торговлю, в этом случае мы имели бы социализм уже в 1919 и 1920 годах. Между тем, как раз в эти годы мы были еще очень далеки от социализма. Основной вопрос продвижения к социализму — не та или другая *схема* управления промышленностью, не карточная система и не упразднение денег. *Основной вопрос* — *в крестьянстве*.

В самом деле, совершенно очевидно, что задача была бы во много раз проще, если бы она ограничивалась одной только городскою крупною промышленностью. Перевести на социалистические рельсы крупную машинную индустрию городов — дело *относительно* легкое. Но вся трудность, вся специфическая (особая) сложность задачи заключается в том, что мы не можем ограничиться переводом на социалистические рельсы только крупной промышленности. Эта крупная промышленность нуждается в продовольствии для своих рабочих, в сырье для производства, в рынке для своих продуктов. Эта крупная промышленность существует и работает в крестьянской стране. Система социалистического хозяйства не может ограничиться индустриальными гигантами с сотнями и тысячами рабочих. Чтобы построить социализм — и в этом основная идея ленинизма — мы должны включить в систему социалистического хозяйства не только городскую промы-

шленность, но и двадцать два миллиона крестьянских дворов; в этих двадцати двух миллионах крестьянских дворов живет 84% всего населения нашего Союза, в них производится 70% всей валовой продукции страны. Совершенно очевидно, что без смычки с ними, без развития раздробленного, мелкого крестьянского хозяйства в кооперированное социалистическое хозяйство — социализма в России не будет.

И не только в России. Если взять даже такую страну, как Англия, где около 85% всего населения живет в городах, даже там — в другой только форме — крестьянский вопрос будет одним из основных вопросов революции и социализма. Потому что, если в самой Англии крестьян почти нет, то 390 миллионов крестьян живет в ее колониях, и точно так же, как в России невозможен социализм без смычки промышленности с русской деревней, невозможен социализм в Англии без смычки английской промышленности с индийской, египетской, африканской и т. д. и т. д. деревней. То же самое и для Германии, Франции, Соединенных Штатов Сев. Америки, словом для всех крупных стран земного шара.

Основной вопрос строительства социализма — в настоящее время у нас в России, в будущем для всех остальных стран — это охват сельского хозяйства. Мерилом и показателем действительного продвижения к действительному, живому социализму является степень включения в социалистическую систему крестьянского хозяйства, глубина и серьезность смычки с ним пролетарской крупной промышленности. И с этой точки зрения — а это единственно ленинская, живая, не высосанная из пальца и книжная точка зрения — нэп это не «обходное» движение, а единственно возможный путь к социализму. Без хозяйственной смычки с крестьянством нет социализма. Переход к новой экономической политике был не «отступлением», а началом налаживания этой смычки. Вот почему при военном коммунизме мы были несравненно дальше от социализма, нежели сейчас, хотя имели тогда карточную систему, главкизм, разгоняли рынки и т. п. При «военном коммунизме» шла хозяйственная размычка города и деревни; основной же процесс нэпа — это не шикарные магазины и разжиревшие спекулянты, это — грязная пена нэпа, мыльные пузыри, которые скоро лопнут. Основное в нэпе это — хозяйственная смычка с крестьянством. А социализм это — советская власть плюс смычка.

Военный коммунизм и нэп.

Отчетливое понимание новой экономической политики невозможно без понимания причин и существа так называемого «военного коммунизма». Как и всякое историческое явление, и военный коммунизм и нэп в конечном счете об'ясняются определенными классовыми силами и определенным их соотношением. Что это за силы и каковы эти взаимоотношения? Основными классами нашего советского общества являются пролетариат и крестьянство. Различие между военным коммунизмом и нэпом это — в первую очередь различие

типа, способа связи пролетариата с крестьянством. Именно это различие является основным, из которого вытекают все остальные.

Пролетариат борется и побеждает в союзе с крестьянством. Октябрьская революция, по правильному замечанию т. Крицмана [1], была одновременно революцией русских рабочих против русской буржуазии, русских крестьян против помещичьего землевладения, всего трудового населения России против гнета иностранного империализма. И если русский рабочий мог свергнуть капиталиста в городе, лишь опираясь на союз с крестьянином, то, наоборот, только в союзе с рабочим крестьянин мог разорвать путы феодальной зависимости и освободиться от помещика. Капиталист и помещик общим фронтом шли против советской власти. Это предопределило общность фронта рабочего и крестьянина против белогвардейцев за советскую власть. Отсюда — особый тип связи между пролетариатом и крестьянством: военно-политическое соглашение между ними, длившееся весь период гражданской войны. В гражданской войне крестьянство поддержало пролетариат, потому что в противном случае оно лишилось бы земли.

Военно-политическая смычка пролетариата и крестьянства в 1918—21 годах была, таким образом, на-лицо. Ей мы обязаны победой. Как однако обстояло дело с хозяйственной смычкой?

Ее не было и быть не могло. И здесь — главный корень «военного коммунизма». Империалистическая и гражданская война били по промышленности сильнее, чем по сельскому хозяйству. К концу империалистической войны сбор хлебов все еще достигал 88% довоенного, между тем как продукция крупной промышленности упала уже тогда ниже 76% довоенной. А к концу гражданской войны сбор хлебов составлял 62% довоенного, продукция крупной промышленности 17,8% довоенной. Но и эти жалкие 17,8% больше чем на половину приходилось отдавать Красной армии. В армию шло до 40% всех хлопчатобумажных тканей, от 70 до 100% всех прочих, 40% мыла, 90% мужской обуви и т. д. [2]. Совершенно очевидно, что в таких условиях нормальный обмен товарами между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством был невозможен. Нормальный товарообмен предполагает, что обе стороны обмениваются равными ценностями. Но при нормальном товарообмене в годы гражданской войны городу пришлось бы умереть от голода, так как в обмен на хлеб он тогда деревне не мог дать ничего или почти ничего. Промышленно-городское производство сохранилось лишь в одной шестой своей части, из которой больше половины необходимо было отдать Красной армии. Ясно, что для деревни оставались крохи. Даже по явно-преувеличенным подсчетам, в 1920 г. крестьянство за каждый пуд отданного в порядке разверстки зерно-фуража, получало лишь 11 вершков мануфактуры.

---

[1] Одно из немногих удачных мест в его книге.

[2] Цифры эти собраны в книге т. Крицмана «Героический период великой русской революции».

Сохранение рынка и нормального товарооборота во время гражданской войны означало бы, следовательно, голодную смерть промышленного пролетариата, а, следовательно, гибель революции, победу помещика и капиталиста, поражение рабочих и крестьян. Отсюда, в первую очередь, вытекала для пролетариата необходимость временного упразднения свободной торговли и рынка, необходимость «военного коммунизма», т.-е. такого порядка, когда хлеб получался из деревни не в обмен на товары, доставляемые городом, но в порядке разверстки, как ссуда, необходимая для ведения общей борьбы и достижения общих целей. Отсюда же вытекала и для крестьянства необходимость согласиться на такой тип связи, согласиться на военный коммунизм. Военный коммунизм, следовательно, это такой тип связи пролетариата и крестьянства, когда место хозяйственной смычки, ставшей невозможной благодаря издержкам революции и войны, занимает военно-политическое соглашение обоих классов.

К концу 1920 года белогвардейские фронты были ликвидированы. Дальше отдавать хлеб, ничего в обмен не получая, крестьянство не хотело. Для того, чтобы сохранить союз пролетариата с крестьянством, необходимо было восстановить нормальный товарообмен между городом и деревней. В этом восстановлении товарообмена, в отказе от получения хлеба по разверстке, и заключалось существо отказа от «военного коммунизма» и перехода к новой экономической политике. Началом этого перехода послужила, как известно, замена продразверстки продналогом. Вот что говорил об этом т. Ленин в 1921 г.:

> «Продовольственный налог представляет собою меру, в которой мы видим и кое-что от прошлого (т.-е. военного коммунизма. **Э. Г.**) и кое-что от будущего. Налог — это значит то, что государство берет с населения без всякого вознаграждения. Если этот налог определен приблизительно в половину того, как была определена разверстка в прошлом году... значит в налоге есть частица прежней разверстки и есть частица того порядка, который один только представляется правильным, именно обмен продуктов крупных социалистических фабрик на продукты крестьянского хозяйства путем обмена через продовольственные органы государственной власти, принадлежащей рабочему классу, через кооперацию рабочих и крестьян»[1].

Переход к продналогу, в котором «мы видим и кое-что от прошлого», был, таким образом, только началом новой экономической политики. Новая экономическая политика в развернутом виде означает такое положение, когда социалистическая промышленность будет сполна оплачивать кооперированному крестьянству своими товарами полученные от него продукты. Существо нэпа в хозяйственной смычке города и деревни, социалистической промышленности и крестьянского сельского хозяйства.

Эта хозяйственная смычка с деревней может однако быть осуществлена только на рынке. Никаких других путей связи с раздробленными, разрозненными 22 миллионами крестьянских хозяйств кроме ры-

[1] Ленин, том XVIII, ч. I, стр. 189.

ночных нет. Вот почему нэп необходимо означал и восстановление рынка и свободы торговли.

Путь к социализму лежит через смычку с крестьянством. Путь тяжелый и долгий, но единственный р е а л ь н ы й путь. На этом пути у нас уже имеются огромные достижения. В третьем № «Пропагандиста» мы поместили особую статью, посвященную итогам четырех лет новой экономической политики. Но и без цифровых таблиц, без длинной статистики, живой каждодневный опыт миллионов и десятков миллионов рабочих и крестьян говорит, что эти четыре года прошли «под знаком роста и под'ема», что строительство социализма крепнет, что наше хозяйство становится полнокровнее с каждым месяцем, что м ы н а в е р н о м п у т и.

Э. Гольденберг.

«Пропагандист» (орган агитпропотдела Ленинградского губкома) № 2, 1925 г.

«А СОЦИАЛИЗМ ЭТО — СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПЛЮС СМЫЧКА».

1. Был ли нэп отступлением?

«В известных кругах нашей партии и рабочего класса переход к нэпу был встречен с некоторым разочарованием. Несмотря на то, что необходимость сделать «уступку» крестьянству никем не оспаривалась, эта уступка представлялась как «отступление» от позиций, уже занятых в годы гражданской войны, как неизбежное, вынужденное, но все же «обходное» движение на пути к социализму. Так ли это в действительности? Верно ли, что переход к нэпу был отступлением?

Когда речь идет об «отступлении» или «приближении», то, повидимому, подразумевается отступление **от** или приближение **к** социализму. Вопрос о том, был или не был переход к нэпу «отступлением», надо формулировать таким образом: отдалил нас нэп от социализма или приблизил к нему? Или другими словами: когда мы были ближе к социализму — в годы «военного коммунизма» или сейчас?

Достаточно так поставить вопрос, чтобы стала очевидной невозможность двух ответов. В 1925 году мы, несомненно, ближе к социализму, чем были в 1920 г. Надо быть безнадежным дураком (!), чтобы не видеть этого. Новая экономическая политика нас, следовательно, не отдалила от социализма, но приблизила к нему. И больше того: если бы мы в 1921 г. перехода к нэпу не совершили, рабоче-крестьянский союз был бы взорван, могла бы погибнуть пролетарская диктатура, и мы были бы на много лет отброшены н а з а д от социализма. Отступлением, поражением в борьбе за социализм был бы, следовательно, о т к а з от нэпа. Проведение нэпа было не только н е о б х о д и м ы м шагом, но и шагом в п е р е д на пути к социализму».

Так рассуждает т. Гольденберг.

В первую очередь надлежит выяснить — какие это «известные круги нашей партии» расценивали нэп как обходное движение?

Об'яснение знаками имеет несомненные удобства, но не следует все же злоупотреблять удобствами такого «об'яснения».

В десятках своих выступлений т. Л е н и н об'яснял, почему нэп является отступлением.

«При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. П р и и н о м у р о в н е к у л ь т у р ы можно было бы решить задачу п р я м е е, и, может быть, другие страны так ее и

решат, когда придет время строения коммунистических республик. Но мы прямым путем не можем решать вопрос [1].

На пленуме московского совета, 19 января 1922 г., Владимир Ильич говорил еще определеннее:

«Новая экономическая политика. Странное название. Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад. Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики» [2].

Резолюция XI с'езда РКП о профсоюзах, писанная Ильичем, прямо указывает, что

«изменения форм социалистического строительства вызываются тем обстоятельством, что во всей политике перехода от капитализма к социализму компартия и соввласть осуществляют теперь особые приемы этого перехода, действуют в целом ряде отношений иными способами чем прежде, завоевывают ряд позиций, так сказать, „новым обходом", совершают отступление, чтобы более подготовленно перейти опять к наступлению на капитализм»

Богушевский ввел в моду презрительное поплевывание в сторону эпохи «военного коммунизма», приравняв последний... к остаткам крепостничества. Гольденберг таким же бесцеремонным образом разделывается с нашей первоначальной попыткой более прямого перехода к социализму.

Как будто бы совсем не для него в тезисах о тактике РКП, предложенных т. Лениным III конгрессу Коминтерна, совершенно категорически подчеркивалось, куда мы отступаем.

«Развитие капитализма под контролем и регулированием пролетарского государства (т.-е. в этом смысле слова „государственного" капитализма) выгодно и необходимо в чрезвычайно разоренной и отсталой мелко-крестьянской стране (конечно, в известной лишь мере), поскольку оно в состоянии ускорить немедленный под'ем крестьянского земледелия [3].

От прямого перехода к социализму мы отступили к государственному капитализму.

Чтобы уметь подготовлять настоящее наступление на капитализм, нужно понимать, куда мы отступили.

Однако ведь наша политика 1918—21 годов была неудавшейся попыткой прямого перехода к социализму. Не означает ли это, что мы просто из царства утопии и фантазии пришли в царство разумного хозрасчета?

Разберемся!

---

[1] Ленин. «Речь на II всероссийском с'езде политпросветов». Том XVIII, ч. I, стр. 380.
[2] Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 95—96.
[3] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 315.

2. «Не нужно было браться за оружие»?

«Если бы все дело было в том, чтобы иметь главки и центры, об'единить в них управление промышленностью, наладить карточную систему и запретить рыночную торговлю,—в этом случае мы имели бы социализм уже в 1919 и 1920 годах. Между тем, как раз в эти годы мы были еще очень далеки от социализма. Основной вопрос продвижения к социализму — не та или другая схема управления промышленностью, не карточная система и не упразднение денег. Основной вопрос — в крестьянстве».

Обыватель, страдавший в 1919—20 г.г. от бадаевских карточек и «рыбы-мяса», именуемого воблой, не мог бы дать более «глубокого» понимания нашей борьбы эпохи 1919—20 г.г.

Неужели же наша попытка прямого перехода к социализму заключалась только в карточках и тому подобном?

Подобная постановка вопроса разоблачает только одно,—что наш резвый критик Ленина не имеет «никакейшего» представления о том, что условия, темп и характер перехода от капитализма к социализму определяются соотношением классовых сил в международном и внутреннем масштабе.

Какую же задачу мы в союзе с международным пролетариатом решали в период октября 1917 — марта 1921 года? Задачу прямого низвержения международного господства капитала. Задачу прямого перехода к диктатуре пролетариата в ряде передовых капиталистических стран.

Разве в 1918 году т. Ленин не об'яснял, что

«история... пошла так своеобразно, что родила в 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны. Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма... осуществила бы победу мирового социализма наверняка»[1].

Конечно, если к средствам решения экономических задач относить только дойных коров, швейные машины компании Зингера и патентованные подтяжки и «забывать»... о международной пролетарской революции, то и в нашей борьбе 1918—1920 годов можно не увидеть ничего, кроме гнилой воблы и восьмушки фунта сквернейшего хлеба.

Однако, попытка нашего прямого перехода к социализму обусловливалась именно ставкой на низвержение капитализма в ряде передовых промышленных стран.

Изменила ли бы эта победа рабочего класса в международном масштабе соотношение и взаимоотношение различных хозяйственных форм в нашей стране, изменила ли бы она соотношение классовых сил в нашем хозяйстве?

---

[1] Ленин, том XV, стр. 247.

Надо полагать, что да!

С этой точки зрения Владимир Ильич и определял условия нашего отступления:

«Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным „надстройкам“ и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде. В мировом масштабе это „если“ уже осуществлено, это условие уже есть на-лицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, попытавшаяся сразу и непосредственно реализовать, претворить в жизнь, наладить практически новую связь промышленности с земледелием не осилила этой задачи „штурмовой атакой“ и теперь должна осилить ее рядом медленных, постепенных, осторожных „осадных“ действий» [1].

Отступление *от* или приближение *к* социализму? — допрашивает Ленина строгий т. Гольденберг.

На это можно ответить только вопросом: чем был Брестский мир— отступлением «от» или приближением «к»?

Да — да, нет — нет, что свыше, то от лукавого.

К величайшему огорчению т. Гольденберга, в исторической борьбе классов, в тяжбе между капитализмом и социализмом, всякая «плохая» сторона имеет свою «хорошую» сторону, и наоборот.

Противоречие всегда ведет вперед. Зачем же обижаться на исторические противоречия?

Или, может быть, не нужно было браться за оружие, не нужно было пытаться сократить и облегчить наш путь к социализму прямым натиском на мировое господство буржуазии?

Воистину, непереваренная умственная пища, как и непереваренная пища вообще, дает отрыжку.

3. «А социализм, это — советская власть плюс смычка»...

«Основной вопрос строительства социализма — в настоящее время у нас в России, в будущем для всех остальных стран — это охват сельского хозяйства. Мерилом и показателем действительного продвижения к действительному, живому социализму является степень включения в социалистическую систему крестьянского хозяйства, глубина и серьезность (!) смычки с ним пролетарской крупной промышленности. И с этой точки зрения, — а это (!) единственно (!!) ленинская (!!?), живая, не высосанная из пальца и книжная точка зрения.—нэп это не „обходное“ движение, а (!) единственно возможный путь к социализму. Без хозяйственной смычки с крестьянством нет социализма. Переход к новой экономической политике был не „отступлением“, а началом налаживания этой смычки. Вот почему при военном коммунизме мы были несравненно дальше от социализма, нежели сейчас, хотя имели тогда карточную систему, главкизм, разгоняли рынки и т. п. При „военном коммунизме“ шла хозяйственная размычка города и деревни; основной же процесс нэпа — это не шикарные магазины и разжиревшие спеку-

[1] Ленин. «О значении золота теперь и после полной победы социализма». Т. XVIII, ч. I. Стр. 413.

лянты, это — грязная пена нэпа, мыльные пузыри, которые скоро лопнут. Основное в нэпе это — хозяйственная смычка с крестьянством. А социализм это — советская власть плюс смычка».

В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» т. Ленин подробно раз'яснял, почему наш переход к нэпу есть необходимый и целесообразный переход от революционных методов действия к реформистским.

«До победы пролетариата реформы — побочный продукт революционной классовой борьбы. После победы они (будучи в международном масштабе тем же самым „побочным продуктом") являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, не-хватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода. Победа дает такой „запас сил", что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении, — продержаться и в материальном, и в моральном смысле»[1].

Итак, по Ильичу, нэп — с точки зрения международного развития пролетарской революции — передышка между двумя штурмами.

Что же получается, таким образом, из патентованной формулы г. Гольденберга: «советская власть плюс передышка это — социализм»?!

Может быть, это и «формула» социализма, но какого-то особенного: например, для людей, страдающих астмой.

Как хотите, видеть в классовой борьбе только передышку — довольно своеобразный взгляд!

Но возьмем другую сторону дела. Ведь Ильич учил, что «советская власть плюс электрификация это — социализм». Здесь же материально-производственная база социалистической смычки исчезает в фразах о смычке, лишенных конкретного классового содержания, лишенных всякого намека на реальное соотношение хозяйственных форм, дающее действительную победу социализму.

Социализм, как будто, предполагает уничтожение классов?

А здесь оказывается, что смычка двух классов при нэпе это и есть социализм[2]. Выходит, что нэп — «в основном» — есть уже социализм?!

Сие, как будто, должно означать, что за пределами нэпа наш смелый критик не видит никакого социализма. А как же быть тогда с призывом Ильича сделать «из России нэповской Россию социалистическую»?

Владимир Ильич учил:

«Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, по-

[1] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 415.

[2] Вспомните речь В. И. на с'езде транспортных рабочих: «Нелепо писать на плакатах, что царству рабочих и крестьян не будет конца».

стольку капитализм неизбежен в известной мере как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма) как посредствующее звено между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил» [1].

Элементов, частиц, кусочков капитализма не видит наш критик Ленина в смычке рабочих и крестьян. Не понимает он того, что эта смычка имеет и свое прошлое, и свое будущее, и свое переходное настоящее. Он гонит от себя конкретно-исторический взгляд на вещи: «карточки» — зло, нэп — благо, нэп плюс советская власть это — социализм . . .

Но тут критик Ленина попадает прямехонько в об'ятия престарелого народничества, подсахаривавшего крестьянский (т.-е. кулацкий) капитализм.

Вспомним, в чем состояла ошибка народников вообще, эс-эров в частности.

«Одна из коренных ошибок народнической экономии, — писал в конце 1907 года т. Ленин, — состояла в том, что источником аграрного капитализма считали исключительно помещичье хозяйство, крестьянское же рассматривали под углом „народного производства“ и „трудового начала“ (так поступают и теперь трудовики, „народные социалисты“ и социалисты-революционеры). Мы знаем, что это неверно. Помещичье хозяйство эволюционирует капиталистически, заменяя постепенно отработки „вольнонаемным трудом“, трехполье — интенсивной культурой и крестьянский стародедовский инвентарь — усовершенствованными орудиями владельческой экономии. Крестьянское хозяйство тоже эволюционирует капиталистически, выделяя сельскую буржуазию и сельский пролетариат» [2].

Мелкобуржуазная ограниченность и мелкобуржуазная подоплека эсэровщины в том-то и обнаруживалась, что они не могли и не хотели видеть необходимости самостоятельной борьбы против капитализма после свержения помещиков. Они идеализировали фигуру середняка под именем «трудового крестьянства» вместо того, чтобы на деле помочь организации бедняка и середняка против кулака.

Центр нэпа — в отношении к крестьянству.

«Значение периода, который начинается сейчас в России, с международной точки зрения,—если рассматривать международную революцию, как единый процесс, — по существу состоит в том, что мы практически должны разрешить вопрос об отношении пролетариата к последнему капиталистическому классу в России» [3].

Так ставил вопрос Владимир Ильич на II конгрессе Коминтерна. Из этой постановки вопроса он делал вывод о необходимости тес-

[1] «О продналоге». Том XVIII, ч. I, стр. 222.
[2] «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905—07 г.г.», т. IX, стр. 445.
[2] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 325.

ного союза между пролетариатом и крестьянством[1]. На этом основании он выдвинул план кооперирования деревни.

Нэп есть форма перерастания мелко крестьянской экономики в крупную обобществленную экономику, в социалистическую. Особенность, своеобразие этой конкретно-исторической формы перерастания заключается в том, что она «допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом на почве удовлетворения хозяйственных интересов через рынок многомиллионного крестьянства"[2].

Вот поэтому и нельзя декретировать, что «социализм это — советская власть плюс смычка».

Нельзя это делать с легкомысленным (и анонимным) наскоком на Ленина, не подавая — хотя бы и бессознательно — руки Устряловым.

Обратите-ка внимание на устряловскую логику.

«Если уже теперь очевидно, что темп воссоздания русского государства зависит от темпа возрождения нашего сельского хозяйства, — то вырисовывается и „человеческий материал", составляющий фокус новой России. Это в первую голову крестьянин-производитель, „крепкий хозяйственный мужичок"[3].

Устрялов сразу же переводит «темп» на язык прямой борьбы между капитализмом и социализмом.

Как раз поэтому не следует торопиться переоценивать и пересматривать сущность нэпа, — в особенности в таком виде, как это делает т. Гольденберг.

Сафаров.

«Ленинграрская Правда» № 262
от 15/XI 1925 г.

ОТВЕТ ТОВ. САФАРОВУ.

В № 262 «Ленинградской Правды» напечатана статья т. Сафарова: «А социализм это — советская власть плюс смычка»; она посвящена разносу моей статьи «О новой экономической политике», появившейся во втором номере ныне покойного журнала «Пропагандист» шесть или семь месяцев тому назад. «Разнос», таким образом, получился несколько запоздалый. Во всяком случае, если т. Сафаров пишет, что «теперь на сцену выступил т. Гольденберг», то это «теперь» весьма относительно.

I. В своей статье я писал:

«Основной вопрос строительства социализма—в настоящее время у нас в России, в будущем для всех остальных стран—это охват сельского хозяйства. Мерилом и показателем действительного продвижения к действительному, живому социализму является степень включения в социалистическую систему крестьянского хозяйства, глубина и серьезность смычки с ним пролетарской крупной промышленности... При

[1] Том XVIII, ч. I, стр. 326.
[2] Резолюция XI с'езда о профсоюзах.
[3] Н. Устрялов. «Под знаком революции». Харбин 1925 г. Стр. 142—143.

„военном коммунизме" шла хозяйственная размычка города и деревни... Основное в нэпе это — хозяйственная смычка с крестьянством. А социализм это — советская власть плюс смычка».

В приведенной цитате речь идет о смычке в совершенно определенной обстановке и в совершенно определенном направлении; смычка здесь понимается как «включение в систему социалистического хозяйства крестьянского хозяйства». Об этой именно смычке — осуществляемой через кооперацию — т. Ленин писал, что «это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения».

Моя формулировка была ошибочна потому, что гласила, что «социализм это — советская власть плюс смычка». Следовала сказать, что советская власть плюс смычка это — необходимые и основные предпосылки построения социализма. О ш и б к а е с т ь, и я е е п р и з н а ю. Но если по поводу этой ошибки т. Сафаров обвиняет меня в «легкомысленном (и анонимном) наскоке на Ленина», если он утверждает, что так формулировать нельзя, «не подавая руки Устряловым», то это — чудовищное преувеличение, которое только запутывает и смазывает вопрос.

Дело однако не в том, что т. Сафаров раздувает мою ошибку. Хуже то, что при этом он сам впадает в ошибки, значительно большие и значительно более вредные. Приведя выдержку из статьи Ленина «О значении золота», он пишет:

«Итак, по Ильичу нэп — с точки зрения м е ж д у н а р о д н о г о развития пролетарской революции — передышка между двумя штурмами. Что же получается, таким образом, из патентованной формулы т. Гольденберга: „советская власть плюс передышка это — социализм"?».

Тут т. Сафарову делается очень смешно, и он восклицает:

«Как хотите, видеть в классовой борьбе только передышку — довольно своеобразный взгляд!».

Не торопитесь однако, т. Сафаров! Конечно, нэп есть передышка между двумя штурмами. Но этим содержание нэпа не исчерпывается. Нэп есть в то же время продолжение классовой борьбы, правда, в других формах и другими методами. Нэп есть передышка в в о о р у ж е н н о й б о р ь б е с мировым капиталом — только в этом смысле Ленин и говорил о передышке, — но в то же время он есть период активного строительства социализма. Сводить нэп т о л ь к о к передышке значит отрицать и классовую борьбу в нэпе и строительство социализма, это значит расценивать его как топтание на месте в ожидании нового штурма на Западе. «Видеть в классовой борьбе только передышку» это взгляд не только «своеобразный», как вы с несвойственной вам мягкостью выражаетесь, но и неверный, нелепый, не ленинский взгляд. Но это в а ш взгляд, если вы определенную форму классовой борьбы — нэп — сводите только к передышке.

II.

«Богушевский ввел в моду презрительное поплевывание в сторону эпохи „военного коммунизма“... Гольденберг таким же бесцеремонным образом разделывается с нашей первоначальной попыткой более прямого перехода к социализму».

И в другом месте:

«Обыватель, страдавший в 1919—20 г.г. от бадаевских картэчек и „рыбы-мяса“, именуемого воблой, не мог бы дать более „глубокого“ понимания нашей борьбы эпохи 1919—20 г.г. Неужели же наша попытка прямого перехода к социализму заключалась только в карточках и тому подобном?».

Тов. Сафаров не скупится на эпитеты, но никаких аргументов по существу не приводит. В своей статье я писал:

«Сохранение рынка и нормального товарооборота во время гражданской войны означало бы голодную смерть промышленного пролетариата, а, следовательно, гибель революции, победу помещика и капиталиста, поражение рабочих и крестьян. Отсюда в первую очередь вытекала для пролетариата необходимость временного упразднения свободной торговли и рынка, необходимость „военного коммунизма“, т.-е. такого порядка, когда хлеб получался из деревни не в обмен на товары, доставляемые городом, но в порядке разверстки, как ссуда, необходимая для ведения общей борьбы и достижения общих целей. Военный коммунизм, следовательно, это такой тип связи пролетариата и крестьянства, когда место хозяйственной смычки, ставшей невозможной благодаря издержкам революции и войны, занимает военно-политическое соглашение обоих классов».

Читатель видит, что от «презрительного поплевывания в сторону военного коммунизма» я очень далек. Но может быть я расхожусь с ленинской оценкой военного коммунизма? Посмотрим.

В статье о продналоге Владимир Ильич писал:

«Своеобразный „военный коммунизм“ состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки, и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Врали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелко-крестьянской стране мы не могли. И тот факт, что мы победили (вопреки поддержке наших эксплуататоров могущественнейшими державами мира), показывает не только, на какие чудеса героизма способны рабочие и крестьяне в борьбе за свое освобождение. Этот факт показывает также, какую роль лакеев буржуазии играли на деле меньшевики, эс-эры, Каутский и К°, когда они ставили нам в вину этот военный коммунизм. Его надо поставить нам в заслугу.

«Но не менее необходимо знать настоящую меру заслуги. Военный коммунизм был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой»[1] (Разрядка моя).

Недостаток места не позволяет привести другие цитаты. Но аналогичные заявления относительно военного коммунизма Ленин делал

[1] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 214.

в своем докладе о натурналоге на X с'езде РКП (б) [1], в заключительном слове на том же с'езде [2], в докладе московскому парт'активу в апреле 1921 г. [3], в докладе о продналоге на партконференции 1921 г. [4], в тезисах о тактике РКП, принятых III конгрессом Коминтерна [5], и в целом ряде других мест.

Читатель сам теперь может судить, какая цена утверждению т. Сафарова, что из данной мной оценки военного коммунизма вытекает . . . что «не нужно было браться за оружие»!

III. В своей статье в «Пропагандисте» я поставил вопрос «был ли нэп отступлением» и дал на него отрицательный ответ. Я признаю, что как постановка вопроса, так и ответ на него может дать повод к недоразумениям и обвинению в отступлении от ленинской точки зрения. Конечно, нэп б ы л отступлением в том смысле, что означал переход от штурмовой атаки мирового капитала к «реформистской» тактике, тактике, рассчитанной на замедленное развитие мировой революции. Он б ы л отступлением с точки зрения тех опасностей, с которыми с в я з а н о р а з в я з ы в а н и е р ы н к а, с вытекающими отсюда буржуазными отношениями, главным образом, в сельском хозяйстве. Именно эти моменты имеет в виду т. Ленин, когда характеризует нэп как отступление. Но в то же самое время в целом ряде других областей н э п б ы л н е о т с т у п л е н и е м, а п р о д в и ж е н и е м в п е р е д. Мы спросим т. Сафарова: был ли нэп отступлением, шагом назад, в деле укрепления союза пролетариата и крестьянства? Был ли нэп шагом назад в деле укрепления руководящей роли пролетариата в этом союзе? Был ли нэп отступлением в деле «насыщения» наших командных высот, нашей крупной промышленности — материальной базы социализма в нашей стране? Был ли нэп отступлением в собирании, организации, росте фабрично-заводского пролетариата — классовой базы социалистического строительства? Конечно, нет. Во всех этих областях нэп был не только необходимым шагом, но шагом в п е р е д по сравнению с военным коммунизмом.

Тов. Ленин был очень далек от того, чтобы подобно т. Сафарову видеть в нэпе т о л ь к о отступление, или, г л а в н ы м о б р а з о м, отступление. В докладе о тактике РКП на III конгрессе Коминтерна он говорил:

> «О т в о е н н о г о с о ю з а м ы д о л ж н ы п е р е й т и к э к о н о м и ч е с к о м у, и теоретически единственной основой этого экономического союза может явиться в в е д е н и е н а т у р а л ь н о г о н а л о г а. В этом заключается единственная теоретическая возможность прийти к действительному солидному экономическому базису социалистического общества» [6]. (Разрядка Ленина).

---

[1] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 141.
[2] Там же, стр. 151.
[3] Там же, стр. 190—191.
[4] Там же, стр. 257—258.
[5] Там же, стр. 315.
[6] Там же. стр. 331.

В докладе о продналоге на Всероссийской конференции Ленин говорил:

> «Во всяком случае свою задачу — сохранение промышленности хотя бы при условиях наибольшей отрезанности от хлебных районов — разверстка выполнила. И только в военной обстановке это могло быть сколько-нибудь удовлетворительно. Как только мы действительно прочно покончили с врагом — а это лишь к 1921 году оказалось фактом — перед нами стала задача другая, задача экономического союза между рабочим классом и крестьянством. Только к весне 21 года мы вплотную поставили эту задачу, и это случилось тогда, когда неурожай 1920 года ухудшил положение крестьян до невероятности, когда мы в первый раз до известной степени пережили внутренние колебания, связанные не с внешним натиском врагов, а с отношением между рабочим классом и крестьянством» [1].

В докладе о натуральном налоге на Всероссийской конференции Ленин говорил:

> «Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, допустить не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата». (Разрядка моя. **Э. Г.**).

Недостаток места не позволяет привести другие выдержки (в частности и в особенности из доклада московскому парт'активу 9 апреля 1921 г.). Но уже из приведенных цитат видно, что, по Ленину, к проблеме экономического союза с крестьянством мы вплотную подошли только с новой экономической политикой, что натуральный налог, т.-е. основное мероприятие новой экономической политики, есть теоретически единственная основа этого экономического союза, что он не ослабляет, а укрепляет руководящую роль пролетариата («политическую власть пролетариата»). Значит, по Ленину, в таком кардинальном вопросе, как взаимоотношения пролетариата и крестьянства, нэп есть не отступление, а шаг вперед к социализму по сравнению с военным коммунизмом.

Новая экономическая политика была грандиозным маневром, в котором отступление на одних участках фронта имело место одновременно с наступлением на других. Ошибка моей статьи в «Пропагандисте» заключается в однобоком выпячивании последних. Но когда т. Сафаров отмахивается от них фразой о том, что «всякая „плохая" сторона имеет свою „хорошую" сторону и наоборот», то у него получается, что смычка с крестьянством, рост промышленности, рост пролетариата и т. д. — это лишь побочный продукт нэпа, в основном являющегося отступлением, и только отступлением.

Здесь т. Сафаров впадает в ошибку, противоположную моей, но, с моей точки зрения, более вредную и более опасную.

Э. Гольденберг.

«Ленинградская Правда» № 268,
от 22/XI 1925 г.

---

[1] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 258.

«ЛЕНИНИЗМ» С ОГОВОРОЧКОЙ.

1. Расписка в получении.

«Много дренажа требуют наши черноземы».
А. И. Герцен.

Тов. Гольденберг чрезвычайно обижен, что мы лишь с большим опозданием отозвались на его открытие: «а социализм это — советская власть плюс смычка» . . .

Что поделать, по французской пословице приходится сказать: «j'ai d'autres chats à fouetter» («мне приходилось сечь других кошек»).

И, тем не менее, выступление Гольденберга по времени и по духу («дух времени»!) вполне совпадает с выступлениями Богушевского, Кантора, Варейкиса и т. д.

> «Моя формулировка была ошибочна потому, что гласила, что „социализм это — советская власть плюс смычка". Следовало сказать, что советская власть плюс смычка это — необходимые и основные предпосылки построения социализма. Ошибка есть, и я ее признаю».

Так расписывается в получении т. Э. Гольденберг.

Но это лишь половинчатое, увертливое, несерьезное признание ошибки. — «Не вмер Данило, болячка задавила». — «Следовало сказать, что советская власть плюс смычка это — необходимые и основные предпосылки построения социализма».

Однако, все же кто же является главным двигателем нашей социалистической революции? Разве этим двигателем не является пролетариат, вырастающий и развивающийся на основе нашей крупной обобществленной промышленности?

Куда же исчезла общественно-производственная и, в то же время, классовая база строительства социализма? Наш резвый критик ее опять с'ел, не поморщившись, ограничившись лишь пустой фразой о «включении» крестьянства в «систему социалистического хозяйства». Заданное он принимает за данное. Как будто бы громы Ильича против «сладенького коммунистического вранья», «комвранья», для некоторых людей прошли совершенно бесследно.

2. Что же такое, наконец, нэп с международной точки зрения?

> «Нэп есть передышка в вооруженной борьбе с мировым капиталом — только в этом смысле Ленин и говорил о передышке — но в то же время он есть период активного строительства социализма».

Так глубокомысленно возражает товарищ Э. Гольденберг. Как мы уже ранее указывали, на передышку он смотрит в высшей степени обывательски. Ему кажется, что передышка есть нечто противоречащее активному строительству социализма. Передышка есть период какого-то блаженного отдохновения.

Но ведь передышкой был и Брестский мир. Что мы понимали под передышкой в период Бреста? Как мы смотрели на эту передышку с марксистско-ленинской точки зрения? — Как на период подготовки вооруженной и иной мощи пролетарской республики для решительной борьбы с международным империализмом, которая должна была наступить в прямой связи с международным революционным взрывом.

Просто стыдно об'яснять такую азбуку компрофессорам. Иные из них положительно копируют жрецов науки «доброго старого времени»!

Но все же продолжим вынужденное об'яснение.

Нэп, в более широком масштабе, есть такая же передышка, как и Брест. Мы приводили совершенно точное определение т. Ленина, устанавливающее взаимоотношение между международной революцией и реформами в стране победившего пролетариата. Наш «мужественный» критик замолчал эту ссылку: для анонимной борьбы с Лениным это куда удобнее.

Тов. Ленин писал:

> «Победа дает такой „запас сил", что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении, — продержаться и в материальном и в моральном смысле. Продержаться в материальном смысле — это значит сохранить достаточный перевес сил, чтобы неприятель не мог разбить нас до конца. Продержаться в моральном смысле — это значит не дать себя деморализовать, дезорганизовать, сохранить трезвую оценку положения, сохранить бодрость и твердость духа, отступить хотя бы и далеко назад, но в меру, отступить так, чтобы во-время приостановить отступление и перейти опять в наступление» [1].

Если отступление понимать как бегство, а передышку как санаторное безделье, тогда, конечно, не трудно прийти к такому взгляду, что период нэпа представляет собою сплошную розу без шипов.

Чего же не понимает наш профессор?

Не понимает он того, что задачи международной пролетарской революции не могут быть решены только одним нэпом в России.

Критик Ленина (критики Маркса тоже были из профессоров!) явно страдает национальной ограниченностью, ибо в нэпе он видит лишь перерыв в нашей, эс-эс-эс-эровской, вооруженной борьбе с мировым империализмом. Исчез международный пролетариат, исчез вообще учет соотношения классовых сил в мировом и внутреннем масштабе.

К социализму мы придем только через нэп, но отсюда нельзя еще делать такого вывода, что нэп может заменить социализм, может заменить международную победу рабочего класса.

Незачем запутывать взгляды Ильича, чтобы прикрывать кашу в собственной голове.

---

[1] Ленин. «О значении золота». Т. XVIII, ч. I, стр. 415.

Взгляды Ильича не оставляют никаких сомнений насчет действительного соотношения между нэпом и ходом международной революции.

«Мы существуем в цепи капиталистических государств как звено мирового хозяйства. На одной стороне — колониальные страны, они не могут еще помочь нам, на другой — капиталистические страны, они наши враги. Получается известное равновесие. Правда, очень плохое равновесие. Но мы все же должны с этим фактом считаться. Мы не должны закрывать глаза на этот факт, если мы хотим существовать. Либо немедленная победа над всей буржуазией, либо выплата дани. Мы совершенно открыто признаем, мы не скрываем этого: концессии в системе государственного капитализма означают дань капитализму. Но мы выигрываем время, а выиграть время — это значит выиграть все, особенно в эпоху равновесия, когда наши иностранные товарищи основательно подготовляют революцию. Чем основательнее мы ее подготовим, тем вернее будет победа. До тех пор мы вынуждены будем платить дань»[1].

3. «Нэп» это — необходное движение».

«Конечно, нэп был отступлением, отступлением в том смысле, что означал переход от штурмовой атаки мирового капитала к „реформистской" тактике, тактике, рассчитанной на замедленное развитие мировой революции. Он был отступлением с точки зрения тех опасностей, с которыми связано развязывание рынка, с вытекающими отсюда буржуазными отношениями, главным образом, в сел. хоз. Именно эти моменты имеет в виду т. Ленин, когда характеризует нэп как отступление. Но в то же самое время в целом ряде других областей нэп был не отступлением, а продвижением вперед».

Таков наш критик Ленина: нашим же добром нам бьет челом.

Разве в нашей статье в № 2 «Пропагандиста», почтеннейший, первая глава не называется — «Был ли нэп отступлением»? Разве она целиком не посвящена опровержению этого? Может быть прикажете позвать нотариуса, дорогой товарищ!

Вспомните-ка, что вы писали!

«Корень ошибочного мнения, будто нэп — это отступление, заключается в крайне путанных и неверных представлениях о существе социалистического строительства»[2].

У кого же была путаница — у Ленина или — извините за сопоставление! — у Гольденберга?!

Но, торопясь запрятать свою ошибку поглубже в ворох ненужных словес, наш горе-критик продолжает свою путаницу: «Нэп был отступлением с точки зрения ... опасностей». — Помимо того, что сказано это совсем не по-русски, это и политически безграмотно:

---

[1] Ленин. «Тактика РКП». Речь на заседании 5 июля 1921 г., т. XVIII, ч. I, стр. 333.

[2] «Пропагандист» № 2, стр. 35.

Отступление с точки зрения опасностей, которые возникают вследствие отступления?!

Отступают-то ведь от врага, который прямо наступает, но нет отступления... от самого отступления!

Профессор, красный профессор, неоднократно подчеркивает, что нэп был отступлением: еще одна последняя лазейка!

Перестал ли нэп быть отступлением?

Перестал ли он быть обходным движением, о котором говорила неопровергнутая Гольденбергом резолюция одиннадцатого партийного с'езда?

Наше движение вперед бесспорно, но это ведь постепенный переход от отступления к наступлению, это есть подготовка нового наступления в смысле бесповоротно-решающего изменения того соотношения классовых сил, которое вызвало нэп.

Вспомните, как ставил этот вопрос Вл. Ильич на XI с'езде.

> «Если окажется правильным отступление, то сомкнуться, отступивши, с крестьянской массой, и вместе с ней в сто раз медленнее, но зато твердо и неуклонно итти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед»[1].

4. «О военном коммунизме» и о вежливом обращении с критиками Ленина.

Цитатами из т. Ленина старается прикрыть свою идейную наготу из молодых да ранний критик Ленина. Что Ленин подверг уничтожающей критике «военный коммунизм», когда нужно было возможно более быстро перейти к нэпу, это общеизвестно.

Но ведь у резвого Гольденберга вышло так, что во всей эпохе военного коммунизма не было ничего, кроме ошибки. «Военный комунизм» и обывателем и нашим критиком сводится к одному «голому насилию», к военной борьбе. Хозяйственной смычки в этот пероид «не было и быть не могло»[2].

А Ильич, признавая полностью и целиком историческую условность хозяйственной смычки в условиях «военного коммунизма», в то же время в тезисах о тактике РКП, принятых III конгрессом Коминтерна, указывал, что в особой, исключительной форме здесь тем не менее был на-лицо экономический союз пролетариата и крестьянства.

> «... Если военный союз между пролетариатом и крестьянством явился — и не мог не явиться — первой формой их прочного союза, то он не мог бы держаться и несколько недель без известного экономического союза названных классов. Крестьянин получал от рабочего класса всю землю и защиту от помещика, кулака: рабочие получали от крестьян продовольствие и ссуду до восстановления крупной промышленности»[3].

---

[1] Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 27.
[2] «Пропагандист» № 2, стр. 37.
[3] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 314.

Критик Ленина обижается на мои «эпитеты» и явно добивается «вежливого обращения».

Но это совершенно необоснованная претензия. Человек—в статье, предназначенной раз'яснить смысл нэпа рабочим, изучающим ленинизм, — чудовищно извращает ленинское учение. Он замазывает, смазывает классовое содержание нэпа, стирает различие между Россией нэповской и Россией социалистической и затем... обижается на заслуженно-резкую критику.

В поучение Гольденбергу поясним, что разумел т. Ленин под руководством крестьянством:

> «Что это значит — руководить крестьянством? Это значит, во первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии, коренной и основной, сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эс-эров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата [1].

Г. Сафаров.

«Ленинградская Правда» № 268,
от 22 ноября 1925 г.

О НЕКОТОРЫХ «ТЕОРИЯХ» НЭПА.

На пороге XIV с'езда партия снова обсуждает коренные вопросы нашей политики. Она снова внимательно анализирует конкретные условия борьбы и социалистического строительства, чтобы проверить на новой, достигнутой ступени развития правильность своего пути, форм и методов работы и отмести все отклонения от ленинской линии.

Одним из важнейших вопросов является вопрос о нэпе и госкапитализме. Обсуждение этого вопроса тем более необходимо, что за последнее время мы имеем здесь ряд толкований, искажающих ленинизм и дающих неправильное представление о соотношении классовых сил в нашей стране и о путях нашего развития.

Куда мы растем? Перешли ли мы, по плану Ленина, к «более подготовленному наступлению на капитализм», после того отступления, которое мы проделали в 1921 году? Продвинулись ли мы и как далеко в деле социалистического строительства?

Эти вопросы являются важнейшими вопросами оценки теперешней обстановки, соотношения сил в нашей стране, путей нашего развития. Их — эти вопросы — нельзя обойти; от них нельзя отделаться парой увертливых фраз. Они требуют ясного и недвусмысленного ответа.

На страницах «Ленинградской Правды» т. Сафаров продолжает нас поучать, что нэп есть отступление к госкапитализму. Вся наша хозяйственная система, весь наш хозяйственный строй при новой экономической политике определяется некоторыми товарищами как «государственный капитализм в пролетарском государстве».

На вопрос же о том, что такое этот государственный капитализм, дается, примерно, следующий ответ:

«Наш государственный капитализм приходится отличать, во-первых, от государственного капитализма вообще (от государственного капитализма буржуазных стран) и, во-вторых, от частно-хозяйственного капитализма. От первого наш государственный капитализм отличается тем, что это государственный капитализм под котролем пролетарского государства. От второго он отличается тем, что вообще государственный капитализм отличается от частного капитализма».

Итак, руководящим началом нашей хозяйственной системы является госкапитализм. Находящаяся в руках пролетариата промышленность тоже является госкапиталистической. А наш госкапитализм отличается от обычного госкапитализма, основанного на порабощении, эксплуатации, угнетении пролетариата, лишь тем, что «находится» в пролетарском государстве, но не своим социально-классовым содержанием.

От частного капитализма же он отличается, видите ли, только тем, чем госкапитализм вообще, т.-е. госкапитализм в буржуазных странах, отличается от частного капитализма.

Но ведь здесь отличие опять-таки не в сущности классовых отношений между буржуазией и пролетариатом, а в размерах, организации, формах и методах эксплуатации пролетариата.

Более неверной характеристики нашей хозяйственной системы нельзя придумать. Действительные классовые отношения в нашей государственной промышленности поставлены здесь на голову.

* * *

Но скажут: разве не являются формы и методы работы наших трестов капиталистическими? Разве не по-капиталистически торгуют наши синдикаты? Разве нет у нас банков и денежной системы?

Да, формы и методы работы наших хозучреждений в условиях нэпа во многом сходны с капиталистическими. Мы ставим денежный учет, калькулируем, исчисляем издержки производства, торгуем и проч. во многих отношениях так же, как капиталистические тресты. Правда, дело здесь обстоит еще плохо. Капиталистическая техника еще во многих областях является для нас далеким идеалом. Нам нужно еще учиться и учиться у капитализма технике работы; нужно работать долго и упорно, чтобы овладеть этой техникой. Но эти обстоятельства не решают вопроса о социально-экономической сущности нашей промышленности.

В самом деле, с каких это времен вопрос о «методах и формах» является решающим для марксиста? Разве, наоборот, при оценке какой-либо общественной или экономической формы не представляется именно вопрос о классовом, социально-экономическом содержании ее решающим для ленинца, для марксиста?

И, когда речь идет об анализе экономических форм нашего Союза, на первом месте должен стоять анализ их экономического содержания, тех классовых отношений, которые они в себе заключают. Деньги в простом товарном обществе и в капиталистическом — не одно и то же. При капитализме они получают новое свойство быть капиталом, средством получения прибыли. В руках наших трестов, нашего государства они

являются средством социалистического накопления, оставаясь вместе с тем средством получения капиталистической прибыли для тех капиталистических предприятий, которые существуют в нашей стране.

Мы называем «капиталом» наши советские фабрики и заводы, но совершенно ясно, что социально-экономическая сущность этого «капитала» совершенно иная, чем капитала какого-либо Форда. То же с прибылью, то же с заработной платой и проч. на предприятиях находящейся в руках пролетариата промышленности.

В буржуазных государствах все эти формы являются выражением отношений эксплуатации. У нас, в нашей госпромышленности, эти формы, являющиеся остатками капитализма, которые мы будем постепенно изживать, на самом деле выражают отношения совершенно иного порядка — отношения социалистические, устанавливаемые находящимся у власти и владеющим основными средствами производства пролетариатом.

Не понимать этого — значит не понимать азбуки марксизма. Называть эти отношения госкапитализмом — значит чудовищно извращать ленинизм.

* * *

Одним из основных вопросов, который стоит перед нами, является вопрос — куда мы растем? Перешли ли мы в наступление? Движемся ли к социализму?

Ибо ведь новая экономическая политика не является для нас самоцелью. Думать иначе могут только враги коммунизма, только сменовеховцы, меньшевики и проч., которые не имеют ничего общего с нашей партией. Нэп является для нас путем к социализму, способом перехода к социализму в условиях мелкобуржуазного окружения. Именно поэтому вопрос о том, начали мы или нет продвижение к социализму, является основным для оценки нашей теперешней обстановки, результатом нашей политики.

И характерно, что у сторонников «госкапиталистической теории» нашего хозяйства нет ясного ответа на этот вопрос.

> «Перестал ли нэп быть отступлением?» — вопрошает Сафаров в № 268 «Ленинградской Правды». «Наше движение вперед бесспорно,— отвечает он. — но это ведь постепенный переход от отступления к наступлению, это есть подготовка нового наступления в смысле бесповоротно-решающего изменения того соотношения сил, которое вызвало нэп».

Поистине трудное положение у т. Сафарова. Сказать, что нэп продолжает быть отступлением, нельзя, ибо «ведь наше движение вперед (куда именно, т. Сафаров?) бесспорно», его ведь признают теперь даже наши заклятые враги.

С другой стороны, прямо сказать, что нэп перестал быть отступлением, т. Сафаров тоже не может потому, что ведь по его теории у нас госкапитализм, мы строим государственный капитализм, а не социализм. А раз так, то и наше движение вперед не есть движение к социализму,

а лишь «перегруппировка», «подготовка» и проч., т.-е. т о п т а н и е на месте. Хорошенькая оценка работы партии, всех достижений рабочего класса по восстановлению социалистической промышленности, транспорта, строительству кооперации за 4 года нэпа!

Эта неверная пессимистическая оценка тесно связана у т. Сафарова, и иже с ним, со всей его теорией госкапитализма, с его взглядами на возможность строительства социализма в одной стране, с его недооценкой роли кооперации и среднего крестьянства.

Эта оценка должна быть отметена партией, которая, несмотря на все трудности и отдельные ошибки, неуклонно продвигает вперед дело социалистического строительства.

А. Стецкий.

Ц. О. «Правда» № 284,
от 12/XII 1925 г.

К ВОПРОСУ О РОЛИ НЭПА.

Одним из центральных вопросов, вокруг которых развернулась пред-с'ездовская полемика, является вопрос о б и с т о р и ч е с к о й р о л и н э п а.

Согласно взглядам Сафарова и его попутчиков, нэп является т о л ь к о отступлением; по смыслу положений этих собравшихся в «отступление» Мальбруков экономического н а с т у п л е н и я на рельсах нэпа мы еще не начинали, ибо на путях нэпа нельзя успешно строить социализм, а можно, так сказать, только кое-как «прыгать» до победы международной революции.

В тесном соответствии с такой оценкой нэпа находится формула, гласящая, что «нэп — это тактика пролетарской партии в к р е с т ь я н с к о й с т р а н е в у с л о в и я х з а т я ж к и м и р о в о й р е в о л ю ц и и».

Нет никакого сомнения в том, что задержка мировой революции, ставшая ясной к началу периода «мирного» хозяйственного строительства, затруднила строительство социализма в России и поставила с особенной остротой вопрос о необходимости приспособления к крестьянству, восстановления рыночных отношений, словом, вопрос о нэпе. Ильич на эту связь указывал неоднократно.

Но вытекает ли отсюда, что в случае победы международной революции нэп перестал бы быть в Советском Союзе рациональной хозяйственной политикой диктатуры пролетариата?

Есть ли основания утверждать, что нэп — типичен только для к р е с т ь я н с к о й страны?

Конечно, нет. А по прямому смыслу приведенного нами определения нэпа оказывается, что нэп — есть явление, характерное т о л ь к о д л я с у щ е с т в у ю щ е г о С о ю з а С о в е т с к и х Р е с п у б л и к и, наоборот, не могущее быть характерным для политики пролетариата после захвата им власти в других, более передовых, некрестьянских странах.

Следует отметить, что Ленин смотрел на этот вопрос иначе. Именно по его прямому указанию оценка нэпа как политики пролетарского го-

сударства в переходный от капитализма к коммунизму период внесена не в тактическую, а в программную часть решений Коминтерна; именно в согласии с Лениным в проекте программы Коминтерна, одобренном последним его конгрессом, идет речь о нэпе как типической политике пролетарского государства в переходный период; наоборот, военный коммунизм мыслится вероятным лишь как временное отклонение от рациональной хозяйственной политики диктатуры пролетариата, отклонение, обусловленное необходимостью военного характера.

Однако, обратимся к вопросу по существу. Какой круг идей закреплен критикуемой нами формулой? Какой ход мыслей может привести и неизбежно приводит к подобного рода определениям? Россия — страна отсталая, крестьянская; революция, происшедшая в ней, не является «классической»; строительство социализма в ней без помощи победившей международной революции пролетариата — невозможно.

Совершенно ясно, что этот ход мыслей не нов, и он принципиально совпадает с положением т. Троцкого о невозможности победы социализма в Советском Союзе без «государственной помощи» западно-европейского пролетариата.

Но проследим этот ход мыслей дальше. Итак, в Союзе Советских Республик пролетарская партия прибегает к новой экономической политике только потому, что она борется с капитализмом «в крестьянской стране» и своими собственными силами, без экономической помощи международного пролетариата, социализм строить не может («Нэп — госкапитализм в пролетарском государстве»).

Разрешение внутренних противоречий переносится, таким образом, на международную почву.

Но как же будет обстоять дело в стране не-«крестьянской», где захвативший власть пролетариат уже не будет иметь затруднительной обстановки, обусловленной затяжкой мировой социалистической революции?

Разрешение этого вопроса неизбежно обнаруживает псевдоинтернационализм Сафарова и его попутчиков.

Нельзя забывать о том, что такая передовая страна, как Англия, находится в теснейших экономических связях с колониальными земледельческими странами, зависящими от Англии. Трудно представить себе современную крупную капиталистическую страну существующей и развивающейся изолированно от мелкобуржуазного «окружения», крестьянское население которого значительно превосходит по своему количеству пролетарское население метрополии.

Мировое хозяйство, рассматриваемое с определенной точки зрения, представляет собой систему связей мирового города с мировой деревней.

Вот почему победа пролетариата даже в такой индустриально передовой стране, как Англия, не снимает с очереди, а еще раз ставит вопрос об установлении такой рациональной экономической политики, которая обеспечивала бы развитие социализма под руководством диктатуры пролетариата на основе смычки пролетариата с крестьянством (крестьяне колоний или иностранных государств).

Несомненно, что и в условиях победы международной пролетарской революции мировой город будет устанавливать смычку с мировой деревней посредством нэпа. В этих условиях нэпа в международном масштабе мировой Советский Союз успешно строил бы социализм, несмотря на то, что в мировом масштабе крестьянство представляло бы собою количественно подавляющую часть населения.

А если до конца, если последовательно развивать принципы сафаровской философии, — строительство социализма невозможно даже при условии победы мировой пролетарской революции, ибо даже при победе последней крестьянство будет количественно подавляющей частью населения.

Круг замкнут. Тов. Сафаров, не раз намекавший на «скрытый троцкизм» большинства ЦК нашей партии, благополучно приходит к троцкизму.

«Ликвидаторское безверие в социалистические пути развития» в данном случае проявляется на расширенной основе.

Получается это потому, что в сафаровской методологии больше отдает социал-демократизмом, чем революционным марксизмом; потому что Сафаровы не могут понять ведущей роли пролетарского города по отношению к деревне; потому что они оценивают соотношение классовых сил формально-арифметически, а не диалектически.

Громадное значение мировой пролетарской революции для нашего Советского Союза можно понять не по Сафарову, а вопреки Сафарову.

Если бы теперешний Союз Советских Республик влился в ближайшие годы в мировой союз советских республик, то мощь командных экономических высот мирового пролетариата в отношении мировой деревни была бы много значительнее, чем таковая в нашем Союзе Республик. Благодаря этому произошло бы громадное ускорение строительства социализма, и на территории нашего Союза ускорилось бы отмирание нэпа посредством движения через нэп.

Пока же мировой революции, вопреки нашим чаяниям и стараниям, нет, — мы должны, содействуя укреплению Коминтерна, отчетливейшим образом понимать, что строительство социализма на территории нашего Союза в условиях нэпа есть тоже не последний фактор социалистической революции.

Сафаровы презрительно кивают на тех, кто думает подобным образом.

На эти кивания партия ответит усилением своей работы по укреплению командных экономических высот, значения которых Сафаровы не понимают.

А. С.

Ц. О. «Правда» № 286,
от 15/XII 1925 г.

«РАСШИРЕНИЕ НЭПА» И ОППОЗИЦИЯ.

Не имея определенной, ясной, продуманной во всех частях собственной политической платформы, новая оппозиция занималась довольно беспорядочной «критикой» тех или иных отдельных положений, которые она находила у сторонников ЦК. Новая оппозиция цеплялась за отдельные фрмулировки, за отдельные слова, их немедленно возводила в ранг политической «философии» момента, по ним открывала бешеную пальбу, за счет их пыталась мобилизовать «партийное мнение», из-за них оформлялась и организовывалась в обособленную от остальной партии фракцию.

Одним из таких словечек, одной из таких формулировок, не дававших спать новой оппозиции, была формулировка «р а с ш и р е н и я н э п а» в деревне.

Все знают, что вожди оппозиции избрали ее мишенью для самых яростных нападок на ленинский ЦК. Всем памятно то бесчисленное количество шутих, которые пускались Сафаровыми, Вардиными, Закс-Гладневыми насчет «расширения нэпа» в деревне. Все знают, какие ужасы пророчили нашей партии из-за «расширения нэпа» самые видные руководители оппозиции в речах на с'езде. Всем известно, что формулу «расширение нэпа» кое-кто логически «увязывал» даже с происходящим, якобы, в нашей партии и ЦК процессом «перерождения». Можно прямо сказать, что формулу «расширения нэпа» оппозиция сделала одним из главных об'ектов для своей «критической» работы [1].

Между тем, с «расширением нэпа» у оппозиции случился прямо-таки предательский конфуз.

Оказалось, во-первых, что шокирующая формула «расширение нэпа» приютилась на страницах органа, р е д а к т и р у е м о г о самим т. З и н о в ь е в ы м (об этом уже сообщалось в «Правде» и об этом «досадном» обстоятельстве оппозиция не соблаговолила обмолвиться ни единым словечком). Во-вторых, обнаружилось нечто прямо-таки сенсационное. Обнаружилось, что «расширение нэпа» заключено в раскрытом перед всем ленинским с'ездом т. Крупской и д е й н о м б а г а ж е с а м о й о п п о з и ц и и. Это кажется невероятным, но это— документальный факт, которого никаким «топором не вырубишь».

Для того, чтобы ясно, отчетливо судить о политической и теоретической физиономии нынешней оппозиции, надо внимательнейшим образом и з у ч а т ь, надо серьезнейшим образом п р о д у м ы в а т ь все то, что писали и что говорили на с'езде представители оппозиции. Это обязан делать каждый сознательный партиец. И в частности, каждый сознательный большевик должен обратить внимание на то, что гово-

[1] Особенно трепали имя т. А. С., употребившего термин «расширение нэпа» в одной из своих статей. От этой формулировки т. А. С. сам давно отказался и ею не оперировал в дальнейшем. Несмотря на это и несмотря на то, что ничего предосудительного, кроме т е р м и н а «расширение нэпа», оппозиция в статье т. А. С. не могла по существу найти, яростные нападки оппозиции на т. А. С. продолжались с возрастающей силой.

рилось о нэпе и о «расширении нэпа» таким виднейшим представителем оппозиции, как т. Н. К. Крупская.

В чем т. Н. К. Крупская усматривает сущность нэпа?

«Нэп, — говорит т. Крупская, — является в сущности капитализмом, допускаемым на известных условиях, капитализмом, который держит на цепи пролетарское государство».

И далее тов. Крупская говорила:

«Я совершенно согласна, когда говорят, что надо расширить нэп на деревню, потому что в деревне до сих пор еще много пережитков военного коммунизма. Но надо расширить на деревню именно нэп, т.-е. капиталистические отношения, которые ограничиваются и нашим законодательством и которые держатся на цепи. А когда у нас толкуют таким образом расширение нэпа, что нельзя отстаивать интересы батрака, то это называется не нэп, а капиталистические отношения, ничем не ограниченные». (Цитировано по бюллетеню XIV с'езда РКП (б) № 4, стр. 11) *.

Попробуем разобраться в этих черзвычайно важных и чрезвычайно ответственных заявлениях т. Н. К. Крупской. Возьмем вначале даваемое т. Крупской определение существа нэпа. Нэп, по т. Крупской, это — «в сущности, капитализм», который держится «на цепи» пролетарским государством. Это определение обязывает ко многому.

Все знают, что мы проходим историческую полосу нэпа, что мы от кратковременного периода военного коммунизма перешли к длительному периоду нэпа, что мы ведем новую экономическую политику, нэп, что нэп у нас сейчас господствует, что нэп у нас будет господствовать еще долго. Если мы этого не будем забывать и если мы возьмем формулу т. Крупской, то мы должны сделать неизбежный вывод, что у нас сейчас господствует «в сущности капитализм», ограничиваемый пролетарским государством, т.-е. государственный капитализм. Государственный капитализм — «сущность» нашей хозяйственной системы. То, что мы имеем сейчас, — это, в основном, «в сущности» госкапитализм. Такой неизбежный вывод получается из положений т. Крупской. Согласно т. Крупской, у нас господствуют сейчас «ограничиваемые» пролетарским государством «капиталистические отношения» [1].

Тов. Крупская в той же своей речи указывала, насколько опасна для нас «неправильная оценка нэпа». Но можно ли признать правильной ее собственную «оценку нэпа»? Легко понять, что нельзя. Нельзя — потому, что определение т. Крупской, как это было отмечено в заключительном слове т. Сталина, игнорирует социалистическую сторону нэпа. Можно, конечно, сказать, что существен-

* Речь Н. К. Крупской см. на стр. 142 настоящего сборника.
Прим. сост.

[1] Строго говоря, нэп — это не система хозяйства, а система хозяйственной политики. В данной статье мы хотим показать ошибочность трактовки нэпа т. Крупской, даже если вместе с ней мы будем брать нэп, как определенный экономический строй.

ными элементами нэпа являются капитализм и наш госкапитализм. Но далеко нельзя сказать, что этими элементами «сущность» нэпа исчерпывается. В определении нэпа т. Крупской исчезли «предприятия последовательно-социалистического типа», исчезли существующие в системе нэпа, на-ряду с «ограничиваемыми» нами «капиталистическими отношениями», социалистические отношения. В определении т. Крупской нет указания на «двойственную» — капиталистическую и социалистическую — природу нэпа, на то, что нэп является переходным от капитализма к социализму периодом.

По вопросу о «расширении нэпа» т. Крупская высказалась также совершенно определенно и недвусмысленно.

Тов. Крупская заявила, что она «совершенно согласна» с тем, «что надо расширить нэп на деревню», что «надо расширить на деревню именно нэп». Тов. Крупская выступила, следовательно, не против, а за формулу «расширения нэпа», она признала ее правильной.

Мы констатируем, что виднейший представитель оппозиции солидаризировался на с'езде с формулой «расширения нэпа», несмотря на то, что:

1) формула «расширения нэпа» была признана неправильной на октябрьском пленуме ЦК, и

2) несмотря на то, что формулу «расширения нэпа» жестоко обстреливали сами оппозиционеры, изображали ее как символ самого жуткого кулацкого уклона в нашей партии и в продолжение нескольких недель терроризировали ею всю ленинградскую организацию.

С какими глазами должны показаться теперь перед ленинградскими рабочими-коммунарами члены ленинградской делегации? После того, как формула «расширение нэпа» ими самими была об'явлена чуть ли не исчадьем ада, после того, как Сафаровы и Вардины изо дня в день упражнялись в дикой пляске по поводу «расширения нэпа», — после этого один из руководящих товарищей из оппозиции выходит на трибуну с'езда и заявляет, что формула «расширения нэпа» правильна, что «надо расширять на деревню именно нэп». Из-за «расширения нэпа» оппозиция трясла в лихорадке всю ленинградскую организацию, а на с'езде она сама выступает глашатаем этого «расширения нэпа».

Так сводит растерявшаяся оппозиция концы с концами, таково ее идейное лицо, такова ее хваленая «стопроцентная» принципиальность!

Тов. Крупская утверждает, что расширять в деревне надо «именно нэп», но нельзя забывать об ограждении «интересов батрака» и о помощи бедноте. Тов. Крупская не могла указать ни одного факта, чтобы ЦК нашей партии или кто-либо из сторонников линии ЦК говорил, что «нельзя отстаивать интересы батрака». Не могла, потому что в ее распоряжении таких фактов не было.

Как известно, против ограждения интересов бедноты выступал не на словах, но и на деле не ЦК, а видный руководитель оппозиции — т. Сокольников, предлагавший не снимать с бедноты налогового бремени. Это тоже проливает немалый свет на «принципиальность»

позиции оппозиции, на отнюдь не «диалектические» противоречия, ее платформу раз'едающие.

Необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство. Сама по себе непринятая нашей партией формула расширения нэпа, в толковании т. Крупской является неправильной в д в о й н е.

Тов. Н. К. Крупская считает необходимым «расширение нэпа на деревню». Но что такое нэп, по ее мнению? Нэп, по ее мнению, это н а ш госкапитализм, это «ограничиваемые» пролетарским государством «капиталистические отношения». Следовательно, т. К р у п с к а я предлагает нам не что иное, как р а с ш и р я т ь «в сущности капитализм», р а с ш и р я т ь «капиталистические отношения», ограничиваемые пролетарским государством.

Но если мы будем держать курс на расширение нэпа, т.-е. на р а с ш и р е н и е именно «капиталистических отношений», то кто может нам поручиться — может ли нам в этом поручиться т. Крупская? — что н е м ы будем держать «на цепи» расширяемый нами капитализм, а расширившийся и укрепившийся капитализм сумеет, в конце концов, взять н а с «на цепь»? А такая тревога, такой пессимизм неминуемо будут рождаться в мозгу членов нашей партии, если последние, вместе с т. Н. К. К р у п с к о й, в нэпе будут видеть только его к а п и т а л и с т и ч е с к у ю сторону и забывать о его с о ц и а л и с т и ч е с к о й стороне.

Вот почему неприемлемы ни даваемая т. К р у п с к о й принципиальная теоретическая «оценка нэпа», ни предлагаемое ею «расширение нэпа».

В вопросе о нэпе и в том невероятном шуме, который по вопросу о «расширении нэпа» был поднят не в меру ретивыми оппозиционерами, ясна, как на ладони, вся небывалая политическая беспринципность новой оппозиции. Это не случайность. Величайшая беспринципность оппозиции проходит по всей линии: она искажает всю ее платформу, она сказалась на поведении ленинградской делегации на с'езде и в ее «лозунгах»; она выразилась в недопустимом саботаже с'ездовских решений.

Оппозиция клялась в верности ленинскому ЦК, но выступила на с'езде со своим содокладом. Оппозиция слала XIV с'езду РКП «пламенный привет», но сравнивала его со «Стокгольмом». Оппозиция делала вид, что она печется о помощи деревенской бедноте, но препятствовала снятию с бедноты налогов. Оппозиция лицемерно взывала к стопроцентному ленинскому единству партии, но на с'езде бросила лозунг свободы «всех бывших групп» в нашей партии. Оппозиция говорила, что зовет «назад к Ленину», но на деле тащила партию «назад к Шляпникову». Оппозиция всячески шумела насчет «расширения нэпа», а на с'езде сама заявила о необходимости «расширения нэпа». Таков безотрадный идейный облик оппозиции.

Ц. О. «Правда» № 298,
от 31/XII 1925 г.

IV. О характере нашей госпромышленности.

Оппозиция в начале дискуссии склонна была рассматривать наши советские предприятия не как «предприятия последовательно-социалистического типа» по Ленину, а как предприятия госкапиталистические. Наиболее откровенно это выразил т. Залуцкий в своей брошюрке «Звеновые организаторы и их задачи», говоря, что мы «делаем только первые шаги к подходу превращения современного переходного предприятия „социалистического типа", но работающего еще на началах „государственного капитализма", в подлинно социалистическое предприятие».

В помещаемой в настоящем отделе статье «О служилой ортодоксии и фальсификации чужих взглядов» (стр. 158 настоящего сборника), т. Залуцкий, после того, как ему было указано на неправильность с точки зрения ленинизма такого толкования нашей национализированной промышленности, признал ошибочность своей формулировки.

Но в этой же самой статье т. Залуцкий оставляет лазейку для возможности сохранения своей формулировки.

Мы предлагаем читателю обратить внимание на следующее место в статье т. Залуцкого: «Если бы это (социалистические взаимоотношения людей на наших предприятиях — сост.) уже было, то это значило бы, что мы вступили в период отмирания классов и классового общества, засыпания (выраженьице-то? — **сост.**) государства, как оружия классового господства, и — как это ни странно — к отмиранию профсоюзов, потому что тогда профсоюзам нечего и не от кого будет защищать материальные и духовно-культурные интересы рабочего класса» (см. стр. 158 настоящего сборника). Вы видите, что в настоящих условиях т. Залуцкий противопоставляет профсоюзные организации хозяйственным: профсоюзы должны защищать интересы рабочего класса от кого-то, от хозяйственников, интересы которых, очевидно, противоположны интересам рабочего класса.

Действительно, если бы наши предприятия были капиталистические, с наличием эксплуатации на них, т.-е. с наличием двух противоположных классов, хотя бы этот капитализм и ограничивался рабочей властью (как раз то, что Ленин называл госкапитализмом), т. Залуцкий был бы прав. Наша партия никогда не противопоставляла профсоюзы государственным хозорганам. Интересы наших хозяйственников совпадают с интересами всего рабочего класса в целом. Но при наличии у нас еще достаточного количества бюрократических извращений, — а мно-

гие хозяйственники против воли часто заражаются этой болезнью, — задача профсоюзов выпрямлять это нездоровое искривление, сигнализировать хозяйственникам об опасности.

Второе место в статье т. Залуцкого, на которое необходимо обратить внимание, следующее: «Промышленность, являющаяся собственностью рабочего государства, есть социалистическая промышленность; структура собственности определяет характер промышленности . . . Но, несмотря на простоту и ясность этой постановки вопроса, определение т. Ленина, что государственная промышленность или государственные промышленные предприятия есть „предприятия последовательно-социалистического типа", много правильнее. «Почему? Потому, что на экономической базе отношений собственности должна еще вырасти и социальная постройка, то отношение или взаимоотношение людей в производственном процессе, которое зовется социализмом или социалистическим строем».

Вы видите, во-первых, что т. Залуцкий противопоставляет отношения собственности отношениям между людьми. Это в корне противоречит основам марксизма. Маркс учил, что отношения людей и есть отношения собственности. Во-вторых, вы видите, что по т. Залуцкому выходит, что социалистический строй это есть только взаимоотношения людей. Это — полное забвение азбуки марксизма-ленинизма. Социализм — организация обобществленного всего хозяйства в целом, но никак не отношения людей.

Социализм — в первую очередь полное уничтожение частной собственности на средства и орудия строительства, т.-е. изменение отношений собственности. Если мы сейчас не можем назвать свой строй в полном смысле социалистическим, то только потому, что мы имеем 22 миллиона мелких крестьянских собственнических частных хозяйств.

Так путает вопрос оппозиция.

Особого внимания, как теоретически вполне правильная, заслуживает статья т. Марецкого: «К вопросу о социальном существе советской госпромышленности».

В своем взгляде на наши предприятия оппозиция отразила взгляды все тех же новых слоев рабочих, не почувствовавших еще своей постоянной, кровной связи с предприятием, не боровшихся за его улучшение, не поднимавших его на ноги, не живущих еще одной жизнью с предприятием.

О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ ГОСПРОМЫШЛЕННОСТИ.

(К вопросу о социальном существе советской госпромышленности).

Только на первый взгляд может показаться праздным вопрос, поставленный в заголовке, только на первый взгляд представляется «младенчески очевидным» ответ на него. Не случайно вопрос этот всплывает в настоящее время, не случайно он затрагивается в тезисах, одобренных Политбюро ЦК нашей партии и принятых в связи с близящимся партийным с'ездом. Несомненно, что четырнадцатому партс'езду придется высказаться по нему со всей определенностью, со всей авторитетной категоричностью. Ниже мы поймем, почему вопрос о социально-экономической сущности нашей госпромышленности делается особенно жгучим, приобретает особенную остроту именно в настоящее время, именно в переживаемый период. А пока обратимся к самой постановке проблемы.

Мы считаем нашу госпромышленность решающей социалистической базой в нашей экономике, бесспорно социалистическим элементом нашего хозяйства. Следуя Ленину, мы об'являем наши государственные продприятия «предприятиями последовательно социалистического типа». Можем ли мы сказать, что, если социалистична советская госпромышленность, то социализмом является экономика СССР? Строго, марксистски говоря, нет. Нет, потому что социализм предполагает распространение социалистического планового начала на всю хозяйственную систему в целом, между тем как мы от этого еще чрезвычайно далеки. Социалистично основное государственно-промышленное ядро нашей экономики, но не сама экономика в целом; социалистическими по своему типу являются наши государственные предприятия, но не многочисленные хозяйственные элементы, с которыми наша промышленность «сожительствует», взаимодействует и борется.

Но, может быть, и социалистический характер нашего основного ядра надо принимать как-нибудь «условно», с какими-либо принципиальными оговорками или «оговорочками»? Может быть, наша госпромышленность нуждается в особом специфическом определении, может быть, термин «социализм» к ней по существу не подходит? Вот тут-то и лежит все острие проблемы, вот тут-то обрушиваются на нас наши враги со всей силой своих подвохов, шарлатанства и классовой ненависти.

Из уст заклятых недругов коммунизма и советской власти, белогвардейцев всех мастей, всех цветов радуги, всех зарубежных станов, вы никогда не услышите признания социалистического характера советской госпромышленности. Если меньшевики и эс-эры, если господа Устряловы и Милюковы, если теоретические столпы «Социалистического Вестника», вроде Шварца и Югова, и применяют термин «социалистическая госпромышленность», то они неизменно заключают его в уничтожающие кавычки. Говоря о нашей госпромышленности, они никогда не позабу-

дут сделать таинственного намека на «денационализацию», упомянуть о «дельцах» и «спекулянтах», «фактически» нашей госпромышленностью «сплошь и рядом» ворочающих, о торжествующей в ее (госпромышленности. **Д. М.**) порах «частной инициативе», о «выдаче» советского пролетариата «эксплуататорам» и т. п. На самый худой конец они обозначат нашу госпромышленность термином «государственный капитализм», делая трепетно-сладострастное ударение на слове «капитализм».

Нетрудно понять, почему наши политические противники стремятся бить нас именно в этом пункте, в отрицании социалистического существа нашей госпромышленности. Великолепно сознавая, что госпромышленность это — главный социалистический козырь в наших руках, они пытаются сорвать его доказательством его «буржуазного перерождения» или «вырождения», чтобы тем самым заронить сомнение среди неискушенных рабочих, чтобы посеять панику, вселить безверие, психологию ликвидаторства в рядах нашей, правящей советской страной, партии.

Почему именно за последнее время наши враги держат курс на такую стратегическую установку идейной борьбы с нами? Да потому, что были времена, когда представители буржуазии считали более выгодным для них приемом не замечать вовсе нашей госпромышленности. Это было тогда, когда наша госпромышленность была еще относительно весьма слаба, когда мы еще только вылезали из зыбкой трясины разрухи. Тогда неважен был для буржуазии вопрос: социалистична или несоциалистична наша госпромышленность,—тогда вполне достаточным ей казалось посмаковать над «всеобщим хозяйственным развалом». К немалому огорчению кадетов и меньшевиков времена разрухи миновали. После того, как из хилого мальчика-с-пальчика советская госпромышленность превратилась в изрядного крепыша, после того, как факт роста нашей экономики был признан Уркартами и Чемберленами, после этого только маниаки и суворинские хоругвеносцы продолжали угрюмо мычать о «разрухе». Для буржуазии в целом ставка на «хозяйственную катастрофу» была безнадежно битой, пришлось сооружать новую ставку: на развитие капитализма в деревне и на «эволюцию» «социального фундамента» госпромышленности.

Весьма распространенным среди белогвардейских «разносителей» советской госпромышленности маневром является ссылка на техническую отсталость наших госпредприятий, аргумент о «бедности» нашей госпромышленности по сравнению с «богатой» промышленностью развитых капиталистических стран. Какой же у вас социализм, коли ваша промышленность так бедна, так отстала? Так восклицают те, кто смешивает вопрос о богатстве и бедности с вопросом о социальной структуре госпромышленности. Верно утверждение, что технической предпосылкой для строительства социализма, как это было показано уже Марксом, является известная ступень концентрации и централизации производства. Но совершено неверно, что признак богатства, признак количества или качества средств производства, находящихся в данной экономической системе, позволяет умозаключить о ее социальном типе. Решающим признаком является единственно тип социальной

структуры. Только после того, как охарактеризованы основные социально-классовые связи нашей госпромышленности, можно делать выводы относительно ее социалистического или «буржуазного» характера. Не сумма средств производства, а принадлежность их определенному классу, фактически распоряжающемуся ими, — вот что решает вопрос о социальной природе советской госпромышленности. До тех пор, пока не «открыто» и не «доказано» наличие класса капиталистов, распоряжающегося на правах собственности нашими госпредприятиями, до тех пор, пока не будет опровергнуто то, что советской госпромышленностью распоряжается организованный в государственную власть пролетариат, до тех пор изображение нашей госпромышленности на капиталистический лад не может быть иначе названо, как теоретическим и политическим обманом.

Решение вопроса о социальных связях, существующих внутри нашей госпромышленности, предваряет собой другой, не менее важный вопрос об удельном весе этой, хотя бы и социалистической, госпромышленности. Невелика цена той госпромышленности, которая была бы лишь крошечным социалистическим «оазисом» в огромной несоциалистической пустыне, была бы какой-нибудь устряловской «оранжереей». Поэтому важность решения вопроса об удельном весе нашей госпромышленности очевидна. Каково же это решение?

Чисто арифметическим способом, простым сопоставлением количества рабочих, занятых в госпромышленности, с количеством населения, занятого вне сферы госпромышленности, нельзя еще решить вопроса. Надо ясно представить себе соотношение, существующее между госпромышленностью и остальными элементами советской экономики, для того, чтобы иметь правильное суждение об удельном весе госпромышленности. Если госпромышленность, хотя бы даже социалистическая, хотя бы весьма значительная по абсолютной и относительной величине ценности своей продукции, была бы не экономически определяющим, ведущим началом во всей хозяйственной системе, но элементом экономически подчиненным, была бы, скажем, зависимой от частного капитала, служила бы в процессе накопления последнего источником и функциональным придатком, то мы имели бы один ответ на вопрос о ее удельном весе. Наоборот, если бы, как это имеет место на самом деле, оказалось, что социалистическая госпромышленность командует частно-хозяйственными элементами, ведет их за собой, преодолевает их, диктует им свои условия, тогда вопрос об удельном весе решается уже совершенно иначе.

Совершенно обязательно, с марксистской точки зрения, рассматривать вопрос об удельном весе госпромышленности в развитии, в динамике. Растет ли она абсолютно и относительно, повышается ли ее командная роль, укрепляется ли ее роль «ведущего начала», ее положение экономического гегемона всей системы, не проскакивает ли на командующие позиции частный капитал, не обгоняет ли темп роста последнего темп движения госпромышленности? В свете перспектив строительства социализма в нашей стране все эти вопросы приобретают характер первостепенной важности. И поскольку динамика советской гос-

промышленности говорит в ее пользу, поскольку в конкурентных схватках с частным капиталом, несмотря на все об'ективные трудности, она в общем и целом побеждает, в общем и целом наступает, — постольку вожжи нашего дальнейшего исторического движения мы еще крепче прибираем к рукам, постольку проясняются наши социалистические перспективы, постольку теряют почву ликвидаторские настроения в рядах нашей партии, постольку все более безнадежной и убогой становится критическая стряпня господ Шварцов и Юговых, постольку все более иллюзорной делается ставка Устряловых на «сменовеховскую» капиталистическую реставрацию.

В качестве излюбленного приема «развенчания» нашей госпромышленности меньшевиками и эс-эрами практикуется ссылка на существующую якобы в нашей госпромышленности эксплуатацию. Своим воплям об эксплуатации советских рабочих на госпредприятиях они придают исключительное значение. Раз, по мнению меньшевиков, советские рабочие эксплуатируются, раз из них выкачивается прибавочная ценность, раз труд на совпредприятиях имеет форму наемного труда, то этих трех признаков — наемный труд, эксплуатация, прибавочная ценность — вполне достаточно для того, чтобы окрестить нашу госпромышленность «капитализмом». «Капиталистическая эксплуатация на советских предприятиях» — это формула, долженствующая служить наиболее увесистым тараном меньшевистской «критики».

Между тем, нет ничего легче, как показать, что в вопросе об эксплуатации меньшевики совершают лишь очередную беззастенчивую передержку.

Если, — выражаясь терминами капиталистической экономики, — рабочим совпромышленности оплачивают лишь «ценность их рабочей силы», если соответственно существует неоплачиваемое прибавочное рабочее время, то можно ли отсюда сделать вывод о существовании у нас эксплуатации? Такого вывода сделать решительно нельзя. Прибавочное рабочее время будет иметь место и при социализме, и при коммунизме, но только глухонемой в области политической экономии, только луиблановец может делать из этого дикое заключение об «эксплуатации» при коммунизме. Еще Маркс раз'яснял всю нелепость «права на полный продукт труда». Ни при каком коммунизме, никогда вообще, работник не будет получать полного продукта своего труда, ибо часть этого труда должна неизбежно итти на расширение производства, на содержание школ, больниц, административного аппарата, ученых учреждений и тому подобное. Но это не будет вовсе эксплуатацией. Эксплуатацией называется переход прибавочной ценности, создаваемой рабочим классом, или прибавочного труда, создаваемого рабами или крестьянами, в руки другого класса, класса враждебного, владеющего основными средствами производства и командующего этим производством. Когда же сам рабочий класс через свою власть часть своего труда отдает на расширение производства или на содержание госаппарата, т.-е. на поддержку своей же собствен-

ной диктатуры, то называть этот процесс эксплуатацией поистине чудовищно. Беда наша состоит не в том, что наша госпромышленность есть «эксплуататорская» (это все меньшевистские враки), а в том, что весь уровень нашей социалистической промышленности нищенский: не из чего много получить рабочему на жизнь. Вот в чем дело. И, когда мы поднимем нашу собственную социалистическую госпромышленность на новый уровень ее развития, тогда уничтожится эта беда. Итак, эксплуатация есть совершенно определенная экономическая категория, в нее должен быть вложен совершенно определенный социально-классовый смысл. Эксплуатация немыслима без определенного классового субъекта этой эксплуатации. Раз в нашей госпромышленности нет класса эксплуататоров, раз она не в руках класса капиталистов, значит в недрах нашей промышленности нет ни эксплуатации вообще, ни капиталистической эксплуатации. Говорить же о том, что наш пролетариат, держащий власть, «эксплуатирует» в госпредприятиях самого себя, есть, разумеется, очевидная нелепость.

После такого казуса с эксплуатацией, нашим врагам остается одно: судорожно цепляться за формальные оболочки наших экономических категорий. Раз прибавочный продукт, производимый на госпредприятиях, принимает ценностную форму и реализуется на рынке, то, следовательно (приб. продукт) есть прибавочная ценность; а какая же прибавочная ценность без капитализма? — так тешат себя меньшевистские молодцы. Им невдомек, конечно (или, вернее, они притворяются, что им невдомек), что своеобразие периода нэпа, периода перехода от капитализма к социализму в том и заключается, что в условиях нэпа экономические категории сохраняют еще капиталистические маски. Капиталистическая форма наших категорий (прибавочная ценность, прибыль) ничуть не мешает им иметь принципиально антикапиталистическое содержание. Рост «прибавочной стоимости», увеличение «прибыли», накопление «капитала» нашей госпромышленности есть, несмотря на всю капиталистическую видимость, именно социалистическое накопление, именно рост социализма, именно преодоление капитализма.

В одном, условном и чрезвычайно узком, смысле правильно и допустимо говорить о капиталистической эксплуатации рабочих советской госпромышленности. Не вся «прибавочная ценность», создаваемая в госпромышленности, поступает в фонд накопления самой социалистической промышленности или достается в руки пролетарского государства: некоторая часть ее достается частному капиталу в виде торговой прибыли, возможна и частичная утечка прибавочной ценности заграничным капиталистам при внешнеторговых операциях и т. д. В этих случаях рабочие советской госпромышленности действительно эксплуатируются непролетарскими социальными элементами. Меньшевики, однако, тщательно умалчивают о размерах этой доли, выражающей отношения эксплуатации прибавочной ценности; но даже с их точки зрения она не может быть большой, ибо разве не те же меньшевики на все лады плачутся о том, что мы обижаем и «дергаем» частный капитал? Решающим

обстоятельством в данном случае является опять-таки динамика развития, его ход. Растет ли наша доля прибавочной ценности во всей массе производимой в госпромышленности? Уменьшается или растет доля прибавочной ценности, попадающей в частные лапы? Торжествует ли антикапиталистическое социальное содержание прибавочной ценности над формой, или форма «заедает» социалистическое содержание? Достаточно только поставить так вопрос, чтобы постичь всю чушь меньшевистского ёрзания насчет «эксплуатации». С другой стороны, ни на минуту не следует упускать из виду и того, что даже и та часть прибавочной ценности (в известных ограниченных пределах, разумеется), которая достается «частникам», имеет особое функциональное назначение, в корне отличное от ее роли в условиях капитализма. При капитализме, получая определенную часть прибавочной ценности, торговые капиталисты опосредствуют процесс роста капитализма в целом, механику накопления всего общественного капитала. В наших условиях частники-торговцы (в «нормальных» ограниченных пределах) могут опосредствовать собой процесс нашего социалистического накопления. В этом смысле они нужны нам, в этом смысле мы иногда не можем без них обойтись. Нечего и говорить, что только простак мог бы отсюда (из опосредствующей роли частного капитала) заключить, что с частным капиталом нам нужно «примирение» и идиллическая дружба. Наоборот, мы ведем — и будем вести — жестокую конкурентную борьбу с частным капиталом до полного его вытеснения, до тех пор, пока не добьемся, чтобы все так называемые «опосредствующие» функции социалистического накопления выполнялись нами самими, нашей советской кооперацией, а не частным капиталом.

Последнее убежище, куда обращаются враги советской власти после всех тщетных попыток причесывания советской госпромышленности просто на капиталистический манер, это — отождествление нашей госпромышленности с «государственным капитализмом». При этом меньшевики и эс-эры наперегонки изощряются над тем, чтобы в понятие «государственного капитализма» напустить в максимальных дозах всяческого тумана. Для вящшего эффекта они при этом не забывают сослаться на т. Ленина, который-де сам, по их уверению, выступил за отождествление советской госпромышленности с госкапитализмом. Между тем, мы уже приводили категорическое раз'яснение Владимира Ильича о том, что наши государственные предприятия суть «предприятия последовательно социалистического типа». О том, что действительно понимал т. Ленин под государственным капитализмом, в печати неоднократно приводились уже соответствующие цитаты из сочинений Ленина. Из всех таких цитат и выдержек с полной определенностью явствует, что под госкапитализмом Ильич разумел совсем иное, чем меньшевики и компания. Не лишним является, пожалуй, привести здесь одно замечательное место из выступления Владимира Ильича на XI с'езде партии:

«Государственный капитализм. — говорит т. Ленин, — это тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы су-

меем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы. Государственный капитализм это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить».

Государственный капитализм, по Ленину, в советских условиях, это—тот «капитализм», который, будучи «связан» с пролетарским государством, последним «ограничивается». Пролетарское государство должно ставить этому капитализму «известные рамки», устанавливать определенные «пределы» для его действия. Ясно, как день, что никакими усилиями, никакими софистическими выкрутасами нельзя под ленинское определение госкапитализма подогнать советскую госпромышленность. Ей, что ли, нашей пролетарской госпромышленности, Ильич предлагал установить «рамки»? Ее, что ли, Ильич предлагал ограничивать определенными «пределами»? Достаточно поставить такой «мудрый» вопрос, чтобы ответить на него отрицательно. Ленин не только не отождествлял нашу госпромышленность с госкапитализмом, но он вполне недвусмысленно установил, что советская госпромышленность существует вне госкапитализма и образует нашу основную социалистическую базу.

Здесь необходимо выяснить до конца еще один важнейший вопрос. Как известно, т. Ленин разделял строго-настрого два понятия: государственный капитализм при власти буржуазии и государственный капитализм при власти пролетариата, при пролетарской диктатуре. Тов. Ленин возражал левым коммунистам, вообще боявшимся применять термин «госкапитализм», указывая, что наш госкапитализм «Федот, да не тот», что о нашем госкапитализме не написано ни в каких книжках и т. д. Но тов. Ленин никогда, нигде, ни разу не употребляет термина «госкапитализм» по отношению к государственным предприятиям чистого типа, т.-е. по отношению к госпредприятиям, не сданным в аренду, не сданным в концессию, не организованным в виде смешанного общества с участием иностранного капитала, и так далее и тому подобное.

Чтобы пояснить вопрос, приведем такие примеры. Возьмем Германию во время войны. Там ряд синдикатов перешел в руки буржуазного государства или подвергнулся строгому регулированию со стороны этого государства. Это обычный госкапитализм, госкапитализм при власти буржуазии.

Возьмем концессии на территории СССР. Это капитализм при пролетарской диктатуре, регулируемый пролетарской властью. Это госкапитализм не обычного типа, это тот госкапитализм, о котором не было писано в книжках, это тот госкапитализм, о котором говорил Ленин.

Но поставьте вопрос: а есть ли разница между концессией или частно-капиталистическим предприятием, регулируемым пролетарской госвластью, и государственной промышленностью? Конечно, есть; разница принципиальная. Это и есть разница между необычным госкапиталистическим типом предприятия и типом социали-

стическим. Проще говоря: концессия у нас это — госкапитализм, наш госкапитализм, наше госпредприятие это — социалистическое предприятие, или, как говорил Ленин, предприятие «последовательно социалистического типа».

В чем же практически-политическая важность рассмотренного нами бегло вопроса о социальной сущности нашей госпромышленности, вопроса об эксплуатации, о прибавочной ценности, о соотношении между госкапитализмом и нашей госпромышленностью? В переживаемой нами обстановке роста, под'ема нашей промышленности в первую голову, политическая важность затронутого вопроса огромна. Ни один из сознательных партийцев не должен оставлять этот вопрос без ответа. Почему? Да потому, что в зависимости от того, в какое положение будет ставить себя по отношению к растущей госпромышленности рабочий класс: будет ли он смотреть на нее так, как наемный рабочий смотрит на «капиталистическое предприятие», или будет считать себя активным строителем своей промышленности, решается вопрос и о его отношении к самой возможности строительства социализма, к нашей власти, нашей партии и т. д. Было бы тупым комчванством и прямой глупостью отрицать здесь наличие определенных опасностей.

Наша промышленность растет. Но рост этот чреват определенными трудностями. На них указано в проекте резолюции тов. Томского, одобренном Политбюро ЦК:

> «В предприятия возвращаются старые рабочие, которых хозяйственная разруха периода гражданской войны на ряд лет оторвала от крупных промышленных центров, фабрик и заводов. В то же время вливаются новые слои, еще не прошедшие производственной и организационной рабочей школы. Меньшая часть этих новых пролетарских кадров — дети рабочих (подростки и переростки), в большинстве комсомольцы, дети революции, но совершенно незнакомые с укладом и бытом дореволюционной фабрики.
>
> «Большая часть—молодые крестьяне — прямо из деревни. совершенно незнакомые с фабрикой, борьбой рабочего класса, его задачами и организациями. Эта часть новых рабочих, еще больше связанная с землей, чем с фабрикой, целиком проникнутая крестьянскими интересами, полуграмотная или совсем неграмотная, в своем большинстве склонна держаться в стороне от основной пролетарской массы, ее интересов и общественности и рассматривать себя случайными, зременными гостями фабрики, завода, города».

Нет ничего мудреного, что при попустительстве с нашей стороны сырые необработанные нами еще пласты рабочих, рабочий молодняк, выходцы из деревни, не прошедшие школы организованной классовой борьбы, окажутся подходящей средой, в которой враги наши смогут зацепить кое-кого на удочку разговорчиками об эксплуатации в госпромышленности, о буржуазном перерождении, о капитализме, путаницей насчет «госкапитализма», отрицанием социалистических перспектив и т. д. А поскольку такие настроения в среде отставших еще слоев в рабочем классе будут расти, ничего не будет удивительного, если они перекинутся и в ряды нашей партии. Посеять смуту, брожение умов, «сомнение», апатию и безверие в социалистические перспективы — это

затаенная мечта всяких Устряловых, меньшевиков и с.-р. Малейшая, казалось бы, «теоретическая» недоговоренность, малейшая путаница и упрощенство в вопросе о «госкапитализме» и госпромышленности грозят нам большой бедой. Никаким сомнительным, никаким не в меру «эластичным», могущим быть вкось и вкривь истолкованным и формулировкам не должно найтись места. С непониманием и путаными формулами здесь надо бороться со всей решительностью, со всей большевистской твердостью. Вот почему вопрос о госкапитализме и госпромышленности затронут в проектах резолюций, предложенных XIV парт-с'езду. Вот почему XIV партийный с'езд даст на них ясный и авторитетный ленинский ответ.

Д. Марецкий.

Ц. О. «Правда» № 279,
от 6/XII 1925 г.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

«Правда» вполне своевременно поставила на обсуждение партии вопрос о социально-экономическом типе нашей государственной промышленности. Тов. Марецкий совершенно правильно осветил эту проблему в своей превосходной статье (см. «Правду» от 6 декабря). Однако, эта тема не может быть исчерпана одной-двумя статьями. Она стоит сейчас в центре внимания партии, как это показал ход ленинградской и московской губернских партконференций. И XIV партийному с'езду придется остановиться на этом, казалось бы, ясном и давно решенном вопросе и дать на него окончательный ответ. В партии есть расхождения мнений в этом вопросе. Не только расхождения мнений. В нашей партийной литературе встречаются прямо противоположные оценки социального существа наших национализированных предприятий. Тов. Залуцкий, например, в своей брошюре «Звеновые организаторы и их задачи» утверждает, что мы

> «делаем только первые шаги к подходу превращения современного переходного предприятия „социалистического типа“ (кавычки тов. Залуцкого), но работающего еще на началах „государственного капитализма“, в подлинно социалистическое предприятие».
>
> «То, что мы имеем сейчас, — продолжает т. Залуцкий, — в основном пока есть то, что тов. В. И. Ленин называл „государственным капитализмом“, о котором „не написано“ пока еще „ни в каких книжках“ и ни в каких учебниках экономики» (стр. 7 названной брошюры).

Нет надобности пространно доказывать, что т. Залуцкий допускает здесь прямо-таки чудовищную ошибку. Если ни в каких книжках «до Ленина» ничего не было написано о нашем «государственном капитализме», то ведь в книжках самого Ленина об этом вопросе сказано очень немало и сказано достаточно ясно. Надо только прочесть то, что у Ленина говорится о «государственном капитализме», чтобы убедиться, что Ленин никогда и нигде не относил к «государственно-капи-

талистическому» типу наши национализированные предприятия и всегда считал их «предприятиями последовательно социалистического типа». Эта сторона вопроса с достаточной полнотой разобрана в статье т. Марецкого, и здесь нет необходимости лишний раз повторять его аргументацию. Кавычки, в которые у т. Залуцкого заключены слова «социалистический тип», отмечают не сомнение, а прямое отрицание т. Залуцким социалистического характера за советскими госпредприятиями. Они, по Залуцкому, работают «на началах государственного капитализма». Тов. Залуцкий ставит и решает вопрос прямо, недвусмысленно, без оговорок. Но кроме последовательного т. Залуцкого есть еще ряд товарищей, которые защищают ту же мысль с гораздо меньшей решительностью и с бо́льшим числом кавычек и оговорок. Тов. Залуцкий — не одиночка в партии. Он формулирует настроения и взгляды не столь уж незначительного и малозначащего круга товарищей. И потому-то вопрос о соотношении элементов социализма и государственного капитализма в нашей системе хозяйства приобретает для партии такое крупное значение и такой исключительный «жгучий» интерес.

В тезисах т. Бухарина о молодежи, принятых Политбюро к XIV партс'езду, мы читаем:

> «Совершенно не случайно..., что остатки разбитых революцией партий, эс-эры и в особенности меньшевики... рисуют наши социалистические по своему типу госпредприятия как просто капитализм или ту или иную форму госкапитализма, как систему эксплуатации рабочего класса».

Товарищ Марецкий показал в своей статье, что эта меньшевистская пропаганда приобретает в настоящее время известную опасность потому, что она может найти отклик в тех новых сырых пластах рабочих, не прошедших школы организованной классовой борьбы, которых вбирает теперь наша разворачивающаяся промышленность. Но это еще не ответ на естественно встающий вопрос, каким образом меньшевистско-устряловская оценка социального типа советской государственной промышленности могла найти себе сторонников в рядах нашей партии. Было бы, конечно, нелепостью допускать мысль о том, что т. Залуцкий или другие испытанные товарищи, разделяющие его точку зрения, в какой-нибудь мере могли поддаться влиянию меньшевистской идеологии. Здесь надо искать причины в другом месте и в другом переплете обстоятельств.

Рост нашей социалистической промышленности за последние два года идет быстрым и все ускоряющимся темпом. Но мы еще не достигли даже довоенного уровня в развертывании нашей индустрии. А в последние недели, в связи с переоценкой урожая и перспектив хлебозаготовительных операций, в связи с сокращением экспортно-импортного плана, вырисовывается перспектива возможного сжатия плана развертывания промышленности и возможного временного замедления темпа ее роста. В то же время потребности рабочего класса повышаются неуклонно. Социалистическое накопление у нас, в известном смысле, отстает от роста

потребностей пролетариата. Это несоответствие между потребностями рабочих и возможностью их удовлетворения порождает порой уныние, пессимизм, упадочные настроения даже в активных слоях пролетариата, даже в нашей партии. Как бы мимолетны ни были эти настроения, какой бы узкий круг передовых рабочих они ни захватывали, они находят свое выражение в рядах партии. В деревне в то же время продолжается классовое расслоение, растет кулак, выделяется беднота. Кооперация пока еще не оказывает достаточной помощи бедноте. Некоторые товарищи в результате всего этого приходят к «переоценке ценностей». Настоящее их не удовлетворяет. Политика партии кажется им политикой «перманентного отступления».

Нынешняя кратковременная заминка в развертывании госпромышленности еще больше усиливает упадочные настроения в этом кругу партработников. На этой почве и расцветают такие «теории», как у т. Залуцкого, который утверждает, что все имеющееся сейчас в нашей хозяйственной жизни — пока лишь «государственный капитализм». Эти теории растут из другого источника, но, как мы видим, совпадают целиком с тем, что говорили и говорят меньшевики. Можно и должно высоко ценить заслуги (действительно большие) перед партией отдельных товарищей, склоняющихся к отчаянию и вычеркивающих социализм из нашего общественно-экономического уклада, но в интересах партии нельзя пройти мимо такого рода ошибок.

Там, где нет классовых отношений, нельзя говорить о капитализме. В предприятиях, которые Ленин причислял к системе государственного капитализма (аренда, концессия, смешанные предприятия), мы имеем на одной стороне рабочего, на другой стороне представителя другого класса — капиталиста. Между этими двумя классами остается в силе отношение эксплуатации. От обычного типа капиталистических отношений или от государственного капитализма в буржуазных государствах наш новый тип государственного капитализма отличается тем (и это является к о р е н н ы м отличием, которое не позволяет смешивать новый вид государственного капитализма с какими-либо имевшимися раньше), что частный капитал действует здесь в условиях н е п о с р е д с т в е н н о г о р е г у л и р о в а н и я со стороны пролетарского государства, в р а м к а х, которые ему отводит совокупный рабочий класс. Другое отличие заключается в том, что прибавочная стоимость не вся попадает в руки капиталиста-предпринимателя. Известная доля ее возвращается обратно рабочему классу. В н а ш и х г о с у д а р с т в е н н ы х п р е д п р и я т и я х н е т э т и х п р е д с т а в и т е л е й д в у х к л а с с о в. В нашей госпромышленности мы имеем на-лицо лишь о т н о ш е н и е в н у т р и о д н о г о к л а с с а. Это — основное, что определяет социалистический тип и характер наших госпредприятий.

Маркс не мог предвидеть, что социализм победит вначале в такой стране, как Россия, и что к социализму придется итти не прямым путем, а через нэп. Говоря о социализме, он имел в виду всегда значительно более высокую ступень общественного развития, чем та, которую мы проходим. И тем не менее, Маркс, представляя себе ту ступень социализма, когда в с е средства производства обобществлены и товарные отношения

уничтожены, утверждал, что коммунистическое общество, не развивавшееся на собственных основаниях, а только что вышедшее из капиталистического общества, будет носить «во всех отношениях — экономическом, моральном и умственном — резкий отпечаток отличительных свойств старого общества, из недр которого оно вышло». Господствующий принцип даже в таком обществе остается тот самый, — говорит Маркс, — «который регулирует обмен товаров, поскольку обмениваются одинаковые ценности» («Критика готской программы»). Что же удивительного, если у нас социалистическое содержание прикрыто снаружи капиталистической оболочкой и внешний отпечаток капиталистических отношений прилип к новому социалистическому типу? Мы знаем, как много бюрократизма, не говоря уже о других пережитках капиталистических «порядков», сохранилось у нас во взаимоотношениях между рабочими и красной рабочей администрацией. Недаром Ленин говорил про все наше государство, что оно — государство рабочее, но «с бюрократическим извращением». Но нельзя из-за деревьев не видеть леса. Не кто иной, как Ленин, подвергал неоднократно уничтожающей критике наш государственный аппарат. Но Ленин считал всегда всемирно-исторической победой завоевание нами нового, не буржуазного типа государства.

> «Может быть, наш аппарат и плох, — говорил тов. Ленин на XI с'езде партии, — но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно, работала ли она. Но не в этом дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна. Но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат плох, но он все-таки создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано».

В еще большей мере это сравнение приложимо к нашей государственной промышленности. Как бы порой плохо ни работали наши госпредприятия, но новый, невиданный в истории человечества, социалистический тип хозяйственных отношений они все же представляют. Мы будем работать над всемерным улучшением этого типа, и не за горами то время, когда у самого злостного меньшевика не подымется голос о том, будто наши госпредприятия являются формой госкапитализма и ареной эксплуатации рабочих. Мы не имеем даже теперь больших оснований жаловаться на плохое положение в нашей госпромышленности. Она оправляется, крепнет, растет, улучшается во всех отношениях. Мы имеем такие завоевания, как возрастающее участие рабочего коллектива в управлении промышленностью (через профсоюзы и в особенности через производственные совещания), социалистическую систему обучения и воспитания рабочей молодежи (фабзавучи). Не только социальное содержание и тип госпредприятий являются социалистическими, но и форма принимает постепенно социалистический характер. Право же, нет никакого повода для отчаяния и нытья в тех условиях, в которых мы теперь строим социализм.

Ломинадзе.

Ц. О. «Правда» № 280,
от 8/XII 1925 г.

О СЛУЖИЛОЙ «ОРТОДОКСИИ» И ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЧУЖИХ ВЗГЛЯДОВ.

I.

У Кузьмы Пруткова есть изречение, что «вакса чернит с пользою, а человек с удовольствием». Вот этого сорта удовольствием крючкотворцев почему-то занялся тов. Ломинадзе по моему адресу в номере «Правды» — Ц. О. партии, от 6 числа с. м.

В статье «К вопросу о характере нашей промышленности» тов. Ломинадзе впадает в раж изобличителя и поборника ортодоксии. Он ломится, что называется, в открытую дверь, все для того, чтобы доказать то, что давным-давно известно даже не читавшему азбуки коммунизма, а именно — что наша государственная промышленность есть промышленность «последовательно-социалистического типа».

Все это для того, чтобы изобличить и сокрушить супостата, чтобы показать, как автор вот этих строк поддался «меньшевистской пропаганде», и чтобы заодно лишний разок лягнуть и указать на «известную опасность», которая «может найти отклик в новых сырых пластах рабочих, не прошедших школы организованной классовой борьбы» (см. «Правду» от 6 числа с. м.).

Как видите, т. Ломинадзе здесь выступает в роли высшего регулятивного разума, который витает где-то над массами рабочего класса и опасается довериться их «сырости». Это — на девятом году победоносной пролетарской революции, в условиях неуклонного роста государственной (слушайте, т. Ломинадзе) социалистической промышленности!

Как все это похоже на старые, сотни раз слышанные интеллигентски-меньшевистские фразы о том, что «сырость» и «некультурность» рабочих масс мешает им понять доподлинную истину! Как все это похоже на чисто интеллигентское, надмассовое «опекунство» над бедными «сырыми» рабочими!

Старенькую и очень старенькую песенку вы подтягиваете, т. Ломинадзе, но на новый лад. Это верно.

Тов. Ломинадзе мог бы с бо́льшим успехом упрекнуть меня кое в чем другом, что совсем непохоже на чиновничье-служилую «ортодоксию» т. Ломинадзе.

Именно т. Ломинадзе мог бы меня упрекнуть в том, что я очень недоверчиво и критически отношусь к некоторым попыткам переоценки нэпа, переоценки, возводящей нэп в социализм. Я также не считаю, что лозунг буржуазного обогащения есть ленинизм. Нужно сказать, к чести автора этого лозунга, что он признал ошибочность этого, — я этому только искренно радуюсь. Затем я повинен в том, что настороженно критически отношусь к точке зрения, ревизующей в ленинизме «бедняцкие иллюзии», к попыткам через голову бедняка, — а не совместно с бедняком, — осуществлять союз с середняком и более зажиточными слоями крестьянства; я против той рабоче-боязни госаппа-

рата, которая так сочно выражена в опасениях т. Ломинадзе, в его сентенциях о «сырости» рабочих масс, против тенденции, которая по сути дела проявляет пока только признаки сползания некоторых товарищей с классовой базы (в политике) на базу «высшего», надмассового «регулятивного разума», витающего где-то «около» пролетариата.

Во всем этом т. Ломинадзе мог бы меня смело упрекнуть. По сути дела все это и является причиной того, что товарищи Ломинадзе ищут у меня той или другой зацепки, чтобы приклеить ярлычок «меньшевизма», «пессимизма», чтобы сделать из меня литературное пугало. Но об этом ниже. Перейдем к характеру нашей госпромышленности.

II.

Заглянем прямо в корень вопроса. Рассмотрим нашу промышленность с точки зрения наших имущественных отношений, с точки зрения отношений собственности. Это нас избавит от длинных, водянистых рассусоливаний товарищей Марецких и Ломинадзе по этому вопросу.

Промышленность, являющаяся собственностью рабочего государства, есть социалистическая промышленность. Структура собственности определяет характер промышленности. Вот где корень вопроса.

Но, несмотря на простоту и ясность этой постановки вопроса, определение т. Ленина, что государственная промышленность или государственные промышленные предприятия есть «предприятия последовательно-социалистического типа», много правильнее. Почему?

Потому, что на экономической базе отношений собственности должна еще вырасти и социальная надстройка, то отношение или взаимоотношение людей в производственном процессе, которое зовется социализмом или социалистическим строем.

Этого у нас пока еще нет. Если бы это уже было, то это значило бы, что мы вступили в период отмирания классов и классового общества, засыпания государства, как оружия классового господства, и — как это ни странно! — к о т м и р а н и ю п р о ф с о ю з о в, потому что тогда профсоюзам нечего и не от кого будет защищать материальные и духовно-культурные интересы рабочего класса. Об этом т. Ленин очень ясно говорил в своей речи во время первой дискуссии против т. Троцкого. Он предполагал, что мы к этому можем прийти лишь через 15—20 лет. Может быть, придем и скорее, но пока еще это время не наступило. У нас еще не преодолена та пестрая мозаика различных типов экономики в хозяйственной структуре нашей страны, которую т. Ленин в своей брошюре «О продналоге» разграничил на пять различных типов.

В своей брошюре о звеновых организаторах я имел в виду не экономическую структуру собственности государственной промышленности, а ту социальную надстройку, которая еще не доросла до социализма. Я там стараюсь формулировать коренную, но еще нерешенную задачу, к которой, по силе возможности, наш Губком стремится конкретно подвести пролетарские массы Ленинграда (через производсовещания, выдвижение мастеров и т. д.). Я там говорю о необходимости на деле перейти к более высокой фазе отношений пролетариата в производстве,

о необходимости и суб'ективно перешагнуть через грань наемного труда к труду коллективистически-кооперированному. Я считаю, что над этими вопросами нужно работать и думать не «надмассовым» сверх-человечкам, а самим «серым» пролетарским пластам. Только с этой целью, чтобы пояснить свою мысль, я и оттенял «переходность» предприятий — к социалистическим во всех отношениях.

Теоретическими проблемами об экономической природе госпромышленности я в этой брошюрке не задавался, да для этого у меня и не было досуга. Но после того, когда я увидел в «Правде» целый ряд статей по этому вопросу, мне стала ясной неудачность отдельных моих формулировок. И я признаю их ошибочность. Советовал бы это сделать и тем товарищам, кому эпигонствует т. Ломинадзе.

III.

«Сырые» пласты рабочих так перепугали бедного Ломинадзе, что он в той же статье «возопил» прямо-таки «на седьмой глас благочестия» и с тревогой принялся неистовствовать на «философские» темы момента.

Наша промышленность еще не достигла довоенного уровня, — об'ясняет т. Ломинадзе, и продолжает:

> «...а в последние недели, в связи с переоценкой урожая и перспектив хлебозаготовительных операций, в связи с сокращением экспортно-импортного плана, вырисовывается перспектива возможного сжатия плана, развертывания промышленности и возможного временного замедления темпа ее роста. В то же время потребности рабочего класса повышаются неуклонно. Социалистическое накопление у нас, в известном смысле, отстает от роста потребностей пролетариата. Это несоответсвие между потребностями рабочих и возможностью их удовлетворения порождает порой уныние, пессимизм, упадочные настроения даже в активных слоях пролетариата, даже в нашей партии. Как бы мимолетны ни были эти настроения, какой бы узкий круг передовых рабочих они ни захватывали, они находят свое выражение в рядах партии» (подчеркнуто мною. П. З.).

А еще ниже:

> «...Некоторые товарищи в результате всего этого приходят к „переоценке ценностей". Настоящее их не удовлетворяет. Политика партии кажется им политикой „перманентного отступления"».

И еще несколькими строками ниже:

> «...На этой почве и расцветают такие „теории", как у тов. Залуцкого, который утверждает, что все имеющееся сейчас в нашей хозяйственной жизни—пока лишь „государственный капитализм"». (См. № 280 «Правды», статья «К вопросу о характере нашей промышленности»).

«Глубина, ты, глубина, море-акиян!» Тов. Ломинадзе — сравнительно небольшая голова, а какая уйма путаницы в ней вместилась! Во-первых, еще только лишь «вырисовывается перспектива возможного сжатия плана развертывания промышленности», а т. Ломинадзе уже рисуется целый «Кронштадт» со стороны рабочих, и «социалистическое накопление» сразу же «отстает от роста потребностей» и т. д. и т. д.

Вот где пессимизм и паника! Вот где интеллигентски-«надклассовая» боязнь рабочих и клевета на рабочие массы! Сами вы пессимист, т. Ломинадзе, сами вы интеллигентски не доверяете рабочим, кичитесь над их «сыростью». Не верите в рабочие массы и почему-то валите с больной головы на здоровую.

Во-вторых, мой доклад о звеновых организаторах сделан задолго до переоценки урожая, в то время, когда об урожае были лишь самые архи-розовые сведения, и поэтому никакого касательства к вашим, т. Ломинадзе, урожайным пессимизмам не имели и не имеют.

В-третьих, чересчур упрощенно, механически вы представляете себе методологию диалектического материализма, — по-богдановски, упрощенно ее понимаете. Ведь в действительности все во много раз сложнее и многообразнее, а вы дюймами лезете мерить процессы общественных взаимоотношений. Так прямо и получается: только «предвидится сжатие развертывания», а т. Ломинадзе уже наперед оклеветал тех рабочих, которым еще предстоит пройти через эту фазу.

В-четвертых, насчет моего «пессимизма». Я, т. Ломинадзе, в революционном движении рабочего класса никогда не был «пессимистом», даже тогда, когда времена во сто раз были похуже. И доказал это своей почти двадцатилетней революционной работой.

Почему я не был и не мог быть пессимистом в революционном рабочем движении? Да просто потому, что к этому движению я пришел так же, как рабочим пришел к станку.

Я не могу быть в этой борьбе пессимистом потому, что не пришел к рабочему классу из другой, скажем — интеллигентской, социальной среды, не пришел к нему по гуманитарно-рассудочным соображениям, не принес к нему своих безвольных сомнений и тягучих недоумений. Нет, я не был «пессимистом» в самые тяжелые времена, не был им в тяжелые дни Кронштадта, тамбовщины, махновщины, петлюровщины, сибирских восстаний и т. д. и т. п. А вот вы, т. Ломинадзе, в эти дни были самым беспросветным пессимистом; например, в статье «Диктатура пролетариата в условиях новой экономической политики», помещенной вами в дискуссионном порядке в 1922 г. в «Справочнике ленинградского агитатора», в № 4, вы пишете следующее:

> «Рабочее государство, являясь политическим органом рабочего класса, враждебно классу капиталистов и ведет вместе со всеми рабочими против него политическую борьбу, но в то же время, сращиваясь с частным капиталом (в „смешанных предприятиях", акционерных обществах и банках) и будучи экономически заинтересовано в эксплуатации всего рабочего класса, оно втягивается вместе со всеми капиталистами в общую и экономическую борьбу против рабочего класса. Таковы в развитом виде противоречия, присущие тому общественно-экономическому укладу, который устанавливается в Советской России в результате новой экономической политики.
>
> «Политика есть не что иное, как концентрированная экономика. Политика в конечном итоге определяется экономикой и подчинена ей. Но политика рабочего государства есть политика рабочего класса. А экономика его носит совершенно

определенный капиталистический характер, т.-е. враждебна рабочему классу. Следовательно, если допустить, что из этих двух взаимодействующих факторов современная, т.-е. капиталистическая, экономика явится постоянным или длительным условием развития нашего общественного строя, политика рабочего государства должна будет ей подчиниться и стать буржуазной, капиталистической политикой. Государство само из рабочего должно стать буржуазным государством. Гадать о том, как скоро это может произойти, устанавливать сроки, в пределах которых эти противоречия могут остаться неразрешенными, было бы пустым и бесплодным занятием. Но бесспорно то, что диктатура рабочего класса несовместима с капиталистической экономикой государства, если последняя примет постоянный или длительный характер. Рано или поздно, но при этом условии она должна будет уступить место власти буржуазии.

«Трудно также установить, в какой форме эта метаморфоза политической власти может произойти. Если фактическая носительница государственной власти — коммунистическая партия проявит максимум классовой устойчивости и сумеет при этом сплотить вокруг себя широкие массы рабочих, государство станет буржуазным лишь посредством насильственного, контр-революционного переворота, который передаст власть в руки имущих классов. Если же этой устойчивости партии недостанет и рабочая масса окажется распыленной, то наиболее вероятным исходом явится перерождение государства из рабочего в буржуазное».

Что это, т. Ломинадзе, как не чистопробный меньшевизм? По-вашему это называется «верой в победу рабочего класса»? Здесь нет ни грана того пессимизма или упадочничества, которым вы хотите наградить меня? Да ведь за эту цитату вас сам Далин с Абрамовичем, Каутский с Шейдеманом облобызали бы. Пессимизм — это ваша сущность, т. Ломинадзе, не приписывайте ее другим.

П. Залуцкий.

«Ленинградская Правда» № 286,
от 13/XII 1925 г.

О НЫНЕШНЕМ УКЛОНЕ ТОВ. ЗАЛУЦКОГО И САФАРОВА И О МОЕЙ ПРЕЖНЕЙ ОШИБКЕ.

В моей статье «О характере нашей промышленности», напечатанной в «Правде» от 8 декабря, редакция опустила последнюю часть, в которой я указывал, что в 1921 году я держался такого же ошибочного взгляда на госкапитализм, какой теперь, в 1925 г., защищают т.т. Залуцкий, Сафаров и др. Я писал об этом потому, что считал неудобным говорить об ошибке т. Залуцкого и не упомянуть о том, что в свое время и я разделял его неверные взгляды. Редакция «Правды» не поместила этой части статьи, считая в ней, очевидно, малоинтересным «автобиографический» элемент. Я нисколько не был за это «в претензии» на редакцию. Но теперь, когда т.т. Сафаров и Залуцкий (см. «Ленинградскую Правду» за 11 и 13 декабря) со свойственным им «остроумием» смакуют отдельные места из моей статьи, написанной 4 года тому назад, я считаю уместным сказать несколько слов по этому по-

воду. Думаю, что мой ответ т.т. Сафарову и Залуцкому представляет не только личный интерес.

В 1921 г. я действительно отстаивал ту неправильную мысль, что в нашей экономике нет элементов социализма. Наши государственные предприятия я относил к системе госкапитализма. Это было до XI с'езда РКП. После одиннадцатого с'езда партии, на котором я, не в пример т. Сафарову, кой-чему научился, я отказался от этого взгляда. Не хочу оправдываться, но думаю все же, что моя ошибка в 1921 году была более простительна, чем совершенно такая же ошибка т.т. Сафарова и Залуцкого в 1925 году. Ведь как раз на XI с'езде партии и позже — в 1922 и 1923 г.г. — т. Ленин раз'яснил с наибольшей полнотой свою точку зрения на госкапитализм.

И с теоретической и с политической точки зрения моя прежняя ошибка очевидна. Она, тем не менее, является вполне последовательным и совершенно неизбежным выводом из отрицания социалистического типа и характера экономических отношений в нашей государственной промышленности. Ни к какому иному выводу (разве еще более безнадежному) нельзя прийти, если держаться того взгляда, что «то, что мы имеем сейчас, в основном, пока есть — государственный капитализм». А ведь это — теперешний тезис товарища Залуцкого.

Чем это не чистопробный меньшевизм? — восклицает т. Залуцкий, приводя цитату из моей статьи 1921 г. Правильно. То, что я говорил перед XI с'ездом партии, совпадает с тем, что сегодня с особенной настойчивостью твердят меньшевики. Но сегодня, и не только сегодня, а вот уже около четырех лет, я не держусь своего прежнего ошибочного взгляда. Сегодня в одной компании с меньшевиками обретаетесь вы, т.т. Залуцкий и Сафаров, при чем вы приходите к меньшевистскому выводу насчет характера нашей госпромышленности в 1925 г. совершенно тем же путем, что и я лично в 1921 г. Но то, что непозволительно было в 1921 г., еще более непростительно теперь, когда тяжелых условий 1921 г. нет и в помине. То, что недопустимо было со стороны такого рядового партработника, как я, еще больше нетерпимо со стороны руководителей ленинградской организации. То, что было совершенно неправильным в 1921 году, когда взгляды Ленина на госкапитализм были изложены в трех-четырех его речах и работах, в 1925 году, после политотчета ЦК и заключительного слова Ленина на XI партс'езде, после его речи на IV конгрессе Коминтерна, после статьи «О кооперации» и т. д., является либо чудовищным невежеством, либо настоящей ревизией ленинизма.

Если в 1921 г., исходя из неправильного понимания социальной сути нашей госпромышленности, мы приходим к выводу о теоретической неизбежности падения или перерождения рабочей власти в отдаленной перспективе при условии длительности нэпа, то известно ли т.т. Залуцкому и Сафарову, что некоторые товарищи в 1925 году не условно, а прямо ставят во-

прос не о возможности, а о начавшемся уже перерождении руководящего центра нашей партии? Известно ли т.т. Залуцкому и Сафарову, что кой-кто в нашей партии поговаривает о том, что мы идем к термидору и что в партии засилье кулацкого уклона? Наверно, им об этом что-нибудь известно. Но ведь те, кто говорят о «термидоре», целиком разделяют положение т. Залуцкого о госкапиталистическом характере наших национализированных предприятий. Они исходят из этого положения. Об этих вещах т. Залуцкому надо помнить.

Еще одно замечание по поводу моей статьи в 1921 г. Методологически моя ошибка в 1921 г. заключалась в механическом перенесении и применении экономических категорий капиталистического общества к такому общественному строю, где эти категории радикально меняют свое содержание, значение, смысл. Эту же ошибку допускают сегодня товарищи, твердящие о госкапиталистических началах, на которых работает современное «переходное предприятие». Товарно-капиталистическая форма экономических отношений заслоняет при этом в корне изменившееся их классовое содержание и те структурные изменения, которые делают не вполне пригодными категории буржуазного общества. Под гипнозом этих категорий политической экономии находится и т. Залуцкий, заявляющий «о необходимости перешагнуть через грань наемного труда», как будто в нашей госпромышленности целиком сохранился тот наемный труд, на котором держится капиталистическое производство. Тов. Залуцкому невдомек понять, что, при наличии старой формы наемного труда, его общественная природа у нас в государственных предприятиях совсем иная, чем в капиталистическом обществе. Лишь условно, за неимением новой терминологии, лишь «в кавычках» можем мы говорить о «наемном труде», о «прибавочной стоимости» и т. п. в нашей госпромышленности. И без всяких кавычек и оговорок должны мы говорить о социалистическом типе наших госпредприятий.

Тов. Залуцкий очень обиделся на меня за мою статью в «Правде». Он даже назвал мое выступление «фальсификацией чужих взглядов». Но где же у меня была фальсификация, если т. Залуцкий черным по белому писал в своей брошюре, что все имеющееся у нас — в основном есть госкапитализм. Тов. Залуцкий не попытался даже опровергнуть того смысла, который я придавал его словам (который в них был заключен). Мало этого, т. Залуцкий прямо заявляет в своей последней статье: «После того, когда я увидел в «Правде» целый ряд статей по этому вопросу, мне стала ясной неудачность отдельных моих формулировок. И я признаю их ошибочность». Конечно, тут дело не в одних неудачных формулировках. Но при чем же здесь все же фальсификация? Кто же ваши взгляды фальсифицировал, т. Залуцкий?

От обороны т. Залуцкий переходит к нападению. Не говоря уже о моей статье 1921 г., т. Залуцкий уличает меня в пессимизме и по-другому поводу. Я писал в «Правде», что «социалистическое накопле-

ние у нас в известном смысле отстает от роста потребностей пролетариата» и что «пока у нас имеется несоответствие между потребностями рабочих и возможностью их удовлетворения». «Вот где пессимизм и паника!» — восклицает т. Залуцкий насчет меня. Странно вы начали, однако, исправляться, т. Залуцкий! То у нас был один госкапитализм, теперь вдруг социалистическое накопление пошло в один уровень с ростом потребностей рабочих! Вы говорите такой вздор, т. Залуцкий, на который достаточно только указать пальцем. Неужели же у нас жилищные условия, сегодняшний размер зарплаты покрывают полностью потребности рабочих? Смешно об этом и думать. Но т. Залуцкий «увидел» ряд статей в «Правде» и, кажется, переусердствовал кой в каких сторонах самоисправления.

Тов. Залуцкий обвиняет меня, будто я «поддался рабоче-боязни госаппарата», сказав, что меньшевистская пропаганда представляет известную опасность потому, что «может найти отклик в новых сырых пластах рабочих, не прошедших школы организованной классовой борьбы». Этот упрек направлен, собственно говоря, не против меня, а против тезисов т.т. Томского и Бухарина, утвержденных Центральным Комитетом партии. Оттуда я и взял эту совершенно правильную мысль. Тов. Залуцкий видит в ней «признаки сползания некоторых товарищей с классовой базы в политике». Надо ли останавливаться после всего, что писалось в «Правде», на опровержении этой «аргументации» (которая, собственно, и лежит в основе предложения о немедленном приеме в партию 60—90 проц. всех рабочих).

Заканчивая, отмечу только, что отвечать на пошлые потуги т. Сафарова «поострить» насчет моей «юной, помятой добродетели» и т. Залуцкого насчет моего эпигонства и т. п. — я просто считаю ненужным. Я никогда не претендовал на роль «столпа партийной ортодоксии». А т. Сафаров к этой роли ой как тянется. Но если этот «столп», написавший столько пухлых книг о всякого рода основах, перед XIV парт-с'ездом солидаризируется целиком с Залуцким в вопросе о госкапитализме (не зря ведь взял т. Сафаров под свою защиту Залуцкого, не зря ведь об'явил он «воображаемой ересью» ошибку Залуцкого), то невольно напрашивается вопрос: не про т. Сафарова ли сказано: «книжки вы читали, книжки вы писали, ничего вы в них не поняли»? Вы пытались посмеяться над другими, посмеялись-то вы над самим собой.

В. Ломинадзе.

Ц. О. «Правда» № 286,
от 15/XII 1925 года.

V. О госкапитализме.

Как увидит читатель из помещенных ниже статей, вопрос о госкапитализме тесно связан с вопросом крестьянским, с вопросом об оценке нэпа, с вопросом о социальном существе нашей промышленности.

Мы обращаем внимание читателей на следующие моменты толко-

вания оппозицией госкапитализма. Во-первых, она приводит цитаты из речей и статей Ленина, относящихся к оценке нашего положения в 1918 и 1921 г.г. Этим самым они признают, что с тех пор мы не сдвинулись с места, что с тех пор взаимоотношения между отдельными укладами нашего хозяйства не изменились. Оппозиция отсюда выводит, что разгул мелкобуржуазной стихии в настоящее время таков же, как и в 1921 г. Разве это положение не связано со взглядом оппозиции, что нэп — отступление, что нэп — передышка и т. д.?

Оппозиция, не желая учесть удельный вес различных укладов в нашем хозяйстве, огулом об'являет основной и господствующей системой госкапитализм. При этом даже и национализированные предприятия зачисляются под эту же графу. Правда, это делается не прямо, а со свойственными оппозиции экивоками, замалчиваниями.

Обратите внимание на следующее место в статье Сафарова: «Вынужденные заметки» (см. стр. 167).

«Поскольку наши советские предприятия связаны с рынком целой системой приводных ремней, постольку в этой области отношений между нашей социализированной экономикой и частным хозяйством господствует государственный капитализм. Роль наших командных высот в народном хозяйстве отделяется этой связью».

Ведь отсюда вытекает, если отбросить всю путаницу, навороченную здесь, что госкапитализм определяет нашу госпромышленность, что главенствующая роль во всем нашем хозяйстве принадлежит госкапитализму. Это совершенно не соответствует ленинскому пониманию госкапитализма как капитализма, ограничиваемого пролетарской властью, равно как и фактическому положению вещей. Цифры говорят нам о том, что в области народного хозяйства в настоящее время главная роль, определяющая роль принадлежит нашей крупной промышленности «последовательно-социалистического типа». Она-то и ведет всю нашу страну по пути к социализму.

ВЫНУЖДЕННЫЕ ЗАМЕТКИ.

О госкапитализме и пессимизме.

Вопрос о роли и значении государственного капитализма снова становится злободневным. Оно и понятно почему: для понимания сущности нэпа он является центральным. Намечавшиеся за последнее время попытки свести на-нет ленинское понимание роли госкапитализма в пролетарском государстве были, как известно, связаны с «переоценкой ценностей», с переоценкой значения нэпа, с недооценкой его отрицательных сторон, как это было отмечено резолюцией октябрьского пленума ЦК.

Что же такое государственный капитализм и каковы его границы и пределы в пролетарском государстве?

Самое лучшее, что можно сделать в данном случае, это — привести довольно соответствующие места из резолюции XI с'езда о профсоюзах, писанной Вл. Ильичем.

«Новая экономическая политика, — говорилось там, — вносит ряд существенных изменений в положении пролетариата, а, следовательно, и профсоюзов. Подавляющая масса средств производства в области промышленности и транспорта остается в руках пролетарского государства. Вместе с национализацией земли это обстоятельство показывает, что новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом на почве удовлетворения хозяйственных интересов через рынок многомиллионного крестьянства.

«Изменения форм социалистического строительства вызываются тем обстоятельством, что во всей политике перехода от капитализма к социализму компартия и соввласть осуществляют теперь особые приемы этого перехода, действуя в целом ряде отношений иными способами, чем прежде, завоевывают ряд позиций, так сказать, новым обходом, совершают отступление, чтобы более подготовленно перейти опять к наступлению на капитализм. В частности, теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию, а с другой стороны, **социализированные** государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, т.-е. на коммерческие начала, что при общей культурной отсталости и истощении страны неизбежно будет в большей или меньшей степени приводить к противопоставлению в сознании масс администрации данных предприятий занятым в них рабочим».

Таким образом, гвоздь нэпа заключается в допущении соревнования между социализмом и капитализмом на почве удовлетворения экономических интересов крестьянства. И т. Ленин переход к нэпу, «этот весенний переход к новой экономической политике» в 1921 г., определял как «отступление к приемам, к способам, к методам деятельности государственного капитализма» [1].

Отсюда ясно, что отношения рабочего класса к обобществленным крупномашинным средствам производства суть отношения социалистические. Но поскольку наши советские предприятия связаны с рынком целой системой приводных ремней, постольку в этой области отношений между нашей социализированной экономикой и частным хозяйством господствует государственный капитализм. Роль наших командных высот в народном хозяйстве определяется этой связью. Забвение этого равносильно забвению экономической основы классовых взаимоотношений.

[1] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 397.

Вл. Ильич указывал на существование пяти хозяйственных форм в нашей стране: патриархального натурального хозяйства, мелкого товарного производства, частно-хозяйственного капитализма, государственного капитализма и социализма.

Он особо подчеркивал значение борьбы между социализмом плюс государственный капитализм против мелкобуржуазной стихии. Прав ли он был в этом отношении? Да или нет?

Вспомните хотя бы выступление т. Ленина на московской губпартконференции 29 октября 1921 года. Он тогда не случайно напоминал о своей полемике с «левыми коммунистами»:

> «Когда в связи с полемикой против части товарищей, отрицавших допустимость Брестского мира, мы поставили, например, весной 1918 г., вопрос о государственном капитализме, то он был поставлен не так, что мы пойдем назад, к государственному капитализму, а так, что наше положение было бы легче и решение нами социалистических задач было бы ближе, если бы у нас в России был государственный капитализм в виде господствующей хозяйственной системы» [1].

Почему Ильич придавал такое значение тому, чтобы госкапитализм стал господствующей хозяйственной системой? Потому, что этим самым нами достигается полная экономическая увязка отношений между рабочим классом и крестьянством, между социализированной промышленностью и мелко-крестьянской экономикой — через рынок, но с плюсом для социализма.

Видел ли Ильич «паникерство», как выражаются на Украине, в подчеркивании роли промежуточных звеньев между капитализмом и социализмом?

Послушаем самого Ильича!

> «Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого [2], преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму, или почти не потребуется. Но мы прекрасно знаем, что это «одно» условие требует, по меньшей мере, десяти лет только для работ первой очереди, а сокращение этого срока мыслимо, в свою очередь, лишь в случае победы пролетарской революции в таких странах, как Англия, Германия, Америка. На ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму» [3].

---

[1] Ленин, т. XVIII, стр. 391—392.
[2] Перед этим описание нашей отсталости.
[3] «О продналоге». Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 221—222.

Быть врагом пессимизма и ликвидаторского уныния — значит уметь видеть и понимать действительность на основе точного анализа экономических, классовых отношений, уметь работать сообразно этому.

Г. Сафаров.

«Ленинградская Правда» № 281,
от 8/XII 1925 г.

ОБРАЗЧИК ВРЕДНОЙ ПУТАНИЦЫ, ИЛИ ТОВ. САФАРОВ О ГОСКАПИТАЛИЗМЕ.

Вопрос о госкапитализме сейчас интересует самые широкие слои нашей партии. Не даром затронут он Центральным Комитетом партии и рядом местных партийных организаций на губернских партконференциях; окончательно решен он будет на XIV с'езде партии. Внесение ясности в существо вопроса о госкапитализме необходимо тем более, что ряд товарищей дал этому вопросу превратное, н е л е н и н с к о е толкование. Ленинское понимание госкапитализма систематически затемнялось в литературных выступлениях т.т. Сафарова, Залуцкого и др. В руководящей центральной партийной печати, а также в выступлениях наших руководящих товарищей (см., например, речь т. Рыкова на московской губпартконференции) точке зрения т. Сафарова и др. была дана надлежащая оценка.

Казалось бы, что т. Сафарову следовало призадуматься над теми указаниями, которые дает ему партия, внимательно прислушаться к голосу Центрального Комитета по этому жгучему вопросу, вновь поразмыслить над тем, что писал и говорил о госкапитализме Ленин, и добросовестно, по-большевистски признать свою неправоту. Тов. Сафаров предпочел, однако, поступить иначе. Он выступил в «Ленинградской Правде» (от 8 декабря) со статьей «Вынужденные заметки», в которой демонстративно п р и к р ы в а е т свои ошибки и недвусмысленно подкапывается под позицию, занятую в вопросе о госкапитализме нашим ленинским ЦК. Статья т. Сафарова носит даже страшно «ехидный» подзаголовок: «О г о с к а п и т а л и з м е и п е с с и м и з м е». О действительной степени ехидства сафаровской статьи мы сможем судить немного погодя, а пока припомним основной круг «идей», развиваемых т. Сафаровым в его, к сожалению не в меру многочисленных, произведениях. С особенной любовью т. Сафаров подчеркивал следующие мысли: 1) что нэп есть о т с т у п л е н и е, 2) что нэп есть г о с у д а р с т в е н н ы й к а п и т а л и з м в п р о л е т а р с к о м г о с у д а р с т в е, 3) что г о с п о д с т в у ю щ а я с и с т е м а х о з я й с т в а у н а с г о с к а п и т а л и з м, 4) что э л е м е н т о м г о с к а п и т а л и з м а я в л я е т с я д а ж е с о в е т с к а я г о с п р о м ы ш л е н н о с т ь. Тов. Сафарову было указано, что так упрощать, вульгаризировать и и з в р а щ а т ь ленинизм нельзя, что вопрос о нэпе и госкапитализме самим Лениным трактовался не совсем так и с о в с е м н е т а к, как это изображает т. Сафаров.

Как же реагирует на такую критику т. Сафаров в «вынужденных», якобы, заметках? Как он ставит теперь вопрос о госкапитализме? Дает ли он на него ясные и прямые ответы?

Тов. Сафаров «вынужден» начать свою статью с таинственных намеков.

> «Намечавшиеся (где? кем?) за последнее время попытки свести на-нет ленинское понимание роли госкапитализма в пролетарском государстве, как известно (!?), связаны с „переоценкой ценностей", с переоценкой значения нэпа, с недооценкой его отрицательных сторон, как это (что „это"?) было отмечено резолюцией октябрьского пленума ЦК».

Чувствует ли т. Сафаров, что такими словами он извращает содержание партийного документа, ибо, «как известно», как всем «известно», в резолюции октябрьского пленума нет ни одного слова о государственном капитализме.

С другой стороны, опять-таки всем известно, что попытки сведения на-нет ленинского понимания госкапитализма были зафиксированы Центральным Комитетом в другой связи и в другом документе, о существовании которого пишущий о государственном капитализме т. Сафаров не обмолвливается ни одним словом. Или, может быть, т. Сафарову неизвестен такой проект резолюции, предлагаемой партийному с'езду, в котором прямо говорится, что непонимание роли госкапитализма у нас, подведение под госкапитализм «предприятий последовательно-социалистического типа» питает ликвидаторское настроение в нашей партии? Или, может быть, т. Сафарову не хочется о нем вспоминать?

На всякий случай, впрочем, и т. Сафаров об'являет себя «врагом пессимизма и ликвидаторского уныния». «Быть врагом пессимизма или ликвидаторского уныния, — торопливо раз'ясняет т. Сафаров, — значит уметь видеть и понимать действительность на основе точного анализа экономических классовых соотношений, уметь работать сообразно этому». Мы «вынуждены» забывшему любителю «точного анализа» напомнить, что по вопросу о том, что значит «быть врагом пессимизма», Центральный Комитет высказался более определенно, чем т. Сафаров. Мы «вынуждены» напомнить, что по мнению ЦК быть в данной обстановке врагом пессимизма и ликвидаторского уныния означает обязательство не путать госкапитализм с социализмом. Мы согласны однако с тем, что существующую путаницу о госкапитализме можно уяснить себе на основе «точного анализа». Поэтому и обратимся теперь к «точному анализу» госкапитализма, даваемому т. Сафаровым.

«Точный анализ» т. Сафарова заключается по преимуществу в том, что он цитирует «довольно соответствующие», как он робко выражается, места из Ленина. Однако, конфуз в том, что все приводимые Сафаровым из Ленина места «довольно» не «соответствуют» взглядам на госкапитализм самого т. Сафарова.

Что говорит т. Ленин в первой из приводимых т. Сафаровым цитате:

«Изменения форм социалистического строительства вызываются тем обстоятельством, что во всей политике перехода от капитализма к социализму компартия и соввласть осуществляют теперь особые приемы этого перехода, действуя в целом ряде отношений иными способами, чем прежде, завоевывают ряд позиций, так сказать, новым обходом, совершают отступление, чтобы более подготовленно перейти опять к наступлению на капитализм. В частности, теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию, а, с другой стороны, социализированные государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, т.-е. на коммерческие начала, что при общей культурной отсталости и истощении страны неизбежно будет в большей или меньшей степени приводить к противопоставлению в сознании масс администрации данных предприятий занятым в них рабочим». (Из написанной Ильичем резолюции XI с'езда о профсоюзах).

Что же следует из этого места написанной Лениным резолюции? Следует что угодно, но только не правота сафаровских рассуждений о госкапитализме и нэпе.

Ильич констатирует, прежде всего, что в нэпе «соввласть осуществляет особые формы» «перехода» от «капитализма к социализму».

Из приведенной цитаты, как божий день, явствует дальше, что Ленин вовсе не изображал нэп по-сафаровски, как отступление и только. Ильич утверждал, что, переходя к нэпу, «компартия и соввласть совершают» отступление, чтобы «более подготовленно перейти опять в наступление». При чем этот переход в «наступление» совершается в особых формах нэпа и в условиях нэпа Или, может быть, т. Сафаров считает по Ленину, что переход «к наступлению» означает «отступление» от самого нэпа, что перейти в наступление — значит отказаться от нэпа? Пусть он об этом заявит открыто. И пусть он скажет кстати: перешли ли мы к теперешнему моменту в наступление или все еще прозябаем, по-сафаровски, в стадии «отступления».

Из слов Ленина нельзя сделать вывода о том, что «нэп есть госкапитализм» хотя бы и «в пролетарском государстве». В приведенной цитате Ильич строго-настрого различает «социализированное государственное предприятие» от «капитализма», подлежащего государственному регулированию (а знает ли Сафаров, что капитализм, подлежащий государственному регулированию, — это и есть госкапитализм?). Госпромышленность и госкапитализм у Ильича в цитированном положении четко и недвусмысленно разграничены, а не смешаны в одну кучу, как у т. Сафарова. Таким образом, цитированное место не за Сафарова, а против него.

Ленин указывает, что советские госпредприятия «переведены на хозяйственный расчет». Но из этого он делает не тот вывод, что они в какой бы то ни было мере суть элемент капитализма или госкапитализма, но делает вывод совсем другой. Тов. Ленин заявляет, что перевод «совпредприятий» на коммерческие начала может приводить

к затемнению их социалистической сути, приводить «к противопоставлению в сознании масс администрации данных предприятий занятым в них рабочим». Иначе говоря, мы видим, что уже сам Ильич гениально сигнализировал опасность ликвидаторского «противопоставления» «госкапиталистических» совпредприятий «занятым в них рабочим», гениально провидел те настроения, которые оживают в результате скрещивания совпредприятий с госкапитализмом. Это, думается, тоже не за Сафарова, а против него.

Вся рассмотренная цитата в целом поддерживает т. Сафарова так же, как, по излюбленному выражению т. Ленина, «веревка поддерживает повешенного».

Она (цитата) целиком против Сафарова. Если же т. Сафаров приводимую цитату не только цитирует, но и признает верность содержащихся в ней идей, о которых мы только-что говорили, то мы, с своей стороны, «вынуждены» заметить, что т. Сафаров собственноручно расписывается в «отступлении» от собственных положений. Зачем же однако т. Сафарову не заявить о своем отступлении открыто? Зачем же ему понадобилось совершать отступление в форме развязного «наступления» на . . . Центральный Комитет нашей партии?

Не лучше обстоит дело с другой цитатой из Ильича, которой отважно пользуется обожающий «точный анализ» т. Сафаров.

> «Когда, в связи с полемикой против части товарищей, отрицавших допустимость Брестского мира, — говорил Ильич 29 октября 1921 г., — мы поставили, например весной 1918 г., вопрос о государственном капитализме, то он был поставлен не так, что мы пойдем назад, к государственному капитализму, а так, что наше положение было бы легче и решение нами социалистических задач было бы ближе, если бы у нас в России был государственный капитализм в виде господствующей хозяйственной системы».

Цитированные слова Ильича относились к началу 1918 года. Мы «вынуждены» напомнить Сафарову, что Ильич не называл умниками тех, кто из года в год, не обращая внимания на изменение обстановки, твердит одни и те же схемы. Теперь 1925 год. Спросим т. Сафарова: добивается ли он теперь, в 1925 году, стремится ли он теперь к тому, «чтобы госкапитализм стал господствующей хозяйственной системой»? Считает ли т. Сафаров, что в теперешней экономике СССР госкапитализм является «господствующей хозяйственной системой»? Да или нет? Если да, если сейчас у нас господствует госкапитализм, то т. Сафаров должен или об'явить, что концессии, арендованные частные предприятия (госкапиталистические по Ленину) у нас сильнее, у нас господствуют над совпромышленностью, т.-е. утверждать явный вздор, или т. Сафаров должен об'явить, что госкапитализм покрывает у нас и госпромышленность, и концессии, и арендованные предприятия, и смешанные общества, и т. д., т.-е продолжать размалевывать ту путаницу, против которой выступает сейчас ЦК, продолжать сеять панику и «ликвидаторское уныние».

Если нет, если сейчас, по Сафарову, госкапитализм не господствует и если не надо добиваться его господства, то это будет верно.

Но это будет означать не что иное, как то, что т. Сафаров по существу отказывается от своих прежних положений, что рушится вся «господствующая» у него система взглядов относительно госкапитализма и нэпа.

Мы не рассчитываем однако на прямой ответ со стороны т. Сафарова; мы опасаемся, как бы т. Сафаров, несмотря на его «точный анализ», не нырнул в кусты и не стал бы вновь добродетельно заметать наделанные им следы.

То, что т. Сафаров по существу, несмотря на всю свою визгливость, «отступает», наглядно обнаруживает приводимая им ссылка на Ленина о существовании у нас пяти хозяйственных форм: «патриархального, натурального, хозяйства, мелкого товарного хозяйства, частно-хозяйственного капитализма, государственного капитализма и социализма». Что говорит такая ссылка? Она говорит, что госкапитализм и социализм (госпромышленность) в нашей экономике принципиально разные вещи. Она говорит, что наша госпромышленность ни в какой мере, ни в каком смысле не является ни капитализмом, ни госкапитализмом. Она красноречиво свидетельствует против т. Сафарова. Если т. Сафаров с ленинской группировкой хозяйственных форм теперь согласится, то он должен согласиться и с тем, что его собственная трактовка госкапитализма была в корне ошибочной. Тов. Сафаров должен перед всей партией пояснить и то, какую из указанных Лениным пяти хозяйственных форм он считает решающей, на какую из них он ставит ставку, на какую он предлагает держать курс; который из указанных Лениным пяти элементов нашей экономики т. Сафаров считает решающим, определяющим, ведущим началом.

Совершенно недопустимо отмахиваться от прямого ответа на такие вопросы, ибо в них заключено все существо поднятого ныне спора.

Во всей статье т. Сафарова есть только одно место, где т. Сафаров не ограничивается цитированием жестоко секущих его положений Ленина, а пытается высказаться до некоторой степени самостоятельно.

Вот это место:

> «...Отношения рабочего класса к обобществленным крупномашинным средствам производства суть отношения социалистические. Но поскольку советские предприятия связаны с рынком целой системой приводных ремней, постольку в этой области отношений между нашей социализированной экономикой и частным хозяйством господствует государственный капитализм. Роль наших командных высот в народном хозяйстве определяется этой связью. Забвение этого равносильно забвению экономической основы классовых взаимоотношений».

Нельзя сказать, чтобы этот перл «точного анализа» блистал грамотностью и ясностью. Каждая из десяти строчек цитированного положения т. Сафарова требует, по крайней мере, по два вопросительных знака. Попытаемся все-таки расшифровать «заколдованное место» т. Сафарова. Авось отыщется какой-нибудь клад.

«Отношения рабочего класса к обобществленным крупномашинным средствам производства суть отношения социалистические». Хотя о крупномашинных и о мелкомашинных средствах производства мы ничего не слыхали, тем не менее т. Сафаров прав, если слова его означают, что наша госпромышленность носит характер социалистический. Со стороны т. Сафарова это будет не чем иным, как плохо скрываемым отступлением от путаных позиций. Не совсем понятно, в какой такой «этой области отношений» господствует госкапитализм? В области «советских предприятий», в области «связи» их «с рынком», в области «приводных ремней» (и каких ремней?), в области рынка повсюду и вообще — где, собственно говоря, обретается сафаровский госкапитализм? Понимает ли под «приводными ремнями» т. Сафаров капитализм, регулируемый пролетарским государством, т.-е. настоящий, по Ленину, государственный капитализм во плоти и крови? Если т. Сафаров понимает госкапитализм так, то это правильно, хотя и в корне противоречит «основам» самого Сафарова. И если т. Сафаров думает именно так, то зачем, спрашивается, понадобилось ему неопределенное мяуканье насчет «рыночных связей», «крупномашинных» средств производства, заимствование из старой оперы (из какой, т. Сафаров?) мелодии «постольку-поскольку»? Зачем многозначительно бормотать на предмет того, что «роль наших командных высот» определяется «именно этой связью» (т.-е. рыночной связью, повидимому, а так как в «этой области» «господствует госкапитализм», то по Сафарову опять, как ни в чем не бывало, выходит, что роль «командных высот», т.-е. социализма, у нас «определяется» все-таки госкапитализмом)? Что и говорить, не так-то легко вырвать т. Сафарова из об'ятий старика-госкапитализма. Никак не соглашается т. Сафаров поставить госкапитализм на подобающее ему место!

В заключение разрешим себе поставить т. Сафарову и его друзьям, ведущим атаку на Центральный Комитет, ряд вопросов.

Являются ли наши госпредприятия предприятиями последовательно-социалистического типа? Являются ли они таковыми безусловно, в любом смысле, в любой «области отношения», без всяких «постольку-поскольку»? Можно ли нэп сводить к госкапитализму, хотя бы и в пролетарском государстве? Понимает ли т. Сафаров и его друзья, что протаскивать госпромышленность в разряд госкапитализма, значит питать в рабочем классе настроения уныния, апатии и безразличия, значит бросать семена ликвидаторства в ряды нашей партии? Могут ли они ответить на поставленные вопросы? Сказать да или нет? И чувствуют ли они, что юлить, избегать прямого ответа здесь, в вопросе о госкапитализме — значит «тихо и плавно качаться» между Лениным и Даном? Помоги им бог, чтобы они это раз навсегда поняли!

Д. Марецкий.

Ц. О. «Правда» № 283,
от 11/XII 1925 г.

ЕЩЕ РАЗ ВЫНУЖДЕННЫЕ ЗАМЕТКИ.

(Что же, наконец, говорил тов. Ленин о госкапитализме).

До чего доходит иногда профессорская ловкость рук, можно видеть из следующего. В своей статье т. Марецкий вынужден цитировать резолюцию XI с'езда о профсоюзах, писанную Ильичем. Но он берет из нее только то, что ему нравится, да и при этом еще извращает смысл сказанного Ильичем.

Между тем, если пункт первый этой резолюции указывает совершенно точно, в каком смысле нэп является отступлением, то пункт второй прямо так и озаглавлен: «Государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы».

В статье «К четвертой годовщине Октябрьской революции» т. Ленин совершенно точно определял сущность нашего перехода к нэпу:

> «Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы подготовить — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелко-крестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не пойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму».

В своих «Вынужденных заметках» мы указывали нашим критикам-профессорам и не-профессорам на речь Вл. Ильича на московской губпартконференции 29 октября 1921 г. Подводя итог первым результатам нэпа, т. Ленин в то же время подчеркивал и основной смысл новой экономической политики:

> «Оживление экономической жизни, — а это нам нужно во что бы то ни стало, — повышение производительности, что нам также нужно во что бы то ни стало, — все это мы уже начали получать посредством частичного возврата к системе государственного капитализма».

Выдвигая на первый план значение кооперации в своей статье «О кооперации», т. Ленин не изменял своим основным взглядам. В этой же статье мы читаем:

> «В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли, именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации».

Речь т. Ленина на III конгрессе Коминтерна не оставляет никаких сомнений насчет его взглядов на госкапитализм:

> «Свобода торговли обозначает свободу капитализма, но это обозначает новую форму его; это значит, что мы до известной степени заново создаем капитализм. Мы делаем это совершенно открыто. Это есть государственный капитализм. Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве это — два различных понятия. В капиталистическом государстве государственный капитализм обозначает, что капитализм признается государством и контролируется государством на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса, с целью устоять против все еще слишком сильной буржуазии, и бороться против нее» [1].

Наши ура-критики прикидываются тугими на ухо и усердно допрашивают о том, признаем ли мы госпромышленность социалистической.

В 1001-й раз отвечаем: именно она-то и есть основа социализма во всем нашем хозяйственном переплете. Но чтобы признавать не на словах, а на деле взгляды т. Ленина в этом вопросе, нужно помнить, что строй взаимоотношений между этой социализированной промышленностью и миллионами мелких частных хозяйств представляет собою ряд промежуточных звеньев государственного капитализма, переходящих лишь постепенно и частично в организацию социалистического типа (кооперация) — по мере развития нашей социалистической производственной базы в лице советской промышленности.

Червонец есть не только свидетельство нашей экономической стабилизации, он также и определенный регулятор классовых взаимоотношений с помощью госкапитализма.

Те, кто готовы об'явить о чудесном превращении кулака в «винтик социалистической машины накопления» путем взноса трехрублевого пая в кооперацию, конечно, естественно стремятся затушевать классовую подоплеку взаимоотношений между различными хозяйственными формами, пытаются «смешать класс» в духе мещанского реформизма.

Юркий Марецкий что-то пищит о ликвидаторстве, ссылаясь на то, что «по Сафарову . . . выходит, что роль „командных высот", т.-е. социализма, у нас определяется все-таки госкапитализмом».

Мы не можем ходить с букварем за каждым компрофессором.

Однако, если нас к тому вынуждают, то приходится заниматься и таким «хождением по мукам».

Хотя Марецкий и глух ко всем цитатам из Ленина, пусть все же он пораздумает над тем, что писал Ильич:

> «государственный капитализм есть на-лицо — в той или иной форме, в той или иной степени — всюду,

[1] Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 332.

где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще»[1].

И еще:

«мы постоянно сбиваемся на то, что „мы" переходим от капитализма к социализму, забывая точно, отчетливо представить себе, кто именно это „мы"... „мы", авангард, передовой отряд пролетариата, переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который в свою очередь есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы „мы" могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь».

Мы не хотим ревизовать Ленина в вопросе о наших путях от нэпа к социализму.

В чем виноваты, в том каемся!

Г. Сафаров.

«Ленинградская Правда» № 286,
от 19/XII 1925 г.

ОБ ОШИБКЕ «ЛЕВОГО КОММУНИЗМА» И О БОЛЕЕ ЧЕМ ОШИБОЧНОМ ПРИЕМЕ ТОВ. САФАРОВА.

Для того, чтобы запутать вопрос о ленинском понимании госкапитализма, т. Сафаровым и его соратниками применяется, мягко выражаясь, весьма своеобразный «прием» замены спора по существу сейчас ссылкой на то, что еще «левые коммунисты» в споре с Лениным обнаружили непонимание госкапитализма. Но т. Сафаров, желая свести точку зрения большинства Центрального Комитета к ошибочным положениям «левого коммунизма», и слышать не хочет, что он, Сафаров, не хуже «левых коммунистов», а может быть гораздо успешнее, чем они, извратил и продолжает извращать в возрастающей степени взгляды Ленина на госкапитализм.

В чем заключалась основная, коренная ошибка «левых коммунистов» в понимании госкапитализма? Эта ошибка заключалась в том, что они, упуская из виду всю совокупность общественно-экономических укладов, существующих в нашей экономике, вообще отрицали допустимость госкапитализма в условиях диктатуры пролетариата. «Каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющихся на-лицо в России?» — спрашивает т. Ленин.

Ленин устанавливает таких пять элементов:

«1) патриархальное, т.-е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

«2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

«3) частно-хозяйственный капитализм;

«4) государственный капитализм;

«5) социализм.

[1] Ленин. «О продналоге».

«Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом». (Ленин, т. XV, стр. 264).

Вот этого своеобразия как раз не понимали «левые коммунисты». Они рассуждали по правилу:

«Капитализм есть зло, социализм есть благо». Они не понимали того, что мелкобуржуазная стихия, частно-хозяйственный капитализм ведут борьбу одновременно и с социализмом и с государственным капитализмом, и что государственный капитализм в отсталой мелкобуржуазной стране через контроль и учет создаст предпосылки для непосредственного перехода к социализму. Содержание этой ошибки «левых коммунаров» прекрасно вскрывается следующими словами т. Ленина:

«Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству ...

«Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере (курсив наш. Я. С.) как стихийный продукт мелкого производства и обмена и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма) как посредствующее звено между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил». (Ленин, т. XVIII, ч. I, 221, 222).

Вот этой основной сути ленинского учения о госкапитализме как посредствующем звене перехода от мелкого хозяйства к социализму, не понимали «левые коммунисты». Но этой сути, только с другой стороны, не понимают сейчас Сафаров и др. Для Сафарова нэп — это государственный капитализм в пролетарском государстве. Для Сафарова нэп — только отступление к государственному капитализму. Тов. Сафаров любит очень много говорить о переоценке нэпа, о недооценке отрицательных сторон нэпа, но что его сплошное отступление есть переоценка нэпа в отрицательном смысле, эта мысль едва ли ему приходила в голову. Ведь наша революция, как должен понимать и т. Сафаров, берет начало не в нэпе. Ведь основное, что мы приобрели в период военного коммунизма, не упраздняется нэпом именно потому, что нэп был отступлением, а не капитуляцией. Мы отступили, но мы ведь не сдаем всех наших позиций. Национализированная крупная промышленность как последовательно-социалистический элемент в нашем хозяйстве сохранилась, и, укрепляя ее, мы развертываем наступление социалистических элементов на частно-хозяйственный капитализм. У всех тех, кто называет нэп государственным капитализмом в пролетарском государстве, крупная промышленность как система предприятий последовательно-социалистического типа выпадает, и они поэтому приходят к неизбежному выводу, что наша эволюция пока идет в сторону не социализма, а только госкапитализма Переход к нэпу означал, что социалистическая промышленность непосредственно, сразу не в состоянии обслужить крестьянское хозяйство, что восстанавливается рыночная, меновая связь. Но

«поскольку государство не сможет предоставить крестьянину продуктов социалистической фабрики в обмен на все эти излишки, — пишет т. Ленин, — постольку свобода торговли излишками неминуемо означает свободу капитализма.

«В указанных пределах однако это нисколько не страшно для социализма, пока транспорт и крупная промышленность остаются в руках пролетариата. Напротив, развитие капитализма под контролем и регулированием пролетарского государства (т.-е. в этом смысле слова „государственного" капитализма) выгодно и необходимо в чрезвычайно разоренной и отсталой мелкокрестьянской стране (конечно, в известной лишь мере), поскольку оно в состоянии ускорить немедленный под'ем крестьянского земледелия». (Ленин. «Тезисы о тактике РКП, принятые III конгрессом Коминтерна», т. XVIII, ч. I, стр. 315).

Отсюда для всякого ясно, что нэп для Ленина вовсе не исчерпывается госкапитализмом в пролетарском государстве. Вследствие того, что социалистическая промышленность вступает в связь с крестьянством только через рынок, растет капитализм, который пролетарскому государству выгодно контролировать и регулировать, вводя его в государственное русло, используя его как средство оживления производительных сил, как средство поднятия сельского хозяйства. Пролетарское государство в силах определить ту меру, ту степень, в какой оно допускает у себя государственный капитализм. У Ленина идет речь о государственном капитализме в пролетарском государстве, но чтобы изобразить нэп в целом как государственный капитализм в пролетарском государстве надо ничего не понять у Ленина, все перепутать или задаться злостной целью во что бы то ни стало извратить в этом вопросе точку зрения ленинизма. Когда Ленин провозгласил отступление к нэпу, то он подчеркивал, что это отступление сводится к тому, что

«необходим длинный и сложный переход от капиталистического общества через социалистический учет и контроль хотя бы к одному подступу к коммунистическому обществу. Это было нами вроде того, что забыто, когда пришлось в горячке гражданской войны делать необходимые шаги к строительству». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 372).

Отступление к государственному капитализму у Ленина и означает то, что этот государственный капитализм должен явиться посредствующим звеном перехода к коммунизму, а вовсе не исчерпать весь нэп. Содержание момента отступления к нэпу отождествлено содержанием нэпа, как формой смычки социалистической промышленности с мелким, мельчайшим крестьянским хозяйством.

Степень и срок применения этого посредствующего звена зависит от степени укрепления и темпа роста нашей социалистической промышленности. Непосредственный переход от «патриархальщины» к социализму возможен только на основе электрификации. Но это процесс длительный. В ближайшее время без посредствующих звеньев не обойтись. Если мы сравним брошюру «О продналоге» и статьи о кооперации, то увидим, что разница заключается в том, что в период писания статей о кооперации Ленин учел укрепление наших экономических командных высот и выключил из цепи государственного капитализма звено кооперации, которая в этих новых условиях становится основной фор-

мой движения деревни к социализму. Но если в связи с ростом крупной городской промышленности кооперация перестает быть только видом государственного капитализма, то роль государственного капитализма, указанная в брошюре «О продналоге», сохраняется. Мы имеем здесь только конкретизацию Лениным нашего движения к социализму.

Нет никакого сомнения в том, что по мере укрепления социалистической промышленности и осуществления электрификации роль госкапитализма будет соответственно уменьшаться, и все более и более будет становиться возможным непосредственный переход к социализму.

Но Сафаров и др. не удовлетворены той ролью госкапитализма, которую отводит ему в нэпе Ленин; Сафаровы весь нэп об'являют государственным капитализмом. Но в таком случае получается теоретическая ликвидация всех основных социалистических позиций, завоеванных нами в Октябрьскую революцию и не сданных нами при отступлении к нэпу. Пусть же не волнуется и не обижается т. Сафаров, когда его обвиняют в ликвидаторстве. Его трактовка нэпа является последовательно-ликвидаторской.

Если «левые коммунисты» говорили «или к социализму, или к государственному капитализму» и не понимали учения Ленина о госкапитализме, как посредствующем звене, то того же самого не понимает и т. Сафаров, с той только разницей, что ему кажется возможным до мировой революции строить только госкапитализм. Смехотворны потуги Сафаровых свести точку зрения большинства ЦК к ошибочным воззрениям «левых коммунистов». Новым ликвидаторам не мешало бы лучше подумать над своей собственной ошибкой, в которой имеется кое-что родственное природе ошибок «левых коммунистов».

Если бы современные «комнытики», некоторые из которых украшают свое ликвидаторство кстати и некстати приводимыми стишками, постарались связно продумать написанное т. Лениным, то, может быть, они поняли бы, в чем ошибались «левые коммунисты» и какие ошибки последних, выворачивая их наизнанку, повторяют сейчас они.

Ян Стэн.

Ц. О. «Правда» № 287,
от 16/XII 1925 года.

«ГОСКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ» ТЕОРИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО.

I. Середняк и госкапитализм.

Трудно найти в партии человека, который бы прямо сказал, что он не считает середняка центральной фигурой нашего земледелия. Но в таком случае чем же вызвана особенная настороженность партии в этом вопросе? Очевидно, тем, что партия улавливает здесь какие-то фальшивые нотки. Очевидно, оценка середняка как центральной фигуры земледелия не у всех товарищей связывается органически и целостно с общей политической ориентировкой, которую они рекомендуют партии, с общим пониманием сути современного общественно-политического

«момента» (в широком смысле), с пониманием перспектив нашего развития.

Из этого вытекает тот вывод, что вопрос о среднем крестьянстве теснейшим образом связан с вопросом о госкапитализме, ибо «госкапиталистическая» теория имеет претензию быть как раз той общей ориентировкой, которая должна обосновать нашу стратегию в эпоху строительства социалистического общества. Необходимо рассмотреть, каким образом во вновь выдуманную теорию включена центральная фигура деревни — середняк.

Общая стратегическая линия партии в строительстве социализма, бесспорно, должна быть обоснована анализом всего экономического строя нашей страны. Известное утверждение, что наш экономический строй может быть охвачен формулой «госкапитализм», есть как раз попытка такого анализа, опирающегося якобы на Ленина.

Если мы не удовлетворимся изучением Ленина из вторых рук и заглянем непосредственно в первоисточник (например, в статьи «О кооперации» и в брошюру о продналоге), то мы увидим, что «госкапиталистическая» теория общественного строя СССР на Ленина опираться не может. Даже как раз наоборот. У Ленина мы найдем совершенно ясное и категорическое утверждение, что нельзя охватить наш строй одной формулой. Сам Ленин устанавливает п я т ь типов общественно-экономических укладов в нашей стране, начиная от патриархального хозяйства и кончая социализмом.

— Как будто предвидя, что в лето от р. Х. такое-то найдутся люди, заменяющие надуманными теориями разносторонний конкретный анализ, Ленин предупреждает, даже требует:

> «П е р е ч е н ь в с е х — н е п р е м е н н о в с е х б е з и з'я т и я с о с т а в н ы х ч а с т е й—в с е х р а з н о р о д н ы х у к л а д о в о б щ е с т в е н н о г о х о з я й с т в а в н а ш е й с т р а н е, д а н н ы й м н о й в с т а т ь е 5 м а я 1918 г., н е о б х о д и м о и м е т ь п е р е д г л а з а м и». (Т. XVIII, ч. I, стр. 221).

Ясно, что сводить все разнообразие в хозяйственном строе СССР к госкапитализму значит подменять диалектику схематизмом.

По существу: если, например, кулацкие хозяйства с большой и явной передержкой могут быть зачислены в «госкапитализм», то где же умещается в «госкапиталистической» схеме остальная огромная, многомиллионная масса крестьянских хозяйств, в частности середняцких? Два ответа возможны на этот вопрос. Л и б о середняк, по сравнению с «госкапитализмом», представляет ничтожную величину, которую и в схему не стоит включать. Но тогда середняк не может быть центральной фигурой нашего земледелия. И это нужно сказать прямо. Л и б о середняцкое хозяйство есть воплощение «госкапитализма», и оно включается в анализ экономики СССР как элемент госкапиталистический. Но не напоминает ли этот «госкапиталистический» середняк квадратный треугольник?

Очевидно, верно первое предположение, что в «госкапиталистической» схеме для «центральной фигуры» места не нашлось.

Можно считать доказанным, что в этой схеме нет места и для социализма. Нашлись же люди, которые открыто заявили, что не только наш экономический строй в целом, но и наша госпромышленность зачисляются по ведомству «госкапитализма».

Чем это не обывательщина?

Обывательскому лбу свойственно за формой не замечать сущности, за внешностью — социально-классового содержания явлений.

Но, видно, урожай у нас нынче не только на хлеба, но и на «партийных обывателей».

Может быть, «госкапиталистическую» теорию нужно понимать так, что, скажем, многомиллионная масса крестьянских хозяйств неминуемо должна пройти через стадию госкапитализма, как через посредствующий этап?

Но, как уже указывалось, это значит отрекаться от возможности непосредственного перехода крестьянского хозяйства к социализму без посредствующих звеньев госкапитализма (а такая возможность зафиксирована даже в резолюциях Коминтерна). Это значит, что в «госкапиталистической» схеме не находит себе места и кооперация, как основная организационная форма для непосредственного перехода к социализму от мелкого крестьянского хозяйства.

Но так как от вопроса о кооперации нельзя уклониться и на него нужно дать тот или иной ответ, то такой ответ дается в том смысле, что сама кооперация есть только госкапитализм! Каким образом к капитализму может быть отнесена кооперация, в которой преобладают середняки (середняки, а не буржуа!), — остается, вероятно, неясным даже для самих авторов подобных утверждений. А может быть по новой теории и колхозы относятся к госкапитализму?

То, что отдельные клеточки кооперации будут перерождаться в буржуазные и превратятся в госкапиталистические предприятия, — это бесспорно. Но это еще не основание для отрицания того, что рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма и что

> «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией,—это есть строй социализма» (Ленин).

Из вышесказанного следует тот вывод, что вновь выдуманная теория госкапитализма ни с точки зрения правильной оценки середняка, ни с точки зрения оценки кооперации или значения нашей промышленности не может служить в качестве основной ориентировки нашей партии в строительстве социалистического общества в нашей крестьянской стране. Ибо: в ней есть госкапитализм, но нет социализма; в ней есть «госкапиталистическая» кооперация, но нет кооперации, как формы непосредственного перехода от мелкого хозяйства к социализму. В ней есть госкапиталистические предприятия, но куда-то исчезли миллионы мелких крестьянских середняцких хозяйств.

Не ясно ли, что, когда мы слышим от авторов этой теории заявления о середняке как о «центральной фигуре земледелия», то это нужно оценивать только как оговорку, пустое заклинание, или, в лучшем слу-

чае, как вопиющую непоследовательность в мыслях. То же самое получается, когда мы слышим от них, что кооперация — столбовая дорога основной массы крестьянства к социализму.

II. Об опасностях мелкобуржуазной стихии в нашей стране.

Говорят, что партии нужно держаться «госкапиталистической» теории для того, чтобы не впасть в иллюзии, в чрезмерный оптимизм, чтобы не упустить из виду внутренней опасности, заложенной в нашей обстановке, в частности идущей из деревни, вследствие выделения кулацких хозяйств, из середняков. На этом последнем мы и остановимся.

Конечно, иллюзии — вещь опасная. Однако, так же ясно, что это не есть основание для выдумывания разных панических «госкапиталистических» теорий, не верящих ни в социализм, ни в нашу кооперацию.

Опасностей не нужно упускать из виду, но это означает только то, что паническим крикам об опасностях нужно противопоставить действительный анализ внутренней опасности в строительстве социализма в нашей стране.

Это возвращает нас снова к брошюре Ленина о продналоге. Нужно посмотреть, как Ленин ставил и разрешал вопрос о наших внутренних опасностях в применении к обстановке 1921 г., с тем, чтобы научиться у него, как ставить этот вопрос в обстановке 1925—26 г.г.

Ленин ставит вопрос о соотношениях тех пяти хозяйственных форм, которые он установил в СССР, об их удельном весе, и отвечает:

> «Что в мелкокрестьянской стране преобладает уклад мелкокрестьянский, т.-е. частью патриархальный, частью мелкобуржуазный, — это само собой очевидно». (XVIII, I, 215).

Отсюда Ленин делал вывод об опасности мелкобуржуазной стихии, как главного внутреннего врага социализма у нас (XVIII, I, 203, 204). Что такое мелкобуржуазная стихия? Это проявление собственнической природы мелкого производителя. Мелкобуржуазная стихия есть мелкособственническая стихия.

При применении к обстановке 1925—26 г.г .мы должны поставить два вопроса: Первый: как изменился удельный вес разных «укладов» в экономическом строе СССР по сравнению с 1921 г.? Второй: каково соотношение этих укладов в современный момент?

На первый вопрос нужно ответить: вырос удельный вес крупной промышленности, в особенности социалистической госпромышленности. За счет кого произошло это увеличение? В значительной мере за счет стихии мелкого производства. Мелкое производство, разумеется, абсолютно выросло, и довольно сильно выросло, но неизмеримо сильнее, энергичнее и быстрее росла и растет госпромышленность. Этого факта нельзя забывать!

Этот факт нисколько не замазывает того, — и здесь мы переходим ко второму вопросу, — что в целом в настоящее время мы имеем еще преобладание «укладов» мелкого производства.

В 1921 г. Россия была мелкокрестьянской страной. И до революции, и до войны она была мелкокрестьянской, и в настоящее время она еще является мелкокрестьянской. Мы еще не превратили страну из аграрно-промышленной в промышленно-аграрную. Уклады мелкого производства все еще преобладают, при чем внутри их выделяется небольшая частно-капиталистическая верхушка (кулаки).

Из этого следует, что констатирование величайших успехов социалистической промышленности отнюдь не означает, как это изображают некоторые, оптимистического «ура», не означает замазывания того, что мелкобуржуазная стихия все еще остается той силой, в переработке, переделке которой состоит наша труднейшая внутренняя задача.

Из этого следует только то, что не нужно терять чувства меры и, не впадая в уныние, не нужно терять из виду, что размах и формы проявления мелкобуржуазной стихии теперь существенно иные, чем в 1921 г., что наши ресурсы в борьбе с этой стихией тоже исчисляются в величинах несколько иного порядка, чем в 1921 году, и что, наконец, соответственно этому несколько видоизменились самые формы борьбы с мелкобуржуазной стихией.

С 1921 г. мы можем зарегистрировать три момента «натиска» мелкобуржуазной стихии на нас. Первый период — весна 1921 г., когда мы имели настоящую вакханалию мелкобуржуазной стихии, когда эта стихия разговаривала с нами на языке кронштадтских орудий, тамбовских и прочих восстаний. Второй — осень 1923 г., обострение отношений с крестьянством на почве «ножниц». И третий — 1925 г., когда, во-первых, выявилось недовольство середняка остатками военного коммунизма в деревне, когда, во-вторых, крестьянство не вывезло хлеба на рынок в предположенные нами сроки, — и это не без некоторой вины с нашей же стороны — и когда, в-третьих, выявилась тенденция нарождающегося кулачества завладеть советами и кооперацией методами тихой сапы.

Если в 1921 г. мелкобуржуазная стихия угрожала самому существованию советской власти, то в 1923 г. она, не угрожая непосредственно советской власти, грозила срывом процесса восстановления нашего хозяйства, а в 1925 г. она, не угрожая непосредственно самому восстановительному процессу, грозит замедлением темпа этого восстановления, и, с другой стороны, частичным захватом некоторых позиций в низовых советских и кооперативных органах.

Так обстоит дело с действительной физиономией этой опасности мелкобуржуазной стихии. Послушать же теоретиков «госкапитализма», так у нас чуть ли не такой же разгул мелкобуржуазной стихии, какой был в 1921—1922 г.г.

Теперь следует вопрос о борьбе с мелкобуржуазной стихией. О политической стороне не будем говорить, так как вопросы бедняцко-середняцкого блока стоят совершенно ясно.

Как Ленин ставил вопрос о борьбе с мелкобуржуазной стихией?

В «Продналоге» он выставляет две формы борьбы с ней: 1) электрификацию, т.-е. восстановление, развитие и реконструкцию нашей гос-

промышленности, а так как это рисовалось тогда совсем в отдаленном будущем, то 2) изыскание ряда «посредствующих путей, приемов, средств, пособий» «для перехода от докапиталистических отношений к социализму».

Статья «О кооперации» делает в этом вопросе совершенно очевидный шаг вперед. Не отвергая второго пути, не зарекаясь от концессий и аренды, Ленин выдвигает кооперацию, как средство (на-ряду с электрификацией), дающее возможность непосредственного перехода от крестьянского хозяйства к социализму.

Борьба с мелкобуржуазной стихией принимает здесь форму переделки и переработки самой собственнической природы мелкого производителя, а не только форму государственного регулирования капиталистических процессов, как это изображают.

Таким образом, кооперация является тем массовым орудием, через которое ведется борьба с мелкособственнической стихией, при чем действие этой формы борьбы будет тем сильнее, чем мощнее наша госпромышленность и рабочий класс.

После статьи Ленина «О кооперации» уже нужно говорить, что из системы госкапитализма выпала, в основном, кооперация, приобретающая в известной мере самостоятельное значение, связанное, конечно, с ростом социалистической госпромышленности.

Тот, кто хочет вывернуть это отношение наизнанку, тот делает шаг назад по сравнению с Лениным. А тот, кто замазывает указанное значение кооперации, тот дает партии совершенно неверную, извращенную ориентировку.

Оцените теперь по достоинству тех, которые кричат об опасностях, раздувают их, рисуют разгул кулацкой стихии и в то же время, давая универсальную теорию госкапитализма, забывают о кооперации, как о действительном и — в общем и целом — социалистическом (на-ряду с электрификацией) орудии борьбы с опасностями мелкобуржуазной стихии, преуменьшают наши силы и ресурсы, затрудняют этим действительную борьбу с ней и своими криками сдерживают середняка в укреплении хозяйства, в усилении накопления в крестьянском хозяйстве.

Нужно же до такой степени растеряться!

Не является ли самая эта растерянность отражением того натиска мелкобуржуазной стихии, который в 1921 г. породил рабочую оппозицию, а в 1923 г. — мелкобуржуазный уклон? *А. Зайцев.*

Ц. О. «Правда» № 289,
от 18/XII 1925 г.

К ВОПРОСУ О ГОСКАПИТАЛИЗМЕ.

1. Госкапитализм и наша промышленность.

«Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего экономического положения дел в нашей Советской республике», — писал В. И. Ленин весной 1918 года.

«Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм».

Чтобы правильно, в исторической перспективе, оценить эти слова Ленина, надо вспомнить экономическую обстановку весны 1918 года и экономическую политику того момента.

Сплошной национализации промышленности тогда проведено еще не было. Сплошная национализация промышленности началась лишь с середины 1918 года. Наибольшее количество национализировавшихся предприятий падает на конец 1918 и начало 1919 года.

Явилась ли эта сплошная национализация промышленности осуществлением намеченной Лениным перспективы государственного капитализма? В том-то и дело, что нет!

Государственный капитализм в пролетарском государстве отнюдь не мыслился Ленину в форме национализированной советской промышленности. Как раз наоборот, — идея государственного капитализма защищалась Лениным именно с той точки зрения, что «мы больше национализировали, конфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать» («О левом ребячестве и о мелкобуржуазности»).

Курс на государственный капитализм был выдвинут Лениным в противовес курсу на немедленную национализацию промышленности. Это следовало бы помнить тем, кто склонен считать государственным капитализмом наши советские предприятия.

В начале 1918 года и еще в конце 1917 года среди экономических мероприятий советской власти большое, если не центральное место, занимал рабочий контроль над частными предприятиями и принудительное трестирование и синдицирование частных предприятий. Эти мероприятия, действительно, целиком соответствовали курсу на государственный капитализм в пролетарском государстве, которое на первых порах рассчитывало в очень широких размерах использовать капитализм «в роли пособника социализма».

Мы, проще говоря, предложили капиталистам согласиться на государственный капитализм, предложили им подчиниться нашему контролю и регулированию. Враг отказался и вынудил нас от госкапитализма перейти к военному коммунизму, к полной экспроприации капиталистов.

Прекрасно выясняет Ленин суть рассматриваемого нами этапа экономической политики в своей позднейшей речи (1921 года) на примере декрета о государственной монополии на частные об'явления, изданного в первые дни советской власти. Этот декрет «остался пустой бумажкой»:

«Нам, которые предложили капиталистам: „подчиняйтесь государственному регулированию, подчиняйтесь государственной власти и вместо полного уничтожения условий, соответствующих старым интересам, привычкам, взглядам населения, вы получите постепенное изменение

всего этого путем государственного регулирования", — нам был поставлен вопрос о самом существовании. Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу, отчаянную и беспощадную, вынуждавшую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали». (Речь на московской губпартконференции, Собр. соч. т. XVIII, ч. I, стр. 393).

«Пустая бумажка» однако выражала собою первоначальную политику пролетарского государства — именно курс на государственный капитализм. Этот курс был сметен ходом гражданской войны.

Мы вернулись к этому курсу в 1921 г., когда снова поставили вопрос об использовании частного капитализма в роли «пособника социализма».

На этот раз нашелся известный слой буржуазии — остатки старого класса и новые «нэпманы», которые согласились вести капиталистические предприятия в советских условиях.

В нашей промышленности теперь мы

«соединяем частно-капиталистические предприятия, но не иначе как на общественной земле и не иначе как под контролем государственной власти, принадлежащей рабочему классу, с предприятиями последовательно-социалистического типа (и средства производства принадлежат государству, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятия в целом)». (Статья «О кооперации»).

Но на этот раз мы допустили капитализм в условиях, когда основная масса промышленных капиталистов была уже экспроприирована. В этом коренное отличие от условий 1918 г. Частичная денационализация более мелких предприятий отнюдь не имела в нашей экономике решающего значения. Концессии, на которые в первый момент возлагались большие надежды, значительного распространения не получили. Уже на втором году нэпа Ленин говорил:

«То, что теперь пишут о концессиях и прочем, ничего почти не составляет, кроме бумаги... Концессий мы еще не видели». (Речь на IV конгрессе Коминтерна).

Теперь у нас концессии есть, но они вместе с арендой далеко не составляют решающего элемента в промышленности. Предприятия «последовательно-социалистического типа» — вот решающая величина в нашей промышленности. И мы, разумеется, не собираемся уступать капитализму (хотя бы и государственному) ни отечественному, ни иностраннному этой решающей доли социализма в промышленности. Наша промышленность в ее преобладающей части отнюдь не госкапиталистическая и не собирается стать таковой.

2. Госкапитализм и крестьянское хозяйство.

Для чего же мы все-таки допускаем капитализм и государственный капитализм? На этот вопрос мы находим такой ответ у В. И. Ленина:

«Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной

мере как стихийный продукт мелкого производства, и поскольку мы должны использовать капитализм (в особенности, направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил». (Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 222).

Капитализм нам нужен как «посредствующее звено», посредством которого мы устанавливаем связь с крестьянским хозяйством, посредством которого мы подтягиваем крестьянство к социализму там, где мы не в силах сделать это без посредства капитализма, постольку, «поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого (крестьянского) производства к социализму».

Это «постольку-поскольку» необходимо твердо запомнить. Из него следует, что госкапитализм не нужен там, где мы уже «в силах» устанавливать непосредственный контакт социализма с крестьянским хозяйством.

Скажем, капитализм не нужен, если мы проведем электрификацию всей страны. Но это дело сравнительно отдаленного будущего. А сейчас?

Есть ли у нас «уже» такой метод «непосредственного» вовлечения крестьян в социализм, который мы могли бы противопоставить госкапитализму? «Нашли» ли мы его или еще нет? Есть ли у нас способ «непосредственного» контакта нашей социалистической промышленности без посредничества капитала, прямо с мелким крестьянским хозяйством?

Есть такой контакт! Мы такой способ нашли, и партия не должна его потерять ни в каком случае. Этот способ, метод, форма — кооперация, которую Ленин в своей посмертной статье без обиняков отожествил с социализмом, полагая, что истина легче пробьет себе дорогу в головы, если она будет выражена в наиболее резкой и определенной, не допускающей никаких двух толкований, форме.

В статье «О кооперации» Ленин подчеркнул, что при начале нэпа «мы перегнули палку в том отношении, что забыли думать о кооперации, что начали забывать уже гигантское значение кооперации». Это не значит, что Ленин в статье «О кооперации» пересмотрел основные принципы новой экономической политики. В основном политика та же. Рыночные отношения остаются. Частный капитализм остается, государственный — тоже. Частью этот капитализм проникает и внутрь кооперации, кое-где завоевывает себе господствующие позиции, и в этом случае кооперация является видом государственного капитализма.

Но поскольку в своей преобладающей части кооперация подходит непосредственно к мелкому производству и устанавливает непосредственный контакт между ним и социализмом, непосредственно вовлекает его в социализм, — она не есть госкапитализм,

она даже, в известном смысле, противостоит госкапитализму, как наш способ контакта с крестьянской массой.

Она есть рычаг, при помощи которого пролетариат ведет и приведет огромную массу мелких, распыленных производителей к социализму по пути некапиталистической эволюции, «минуя стадию капитализма».

И спрашивается, в чем сейчас наш основной курс, основная стратегия по отношению к крестьянству: установить ли с ним контакт при «посредстве» капиталистического звена или «непосредственно» через кооперацию мелких производителей?

Могут ли у ленинца после ленинской статьи «О кооперации» быть два ответа на этот вопрос?

Наша основная стратегия — на контакт без посредствующих капиталистических звеньев. Только в силу необходимости, только в силу закона рыночной стихии, рождающей капитализм из мелкого производства постоянно и в городе, и в деревне, мы допускаем и капиталистическое «посредствующее звено» в нашей политике. Но мы не отдаемся на волю этой стихии и всеми силами стремимся обойтись без капитализма, поднимая нашу госпромышленность и укрепляя кооперацию мелких производителей.

Вот почему и по отношению к деревне наш курс не есть курс на госкапитализм. Используя наличный капитализм и направляя его в русло государственного, категорически отказываясь, разумеется, брать его сейчас же «к ногтю», мы ведем борьбу за некапиталистическую эволюцию деревни. В этом наша основная стратегия.

После всего этого позволительно будет спросить: улавливает ли всю суть, всю душу ленинской постановки вопроса о кооперации тот, кто напирает на государственный капитализм как на якобы самое характерное из звеньев современной экономики, кто этим понятием пытается покрыть даже весь наш общественный строй?

Конечно, нет.

Государственный капитализм составляет очень важное, с точки зрения установления правильных взаимоотношений социалистической промышленности с крестьянским хозяйством, звено нашей экономики. Но мы ищем и уже находим методы непосредственной смычки социализма с мелким производством, иные формы вовлечения крестьянства в социализм.

Такой формой является кооперация мелких производителей при диктатуре пролетариата.

В. Астров.

Ц. О. «Правда» № 283,
от 11/XII 1925 года.

НЕМНОЖКО ТЕОРИИ: ТОРГОВЛЯ, НЭП И ПУТЬ К СОЦИАЛИЗМУ

Одним из самых основных теоретических аргументов оппозиции в ее полемике против большинства была ссылка на свободу торговли. Берем содоклад т. Зиновьева на с'езде. По его мнению, ошибка официального толкования партии в вопросах госкапитализма заключается в том, что «забывают такую „мелочь", как свобода торговли» (Бюллетень № 3, стр. 10). Тов. Зиновьев считает, что сосредоточение центра полемики не на вопросах о свободе торговли есть обход сути спора:

> «Однако, в последнее время дело приняло такой оборот: вопрос о свободе торговли, о роли капитализма вообще оставлен в стороне, а весь спор сосредоточен на утверждении такого рода: дескать, вы (т-е. мы, несогласные с т. Бухариным в этом вопросе) заявляете, что наша государственная промышленность есть государственный капитализм» и т. д. (стр. 13).

Сдав с большим или меньшим числом оговорок свои позиции по вопросу о характере нашей госпромышленности, оппозиция заявляла, что спор на эту тему не есть спор по существу. Свобода торговли — вот центр спора по проблеме о госкапитализме. На это-де выложите нам ответ.

> «Бесспорно, — говорит т. Зиновьев, — что наиболее простым и ярким примером государственного капитализма в такой стране, как наша, является концессия и аренда. Настолько же бесспорным для нас должно быть и то, что этим не исчерпывается государственный капитализм, что нельзя забывать о свободной торговле, о ее формах, о планировании и распределении, о возрастании капитализма из индивидуальных хозяйств. Нельзя забывать, что все это, поскольку оно подчинено контролю государства, — все это Владимир Ильич называл государственным капитализмом» (стр. 18).

Что капитализм у нас есть — об этом спору нет, как и нет таких чудаков, которые бы пытались отрицать сие.

Точно так же спору нет и о том, что государственный капитализм является шагом вперед по отношению к частному капитализму, шагом вперед от капитализма к социализму. А вот знак равенства между свободой торговли и капитализмом подлежит оспариванию. Такое утверждение при ближайшем рассмотрении оказывается не марксистским, не ленинским. Тов. Бухарин кратко в своей речи на се'зде отметил это так:

> «Тов. Зиновьев в своей книжке («Ленинизм») не понимает одного места из Владимира Ильича, или понимает его формально, как некоторые персонажи, которые читают по складам, но не вникают в смысл. У Владимира Ильича сказано: „свобода торговли есть капитализм". И т. Зиновьев говорит: у нас свобода торговли; поскольку существует свобода торговли, значит у нас сплошь капитализм. Это такое упрощение вопроса, такая его вульгаризация, что волосы становятся дыбом, если они есть.
>
> «Что же означало, когда Владимир Ильич говорил, что свобода торговли есть капитализм? Это означало, что свобода торговли есть такой порядок вещей, на основе которого постоянно рождается капитализм; но это не значит, что между свободой торговли и капитализмом можно ставить знак равенства в грубом смысле этого слова.

«Вот пример. Если наше государственное предприятие „последовательно-социалистического типа" покупает у другого государственного предприятия „последовательно-социалистического типа" машины — это ведь есть товарная форма? Верно. Это не есть социалистическая форма распределения? Верно. А есть ли это капитализм? Конечно, нет». (Бюллетень № 3, стр. 63).

Посмотрим, как вопрос о торговле трактуется у Маркса. Маркс, как известно, не принадлежит к «новой бухаринской школе». Курса науки в институте красной профессуры он не проходил. В кулацком уклоне его тоже никак не обвинишь; старик знал раньше «новой школы», что капиталистический способ производства «предполагает в качестве своего базиса, прежде всего, товарное обращение» [1]. Но в то же время Маркс писал: «Денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости» [2]. Маркс, конечно, не мог иметь в виду случая покупки машин одним «последовательно-социалистическим предприятием» у другого. Он ставил вопрос теоретически, выясняя природу, значение и влияние торговли. Для ответа на этот вопрос он прибегал к исследованию докапиталистических общественных формаций. Торговли, как функции известной части государственного аппарата диктатуры пролетариата, он не касался и не мог касаться. И тем не менее, резюмируя результаты своих исследований в этом направлении, он приходит к следующим выводам:

«Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги в мировые деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью, главным образом, потребительскую стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т.-е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства».

В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены, кроме развития торгового капитала, еще совершенно иными обстоятельствами.

[1] «Капитал», т. III, ч. I. Изд. 1922, стр. 20.
[2] Там же, стр. 312.

«Такова природа дела, что как только городская промышленность, как таковая, отделяется от земледельческой, ее продукты с самого начала являются товарами, и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Таким образом, связь торговли с городским развитием и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлею понятны сами собой. Но сколько рука об руку с этим идет промышленное развитие [1], это в большей мере зависит здесь от других обстоятельств. В древнем Риме, уже в позднейший республиканский период, купеческий капитал достиг, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии, более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промышленности. С другой стороны, в прямую противоположность развитию городов и его условиям, торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам» [2].

Мы извиняемся перед читателем за длинную цитату, — мы выписали почти целую страницу из Маркса. Но ежели оппозиция забывала «тексты» — мы вынуждены их напомнить. А из «текстов» с категорической ясностью следует, что свобода торговли еще не есть капитализм. Таковы уроки истории прошлого. Партия настолько выросла, что ошибки в марксизме, под видом преподнесения прописей марксизма, она заметит, заметит и в них уличит.

Небезынтересным будет также напомнить, что в том самом «Развитии капитализма в России», к которому, помахивая наставнически перстом, взывал в спорах т. Сафаров, Ленин ссылается на только-что приведенное место из Маркса [3]. Ленин, опровергая народников, не просто ссылается на торговлю, а разрешает вопрос: «Связывается ли у нас торговый и ростовщический капитал с промышленным? Ведет ли торговля и ростовщичество, разлагая старый способ производства, к замене его капиталистическим способом производства, *или каким-либо иным?*» [4]. Ленин и в «Развитии капитализма» не ставит просто знак равенства между торговлей и капитализмом. Он показывает, почему и как торговля разлагает пореформенную деревню, в зависимости от степени прочности и характера ее внутреннего строя, он показывает, что деревня *не просто* вследствие торговли, а еще и в зависимости от врастания и срастания торговли с промышленным капитализмом переживала капиталистическую трансформацию. Конечно, при капитализме свобода торговли рождает капитализм и только капитализм. Из этого однако не следует, что торговля при всяком общественном строе рождает *только* капитализм.

Как обстоит дело у нас? Маркс, а вслед за ним и Ленин говорили, что разложение старого способа производства торговлей «зависит, прежде всего, от его прочности и внутреннего строя». Неужели после Октябрьской революции, после уничтожения помещика и помещичьей кабалы, при диктатуре пролетариата, при нашем советском кооперирo-

[1] Речь идет, конечно, о капиталистическом промышленном развитии.
[2] «Капитал», т. III, 316.
[3] Собр. соч. Ленина, т. III, стр. 138.
[4] Там же, стр. 139.

вании и т. д. сопротивляемость нашего середняка диференциации на основе товарного хозяйства понизилась, а не повысилась? Связывает ли торговля деревню с промышленным капиталом, с капиталистическим способом производства? — спрашивал Ленин в «Развитии капитализма» у народников. Не уместно ли будет спросить у теперешней оппозиции: связывает ли нэп, торговля нашу теперешнюю деревню с тем социалистическим хозяйством, которое как ни как, как бы ни были недостаточны его размеры, как бы ни вертелась оппозиция, у нас все же имеется? И не может ли в таких условиях несоциалистическая форма торговли, на основе законов, установленных Марксом, вести не только к капитализму, но и к социализму?

На этот вопрос положительный ответ дал Ленин.

> «Торговля — вот это звено в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства, за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко ухватимся, мы всею цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка...»

Торговля не есть просто капитализм. Торговля порождала, порождает и еще долго будет порождать капитализм. Но торговля в наших условиях может вести к социализму. И поведет. В этом смысл нэпа.

Естественно, что ежели всюду, где торговля, там и капитализм, — а торгуют у нас все элементы нашего хозяйства в СССР, в том числе и наши социалистические фабрики, — то нэп есть только отступление. Нечего говорить о кооперативно-некапиталистической эволюции деревни. Дай бог справиться с государственным регулированием всеоб'емлющего капитализма. Тогда нэп есть «госкапитализм в пролетарском государстве». И тогда была своеобразная логика в писаниях т. Сафарова, вопреки всем нашим хозяйственным успехам считавшего, что мы все еще находимся в отступлении. «Наше движение вперед бесспорно,— писал т. Сафаров, — но ведь это постепенный переход от отступления к наступлению. Это есть подготовка нового наступления, в смысле бесповоротно-решающего изменения того соотношения сил, которое вызвало нэп». Подготовка к наступлению, но еще не самое наступление. В самом деле, в нэпе мы всего лишь «отступили на позиции государственного капитализма». Наши хозяйственные успехи, наше социалистическое накопление есть, по мнению оппозиции, накопление при торговле (= капитализму), в пределах государственного капитализма, пока еще не в пределах социалистического этапа нашего хозяйства. Это есть успехи в пределах отступления. Следовательно, нэп все же остается только мастерским, «самым широким отступательным движением ленинизма...»

Но такого ленинизма партия не хочет.

В. Кирпотин.

Ц. О. «Правда» № 27,
от 3/II 1926 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На XIV с'езде ВКП (б).

«После смерти Владимира Ильича, с'ездам партии принадлежит решающая роль еще и в новых вопросах: в вопросах толкования ленинизма, в вопросах применения учения т. Ленина к новым условиям жизни рабочего класса и жизни страны. И в этом отношении с'езд является конечной инстанцией».

(Из речи А. И. Рыкова перед открытием с'езда).

XIV с'езд является одним из интереснейших с'ездов нашей партии: почти неделю с'езд посвятил свое внимание отчету ЦК и ЦКК; в прениях выступало 60 человек; по отчету ЦК выступал содокладчик. Это последнее обстоятельство выделяет протекший с'езд из всех с'ездов нашей коммунистической партии. Содоклады по политическим вопросам были вполне естественны в условиях существования двух фракций, большевиков и меньшевиков, в рамках одной партии; содоклад по политическому отчету ЦК в рамках Ленинской единой стальной партии был, безусловно, и останется, несмотря на все ухищрения и словесные выверты оппозиции, явлением небывалым и недопустимым в нашей партии. Мы обращаем внимание читателя на этот, с виду якобы формальный, момент, но по существу момент, определивший и все дальнейшее поведение оппозиции на с'езде.

За недостатком места мы не ввели в состав сборника отдела «О фракционной работе оппозиции», но в речах на с'езде о таковой работе говорилось; поэтому мы считаем необходимым дать общие указания, связывающие разбросанные в настоящем отделе сведения о фракционной политике оппозиции.

На конференциях в Ленинграде оппозиция не высказывалась открыто о существующих разногласиях; кой-где проскальзывали в речах намеки на особую позицию Москвы, направленную как бы против Ленинграда. На губернской конференции полемика шла по второстепенным вопросам — но и там, и ранее уже шло собирание сил для произ-

ведения атаки на ЦК во время с'езда. Дать бой «большинству» — под этим лозунгом заканчивалась ленинградская губернская конференция. Интересно отметить то обстоятельство, что, не раз'яснив ленинградским коммунарам основных разногласий, уверив их, что таковых нет, что «мы» за ЦК, — губконференция в переписке с Москвой (см. главу вторую), уже ставит вопросы более открыто; в «Ленинградской Правде» дается систематический бой «ЦО» — отстаивается «особая позиция».

И, несмотря на это бьющее в глаза противоречие, ленинградская делегация отправляется на с'езд с лозунгом поддержки ЦК и выражения ему доверия.

Откуда же явился содоклад? Разве за это время появились причины, углубившие разногласия? Наоборот, из приводимых отрывков читатель увидит, что были попытки найти общий язык со стороны ЦК. Значит все предыдущее поведение верхушки ленинградской организации явилось не более, чем маневром; надо было выступить перед с'ездом, имея за собой поддержку «стотысячной организации». И ради сохранения этой поддержки на с'езде зачитывается «пламенное» приветствие с'езду от имени XXII ленинградской губернской конференции, а немного спустя начинается такое же «пламенное» противопоставление себя всему с'езду, ничем необ'яснимое демонстративное поведение ленинградской делегации, нашедшее свое оформление в содокладе и «философское» обоснование в заявлении о «Стокгольме» и «истине» (см. речь т. Крупской).

На-ряду с этим «Ленинградская Правда» для успокоения партийной массы печатает лицемерные статьи в защиту раскольнической политики ленинградской делегации и обвиняет ЦК в изолировании на с'езде ленинградской делегации от остальных; уверяет в том, что ленинградская организация будет проводить постановления с'езда в жизнь, но в то же время помещает передовицу под лозунгом: «Борьба за истолкование решений с'езда».

Отрывки о фракционном поведении оппозиции на с'езде читатель найдет в речах и заявлениях самой оппозиции, а также в заключительных словах товарищей Сталина и Молотова.

Венцом всей этой политики явилось выставление содокладчиком требований о привлечении к работе в ЦК всех бывших групп и фракций в нашей партии.

Из вопросов не теоретического, а организационного порядка составители поместили вопрос: «О регулировании роста партии». Читатель по этому вопросу найдет в настоящей главе два отрывка: «Регулирование роста партии и фантастика т. Саркиса» и выступление т. Том-

ского, прочитавшего два письма В. И. Ленина т. Молотову по данному вопросу. Для более полного ознакомления читателя с этим вопросом, даем небольшую справку.

Выступление т. Саркиса началось со статьи: «Очередные задачи партстроительства в городе», помещенной в журнале «Под Знаменем Коммунизма» № 4. Приведя в одном месте выступление т. Молотова на XIII с'езде партии о задаче «максимального вовлечения рабочих в партию, с тем, чтобы довести процент рабочих в партии до 90%», Саркис умудрился преподнести читателю следующую формулировку:

«Партия должна в дальнейшей своей работе по регулированию роста и социального состава организации стремиться к тому, чтобы в ближайшие годы организовать 50%—60% всех промышленных рабочих в наших коммунистических рядах.

«Наша партия должна ставить перед собой задачу максимального вовлечения рабочих в партию, с тем, чтобы до XV партийного с'езда довести процент промышленных рабочих (от станка) в партии до 90%».

После критики этого предложения в ЦО, Саркис написал статью [1], где так же «незаметно» постарался заменить некоторые слова в своем предложении: слово «максимального» выкинул, поместил слово «сельских» (рабочих) и заменил время до XV с'езда (один год) — ближайшими годами. Но, произведя эту замену, Саркис принялся уверять, что он был прав, что его предложение извращают, и т. д. [2].

Отрывки из речей, которые вошли в настоящую главу, посвящены преимущественно основным вопросам, с которыми читатель имел возможность ознакомиться в отделе «Дискуссия в печати». Конечно, и здесь основным вопросом является «крестьянский вопрос», т.-е. вопрос, по которому наиболее отчетливо выявились разногласия между партией и оппозицией. По этому вопросу мы даем отрывки из речей И. Сталина, Зиновьева, Крупской, Каменева. По вопросу о структуре нашей экономики нами приведены речи Сталина, Бухарина, Сокольникова, Каменева, Зиновьева; по оргвопросу — Молотова, Зиновьева, Крупской.

Заострение разногласий по основным вопросам и оппозиции читатель найдет в речи т. Каменева. В заключительном слове т. Сталина читатель найдет ответ оппозиции по вопросу о крестьянстве, о нэпе, о госкапитализме, о платформе оппозиции, о ее фракционной политике.

---

[1] См. № 277 «Ленинградск. Правды», от 3/XII 1925 г. «Об организации большинства промышленного пролетариата в рядах РКП».

[2] Соответствующую переписку и полемику по этому вопросу читатель сможет найти в №№ 286, 282, 287, 290 и 295 «Ленинградской Правды» и в №№ 286, 292 Ц.О.

Резолюция XIV с'езда по отчету ЦК, заявление ленинградской делегации по поводу резолюции, обращение с'езда к ленинградской организации и т. п. дадут материал для углубленной проработки как теоретической линии, так и поведения ленинградской делегации.

ДВА УКЛОНА В КРЕСТЬЯНСКОМ ВОПРОСЕ. КАКОЙ ИЗ НИХ ОПАСНЕЕ?

(Из доклада т. Сталина).

Так как мы осереднячили деревню в результате аграрной революции, так как середняк составляет большинство в деревне, несмотря на процесс дифференциации, а наша строительная работа и ленинский кооперативный план требуют вовлечения в это дело основной массы крестьянства, то политика союза с середняком является в условиях нэпа единственно правильной политикой.

Такова практическая сторона вопроса.

Вот как Ленин формулировал наши задачи, когда он обосновывал новую экономическую политику. У меня перед глазами лежит проект брошюры о продналоге, написанный Лениным, где он ясно и четко дает основные руководящие нити.

> «Теперь гвоздем, оселком становится (стало) увеличение продуктов — следовательно, ставка на середняка в земледелии. Старательный крестьянин — как центральная фигура нашего хозяйственного под'ема».

Стало быть, ставка на середняка в земледелии, старательный крестьянин — как центральная фигура нашего хозяйственного под'ема. Так писал т. Ленин в 1921 г.

Вот эта идея, товарищи, и послужила основой тех решений и тех уступок крестьянству, которые были приняты нами на XIV апрельской конференции нашей партии.

В каком отношении находятся резолюции апрельской XIV партийной конференции к той резолюции о работе среди бедноты, которую ЦК единогласно принял в октябре так же, как он принял единогласно резолюции XIV конференции? Основная задача, стоявшая перед нами на октябрьском пленуме Центрального Комитета, состояла в том, чтобы не дать сорвать ту политику, которую мы выработали на апрельской конференции, политику прочного союза с середняком, не дать эту политику сорвать, так как у нас наметились в партии настроения, которые считали, что политика прочного союза с середняком неправильна или неприемлема. Наметились также настроения, что политика прочного союза с середняком означает будто бы забвение бедноты, что будто бы через голову бедноты старается кто-то устроить прочный союз с середняком. Это глупо, товарищи, но это факт, ибо такие настроения были. Составлял ли для нас вопрос о бедноте что-либо новое, когда мы с'езжались на октябрьский пленум? Конечно, нет. Пока есть беднота, мы должны иметь союз с беднотой. Это нам известно еще с 1903 года, когда впервые появилась брошюра Ленина «К деревенской бедноте».

Мы на то и марксисты, мы на то и коммунисты, чтобы опираться на бедноту в деревне.

На кого же больше опираться? Этот вопрос не нов, ничего особенно нового для нас ни в апреле, ни в октябре, ни на конференции, ни на пленуме ЦК он не составлял и составлять не мог. Если все-таки вопрос о бедноте всплыл, то всплыл он в связи с тем опытом, который у нас накопился во время перевыборов советов. Что оказалось? Советы оживили. Советскую демократию стали насаждать. Но для чего? Ведь советская демократия — это значит руководство рабочего класса. Ведь никакая советская демократия не может быть названа настоящей советской и настоящей пролетарской, если там нет руководства пролетариата и его партии. Но что значит: советская демократия при руководстве пролетариата? Это значит, что пролетариат должен иметь своих агентов в деревне. Из кого должны состоять эти агенты? Из представителей бедноты. А в каком положении беднота оказалась, когда мы советы оживили? В самом раздробленном, самом распыленном состоянии. Не только некоторым элементам бедноты, но и некоторым коммунистам показалось, что отказ от раскулачивания и административного нажима есть отказ от бедноты, забвение ее интересов. И вместо того, чтобы повести организованную борьбу с кулачеством, стали скулить недостойным образом.

Что надо было сделать, чтобы перебить эти настроения? Надо было выполнить, во-первых, ту задачу, которую перед партией поставила XIV партийная конференция, т.-е. определить условия, способы и меры материальной помощи бедноте. Во-вторых, нужно было выставить лозунг организации особых бедняцких групп, или фракций, для открытой политической борьбы за привлечение середняка и изоляцию кулака во время выборов в советы, выборов в кооперацию и т. д.

Это именно и сделал т. Молотов в тезисах о работе среди бедноты в результате своей трехмесячной работы в деревенской комиссии ЦК.

Как видите, резолюция октябрьского пленума ЦК является прямым продолжением решений XIV конференции.

Надо было, во-первых, вопрос о материальной помощи поставить конкретно, чтобы поднять материальное состояние бедноты, и во-вторых, надо было дать лозунг об организации бедноты. Это то новое, что принадлежит целиком т. Молотову, это его идея — лозунг организации групп бедноты.

Для чего понадобился лозунг организации бедняцких групп? Он понадобился для того, чтобы ликвидировать распыленность бедноты и дать ей возможность организоваться при помощи коммунистов в самостоятельную политическую силу, могущую служить организованной опорой пролетариата в деревне в борьбе против кулака, в борьбе за среднее крестьянство. Беднота все еще проникнута иждивенческой психологией, она надеется на ГПУ, на начальство, на что угодно, только не на себя, не на свою силу. Вот эта пассивность и иждивенческая психология должны быть выветрены из сознания бедноты. Надо дать лозунг бедноте, чтобы она стала, наконец, на свои собственные ноги, чтобы она при помощи коммунистической партии и при помощи

государства организовалась в группы, училась на арене советов, на арене кооперации, на арене крестьянских комитетов и на всех аренах деревенской общественности бороться с кулаком, но бороться не путем обращения в ГПУ, а путем политической борьбы, путем организованной борьбы. Только так можно закалить бедноту, только так можно организовать бедноту и только так можно из деревенской бедноты вместо иждивенческой группы создать опору пролетариата в деревне.

Вот для чего был выдвинут в октябре вопрос о бедноте.

В связи с вопросом о крестьянстве у нас наметились в партии два уклона. Уклон в сторону преуменьшения кулацкой опасности и уклон ее преувеличения в сторону преуменьшения и недооценки роли середняка. Я не скажу, что эти уклоны представляют что-либо смертельное для нас. Уклон есть уклон, уклон есть нечто еще не оформившееся. Уклон есть начало ошибки, и либо мы дадим этой ошибке развиться, — тогда дело плохо, либо мы эту ошибку подсечем в корне, и тогда опасность ликвидирована. Уклон есть нечто ошибочное, которое даст результаты потом, если ты во-время его не остановишь.

Два слова о недооценке кулацкой опасности. Говорят о кулацком уклоне. Это глупо. В партии не может быть кулацкого уклона. Речь идет не о кулацком уклоне, а об уклоне в сторону недооценки кулацкой опасности. Если бы даже не было людей, которые стали жертвой этого уклона, которые стали на почву этого уклона, они все равно появились бы, потому что развитие у нас идет в сторону некоторого оживления капитализма, а оживление капитализма не может не породить сумятицу около нашей партии. С другой стороны, у нас развивается социалистическая промышленность, и идет борьба между нею и частным капиталом. Кто кого перегонит? Перевес сейчас на стороне социалистических элементов. Мы подчиним себе и кулака и частного капиталиста в городе. Но пока факт является фактом, что кулак растет, и мы его экономически далеко еще не поколотили. Кулак собирает силы — бесспорно, и кто этого не замечает, кто говорит, что это пустяки, что кулак — жупел, тот ставит партию перед опасностью потерять бдительность и оказаться разоруженной в борьбе с кулаком, в борьбе с капитализмом, ибо кулак есть агент капитализма в деревне.

Говорят о Богушевском. Конечно, у него не кулацкий уклон. У него уклон в сторону недооценки кулацкой опасности. Если бы у него был кулацкий уклон, его надо было бы выгнать из партии. Но до сих пор никто, кажется, насколько мне известно, не требовал его изгнания из партии.

Этот уклон — уклон в сторону недооценки кулацкой опасности в деревне — уклон, который мешает держать партию в состоянии постоянной готовности к борьбе, который разоружает партию в ее борьбе с капиталистическими элементами; этот уклон осужден, как известно, решением Центрального Комитета партии.

Но есть другой уклон — в сторону переоценки кулацкой опасности, в сторону растерянности перед кулацкой опасностью, в сторону паники: «Кулак идет, караул!» Странное дело! Люди вводили нэп, зная, что нэп есть оживление капитализма, оживление кулака, что кулак обяза-

тельно подымет голову. И вот стоило показаться кулаку, как стали кричать «караул», потеряли голову. И растерянность дошла до того, что забыли о середняке. А между тем, основная задача в деревне состоит теперь в борьбе за завоевание середняка, в борьбе за отрыв середняка от кулака, в борьбе за изоляцию кулака путем установления прочного союза с середняком. Об этом забывают товарищи, ударившиеся в панику перед кулацкой опасностью.

Я думаю, что если доискаться корней этих двух уклонов, то можно было бы их свести к следующим исходным пунктам.

Первый уклон состоит в преуменьшении роли кулака и вообще капиталистических элементов в деревне, замазывании кулацкой опасности. Он исходит из того, что развитие нэпа не ведет к оживлению капиталистических элементов в деревне, что кулак и вообще капиталистические элементы отходят — или, вернее, уже отошли — у нас в область истории, что диференциации в деревне не происходит, что кулак — это отзвук прошлого, жупел и только.

К чему приводит этот уклон?

На деле этот уклон приводит к отрицанию классовой борьбы в деревне.

Второй уклон состоит в раздувании роли кулака и вообще капиталистических элементов в деревне, в панике перед этими элементами, в отрицании того, что союз пролетариата и бедноты с середняком возможен и целесообразен.

Уклон этот исходит из того, что у нас происходит в деревне простое восстановление капитализма, что этот процесс восстановления капитализма является всепоглощающим процессом, целиком или в подавляющей части захватывающим и нашу кооперацию, что в результате такого развития должна непрерывно расти диференциация в большом масштабе, что крайние группы, т.-е. кулаки и бедняки, должны усиливаться и возрастать год за годом, что средние группы, т.-е. середняки, должны ослабевать и вымываться тоже год за годом.

На деле этот уклон ведет к разжиганию классовой борьбы в деревне, к возврату к комбедовской политике раскулачивания, к провозглашению, стало быть, гражданской войны в нашей стране и, таким образом, к срыву всей нашей строительной работы, наконец, к отрицанию кооперативного плана Ленина в смысле включения крестьянских хозяйств в систему социалистического строительства.

Вы спросите: какой уклон хуже? Нельзя так ставить вопрос. Оба они хуже, и первый и второй уклоны. И если разовьются эти уклоны, они способны разложить и загубить партию. К счастью, у нас в партии есть силы, которые могут отсечь и первый и второй уклоны. (Аплодисменты). Хотя оба уклона хуже, и глупо ставить вопрос о том, какой из них опаснее, но есть другая точка зрения, с которой нужно подходить к этим двум уклонам. К борьбе с каким уклоном больше всего подготовлена партия — к борьбе с первым или со вторым уклоном? — вот как нужно ставить вопрос практически. Оба уклона опасны, оба они хуже, нельзя говорить, какой из них опаснее, но говорить о том, к борьбе с каким уклоном больше всего подготовлена пар-

тия, — можно и нужно. Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия: к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но итти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только, — и мигом разденет кулака. А вот, что касается того, чтобы не раскулачивать, а вести более сложную политику изоляции кулака через союз с середняком, то это дело не так легко переваривается. Вот почему я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов партия все же должна сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном. (Аплодисменты). Никаким марксизмом или ленинизмом нельзя прикрыть того положения, что кулак опасен. Кулак есть кулак. Он опасен, сколько бы Богушевский ни твердил о жупеле. И этого не вытравишь у коммуниста никакими цитатами. А вот то положение, что с середняком нужен прочный союз, между тем как Ильич пишет в резолюции II конгресса о нейтрализации середняка, — это положение всегда можно замазать, затмить фразами о ленинизме или марксизме. Тут богатое поле для цитат, тут богатое поле для всякого, кто хочет запутать партию, кто хочет скрыть правду от партии, правду о том, что у Ленина в отношении крестьянства был не один, а три лозунга. Тут можно насчет марксизма проделывать всякие манипуляции. И именно поэтому надо сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном.

РЕГУЛИРОВАНИЕ РОСТА ПАРТИИ И ФАНТАСТИКА ТОВ. САРКИСА.

(Из доклада т. Молотова).

Директива XIII партийного с'езда о том, чтобы в нашей партии было большинство рабочих от станка, нами не выполнена, и она остается для нас основной директивой в вопросе о регулировании состава нашей партии. Вот что XIV с'езд должен решительно подтвердить.

Надо еще отметить и те ошибки, которые делаются в этом вопросе за последнее время. На меня, в часности, ссылались отдельные товарищи, — я назову т. Саркиса, который ссылался на меня, пытаясь защищать свои явные ошибки, и предлагал: «довести до XV партс'езда процент промышленных рабочих (от станка) в партию до 90%». Он писал в печати, что мною на XIII с'езде была указана задача вовлечения все большего и большего количества рабочих в партию, с тем, чтобы процент рабочих в нашей партии довести со временем до 90% состава партии. Является ли эта задача правильной? И в настоящий момент мне кажется, что, как задача, она остается правильной. Но неправильна путаница, которая вносится в этот вопрос некоторыми товарищами и в особенности т. Саркисом. Я еще раз остановлюсь на том примере, который вчера здесь приводил т. Сталин. Тов. Саркис перепутал рабочих от производства и рабочих вообще. Можно ли это путать? Мне кажется, этого нельзя путать. У нас есть рабочие на производстве и рабочие, работающие во всем нашем государственном аппарате, — в кооперативном аппарате, в профессиональных орга-

нах, в партийных органах и т. п. Общая масса рабочих в нашей партии, как я уже говорил, составляет в настоящий момент около 58%, а рабочих от станка в нашей партии 38—40%. Ясно, что эти две цифры путать не надо.

Дальше, одно дело — задача, которую мы выдвигаем перед партией, с перспективой на ряд лет, и другое дело — задача, которая выдвигается для ближайшего времени. Тов. Саркис выдвинул такой лозунг, чтобы к XV с'езду партии в нашей партии было 90% промышленных рабочих (от станка). Что это обозначает? Это обозначает, товарищи, что если теперь в партии 38—40% составляют рабочие от станка, т.-е. из миллиона членов и кандидатов у нас около 400 тысяч коммунистов от станка, до 600 тысяч теперешнего состава партии таковыми не являются, хотя в число 600 тысяч входит около 200 тысяч рабочих, сейчас не работающих у станка. Поэтому, если бы провести в жизнь мнение т. Саркиса о 90% рабочих от станка к XV с'езду, то мы должны были бы даже при условии непринятия в партию за время между XIV и XV с'ездами ни одного крестьянина, ни одного служащего, ни одного рабочего, не находящегося в производстве, мы должны были бы добиться, чтобы те 600 тысяч нерабочих у станка, которые имеются к настоящему времени в нашей партии, к XV с'езду превратились в 10% ко всему составу партии, т.-е. тогда получилась бы партия в 6.000.000 коммунистов. Тогда нужно было бы к теперешнему миллиону членов партии и кандидатов принять дополнительно за время до XV с'езда, по крайней мере, 5 миллионов рабочих от станка.

Говорить такие глупости и путать вопрос о ряде лет с вопросом о современных задачах, путать рабочих от станка с рабочими вообще в партии, доводить до абсурда правильную мысль, которая была принята XIII с'ездом, так, как т. Саркис, искажать эту мысль — значит заставить спросить: во имя чего это делается? Не во имя ли лести рабочим — лести, в которой рабочие не нуждались и не нуждаются? (Аплодисменты). Доводить до абсурда правильное, одобренное XIII партийным с'ездом решение, это значит — оказывать плохую услугу партии.

Какие бы лично хорошие желания ни были у этого путающегося товарища или у других товарищей, поддерживающих его, однако рабочие умеют считать, умеют разбираться в политике, и никакой лестью и демагогией повести рабочего за собой не удастся. А на деле у т. Саркиса из ошибки по вопросу о росте партии вытекает вторая ошибка, сводящаяся к недооценке роли массовых пролетарских организаций в деле политического воспитания рабочих. Мы должны в этом вопросе вести ту линию, какая у нас была до сих пор, мы додлжны вести ее и впредь без искривлений, без метаний в ту или другую сторону, и эту линию, одобренную всей партией, мы должны закрепить и дальше. Мы должны и на этом с'езде партии эту линию, нашедшую выражение в решениях XIII с'езда, принять и оставить основной линией партии о регулировании ее состава.

ИЗ СОДОКЛАДА Г. ЗИНОВЬЕВА ПО ПОЛИТОТЧЕТУ ЦК.

О структуре нашей экономики.

В последнее время для нас как бы неожиданно, как снег на голову, по выражению некоторых делегатов, обрушился спор по вопросу о госкапитализме. Ни на одной партийной конференции вы этого вопроса не обсуждали, ни на одной партийной конференции до последнего времени не было речи о том, что у кого-либо из нас в этом вопросе есть «ликвидаторство», есть «пораженчество» и проч. Многие из вас, вероятно, только в поезде, только по дороге сюда случайно узнали эту немаловажную новость. Я думаю, товарищи, что в действительности, как это часто бывает у нас, и в этом как бы «академическом» споре на деле, наверное, за обсуждаемыми вопросами кроется что-то весьма важное в области политики. У нас часто бывало так: мы спорили по вопросу о профсоюзах, о сращивании их с государством, а на деле оказалось, что спорили-то мы о нэпе, что спорили мы о том, каковы должны быть взаимоотношения пролетариата и крестьянства.

Чтобы взять быка за рога, я думаю, товарищи, необходимо, прежде всего, ответить тем, кто сейчас пытается представить дело так, будто у нас нет никакого госкапитализма и чуть ли вообще никакого капитализма нет. Я считаю, что в действительности здесь дело идет о попытке некоторых товарищей об'явить сейчас нэп социализмом. (Смех, шум). Такая точка зрения, такая позиция представляет собой идеализацию нэпа, идеализацию капитализма. (Голос: «Кто так думает?»). Что нэп есть дорога к социализму, это бесспорно, но что нэп не есть социализм, это положение мне кажется также бесспорным. (Голос: «Это — вопросы школ политграмоты»). Так вот, товарищи, мне сдается, что именно отсюда идет этот спор. Конечно, тот, кто идеализирует нэп, не может не оспаривать формулировок Ленина в вопросе о госкапитализме. Я вам сейчас докажу бесспорность своего утверждения.

Вы знаете, товарищи, что тут спор идет далеко не о «терминах». Такому заявлению никто и не поверит. Спор идет о системе политики, об оценке структуры экономики в нашей стране.

А что спорно или что хотят сделать спорным теперь? Спорно то, что госкапитализм будто бы сводится только к концессиям и аренде. Это положение неверно. Это есть ревизия ленинизма. Это есть идеализация нэпа, идеализация капитализма. Те, кто стоит на этой точке зрения, забывают такую «мелочь», как свободу торговли, как существующие у нас формы распределения и потребления, как неизбежное нарастание капитализма из индивидуального крестьянского хозяйства. Вот действительно область спорная между нами.

Конечно, госкапитализм не отделен от социализма китайской стеной. Владимир Ильич в одном месте говорит, что госкапитализм при советской власти, это — «три четверти социализма». Поэтому надо

постоянно иметь в виду и это замечание. Некоторые пытаются представить дело так, будто бы я, грешный человек, выдумал совсем недавно, что у нас преобладает система госкапитализма, что госкапитализм — самое характерное, самое основное в нашем строе, что такой постановки вопроса у Владимира Ильича никогда не было.

. . . . . .

Рабочие — не дети, рабочим не надо подносить ничего сусального, позолоченного, убаюкивающего: они прекрасно знают сильные и слабые стороны нашего хозяйства и, в частности, нашей государственной промышленности. Они прекрасно знают, что наши советские фабрики и заводы в основном — предприятия последовательно-социалистического типа. Об этом мы не спорим. Они отдают себе отчет в том, что мы завоевали эти предприятия, что мы изгнали оттуда эксплуататоров, что наши фабрики и заводы работают на рабочий класс, что мы там имеем основные предпосылки для того, чтобы строить и построить социализм. Но они вместе с тем превосходно знают, что их фабрика связана с рынком. Они знают все теневые стороны, всю отсталость нашей техники, они знают отсталость формы нашей зарплаты, ее невысокий, сравнительно, уровень, и они берут дело так, как оно есть. Они достаточно хорошо знают, как все обстоит вокруг нас, чтобы не надо было подслащивать, подсахаривать действительное положение вещей. Смотрите смело правде в лицо. И будьте убеждены: рабочий поймет, что вся наша промышленность принадлежит рабочему классу, что он на своей фабрике должен работать так, как надо работать для своего класса, так, как надо работать подлинным строителям социализма.

Итак, товарищи, я думаю, бесспорным является то, что Ленин говорил о пяти укладах, и бесспорно то, что наша государственная промышленность, это — предприятия последовательно-социалистического типа, но не вполне еще социалистические, как признавал это и т. Бухарин весной 1922 года. И, наконец, бесспорно то, что наиболее простым и ярким примером государственного капитализма в такой стране, как наша, являются концессии и аренда. Но столь же бесспорным для нас должно быть и то, что государственный капитализм не исчерпывается одними концессиями и арендой, что нельзя забывать о свободной торговле, о существующей у нас форме распределения, о вырастании капитализма из индивидуальных хозяйств. Нельзя забывать, что все эти элементы, поскольку они подчинены контролю государства, — Владимир Ильич называл государственным капитализмом, называл условно, добавляя, что они составляют своеобразный государственный капитализм, радикально отличающийся от государственного капитализма буржуазных стран, ибо он подчинен и ограничивается рабочим классом, пролетарским государством. Но, вместе с тем, Владимир Ильич говорил: для того, чтобы рабочие ясно видели, что капитализм у нас есть, для этого не нужно идеализировать и замазывать действительность.

В этом споре затронут серьезнейший политический вопрос. Замазывать то, что у нас есть, подсахаривать нэп, пытаться об'явить нэп социализмом — этого ни в коем случае нельзя допустить. Я думаю,

что здесь партия целиком должна будет остаться на точке зрения Владимира Ильича. Достаточно известна открытая борьба т. Ленина против. т. Бухарина в этом вопросе, достаточно ясна вся наша действительность, достаточно благоприятны для социалистического строительства итоги первого пятилетия нэпа, но вместе с тем капитализм у нас есть, государственный капитализм у нас на-лицо. Об этом надо сказать прямо рабочим, а если не скажем, то они поймут это замазывание действительности как глубокую фальшь — и будут правы. Только с этой точки зрения и нужно оценить подлинный удельный вес всего шума, поднятого нашей печатью по поводу того, что кто-то пересматривает Владимира Ильича и кто-то является ликвидатором и пораженцем. Обсуждается серьезнейший политический вопрос, мимо которого пройти нельзя, и никому не удастся так скоро пересмотреть ленинизм в этой области. (Аплодисменты ленинградской делегации.)

Крестьянский вопрос.

Как мы об'яснили смысл резолюции XIV конференции назавтра после нее [1]?

Перефразируя Ленина, я дал тогда следующую характеристику нэпу:

> «Нэп есть построение социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянского населения».

И дальше я указывал:

> «И важнейший вопрос, из которого мы должны исходить при оценке принятых нами решений, заключается в том, чтобы выяснить, действительно ли эти решения вытекают из особенностей преобладания мелкого крестьянства в нашем населении и действительно ли они продвигают нас дальше по пути строительства социализма или уводят с этого пути? Вопрос стоит не так: построили ли мы уже социализм или не построили (ясно, что пока еще не построили), а суть его заключается в том, удерживаем ли мы подступы, пути к социализму в обстановке преобладания мелкого и мельчайшего крестьянства, в обстановке, из которой мы вырваться не можем. Только так должны мы подойти к нынешним решениям» [2].

Вот какое толкование давали мы резолюциям XIV конференции по свежим следам ее.

Было ли тогда другое толкование? В том-то и дело, что было, и вот здесь начинается у нас расхождение. Другое толкование было незадолго до XIV конференции, и немедленно после нее, и во время самой XIV конференции. Другое толкование и есть то, что мы сейчас оспариваем. Мы не оспариваем постановлений ЦК, но мы оспариваем решительно и будем до конца оспаривать другое толкование XIV конференции, которое мы считаем неправильным.

---

[1] Г. Зиновьев. «Итоги XIV всесоюзной партконференции и III С'езда Советов СССР», изд. «Московский Рабочий», стр. 19—20.

[2] Г. Зиновьев. «Итоги XIV всесоюзной партконференции и III С'езда Советов СССР», изд. «Московский Рабочий», стр. 22—23.

Другое толкование теснейшим образом связано прежде всего с лозунгом «обогащайтесь», который был высказан, если не ошибаюсь, незадолго до конференции и который стали развивать особенно подробно после конференции. (Голоса с мест: «А богатеющая деревня?»). Тот, кто не понимает разницы между необходимостью богатеющей деревни и лозунгом «обогащайтесь», тот трудно разбирается в элементарных для большевика вещах. (Аплодисменты ленинградской делегации.) Я не буду, конечно, на с'езде раз'яснять эту разницу. Ее понять не трудно. Лозунг «обогащайтесь» был и остается неправильным. Он 6 месяцев гулял по нашей стране. Его пыталась поправить статья Н. К. Крупской, которая не была напечатана. Когда вы прочтете эту статью, вы увидите, что ничего ужасного, полемического или резкого в ней нет. Лозунг «обогащайтесь» стали потом еще больше развивать, всячески распространять и популяризовать. И этому немало содействовало неправильное представление обо всей нашей политике в деревне. Вслед за лозунгом «обогащайтесь» стали появляться и другие неправильные вещи рядом с ним. Вот, например, тогда же была придумана версия, будто у Ленина было два стратегических плана — один в 1921 году и другой — в 1923 году. В «Большевике» Бухарин писал про Ленина:

> «Нам кажется, что, когда мы переходили к новой экономической политике, у т. Ленина был при разрешении этой проблемы один стратегический план, а когда он писал свою статью о кооперации, т.-е. оставлял нам последнее завещание, в смысле основ экономической политики, у него был другой стратегический план. Эти оба плана не есть абсолютная противоположность, они, конечно, связаны друг с другом.
>
> «... Этот первый стратегический план совершенно ясен. Нам нужно достигнуть социализма, т.-е. планового хозяйства, — это есть наш идеал. Нам нужно сделать целый ряд уступок крестьянскому хозяйству, потому что крестьянин на нас напирает. Но мелкобуржуазная стихия — наш главный враг, мы должны ее преодолеть в союзе с крупным капиталистическим союзником — концессионным капиталом, государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Кооперация в этом плане определяется как важнейшее звено государственного капитализма, потому что кооперация это есть такое звено, которое в первую очередь помогает капиталистическим элементам, кулацким элементам деревни. Но это не страшно. Мы припаяем эти элементы посредством кооперации к системе нашего государственного капитализма, регулируемого диктатурой пролетариата, и, таким образом, в состоянии будем, держа блок с этими капиталистическими элементами, преодолевать многочисленные миллионные атомы мелкобуржуазной стихии. Таков был этот план.
>
> «Если мы сравним теперь только-что изложенное с тем, что было написано в последней статье Владимира Ильича о кооперации, то мы увидим совершенно другой план. В первых строках этой статьи дается ряд пояснений о государственном капитализме. Насчет кооперации там уже не говорится, что это — звено государственного капитализма» [1].

(Мимоходом Бухарин говорит о «системе» госкапитализма у Ленина, куда он хотел припаять, между прочим, элементы кооперации. Но это — мимоходом.)

[1] Н. Бухарин. «О новой экономической политике и наших задачах», «Большевик», № 3, стр. 10 — 14.

Один план будто бы был у Ленина в 1921 году, а другой — в 1923 г. И этот план 1923 года рисуется Бухарину так, что он близко подходит к лозунгу «обогащайтесь» или к лозунгу «врастания» кулака в социализм.

Вот где начинается попытка второго истолкования решений XIV партконференции. И она продолжается дальше. Слепков, ученик т. Бухарина, выдвинул лозунг «расширения нэпа в деревне». Была и такая попытка истолкования решений XIV конференции, — попытка явно неправильная. Я думаю, что расширение нэпа в деревне означает и расширение нэпа в городе.

Расширение нэпа в деревне в таком истолковании — это без пяти минут нео-нэп, который подсовывают нам противники. Может быть, вы думаете, что только я «придираюсь» к этому. Ломинадзе, далеко не симпатизирующий теперешним руководителям ленинградской организации, хотел выступить против подобных теорий. Прочитав статью т. Слепкова, он дал ей такую оценку:

> «В статье т. А. С. (Слепкова) вы не найдете ни одного указания на то, что нынешнее развертывание нэпа неизбежно связано с известным оживлением капитализма в деревне. Наоборот, т. А. С. прямо отрицает это. А отрицая этот неоспоримый факт, т. А. С. немедленно приходит к ложным политическим выводам».

Статья Ломинадзе, к сожалению, также не увидела света, и я думаю, что полезно было бы познакомиться и с этим документом. Такова вторая попытка толкования резолюции XIV конференции. Довольно давно появились в «Комсомольской Правде» две статьи т. Стецкого, где он попытался расшифровать лозунг «обогащайтесь», назвав его новым этапом новой экономической политики. Разве мы не видим здесь попытки расширительного толкования решений XIV конференции, имевшей значение с'езда? Я не буду приводить того, что сказано было т.т. Стецким, Богушевским, Слепковым, Кантором, Спасским и целым рядом других товарищей, которые наполняли наши центральные органы своими статьями, печатавшимися без примечаний (правда, иногда через два месяца появлялось несколько строк от редакции, по существу совершенно не затрагивавших серьезнейших ошибок данных товарищей).

Вот, если бы против этих-то товарищей открыли огонь, хотя бы в сто раз меньший, чем против Саркиса и ленинградцев, для партии было бы куда полезней, и мы имели бы гораздо меньше разногласий. Почему же это не было сделано? Не только ни одного слова, но ни одной серьезной попытки одернуть этих тварищей не было сделано. Во время октябрьского пленума было решено, что Слепков неправ, что надо выступить против него, что надо его одернуть. А назавтра, после того, как раз'ехались товарищи с пленума, это помешали конкретно сделать. Ни одного слова против него не сказано и до сих пор. Он неприкосновенен. Он может толковать, как хочет, резолюции XIV конференции: «расширение нэпа», «новый этап новой экономической политики», «обогащайтесь» — на все лады и т. д. Как раз по самым больным, по самым важным вопросам. Вот в чем были, действительно, наши разногласия и к чему они сводятся сейчас. На октябрьском пле-

нуме приняли единогласное решение, которое мы безраздельно признали, но от него начинают отступать, его начинают менять, начинают говорить. (С м е с т: «Кто начинает говорить?»). Я сейчас скажу, кто начинает говорить, — что, дескать, сейчас дело не в дооценке кулака, не в кулацком уклоне, а в чем-то другом. Открыть огонь нужно в другом направлении. Та выдержка, которую я вам сейчас приведу, покажет вам, по ком, действительно, открывают огонь.

На московской губпартконференции т. Куйбышев заявил:

«В области партийно-идеологической трудности заключаются в возможной панике перед несколько возросшими элементами кулачества, в забвении в силу этого центральной роли середняка и решающего значения союза с ним рабочего класса, в непонимании кардинального значения кооперации, в преувеличении имеющегося в деревне расслоения и в построении, — на основании этого панического преувеличения, — разных левых теорий... Конечно, на-ряду с паникой перед кулаком, на-ряду с преувеличением расслоения деревни и отказом на этой почве от прежней испытанной тактики союза с середняками, на-ряду с этим уклоном реален и другой уклон — в сторону замазывания происходящего расслоения, отрицания кулака, его опасности и — как следствие этого уклона — отсутствие стимула к организации бедноты, забвение ее интересов... Этот уклон также вреден, но, на мой взгляд, он не представляет для нас такой реальной сегодняшней опасности... Этот уклон не может иметь сколько-нибудь широкого распространения среди организованных членов партии. А вот другой уклон, прикрывающийся левыми фразами, является значительно более опасным».
(Г о л о с а с м е с т: «Правильно!».)

Я не знаю, товарищи, может быть это и правильно, но это не то, что сказано на октябрьском пленуме ЦК. Вы должны признать, что это не то. Всякий, кто прочитает резолюцию октябрьского пленума, увидит, что я прав. Если вы пришли к тому, что этот второй уклон гораздо опаснее, чем первый, вы имеете полное право об этом сказать, но тогда не кричите, что мы срываем решение XIV конференции и решение октябрьского пленума; тогда скажите, что теперь выводы надо сделать другие, что решения нашей партии в этой области были недостаточно правильны и нужно их поправить. А то выходит так, что медведь корову дерет, да сам же и ревет.

Вы предлагаете пересмотр октябрьской резолюции. И совершенно неправильно.

ИЗ РЕЧИ ТОВ. БУХАРИНА.

У нас, товарищи, считали всегда в качестве основного вопроса вопрос о возможности при настоящих классовых силах и при настоящих классовых сочетаниях строить социализм в одной стране. Казалось бы, какое отношение имеет этот вопрос к данному моменту? А он имеет ближайшее отношение. Товарищи, этот вопрос мы отчасти уже дискутировали в преды-

дущих дискуссиях, потому что со стороны ряда товарищей, которые были в оппозиции в первой дискуссии, именно этот вопрос ставился в первую очередь. Для чего мы тогда вытащили теорию перманентной революции? Мы вытащили ее потому, что нам казалось, — и я полагаю, что это совершенно правильно, — что ошибки оппозиции таят в себе зародыш сомнений в возможности строить социализм в нашей стране. Мы имели отрицание идеи строительства социализма вместе с крестьянством, при пролетарском руководстве им, отрицание, покоящееся на мысли, что крестьянство является абсолютным антагонистом и даже контр-революционным «союзником» рабочего класса. При таком подходе совершенно естественно отрицать возможность строительства социализма в нашей стране. Мы в этих дискуссиях вполне завоевали, мне кажется, для всей партии ясное и точное убеждение в том, что из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем, что мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе, что этот рост социализма будет во много раз медленнее, что мы будем плестись черепашьим шагом, но что все-таки мы социализм строим и что мы его построим. По этому поводу у нас и разгорелся спор на одном из заседаний Политбюро, примерно ко времени XIV партийной конференции. Я здесь утверждаю, и это может подтвердить целый ряд свидетелей, членов Центрального Комитета, что т. Каменев, а за ним и т. Зиновьев защищали на этом заседании ту позицию, что мы не сможем строить до конца социализм из-за нашей технической отсталости. Мы об этом спорили с ними, мы из-за этого вопроса ломали копья. Мы соглашались с ними, что гарантией от интервенции, от новой войны, от реставрации, принесенной на штыках капиталистических армий, может быть только международная социалистическая революция; но мы оспаривали со всей страстностью выдвинутое ими положение, что мы должны погибнуть из-за нашей технической отсталости.

Мы считали, что это есть попытка стащить нас назад, на рельсы, которые мы уже прошли (голос: «Правильно»), на точку зрения, которую партия уже преодолела. Я должен сказать, что вся партия и весь партийный с'езд не могут сейчас удовлетвориться общими криками: «А что это такое! Строительство социализма в одной стране, — это национальная ограниченность!» и проч. Извольте расчленить, товарищи, этот вопрос. Он не стоит так просто, как думают некоторые простачки, как многим это кажется. Он стоит гораздо сложнее. Вопрос о невозможности социалистического строительства в одной стране, понимаемый как отсутствие гарантии этого строительства из-за военно-интервенционной опасности, — это одно дело. А совсем, совсем другое дело, если ряд товарищей ставит вопрос таким образом, что мы не сможем справиться с трудностями строительного периода, потому что у нас отсталая техника, потому что у нас отсталая экономика, потому что у нас такое сочетание классовых сил, когда подавляющее большинство населения состоит из крестьянства. Вот в чем разница. Вот как стоял действительно вопрос. И этого

нельзя никоим образом затушевывать. А т. Зиновьев, который написал книгу по основам ленинизма, этот вопрос затушевывает, потому что у него расчленения этого вопроса совершенно нет. А спор именно и был в этом расчленении.

Теперь, после этого, на мой взгляд основного, вопроса о возможности строительства социализма в нашей стране, я перехожу к другому вопросу — к вопросу о нэпе. Тов. Зиновьев говорил здесь, потрясая изо всех сил рукой, что мы об'явим священную войну тем, которые отождествляют нэп с социализмом. Но мы не видим таких дураков. Я, по крайней мере, не встречал ни одного заявления, высказанного в литературе, на митингах, где бы кто-нибудь отождествлял социализм и нэп. Кто сделал такие заявления? Это ведь вздор какой-то.

Вы об'явили священную борьбу тем, кто думает, что у нас кругом социализм, куда ни плюнь. Очень хорошо. Такую священную войну мы охотно поддержим. Но где вы нашли таких дураков, которые бы говорили, что у нас, куда ни плюнь, везде социализм? Я таких не знаю. Если здесь назовут документы на этот счет, а не просто будут оперировать одними словами, тогда можно спорить. Сейчас же этот спор беспредметный. Вообще у т. Зиновьева в его реферате есть два метода: притворяться, что «они» одни защищают всем известные вещи, и притворяться, что другие думают не то, что они думают. Тов. Зиновьев выходит на трибуну и говорит: мы об'являем священную войну тем, кто смешивает нэп с социализмом. Очень хорошо. Мы будем делать то же. Мы тоже будем бороться с теми, кто считает, что у нас кругом социализм, везде и всюду. Но когда вы просовываете пальчик и, указуя этим пальчиком, хотите сказать, или заподозрить, или бросить тень по существу на определенных лиц, вы попадаете оным пальцем в небо. (Смех. Аплодисменты.)

Позвольте сказать, какое у нас действительно есть различие. У нас есть различие, которое можно формулировать таким образом: у т. Зиновьева и его ближайших друзей нэп трактуется почти исключительно как отступление. Я это утверждаю и могу доказать в любом месте, в любое время. У т. Зиновьева везде, где говорится о нэпе, речь идет об отступлении. Перелистывая книгу «Ленинизм», мы читаем: стр. 223 — отступление, стр. 226 — отступление, стр. 255 — отступление. В качестве всеобщей формулы, которой он охватывает нэп, он употребляет следующее выражение: «нэп есть самое широкое отступательное движение ленинизма». Правда, это не совсем понятно ни с точки зрения смысла, ни с точки зрения русского языка. Все-таки речь идет об отступательном движении ленинизма, которым характеризуется нэп. А рассматривал ли т. Ленин нэп только как отступление? Тов. Ленин рассматривал нэп как большой стратегический маневр, который включает в себя элемент отступления — раз, переорганизацию рядов — два, наступление перестроенным фронтом — три. (Голоса: «Правильно!». Аплодисменты). Если вы обязательно хотите, чтобы каждое слово подтверждалось цитатами Ильича, я могу привести эти цитаты. А в период Генуи не заявлял ли Ильич, что наступление приостанавливается? (Го-

лоса: «Заявлял»). Вы говорите: только отступление. А мы говорим: отступление, переорганизация и наступление. (Евдокимов с места: «И мы так ставим вопрос»). Так заставьте своего дорогого вождя т. Зиновьева вставить это в свою книжку. (Смех, аплодисменты). Теперь я вас спрашиваю: а имеет ли этакая трактовка Зиновьевым нэпа связь с его неверием в возможность строительства социализма при нашей технической отсталости? Ясно. Международная революция затянулась. Мы отступаем, ну, и отступаем бесконечно. Отсюда — эта замечательная идея навела на смертный грех и т. Залуцкого: раз международной революции нет, она затянулась, — что осталось делать! Ясное дело, остается одно — перерождаться я. И, конечно, раз все люди смертны, все доступны перерождению, то этому перерождению доступен и Центральный Комитет. (Смех). Тов. Залуцкий так и брякнул.

Вот как обстоит вопрос о нэпе.

В связи с этим вопросом встает и другой вопрос, пресловутый вопрос о государственном капитализме. Я не могу обойти молчанием этого вопроса. Тут, товарищи, производят совершенно определенную стратегическую диверсию. Диверсия эта заключается в том, что они хотят сбить партийный с'езд и сбивают его с обсуждения вопроса так, как он стоит теперь, на вопрос, как он встал в 1921 году. Я не отрицаю цитат из «Красной Нови», пускай все товарищи признают, что в этом вопросе я ошибался, мне не привыкать стать. (Смех). Но, товарищи, совсем плохо и никуда негодно, когда этой маской стараются заслонить вопрос, который является самым существенным вопросом текущего момента. Вы меня извините, но я обязан партийному с'езду сказать всю правду. В заявлении, которое здесь делает т. Зиновьев, он говорит: «Мы вместе с товарищем Лениным утверждали, что наша государственная промышленность есть промышленность последовательно-социалистического типа». В декларации ленинградской конференции, обращенной к московской конференции, говорится: «Мы считаем вместе с т. Лениным, что наши государственные предприятия суть предприятия последовательно-социалистического типа». И московской конференции бросается обвинение, которое гласит, что вздорным является обвинение, будто некоторые из ленинградских руководителей подходили к вопросу иначе. Я берусь за руководителей и смотрю, что они говорят; беру т. Залуцкого, особенно интересного по последовательности своих мыслей. Он не верит в наше строительство, он считает, что мы перерождаемся.

Я беру брошюру т. Залуцкого и читаю:

> «Мы делаем только первые шаги к подходу превращения современного переходного предприятия „социалистического типа", но работающего еще на началах „государственного капитализма", в подлинно-социалистическое предприятие... То, что мы имеем сейчас в основном, пока есть то, что В. И. Ленин называл государственным капитализмом...»

Тут, правда, сказано в том примерно стиле, в котором говорил т. Зиновьев об «отступательном движении ленинизма». Там, у т. Зи-

новьева, было «отступательное движение», а тут — «шаги подхода к превращению». Но оставим этот замечательный стиль и перейдем к делу. Что же, эта формулировка есть то же самое, что «предприятия последовательно-социалистического типа», или нет? Ну, товарищи, у вас здесь никакого выхода нет, потому, что т. Залуцкий сам сознался в своей ошибке. Тов. Залуцкий писал:

> «...После того, когда я увидел в „Правде" целый ряд статей по этому вопросу, мне стала ясной неудачность отдельных моих формулировок. И я признаю их ошибочность». (Залуцкий. «Ленинградская Правда» от 13 декабря).

Крыть-то вам уж нечем. Неудачность вашей позиции заключается в том, что вы теперь от прежней формулировки отказались и приняли формулировку «последовательно-социалистические предприятия», т.-е. сдали всю свою позицию целиком, а потом приходите и говорите с невинным видом, что вы ничего плохого не говорили и ни от чего не отступили. Если вы говорите, что вы ни от чего не отступили, то зачем т. Залуцкий говорит, что он признал какую-то ошибку? А если он признал ошибку, то будьте любезны сказать, что вы отступили.

Вот как обстоит вопрос относительно т. Залуцкого.

Я перехожу теперь к т. Зиновьеву, который здесь говорил, что «мы»-де все за формулу «последовательно-социалистические предприятия». Тут я прежде всего обнаруживаю, что у т. Зиновьева в его книге «Ленинизм», в главе о госпромышленности, ничего о последовательно-социалистическом типе наших госпредприятий нет. Почему такой фокус случился? В «Истории РКП» нет крестьянства, а тут нет предприятий последовательно-социалистического типа. Почему т. Зиновьев претендует на стопроцентный ленинизм, а в своей книге скрывает от партии мнение Ленина? Мне кажется, что так обращаться с Лениным— немножко бесцеремонно. Можно цитаты надергивать как угодно, но это не значит обращаться с ними так, как это подобает.

Главное место у т. Зиновьева, которое гласит о государственных предприятиях, изложено следующим образом:

> «Разве даже в современных наших государственных трестах, в их операциях, в их системе работы, в их окружении и т. д., и даже в нашей современной кооперации нет элементов капитализма? Разве рабочие, крестьяне, народ не видят, не чувствуют этого? Разве не почувствуют рабочие всей фальши, если мы будем преподносить им сладенькие фразы о том, что это и есть социализм?» (Зиновьев. «Ленинизм», стр. 254).

Так гласит главное место книги т. Зиновьева насчет нашего государственного капитализма. Разумеется, у нас элементы капитализма есть всюду и везде, никто этого отрицать не будет. Напрасно т. Зиновьев вытаскивал здесь мою старую статью в доказательство того, что я тогда был умнее, а теперь я перестал будто бы понимать. Я напомню лишь о моей другой, недавней статье — об Устрялове, где я к этому вопросу подошел.

Я перейду к разбору этой цитаты. Решающего места о последовательно-социалистических предприятиях нет, и тут опять т. Зиновьев, очевидно, был голоден и скушал его. А затем следующее место: «сладенькая фраза о том, что „это" — социализм». Выходит, что Ленин занимался «сладенькими фразами». Тут ничего понять нельзя.

Затем я считаю себя обязанным вскрыть уже совершенно недопустимую вещь, которую проделал т. Зиновьев. Тов. Зиновьев ссылается в своей книжке на резолюцию XI с'езда о профсоюзах. Тов. Зиновьев прямо говорит, — и заметьте, каким назидательным тоном, тоном, не допускающим возражений, стопроцентным назидательным тоном:

> «Без иллюзий, без самообмана! Госкапитализм назовемте госкапитализмом. В резолюции Ленина „Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики", принятой XI с'ездом РКП (1922 г.), мы находим специальный параграф (§ 2), который так и озаглавлен: „Государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы". Это есть решение с'езда партии. Остаться в вопросе о госкапитализме полностью на точке зрения Ленина—значит звать пролетарский авангард к тому, чтобы неустанной работой превратить госкапитализм с растущими элементами социализма в подлинный социализм, значит будить его бдительность, значит вести его от низшей ступени к высшей». (Зиновьев. «Ленинизм», стр. 258).

Что эта цитата утверждает? В этой цитате Зиновьев по сути дела говорит, будто в резолюции о профсоюзах Ленин прямо заявлял, что наши предприятия — государственно-капиталистические предприятия, весь строй — тоже госкапиталистический, и будто всякий, кто против этого протестует, отходит от ленинизма.

Я вначале, когда прочел, подумал: действительно, странное дело. Полез в протоколы с'езда. Оказалось, что — гм... — произошла небольшая «передвижка». Я беру это место и читаю так, как оно есть: «§ 2. Государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы». Это — заглавие параграфа. А дальше идет:

> «Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частнохозяйственного капитализма. Успех такого регулирования зависит не только от госвласти, но еще больше от степени зрелости пролетариата и трудящихся масс вообще, затем от уровня культуры и т. д. Но даже при полном успехе такого регулирования противоположность классовых интересов труда и капитала остается безусловно. Поэтому, одной из самых главных задач профсоюза является всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата и борьба его с капитализмом». (Резолюции и постановления XI с'езда РКП (б), стр. 486, «Государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы», § 2).

Я спрашиваю вас: где здесь ответ на вопрос, что такое наши государственные предприятия? Этого что-то нет. Почему этого нет? Потому, что дальше следует еще параграф, название которого гласит: «Государственные предприятия, переводимые на так называемый хозяйственный расчет, и профсоюзы». Вы по-

нимаете, в чем дело? У Ленина здесь дано перечисление: вот капиталистические хозяйственные предприятия, — в отношении их наша позиция должна быть такая-то; вот государственные предприятия, — позиция такая-то; вот другие предприятия, — позиция профсоюзов должна быть такая-то. А т. Зиновьеву кто-нибудь из секретарей нарезал цитат и не посмотрел, что дальше следует. А он эту цитату — бабах! (Смех). Мы полагаем, что если серьезно относиться к Ленину и серьезно относиться к тем резолюциям, которые Ленин писал, то нужно хотя бы мельком эти резолюции перечесть. Если бы т. Зиновьев прочитал эту резолюцию и увидел бы, что за этим параграфом следует другой, тогда он не попал бы в эту скверную историю. Ведь не могу же я предположить, что он сознательно это сделал, или что он резолюцию читал и ее не понял. Получается только один вывод, — что он резолюции не читал. Поэтому мы должны прямо сказать: не читал Ленина — не излагай его идей другим!

Теперь, товарищи, как дальше обстоит дело с т. Зиновьевым? Тов. Зиновьев в главных местах своей книги не изложил мнения Ленина о последовательно-социалистических предприятиях; в других главных местах своей книги просто неловко обошелся, мягко выражаясь, с резолюциями XI с'езда партии; и напрасно он теперь стал в грозную позу и кричит: если вы отказываетесь от этих неправильно сформулированных цитат из Ленина, то вы тащите партию назад.

Никуда это не годится и ничего из этого не выходит!

Дело однако не только в литературных произведениях и учебниках, которые в учебе партии и ее воспитания играют однако большую роль. Дело идет и о некоторых партийных документах. Вот у нас есть тезисы о молодежи, которые были написаны мною. Там был следующий пункт:

> «Совершенно не случайно... что остатки разбитых революцией партий... рисуют наши социалистические по своему типу госпредприятия как просто капитализм или ту, либо иную форму государственного капитализма...». (Тезисы Бухарина о молодежи к XIV с'езду РКП [б]).

Тов. Зиновьев два битых часа боролся, чтобы мы вычернули «либо ту, либо иную форму государственного капитализма». Почему? Потому, что он считал, что госкапитализм в буржуазном смысле слова для наших предприятий не годится, а «госкапитализм при пролетарской диктатуре», о которой не написано учебников для наших школ, этот госкапитализм и есть наши предприятия; поэтому он смертельно боролся против этой формулировки и голосовал против нее.

А потом сюда выходит и говорит, что мы всегда были в том согласны, что наши госпредприятия являются социалистическими.

ИЗ РЕЧИ ТОВ. КРУПСКОЙ.

Позвольте, товарищи, начать с того лозунга, от которого т. Бухарин трижды отрекся, а может быть и большее число раз. Приходится останавливаться на нем, потому что он не прошел бесследно для нашей партии.

Товарищи, на московской конференции сравнивали слова т. Каменева, что мы держим курс на богатеющую деревню, с лозунгом т. Бухарина. Мне кажется, что т. Каменев был совершенно прав, когда он говорил о том, что партия держит курс на богатеющую деревню. Наша нищета, особенно ярко выявляющаяся в деревне, является результатом нашей отсталости, и борьба с этой отсталостью должна вестись достаточно энергично. Тут линия определена совершенно верно. А что неверно было и что так волновало в лозунге т. Бухарина? Он обращался якобы ко всему крестьянству с лозунгом «обогащайтесь», «накапливайте». В обращении к крестьянству, конечно, нет ничего плохого, но дело в том, что содержание лозунга «обогащайтесь», «накапливайте» было таким, что по существу дела он может быть обращен не к сельско-хозяйственным рабочим, не к беднякам, не к значительной части середнячества, потому что если люди думают о том, как им просуществовать, то обращение к ним с лозунгом «обогащайтесь» может звучать только насмешкой, и поэтому, хотя т. Бухарин и хотел обратиться ко всему крестьянству, лозунг его по существу дела был обращен к зажиточному крестьянину и кулаку. И вот тут-то и заключается корень ошибки. Мы делали революцию вместе с батраком, вместе с бедняком, вместе с той частью середняка, которая ближе стоит к бедняку. А лозунг т. Бухарина был обращен не к той части крестьянства, с которой мы вместе делали революцию: он был через голову этого слоя обращен к тому слою, с которым мы боролись во время революции. И поэтому так и волновал лозунг т. Бухарина. Он был отступлением от нашей классовой точки зрения. Я знаю, товарищи, что многие члены ЦК и даже члены Политбюро не были согласны с лозунгом т. Бухарина. Но нигде в прессе опровержения этого лозунга не было, и широкими партийными массами он учитывался как лозунг партийный, как лозунг ЦК. Многие из товарищей, — вы сами, присутствующие здесь, на с'езде, это прекрасно знаете, — были дезориентированы этим лозунгом. Например, отдельные товарищи из Всеработземлеса спрашивали: как же нам вести защиту прав батрачества? Как бы тут не обидеть богатого мужика, как бы не помешать развитию производительных сил?

Из лозунга т. Бухарина «обогащайтесь», который давал неправильный классовый подход к вопросам деревни, вытекало другое. Вытекала направильная оценка нэпа. Стали толковать нэп очень расширительно. Владимир Ильич определил нэп как капиталистические отношения, которые мы допускаем в нашу хозяйственную жизнь на известных условиях. Мы можем допустить капиталистические отношения потому, что пролетариат завоевал ряд командных высот.

В руках пролетариата находятся и законодательство, и пресса, и могущественная организация рабочего класса, и такие командные высоты, как монополия внешней торговли, и т. д. Нэп является в сущности капитализмом, допускаемым на известных условиях, капитализмом, который держит на цепи пролетарское государство.

Такое понимание нэпа всегда было у партийных товарищей. Но вот после лозунга т. Бухарина началось другое толкование нэпа. Я совершенно согласна, когда говорят, что надо расширить нэп на деревню, потому что в деревне до сих пор еще много пережитков военного коммунизма. Но надо расширять на деревню именно нэп, т.-е. капиталистические отношения, которые ограничиваются и нашим законодательством и определенной организацией и которые держатся на цепи. А когда у нас толкуют таким образом расширение нэпа на деревню, что нельзя отстаивать интересы батрака, то это называется не нэп, а капиталистические отношения, ничем не ограниченные.

И вот против неправильного понимания нэпа и выступал ряд товарищей, и я в том числе.

Тов. Бухарин тут с большим пафосом говорил о том, что то, что с'езд постановит, то и правильно. Каждый большевик считает постановления с'езда для себя обязательными. Но, товарищи, мы не должны становиться на такую точку зрения, на какую становятся некоторые английские юристы, которые повторяют народную поговорку, существующую в Англии: «Парламент может постановить все, он может даже постановить, чтобы женщина стала мужчиной». Иронии этой поговорки английские юристы не поняли. Они ее приводят обыкновенно, как указание на всемогущество английского парламента. Для нас, марксистов, истина — то, что соответствует действительности. Владимир Ильич говорил: ученье Маркса непобедимо, потому что оно верно. И наш с'езд должен искать и найти правильную линию. В этом — его задача. Нельзя успокаивать себя тем, что большинство всегда право. В истории нашей партии бывали с'езды, где большинство было неправо. Вспомним, например, Стокгольмский с'езд. (Шум. Голоса: «Это тонкий намек на толстые обстоятельства»). Большинство не должно упиваться тем, что оно — большинство, а беспристрастно искать верное решение. Если оно будет верным, оно направит нашу партию на верный путь.

Нам надо сообща искать правильную линию. Громадное значение с'езда в том и состоит, что этот с'езд дает выражение коллективной мысли. Чтобы достигнуть этой цели, надо, чтобы каждый член с'езда обсуждал каждый вопрос по существу. Я думаю, что тут неуместны крики о том, что то или это — истинный ленинизм. В последние дни я, между прочим, перечитала и первую главу книжки Владимира Ильича «Государство и революция», написанной им как раз после июльских дней, когда он сам был на краю гибели. Там он писал:

> «В истории были случаи, когда учение великих революционеров искажалось после их смерти. Из них делали безвредные иконы, но, предоставляя их имени почет, притупляли революционное острие их учения».

Я думаю, что эта горькая цитата заставляет нас не покрывать те или другие наши взгляды кличкой ленинизма, а надо по существу дела рассматривать тот или иной вопрос. Я думаю, товарищи, что сейчас о расколе, о недоверии к ЦК и т. д. не может быть речи. Не о том сейчас идет речь. Сейчас идет речь о том, как нам для дальнейшего установить рамки совместного обсуждения постоянно вновь и вновь возникающих в ходе работы вопросов, установить рамки такие, чтобы в этих рамках возможно было товарищеское обсуждение вопроса. Это чрезвычайно важно для того, чтобы наша партия могла всегда нащупывать правильную линию. Позвольте, товарищи, пожелать успеха в работе с'езда и пожелать, чтобы в мелкой организационной склоке не потонули вопросы чрезвычайной принципиальной важности.

ИЗ РЕЧИ ТОВ. СОКОЛЬНИКОВА.

Нужно попытаться хотя бы в основном уяснить разногласия. Я хотел бы ограничить свою задачу выяснением того, в какой связи эти спорные вопросы находятся с нашей хозяйственной практикой. Действительно ли спор, который здесь ведется, не имеет никакого практического значения? Имеет. Речь, очевидно, идет не о том, как здесь предлагали понимать некоторые товарищи, что здесь, на с'езде, выступающие должны предлагать конкретные мероприятия по советской линии. Мы должны наметить на с'езде основную линию, исходную позицию, а дальше уже будем развивать ее по советской и партийной линии. Эту основную линию, связанную с практическими задачами, нужно наметить. Я думаю, что под псевдонимами тех вопросов, которые здесь обсуждались, в действительности подготовляется обсуждение трех основных вопросов экономического и вместе с тем и политического порядка. Эти три вопроса суть следующие: степень зрелости социалистических элементов в нашем хозяйстве — раз; при различной оценке степени этой зрелости социалистических элементов даны разные практические линии в хозяйстве и политике. Второй вопрос — какой сдвиг в отношениях между городом и деревней несет растущее расслоение в деревне. То, что это расслоение идет, теперь уже никто не отрицает. Третий вопрос — о том, как установятся отношения между советским хозяйством и внешним рынком. Это — третий вопрос, в который упирается сейчас наше хозяйство.

Первый вопрос — о степени зрелости социалистических элементов в нашем хозяйстве — обсуждается под псевдонимом вопроса о госкапитализме и социализме. Постановка вопроса о госкапитализме и социализме была дана в спорах между Бухариным и Лениным. Тов. Бухарин сформулировал свою точку зрения совершенно отчетливо:

> «Так как государственный капитализм есть сращение буржуазного государства с капиталистическими трестами, то очевидно, что не может быть и речи о каком бы то ни было „государственном капитализме" при диктатуре пролетариата, которая принципиально исключает такого рода возможность». (Н. Бухарин. «Экономика переходного периода». Часть I).

Вот постановка вопроса. Точка зрения т. Бухарина состояла и состоит в том, что государственный капитализм немыслим вообще при диктатуре пролетариата.

Теперь я процитирую еще десять строчек из одной работы т. Ленина. В своей статье «О левом ребячестве и мелкобуржуазности» т. Ленин ставил этот вопрос таким образом:

> «Чтобы еще более раз'яснить вопрос, приведем, прежде всего, конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем последнее слово современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнкерскому буржуазному империализму. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского, тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.-е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм».

Тов. Ленин в этой же статье приводит ряд примеров государственного капитализма: хлебная монополия, подконтрольная торговля, буржуазные кооператоры.

Как обстоит дело теперь у нас? Для того, чтобы отдать себе отчет в том, с какими элементами в хозяйстве мы имеем дело, нельзя, конечно, ограничиваться отсылкой нас только к промышленности. Мы имеем на-ряду с промышленностью сферу государственного хозяйства, далеко не покрывающуюся термином «промышленность»: железные дороги, внешняя торговля, внутренняя торговля, кредитная система.

И вот я спрашиваю вас: с того момента, когда железные дороги, бывшие государственным предприятием при царе, переходят в руки новой власти, рабочей власти, — что в этот момент железные дороги в самом деле становятся социалистически организованной хозяйственной единицей? Нет. Даны лишь условия для развития социализма, как пишет т. Ленин.

Тов. Ленин пишет: пример — Германия. Поставьте на место юнкерского, буржуазного, империалистского государства государство другого типа, и вы будете иметь сумму условий, которая дает социализм. Вы будете иметь предприятия, которые принадлежат государству, и так как это государство — рабочее государство, то этим обеспечены условия для безболезненного, мирного, без новой революции, без новой борьбы за власть, развития к социализму. И, по Ленину, так же как буржуазная революция перерастает в социалистическую революцию, так и государственный капитализм, при условии диктатуры пролетариата, перерастает в социализм. И мы находимся в этом процессе перерастания, постепенного отмирания капиталистических элементов и усиления элементов социалистических. Не может быть сомнения в том, что хотя бы один завод сейчас у нас может быть назван полностью социалистически организованным. Есть у нас такие предприятия, которые будто бы уже сейчас полностью социалистические? Нет, даже в промышленности (голос с места: «А железные дороги, куда вы отнесете? к госкапитализму?»). Но я

беру не только область промышленности, я спрашиваю: как организована наша внешняя торговля? Наша внешняя торговля ведется как государственно-капиталистическое предприятие. По характеристике т. Ленина, хлебная монополия 1918 года была государственно-капиталистическим предприятием. Наши внутренние торговые общества также государственно-капиталистические предприятия. И я должен сказать, что государственный банк является точно так же государственно-капиталистическим предприятием. Наша денежная система? Наша денежная система основана на том, что в советском хозяйстве в условиях строящегося социализма взята денежная система, проникнутая принципами капиталистической экономии. И задача состоит в том, чтобы в условиях диктатуры пролетариата организовать хозяйство таким образом, чтобы происходило увеличение социалистических элементов, происходило строительство социализма. Это все элементарно. Нужно только удивляться, как у нас по этому вопросу возникает дискуссия.

Но если отрицать вообще возможность государственного капитализма при диктатуре пролетариата, если отрицать то, что установление диктатуры пролетариата и захват власти вовсе не означают тем самым коренной перестройки всей экономики, а означают только переход собственности к новому государству, в руки нового класса, и обеспечение условий для социалистического хозяйства, если это понять, тогда нам ясно становится, что нужен целый ряд лет на то, чтобы постепенно государственно-капиталистическая организация перерастала в социалистическую, чтобы элементы частного капитализма отпадали. Нам говорят, что мы должны дать отчет рабочему в том, что представляет из себя та фабрика, на которой он работает. Она представляет собой фабрику государственную, принадлежащую рабочему государству, которое строит социализм. Мы можем сказать, что этот тип отношений является типом отношений социалистических. А насколько этот тип отношений развернул свои возможности, насколько достигнута действительно социалистическая «сущность», — вот это совершенно другой вопрос.

Когда говорят о нашей социалистической промышленности, то забывают иногда одно: мы должны рассматривать эту социалистическую промышленность не в виде статическом, неподвижном, мы должны рассматривать ее только на ходу, т.-е. в процессе производства и воспроизводства. Но в процессе воспроизводства принимает участие не только государство, но и частный капитал. Наша социалистическая промышленность обеспечивает себе возможность воспроизводства в настоящее время при условии участия частного капитала в этом воспроизводстве, потому что реализация продукции идет в значительной мере через частный капитал, и если бы мы попробовали выкинуть этот частный капитал из процесса воспроизводства, то мы имели бы обнаружение того, в какой степени в настоящее время мы имеем в лице частного капитала чужеродные капиталистические элементы, участвующие в хозяйственном процессе. И вся наша система хозяйства, поскольку она связана с товарным хозяйством, поскольку она связана

с системой кредита, поскольку она насквозь проникнута денежными отношениями, она связана с этими элементами товарного капиталистического хозяйства. И поэтому я должен сказать, что если мы в самом деле сделали бы те практические выводы, которые неизбежно вытекают из неправильного анализа структуры нашего хозяйства, данного т. Бухариным, то мы наделали бы грубейшие ошибки.

Перехожу к вопросу о том, какое значение имеет в отношениях между городом и деревней идущий вперед процесс диференциации деревни. Совершенно ясно, что после решений XIV партконференции, — и чем дальше, тем больше, — мы будем иметь увеличение хозяйственного веса деревенской верхушки. Я не хочу сейчас входить в спор о том, какие цифры ЦСУ правильны — те ли, которые были опубликованы вначале, или те, которые были опубликованы потом. Я думаю, что чем дальше, тем больше экономический вес этой деревенской верхушки будет возрастать. Но тогда ведь из этого вытекает то, что если по линии нашего политического союза рабочих города и бедноты мы имеем перед собой в деревне середняков, то, по мере роста экономического веса верхушки, по линии экономической связи между нашим хозяйством и крестьянским хозяйством будет возрастать экономическая смычка по другому направлению. И это обстоятельство представляет собою новые элементы. Не видеть этого, закрывать на это глаза было бы совершенно невозможно. Это обозначает именно то, что после XIV партконференции, после того, как деревенское хозяйство по линии частного мелкого хозяйства начинает расти, — верхушка середняцких хозяйств начинает тяготеть и смыкаться с той группой, которую мы теперь называем кулацкой. Когда мы говорим о союзе с середняком (я ни на минуту не подвергаю сомнению необходимость этого союза), мы должны учесть это основное обстоятельство, что наша ставка на середняка никак не может быть спутана со ставкой на середняцкую верхушку.

ИЗ РЕЧИ ТОВ. ТОМСКОГО.

Надежду Константиновну Крупскую мы все знаем и очень ценим, как старейшего партийного работника. Никто из нас, конечно, так не знает биографию Ленина, всю его жизнь, как Н. К. Крупская; у нее большой партийный опыт, но она из этого опыта вынесла мало действительно необходимых знаний для практической жизни. И почему она не сказала с'езду, что по поводу роста партии у Ленина было мнение? Почему и председатель Института Ленина т. Каменев ничего не сказал об этом?

Позвольте мне огласить два документа, написанные т. Лениным перед XI с'ездом партии в 1922 году, когда перед партией стояли громадные трудности. Ленин эти трудности видел и определял состав партии под углом зрения этих трудностей. Послушаем, что говорил т. Ленин.

Я читаю письмо, написанное на бланке председателя Совнаркома и адресованное т. Молотову:

«Прошу внести в пленум ЦК следующее мое предложение:

«Я считаю крайне важным удлинить стаж для приема новых членов в партию. У Зиновьева стаж определен в ½ года для рабочих и год для остальных. Предлагаю оставить полгода только для тех рабочих, которые не меньше 10 лет пробыли фактически рабочими в крупных промышленных предприятиях. Для остальных рабочих назначить 1½; 2 года назначить для крестьян и красноармейцев и 3 года для всех остальных. Особое из'ятие допускается с совместного разрешения ЦК и ЦКК.

«Я считаю крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки. Несомненно, что у нас постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли. Сплошь и рядом в категории рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих. Все умные белогвардейцы вполне определенно учитывают то обстоятельство, что, якобы, пролетарский характер нашей партии на самом деле нисколько не гарантирует ее от возможного перевеса, и притом в самый короткий срок, элементов мелкохозяйских. При господствующей у нас неаккуратности, несистематичности работы, короткие сроки стажа будут означать на деле полнейшее отсутствие всякой серьезной проверки того, являются ли кандидаты действительно сколько-нибудь испытанными коммунистами. Если у нас имеется в партии 300—400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно, ибо решительно все данные указывают на недостаточно подготовленный уровень теперешних членов партии. Поэтому я усиленно настаиваю на необходимости удлинить сроки стажа и затем дать поручение Оргбюро выработать и строго применять правила, которые бы действительно делали стаж серьезнейшим испытанием, а не пустой формальностью.

«Я думаю, вопрос этот надо особо тщательно обсудить на с'езде.

24/III—22 г. Ленин».

Это письмо — от 24 марта.

Тов. Ленин не успокоился: 26-го он передает новый, тоже не опубликованный, документ.

Не знаю, почему он не опубликован. Институту Ленина следовало бы его опубликовать.

«Товарищу Молотову с просьбой передать на прочтение всем членам ЦК до постановки на с'езде вопроса об условиях приема новых членов в партию.

«Прочитав решение пленума от 25/III по вопросу о сроках кандидатского стажа для вступления в партию новых членов, я бы хотел оспорить это решение на с'езде. Но, опасаясь, что выступить на с'езде не смогу, прошу прочесть следующие мои соображения.

«Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская. Я думаю, никто не может оспорить этого, и простая справка со статистикой подтвердит это положение. Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы «те, кто хотел уклониться от военной службы. Это — факт общеизвестный. С другой стороны, так же несомненно, что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике. Далее, надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский. Достаточно вспомнить все литературные произведения сменовеховцев, чтобы убедиться, какая далекая от всего пролетарского публика увлечена

теперь политическими успехами большевиков. Если Генуэзская конференция даст нам новый политический успех, то напор в партию элементов мелкобуржуазных и прямо враждебных всему пролетарскому возрастет в гигантских размерах. Полугодовой стаж для рабочих ни в коем случае не в состоянии остановить этот напор, ибо нет ничего легче, как подстроить такой короткий стаж искусственно, тем более, что для весьма многих интеллигентских и полуинтеллигентских элементов поступление в рабочие при наших условиях ровно никаких трудностей не представит. Из всего этого я делаю вывод, подкрепленный в моих глазах еще тем, что белогвардейцы вполне сознательно учитывают непролетарский состав нашей партии, — вывод, что мы должны значительно увеличить сроки кандидатского стажа, и если оставлять 6 месяцев для рабочих, то безусловно необходимо, чтобы не обманывать себя и других, определить понятие „рабочий" таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта.

«Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет, если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него.

«Поэтому необходимо: 1) увеличить все кандидатские стажи; 2) определить с особо детальными подробностями, в чем должно состоять действительное прохождение кандидатского стажа, каковы должны быть конкретные и практические условия проверки того, что кандидатский стаж действительно проходится, а не остается пустой формальностью; 3) необходимо создать квалифицированное большинство в тех учреждениях, которые решают вопрос о приеме новых членов в партию; 4) необходимо обусловливать этот прием решениями не только губкомов, но и контрольных комиссий; 5) надо выработать еще какие-либо меры для того, чтобы облегчить освобождение партии от тех ее членов, которые совсем не являются коммунистами, проводящими вполне сознательно пролетарскую политику. Я не предлагаю новой генеральной чистки партии, ибо думаю, что это сейчас практически неосуществимо, но найти какие-либо средства фактической чистки партии, т.-е. к уменьшению ее состава, необходимо, и если над этим подумать, то я уверен, что ряд подходящих мер может быть изыскан.

«Если возможно, я бы просил читающих это обращение членов ЦК ответить мне хотя бы короткой телефонограммой на имя одной из секретарш СНК.

26/III—22 г. Ленин».

Тов. Саркис, вот что думал Ленин и как он подходил к этому вопросу. Вы полагаете, что трудности, которые стоят перед партией и которых вы испугались, изжиты?

Вы ведь утверждаете, что перед нами стоят колоссальные трудности, что классовая борьба в деревне обостряется (чего никто не отрицает), что трудности эти — неслыханные и невиданные. Мы же говорим: не надо сильно пугаться трудностей по книге Устрялова.

Трудности все же есть, и при таких условиях необходим действительно ленинский подход к вопросу о составе партии.

ИЗ РЕЧИ ТОВ. КАМЕНЕВА.

Куда должен быть направлен огонь?

Итак, в чем та линия, против которой мы выступаем?

В докладе т. Сталина есть одно действительно ударное политическое место, то место, которое дает действительно политическую директиву, а не только информацию о положении, не только сводку фактических данных. И, мне кажется, это — центральное место политической части доклада т. Сталина, это именно то место, в котором он сказал, куда должен быть направлен огонь.

Вопрос о направлении огня сейчас есть вопрос о судьбах нашей революции, и поэтому мы должны взвесить, правильно или неправильно указано направление сосредоточенного большевистского огня. Мы во многом согласны с т. Сталиным, согласны и в том, что сосредоточенный огонь, — конечно, в данном случае идейный, — есть правильный метод решения большевистских задач. Весь вопрос заключается в том, чтобы выбрать правильное направление этого огня. В указании этого направления — политический центр доклада т. Сталина.

Каков политический центр речи т. Бухарина?

В обвинении нас в том, что мы ведем политику на срыв нэпа, в указании на то, что центром политического момента, главной опасностью является то, что появилось течение в партии, с нами и с т. Зиновьевым вместе, политика которого направлена на срыв нэпа.

Я повторяю: по-моему, это — неправильная перспектива и искажение линии партии. Это есть неожиданно яркое и точное увенчание всей той линии, против которой мы протестовали в недрах руководящих ленинцев, в недрах Центрального Комитета, до тех пор, покуда была надежда, что можно удержать наш протест против этой линии и против этого направления огня в пределах Центрального Комитета, в пределах руководящей группы ленинцев.

Тов. Сталин в своем докладе сказал: «Вот почему я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов партия все же должна сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном». В чем же, по мнению партии, заключается этот второй уклон? О каком уклоне идет здесь речь? Я беру постановление октябрьского пленума ЦК, в котором дана точная характеристика этих уклонов. В нем сказано: «В связи с этим создается опасность искажения линии в двух направлениях: в направлении недооценки отрицательных сторон нэпа и в направлении непонимания значения нэпа, как необходимого этапа к социализму».

Итак, товарищи, Центральный Комитет единогласно, и с нашим активным участием в том числе, установил эти две опасности: недооценку отрицательных сторон нэпа и непонимание значения нэпа. Мы признаем совместно, что решительная борьба

должна вестись с обоими этими уклонами. Тов. Сталин (не знаю, откровенно говоря, по чьему поручению) выходит здесь перед с'ездом и говорит: «Нет, сосредоточенный огонь должен быть открыт против одного уклона». И какого? Против непонимания значения нэпа!

Перед нами два уклона: один — недооценка отрицательных сторон нэпа, другой — непонимание значения нэпа. Поставим вопрос: какие явления действительно при данных классовых отношениях в стране выдвигают на первый план тот или другой уклон? что́ действительно представляет опасность: искажение линии нашей партии недооценкой отрицательных сторон нэпа, или искажение этой линии непониманием необходимости нэпа? Я до сих пор думал, что партия в главной своей массе, кроме Богушевских, Слепковых и других, единодушна в том, что опасность для социалистического строительства заключается именно в недооценке отрицательных сторон нэпа, но не в том, необходим или не необходим нэп.

В самом деле, товарищи, отдайте себе отчет, задумайтесь на минутку: можно ли сказать именно в 1925 году, после того, как нэп проводится нами 5 лет, после того, как нэп дал те плоды, которые мы ощущаем руками, можно ли сказать сегодня, что главная опасность для партии заключается в том, что кто-то не понимает значения нэпа и что сосредоточенный огонь должен быть направлен против них?

Ведь это же искажение перспективы! Ведь разве вы можете привести мало-мальски значительный документ, можете назвать мало-мальски значительную группу, мало-мальски оформленное течение в партии, которое в 1925 году не понимало бы значения нэпа как необходимого этапа? Разве серьезно можно говорить о том, что в партии есть группа, против которой должен быть сосредоточен огонь, которая предлагает пересмотреть вопрос о нэпе как необходимом этапе к социализму?

Теперь подойдем к вопросу с другой стороны: ну, а опасность недооценки отрицательных сторон нэпа, а путаница насчет того, насколько сильны в нэпе капиталистические элементы, — этот уклон есть у нас? Это течение получило какое-нибудь отражение в нашей литературе, в наших лозунгах, в нашей пропаганде? Я утверждаю, что — да, получило. Если в 1925 году есть какое-либо более или менее оформленное течение в партии, представляющее искажение подлинной линии партии, то это именно то течение, которое прикрашивает отрицательные стороны нэпа, которое смазывает различие между тем путем, которым мы идем к социализму, в виде нэпа, и социализмом, которое прикрашивает нэп, которое смазывает трудности, вырастающие из капиталистических ростков, которые в нэпе есть и которые нэпом, т.-е. нами, узаконены. Вот та перспектива, которая рисуется мне, и я должен сказать, что до сих пор я был абсолютно уверен, что партия здесь в основном единодушна и что она понимает, что сосредоточенный большевистский идейный огонь дол-

жен быть направлен против тех, которые прикрашивают нэп, а не против тех, которые якобы не понимают значения нэпа.

Что же мы видим в действительности? Тов. Бухарин, дополняя, — теперь это ясно, — дополняя т. Сталина, говорит нам, что главная опасность в том, что есть политика срыва нэпа, а мы утверждаем, что опасность в прикрашивании нэпа.

Вот эти две линии и должны быть взвешены партией.

Что же в действительности мы имеем на-лицо: срыв нэпа или прикрашивание нэпа? Против кого должен быть направлен огонь: против тех, которые в 1925 г. срывают нэп, или против тех, которые в 1925 г. прикрашивают нэп?

Наше убеждение заключается в том, что вся социальная обстановка, все соотношение классов в нашей стране, вся международная обстановка поддерживают и питают корни того течения, которое склонно прикрашивать нэп, а не срывать. Если бы международная обстановка была чревата немедленной революцией, если бы активность рабочего класса была направлена против той внешности нэпа, которая сейчас характеризуется витринами, магазинами и т. д., о которых упоминал т. Бухарин, тогда можно было бы сказать: вы видите, из земли, из соотношения классов, из международной обстановки растет политика срыва нэпа, непонимание необходимости свободы торговли и т. д. Не в книжках, не в резолюциях, а в соотношении классов, в международной обстановке есть элементы, которые теперь, в 1925 г., могут поднять бурю на лозунге — долой нэп. Сейчас в нашей действительности есть что-либо подобное?

Срыв нэпа или прикрашивание нэпа?

Тов. Бухарин обвиняет нас в том, что мы хотим сорвать нэп. Допустим. Но куда же мы хотим повернуть? К военному коммунизму. Пустяки это. Есть течение в наших рядах, которое мечтало бы о срыве нэпа и восстановлении отношений военного коммунизма? Я утверждаю, что это совершенные пустяки, неправильная ориентировка, искажение перспективы.

В чем действительная опасность? В том, что при затяжке мировой революции, при стабилизационных настроениях извне и внутри, при богатеющей — очень слабо еще, к сожалению, только начинающей богатеть, — стране, при том мелкобуржуазном окружении, в котором живет рабочий класс, растут неизбежно элементы прикрашивания нэпа. Именно эта тенденция действительно растет из всей обстановки, из всего соотношения сил. Тот, кто этого не видит, тот не видит ничего.

Неужели же вы думаете, что ленинская большевистская партия не увидит этого? Я абсолютно уверен, что она это увидит. Если она не захочет этого констатировать на этом с'езде так, как это диктуется классовым соотношением, международной обстановкой, вы это констатируете через

полгода, а если не через полгода, то через 9 месяцев, через год. И вы тогда скажете, что опасность не в том, что коммунизм военного образца, коммунизм, желающий прекратить нэп, поднял голову и требует сосредоточенного огня, — вы скажете: новое — в стабилизационных настроениях, в росте капиталистических отношений — в деревне, нэпманства — в городе. Мы все согласны, что этот рост имеется, мы расходимся в оценке размеров этого роста, но тогда вы скажете, что это есть опасность, которая может влиять на нашу партию в смысле искажения ее перспективы, что это есть та реальная трудность, которую нам приходится преодолевать для нашего социалистического строительства, а не рост настроений в сторону военного коммунизма.

Мы считаем, что есть элементы новой теории, пересматривающей ленинизм и забывающей, прикрашивающей, умалчивающей о том, что расширение нэпа есть расширение и оживление капиталистических элементов, т.-е. кулачества и нэпманства.

Мы предлагаем поэтому признать, что это есть нарушение партийной азбуки, «дважды два — четыре» ленинизма, и поэтому предлагаем осудить эту линию. Вы говорите: нет!

Итак, товарищи, вы несогласны? Теперь второе: мы обвиняем эту же самую группу в том, что она неправильно толковала партии вопрос о том, что на XIV партконференции была решена не только ставка на развитие производительных сил деревни, но что там была дана уступка кулацким элементам деревни, которая расширяла неизбежно их значение и их мощь.

Мы утверждаем: тот, кто говорит, что облегчение аренды земли, льготные условия найма рабочей силы есть уступка середняку, тот скрывает действительность и извращает перспективы, потому что на деле мы сделали уступку кулаку. Если вы считаете дальше, что середняк — это тот, кто нанимает рабочую силу, что это тот, кто арендует землю, так у нас, дорогие товарищи, есть расхождение в понимании классовых соотношений в нашей стране. (С места: «Правильно!»). Правильно! У нас с вами при этом расхождение в понимании классовых соотношений в стране, и пускай с'езд скажет, а мы его решению будем подчиняться, но будем отстаивать свое мнение. Так вот, пускай с'езд скажет: XIV партийная конференция, установив новые условия найма рабочей силы в деревне и расширив аренду земли, сделала уступку середняку. (С места: «И бедняку!»). И бедняку? (Шум. Смех). Это, товарищи, еще ясней. Это — уступка бедняку, думают товарищи, потому что бедняку, которому приходится подыхать без рабочего скота, это решение дает возможность наняться к кулаку. И вот, если вы считаете, что такое понимание, что мы даем бедняку возможность наниматься к кулаку, а тем самым кулаку эксплуатировать бедняка, что это право, предоставленное нами, эксплуатировать бедняка есть уступка бедняку, я говорю, что это ничего общего не имеет с ленинизмом, ничего общего не имеет с марксизмом. (Аплодисменты). Если вы в этом пункте сбиты, так я спрашиваю себя: ну, где центральная опасность, — в том ли, что кто-то нэп хочет отменить, или в том,

что у самых лучших людей, у самых преданных коммунистов идет незаметно глубочайшая путаница насчет элементов капитализма, что они явную, определенную, совершенно правильную уступку верхушечной части деревни способны изображать для самих себя и для других как уступку бедняку и середняку? Вы поймите, что один такой возглас о том, что облегчение для нанимателей условий найма рабочей силы есть уступка не нанимателю, а бедняку, — один этот возглас, который раздался здесь, на с'езде, оправдывает наше выступление, оправдывает даже то, если мы будем кричать на весь свет.

Так вот вы видите, мы нашли и второй пункт разногласий.

Если затушевать, что из оживления нэпа получается оживление капитализма, если утверждать, что аренда и наем рабочей силы есть уступка середняку и бедняку, тогда надо сказать то, что и говорится, что середняк — не мелкий буржуа. Вы понимаете, тогда получается совершенно ясная картина, получается связь: теория увязывается с практикой, и логика, которой учат в школе, школьная логика, здесь целиком проведена.

Нас здесь упрекают в забвении середняка, в переоценке кулака и неверии, потому что мы говорим: кулак растет сильнее, чем вы думаете. А им для утешения нужно сказать, что кулака нет. Мы считаем это успокоение никому ненужным, политически прямо вредным.

Я говорил пока о прикрашивании нэпа в деревне. Но с ним связан и вопрос о прикрашивании нэпа и в городе. Это — спор о госкапитализме и социализме. Я думаю, этот спор далеко не носит отвлеченно-теоретического характера, он затрагивает текущие политические проблемы. И вот из того, что мы слышали по этому вопросу от наших противников, вытекает только одно: им и здесь хочется приукрасить нэп.

Сомневаемся ли мы в том, что наши фабрики являются предприятиями «последовательно-социалистического типа»? Нет! Но мы спрашиваем себя: почему же Владимир Ильич сказал, что наши предприятия являются предприятиями «последовательно-социалистического типа»? Почему он не сказал прямо, что это есть предприятия подлинно-социалистические? В чем тут дело? (Смех). Вам смешно, но подождите, товарищи, как бы не заплакать.

Что значит предприятия подлинно-социалистического типа? Это значит, что в основном они являются предприятиями социалистическими. В чем основном? В том, что называется отношениями собственности. Фабрики, заводы, предприятия принадлежат пролетарскому государству, т.-е. организованному рабочему классу. В этом отношении они подлинно-социалистического типа. И мы можем сказать и должны сказать рабочему, что, работая на этой фабрике, недополучая на ней заработной платы, повышая на ней производительность труда, ты работаешь для социализма. И мы считаем, что это есть правда. Это есть правда без прикрашивания.

Правильное понимание нашей госпромышленности заключается в том, что наши предприятия действительно «последовательно-социалистического типа», ибо они являются собственностью рабочего государ-

ства, но они далеко не являются законченными социалистическими предприятиями, потому что отношения людей, организации труда, формы выплаты заработной платы, работа на рынок—не делают их еще элементами развернутого социалистического хозяйства. (Голос с места: «Америку открыли»). По отношениям собственности они социалистичны, по отношениям людей — еще нет.

Я хочу ответить самым кратким, катехизическим образом на те вопросы, которые перед нами стоят.

Вы хотите, чтобы мы в резолюции с'езда были охарактеризованы так, как, приблизительно, мы охарактеризованы московской резолюцией? Это ваше право. У вас большинство, и вы это можете сделать. Но наше право, право меньшинства, сказать самым точным образом, что мы, действительно, думаем. Этот с'езд — не первый год и, надеюсь, не последний, если не помрем. Поэтому, пускай следующий с'езд вспомнит, какие ответы мы давали на те вопросы, которые перед нами стоят.

1. Какой у нас строй? Переходный. Не капиталистический, не социалистический, а переходный — от капитализма к социализму, пока еще с преобладанием продукции мелкого и частного хозяйства над продукцией государственной промышленности.

2. Каков характер наших предприятий? Наши фабрики и заводы являются предприятиями «последовательно-социалистического типа», но они отнюдь не представляют собою осуществления социализма; даже на них нет еще осуществления социалистических отношений.

3. Возможно ли при нэпе наступление? Ради наступления более планомерного и более победоносного создан был сам нэп. На пятом году ставить вопрос о том, возможно ли при нэпе наступление, глупо. Дело не в том, что оно возможно, а оно ведется и с каждым днем растет.

4. Растет ли кулак? Да, растет. Усиливается его сопротивление? Усиливается — экономически и политически.

5. Является ли середняк центральной фигурой? Да, является центральной фигурой земледелия, но не центральной фигурой социализма. Центральной фигурой социализма является рабочий класс, а центральной фигурой земледелия является середняк.

6. Является ли середняцкое хозяйство мелкобуржуазным по типу? Да, является. Так же, как наши фабрики и заводы являются «последовательно-социалистическими по типу», так по типу мелкобуржуазным, вопреки тому, что думает «Правда», является наше середняцкое хозяйство.

7. Есть ли у нас сотрудничество между социалистическими по типу предприятиями и мелкобуржуазным по типу хозяйством? Есть. Наш строй основан на сотрудничестве этих двух типов хозяйств. Это — сотрудничество государственно-социалистических форм и мелкобуржуазных форм.

8. Является ли правильным положение Ильича о сравнительной прогрессивности государственно-капиталистических форм, сравнительно с мелкобуржуазной распыленной стихией? Да, является прогрессивным.

9. Нужен ли нам союз рабочего класса и крестьянства, и нельзя ли его заменить нейтрализацией? Нейтрализация — это такое положение, когда мы говорили бы крестьянину: я тебя не трогаю, и ты меня не трожь. Кто вышел бы и сказал: я собираюсь строить социализм на основе того, что город не замай деревню, и деревня не замай город, — тот был бы круглым идиотом. Вопрос о нейтрализации можно привести только для полемических целей. Мы стоим за союз пролетариата с основной массой крестьянства, за союз городского пролетариата и бедноты с середняком и отбрасываем с насмешкой всякую попытку столкнуть нас на социалистическое строительство одними силами рабочего класса, при отчуждении основной массы крестьянства.

10. Для чего нужен нам этот союз? Для того, между прочим, чтобы переделать нашего союзника. Как мы думаем его переделывать? Нам надо охватить этого середняка нашими рычагами, и его стихийные тенденции, влекущие его с неизбежностью на капиталистический путь, повернуть на социалистические рельсы. Эта задача стоит целиком перед нами.

В какой мере эта социалистическая задача выполнима? Она выполнима в той доле, в которой в нашей деревне присутствуют тракторы, электрификация, кооперация, государственный кредит, помощь бедняку. И вот перед нами задача — практически повернуть развивающееся стихийно по капиталистическому руслу середняцкое крестьянство на наше социалистическое русло. Это — задача, разрешение которой на 99 проц. еще впереди.

11. Как повернуть основную крестьянскую массу на социалистический путь?

Повернуть эту массу пролетарская диктатура сможет, действуя в основном двумя основными рычагами.

Во-первых, — промышленность. Но для того, чтобы промышленность могла играть роль основного рычага, для этого она должна развиваться и расцвести гораздо больше, чем сейчас. Промышленность наша не удовлетворяет крестьянства, — промышленность, которая не удовлетворяет крестьянства, не поворачивает его на социалистический путь, а, наоборот, будит в крестьянстве враждебное отношение к госпромышленности, не могущей его удовлетворить. Поэтому восстановление промышленности — это основной рычаг, при помощи которого можно выполнить эту величайшую задачу в мире — повернуть всю основную группу крестьянства со стихийного пути капитализма на путь социализма.

Второе — это кооперация. ЦК на этот вопрос о роли кооперации ответил в моих тезисах по хозяйственному вопросу. Да, кооперация есть столбовая дорога для крестьянства к социализму, но не голые кооперативные

формы, а та кооперация, которая связана, которая базируется, которая наполнена крупной машинной индустрией и электрификацией. Вот эта кооперация сможет побороть частнособственнические стремления крестьянства, придать его распыленному хозяйству подлинные социалистические формы, связать в деле социалистического строительства с рабочим классом, но мы сделали в этом направлении только первые шаги.

12. Повернем ли мы? Проделаем ли этот поворот, несмотря на отсталость нашей промышленности, несмотря на задержку мировой революции, несмотря на то, что впереди осталось сделать новую культурную революцию, которую Ильич считал предпосылкой создания строя цивилизованных кооператоров? Мы находимся на первой ступеньке этого, и тот, кто скажет вам больше, будет прикрашивать действительность, хотя на словах он может казаться чрезвычайным оптимистом. Но это именно люди со слабыми нервами, которым для того, чтобы быть оптимистами, нужно прикрашивать действительность, чтобы им дали 100 проц. середняка, кооперацию, которая является уже социалистической, промышленность, которая является уже до конца развернутой социалистической. А мы говорим: у нас нет промышленности, которая до конца являлась бы социалистической системой, у нас нет той кооперации, которая являлась бы кооперацией, кооперирующей действительно массы населения и которая уже была проникнута социалистическим духом. У нас еще нет такого положения, когда крестьянство сплошной массой было бы действительно направлено по социалистическому пути. Все эти задачи стоят еще впереди, но мы — оптимисты.

13. И на вопрос о том, выполним ли это, т.-е. построим ли социализм в этой стране, несмотря на задержку мировой революции, преодолеем ли эти сопротивления, мы отвечаем: да, и теоретически это возможно и доказано Лениным, а практически это выполнимо в той мере, в какой будем правильно видеть все трудности и будем правильно направлять огонь по той цели, которая действительно является опасной; в той мере, в какой мы не будем позволять идейным разногласиям перерастать в организационную борьбу.

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА ТОВ. ЗИНОВЬЕВА.

О строительстве социализма в одной стране.

Года два назад вопрос этот не вызывал в нашей среде никаких споров, он был совершенно ясен. Я докажу это одной, в высшей степени убедительной ссылкой. Только теперь, и не без «успеха», запутывают этот вопрос так, что действительно перестаешь различать, где же настоящая, правильная, ленинская постановка его.

Я зачитываю здесь один отрывок; он, мне кажется, является совершенно правильным:

«Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране—еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производ-

ства — остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства (обратите внимание, — для организации социалистического производства. Г. З.) усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, — для этого неохбодимы усилия пролетариев нескольких передовых стран. (Подчеркнуто нами. Г. З.). Поэтому развитие и поддержка революции в других странах яляется существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах» [1].

Вот, товарищи, согласны ли вы с этим отрывком, согласны ли с такой постановкой вопроса? (Голос: «Нет). А я согласен. Я еще раз прочитаю этот отрывок, потому что он действительно в высшей степени важен. (Вторично читает). (Голоса: «А статья „О кооперации", 1923 год?»). Мне здесь указывают на статью о кооперации, написанную в 1923 году. Очевидно, предполагают, что статья о кооперации 1923 года написана после этого отрывка, который я зачитал. Но тут вы попадаете впросак: нет, этот отрывок писан после статьи о кооперации, он писан в 1924 г., и позвольте удовлетворить ваше любопытство, он писан т. Сталиным.

Он написан т. Сталиным в его основной работе, пользующейся очень большой популярностью, «О Ленине и ленинизме».

Вот постановка вопроса, которая в 1924 году была абсолютно бесспорна среди ленинцев, — я тут подписываюсь под каждой строчкой. Эта вещь писана тогда, когда никто еще не мудрил, когда никто не пытался в этой области создавать «новые» фракционные вопросы, когда все добросовестно пытались излагать то, чему учил нас здесь Владимир Ильич, когда мы пытались верно толковать и излагать основы ленинизма, — тогда мы приходили к тем выводам, которые для всех нас были приемлемы. Теперь я спрошу вас: какая цена тому, что приводят нигде не записанные разговоры в Политбюро о том, что я-де ссылался на нашу техническую отсталость.

Но теперь усилия целого ряда товарищей с большим успехом запутали этот вопрос. И если есть теперь какой-нибудь вопрос, неясный для широких рядов нашей партии, то именно этот. У нас есть резолюция XIV партийной конференции, компромиссная в этом смысле, но все-таки компромисс этот был достигнут именно на почве той резолюции, автором основного проекта которой являюсь я. В целом мы сошлись на компромиссе, на котором мы стоим и сейчас.

[1] Сталин. «О Ленине и ленинизме», 1924 г., стр. 60.

О госкапитализме.

Наконец, т. Бухарин говорил о якобы допущенном мною «некрасивом» приеме: будто бы я неправильно изложил в своей книге резолюцию XI с'езда партии о профсоюзах; он даже пытался представить дело так, будто бы я не читал Ленина, и т. д. Не знаю, товарищи, много ли найдется людей в этом зале, которые, несмотря на разгар полемики, поверили бы, что я не читал Ленина. Думаю, что и сам Бухарин в это не особенно верит!

Но как начинается эта резолюция? Ее открывают следующие три пункта: нэп и профсоюзы; государственный капитализм в пролетарском государстве и профсоюзы; государственные предприятия, переводимые на так называемый хозрасчет, и профсоюзы.

Все эти три пункта, по мысли Владимира Ильича, — необходимое введение к оценке нэпа и общих задач профсоюзов в период нэпа.

И когда я останавливался на опровержении того, будто бы Ленин никогда не говорил о госкапитализме как о системе, будто бы он допускал госкапитализм только как концессии, аренду и т. д., то я отвечал на это, что не только у Ленина, но имеется и формальное постановление, резолюция с'езда, где говорится о госкапитализме в пролетарском государстве. Здесь идет речь не только о концессиях, но и о том, что «пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развития капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частно-хозяйственного капитализма».

Таким образом, с'езд понимает здесь под госкапитализмом то же, что и Ленин, когда он говорил о строе госкапитализма, чему я приводил целый ряд доказательств. В своем содокладе я уже упоминал, и это вынужден был признать и т. Бухарин, когда он в своей статье 1922 г. писал, в связи с тезисами Владимира Ильича о профсоюзах: «Складывающаяся у нас система хозяйственных отношений обозначается обычно термином государственный капитализм».

Позвольте мне в двух словах еще немного остановиться на вопросе о госкапитализме и о нашем взгляде на крестьянство. Мы сошлись как будто бы на том, что наши национализированные предприятия являются безусловно предприятиями последовательно-социалистического типа. Но сошлись и на втором, — что все-таки мы должны иметь в виду, что социализма во всех отношениях при нынешней форме зарплаты, рыночных связей и т. п. там еще нет.

Обратите внимание, товарищи, на тезисы по одному пункту порядка дня, который будет обсуждаться позже, — по докладу т. Томского, это — тезисы о профсоюзах. Вчитайтесь в них и скажите откровенно, — эти тезисы писаны применительно к фабрикам и заводам, которые безусловно, во всех отношениях и без всяких оговорок и всяких «но» являются абсолютно социалистическими, или нет? Я думаю, что эти тезисы вполне правильно написаны как раз применительно к тем

фабрикам и заводам, которые по типу являются последовательно-социалистическими предприятиями, но в целом ряде форм и методов своей работы не являются еще чисто социалистическими.

О двух уклонах и какой из них серьезнее.

Перехожу к нашим разногласиям в вопросе о политике в деревне. По вопросу о том, в сторону какого из уклонов, куда надо сосредоточить огонь, я вам прочитаю несколько строчек, в которые прошу вдуматься особенно внимательно. Вот квинт-эссенция постановления октябрьского пленума ЦК 1925 года:

> «Решительная борьба с обоими этими уклонами есть непременное условие для предотвращения срыва политики партии в деревне и правильного проведения в жизнь решений XIV партконференции».

А вот что сказал т. Сталин в политическом отчете ЦК:

> «Я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов партия все же должна сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном (т.-е. против уклона „раздувания роли кулака")».

Есть тут какое-либо добавление к постановлениям пленума ЦК или нет? Есть. Может быть, оно правильно, об этом мы будем говорить особо. Но вы не можете отрицать того, что сейчас вносятся изменения в резолюцию пленума и даже московской губпартконференции по вопросу о кулацком и бедняцком уклонах.

Тот факт, что кулак будет расти, заложен во всей экономике, во всем политическом положении нынешнего времени. Этого никто не отрицал и не будет отрицать. Сколько ни полемизировал здесь т. Микоян, а его статья в фактической ее части говорит, что кулак растет. Сколько ни распинался здесь Каганович, но и он должен был сказать, что мы видим, как растет на Украине кулак. Когда мы подходим к пятилетию нэпа, к бурному развитию производительных сил, когда мы входим в полосу мирного хозяйственного строительства, — здесь всякий понимает, что кулак будет расти, что будут увеличиваться его политические аппетиты, что он будет иметь политическое дополнение в городе и это его дополнение в городе будет еще больше разжигать его аппетиты. Ближайшая опасность настоящего времени будет заключаться именно в этом.

Никто из нас не пытается представить дело так, будто против нас движутся полчища организованных кулаков, а мы должны с оружием в руках военным строем итти против них. Этого нет. Такого организованного наступления на нас нет. У них нет ни организации, ни полчищ. Но на то мы и политическая партия, чтобы видеть тенденции развития, чтобы слышать, как трава растет. А злобой дня как раз и является усиление политической и экономической активности кулака.

Мы его поборем и легко обойдем и изолируем, если сумеем вовремя увидеть опасность.

Товарищи, если мы спросим себя, продвинулись ли мы вперед в деле сближения с середняком, улучшилась ли в этом отношении политиче-

ская обстановка, вы все ответите — да, продвинулись, и я отвечу, — продвинулись, и обстановка улучшилась. Но здесь встает второй вопрос: а сблизились ли мы с крестьянской беднотой за год нашей крестьянской политики, или не сблизились? И вы все ответите, что нет, не сблизились, а в целом ряде случаев даже отодвинулись от бедняка.

Это не значит, что наша политика неверна. Но если мы действительно не сблизились, то в этом скрывается величайшая политическая проблема, величайшая политическая опасность. В самом деле, мы знаем цифру 40—45% бедноты, которую дал т. Молотов. Это — десятки миллионов людей. Если мы после резолюции пленума ЦК в октябре прошлого года, после года с небольшим нашей нынешней крестьянской политики, видим, что в отношении с середняком мы продвинулись вперед и что политическая обстановка улучшена, но одновременно мы не сблизились, а отдалились от бедноты, — то над этим надо задуматься. Это — основная политическая проблема в деревне. Не задумываясь над ней, мы идем навстречу расширению политических «ножниц», идем навстречу величайшей политической опасности.

Политика наша в деревне в основном взята правильно, но в ходе ее проведения мы наталкивались на целый ряд трудностей. Эта проблема должна быть решена. Мы ее поставили на последнем октябрьском пленуме ЦК. А если теперь к этому хотят прибавить, что открыть огонь надо совсем по другой стороне, то мы говорим, что это есть неправильный шаг, толкающий нас назад. Мы вели за год правильную политику, а пришли к тому, что сближения с бедняком не вышло, а получилось отчуждение. Теперь на политику сближения с бедняком надо приналечь изо всех сил. Конечно, это очень трудно, именно потому, что у нас нет 10 миллионов лошадей, но мы должны признать, что именно в этом сейчас центр задачи. Вот почему открытие огня в другую сторону есть серьезная политическая ошибка.

Нужно вспомнить формулировку Владимира Ильича на VIII с'езде о двух контрагентах: рабочий класс и беднейшее крестьянство, с одной стороны, среднее крестьянство — с другой. Вот как было на VIII с'езде, и так должно остаться. Не так, чтобы с одной стороны был рабочий класс, а с другой стороны бедняк и середняк, а так: рабочий класс и беднейшее крестьянство, с одной стороны, и середняк — с другой.

Так формулировал это т. Ленин, и вы не можете отрицать, товарищи, что по первой части этой формулы, относительно беднейших слоев крестьянства, не все у нас теперь обстоит благополучно. Не по вине Центрального Комитета, не по вине того или другого из нас, не по чьей-либо суб'ективной вине, а в силу громадной трудности этой проблемы. Но факт остается фактом. Первая часть формулы сейчас хромает на обе ноги. Вот где надо сосредоточить внимание всей партии для того, чтобы в этом вопросе дополнительно принять меры и политические, и административные, и экономические. (Голос: «А кто о сытой стране написал?»). Ленин написал, да, никто другой, как сам Владимир Ильич, написал о сытой и культурной стране, а мы все повторяем. Неужели мы стоим за голодную страну?

В вопросе о крестьянстве надо итти не назад от резолюции пленума 1925 года, не назад от XIV конференции. Нельзя признать правильными предложения о сосредоточении огня на одном из уклонов. Мы утверждаем, что за этот год мы не сблизились с беднотой и что такое сближение — одна из самых важных наших задач в настоящее время. Под этим углом зрения мы подходим к крестьянскому вопросу. Всякого, кто не признает середняка, нужно подвергнуть какому-угодно наказанию. Без понимания центральной роли середняка мы не сможем перестроить деревни. Но это не значит, что понимание значения этого слоя деревни может выразиться в попугайском повторении с утра до вечера слова «середняк».

Если хотите еще раз сказать, что недооценка середняка опасна, — мы обеими руками подпишемся под этим предложением.

В вопросе о составе партии не итти назад от XIII с'езда. Вся наша печать с ее обвинениями в аксельродовщине идет назад от решений XIII с'езда в этом вопросе. Мы предлагаем доступа рабочим в партию не закрывать и держать линию на то, что основная масса пролетариата войдет в нашу партию.

О Ленинграде. Мы предлагаем прекратить травлю против Ленинграда, снять незаслуженные обвинения, дать возможность ленинградской организации быть попрежнему одной из опор ЦК. Мы предлагаем не трясти организацию, дать ей возможность выбирать своих руководителей, не назначая их сверху. Ленинградская организация должна иметь возможность выбирать своих руководителей без назначения их сверху.

Как дальше руководить партией? Как дальше организовать верхушку?

Во-первых, мы должны понять, что мы вошли в полосу оживления и что 1926 год не есть 1923 год.

Во-вторых, не допуская фракций, оставаясь в вопросе о фракциях на старых позициях, вместе с тем поручить Центральному Комитету привлечь к работе все силы всех бывших групп в нашей партии и дать им возможность работать под руководством ЦК. В 1926 г. это нужно сделать. (Голоса: «Повторите»).

Я повторяю: оставаясь в вопросе о фракциях на наших прежних решениях, вместе с тем поручить Центральному Комитету привлечь к работе всех товарищей, все силы всех бывших групп в нашей партии.

В-третьих, нам надо создать, я думаю, при центральном органе партии постоянный дискуссионный орган, еженедельник, обеспечивающий подлинную свободу обсуждения возникающих спорных вопросов в товарищеских рамках. Я думаю, что без этого мы не можем обойтись при сложности проблем и при тех столкновениях, которые мы имеем сейчас.

В-четвертых. Мы должны обеспечить лучшую выборность в наших партийных организациях — ее еще нет. Это констатирует т. Корнюшин в своей брошюре и целый ряд других товарищей.

В-пятых. Мы должны поручить ЦК партии на первом его заседании обсудить точно вопрос о размежевании функций Политбюро, Оргбюро и Секретариата под углом зрения полновластного Политбюро и служебного, подчиненного ему, Секретариата. Я думаю, это может и должен сделать наш ЦК. Секретариат имеет теперь несравненно бо́льшую власть, чем это было при Владимире Ильиче. Я думаю, мы можем и должны ЦК это поручить сделать.

Что касается, товарищи, нас самих, о которых вы очень много говорили, то я думаю, что с'езд должен решиться на одно из двух: или он отпустит нас с клеймом ликвидаторства, аксельродовщины, пораженчества, — тогда ответственность ляжет на вас; или, если товарищи думают, что мы можем и должны работать вместе с вами и вместе с вами руководить (работать мы безусловно будем), что мы должны участвовать в руководстве работой партии, — тогда мы не можем принять этого клейма ликвидаторства и пораженчества, тогда нужно сделать соответствующие организационные выводы.

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА ТОВ. МОЛОТОВА.

Тов. Зиновьев выступил с особым «манифестом», за который он, я думаю, получит имя «Григория Милостивого», так как тут обещаны всякие милости для всех групп и течений, для всякого обсуждения внутрипартийных дискуссий. Видимо, надо было т. Зиновьеву пораньше немного оказаться в меньшинстве, и, может быть, мы получили бы раньше такой же «манифест». Но, товарищи, время тянулось довольно медленно, и обещание «вольностей» выходит только теперь. Но если мы возьмем и проверим, как на деле проводится т. Зиновьевым и другими руководителями ленинградской организации демократизм, то, я думаю, тут у нас получится порядочное несоответствие между «манифестом» и делом. Вот такой пример, как выборы на партийный с'езд. Вы знаете, как происходили в последний раз эти выборы в Ленинграде? Вы слышали, как «демократично» разговаривал т. Зиновьев с т. Комаровым перед тем, как начали происходить выборы на партийный с'езд. Понадобился ведь особый вызов т. Комарова для специального разговора в кабинете т. Зиновьева, где ему было сделано предложение: либо выступить за точку зрения т. Зиновьева и большинства конференции, либо с ним, с т. Комаровым, будет поступлено очень недемократично. Но мы знаем, что теперь товарищи к своим мандатам относятся очень серьезно, и на примере т. Комарова мы видим, как такой «демократизм» не дал ожидавшихся при этом результатов. Возьмем другой пример. Вот т. Зиновьев говорил насчет того, как какой-то товарищ писал о фактах, вводя в бюро укома отдельных товарищей в порядке кооптации. Теперь, говорил т. Зиновьев, наступило время, когда мы должны от этого отказаться. Но позвольте спросить, каким образом составлен ленинградский губернский комитет партии. Оказывается, дело было таким образом, что еще перед конференцией старый губком утвердил полностью список нового губкома. Я могу дать полный спи-

сок губкома нового состава, утвержденного еще до партийной конференции старым губкомом. (Движение во всем зале, шум на скамьях ленинградской делегации). Я могу показать полностью тот список, который был утвержден губкомом. (Шум). Я покажу вам документ, который называется постановлением губкома. Таким образом список губкома и губернской контрольной комиссии полностью был утвержден заблаговременно старым губкомом.

И еще пример «демократизма» в ленинградской организации. В течение нескольких дней партийный комитет Выборгского района добивался созыва партийного актива Выборгского района. Губкомом это не разрешалось. В чем дело? Районный комитет Выборгского района, старая большевистская крепость, имеющая исключительные заслуги во всей славной истории партийной организации Ленинграда, делает попытку собрать партийный актив, — для чего бы вы думали? Для вынесения приветствия XIV партс'езду. А вот губернский комитет в Ленинграде считал это нецелесообразным и предлагал отложить это собрание актива. Это еще пример того, как демократически, по самым новым демократическим методам, действуют т. Зиновьев и бюро губкома за последнее время. (Шум).

И вот, товарищи, я обратился бы теперь к самой ленинградской делегации на с'езде. Мы сегодня заслушали от т. Зиновьева целый манифест партийных вольностей. Обсуждался ли этот манифест предварительно хотя бы на этой вот делегации, присутствующей здесь от Ленинграда? А обсуждала ли ленинградская организация эти предложения, которые от ее имени сегодня предлагались партийному с'езду, хотя бы в порядке минимальной демократии? Обсуждались или нет? Не слышно что-то голосов. Видимо нет. (Аплодисменты. Голос: «Они молчат»). Очевидно, товарищи, мы плохо понимаем партийную демократию; в Ленинграде ее понимают, очевидно, на особый лад. Но позвольте, товарищи, вас спросить: сегодня от вашего имени содокладчик внес новый манифест, а слыхал ли до сего момента об этом ленинградский пролетариат, хотя бы в порядке партийной информации, в порядке минимальной демократии? Знали ли что-нибудь о новых предложениях т. Зиновьева, преподносимых с'езду, ленинградская партийная организация, рабочие «Красного Путиловца», рабочие «Большевика», Балтийского завода, «Красного Треугольника» и других. Я думаю, — не знали и не слыхали, не думали и не гадали. Но ведь это же — особого рода демократия. Такова демократия по обязанности, такова демократия по необходимости, такова демократия вынужденная, неискренняя, непоследовательная, фальшивая, которая от вас здесь предлагается. Аплодисменты. Смех. Шум).

Возможно, что ради той же демократии сегодня т. Зиновьев выдвинул новый лозунг: «нам нужно полновластное Политбюро». Ну, товарищи, был когда-то у меньшевиков лозунг «полновластная Государственная Дума» (этим заменялся тогда лозунг «Учредительного Собрания). Но чтобы у нас требовали «полновластного Политбюро», — до этого еще не доходили. Я знаю, товарищи, что у нас председателем Политбюро состоял в течение последних лет неизменно т. Каменев.

Не знаю, о чем он до сих пор думал, если председательствовал на таком Политбюро, у которого никакой власти не было. Я, да и вы все знаете, что у нас Политбюро было совершенно другого типа. И нам теперь предлагают: «Дайте нам после XIV с'езда полновластное Политбюро и исполнительный Секретариат!» (Голос: «Правильно!»). Но если перевести это на русский, понятный язык, — это, мне кажется, обозначает то, что вытекает из всей вашей позиции. Здесь очень обстоятельно рассказывали о «пещерных» разговорах, где возник вначале вопрос о политизированном Секретариате. А потом т. Зиновьев изобразил дело так, что чуть ли не бедняга Николай Иванович Бухарин, на которого теперь столько валит оппозиция, во всем этом только и был виноват. На деле была попытка, и вовсе не бухаринская, создать «политизированный Секретариат» в составе Зиновьева, Троцкого и Сталина, хотели изменить фактическое руководство, но не прошло, и отказались от этого. Это было, если не ошибаюсь, два года тому назад.

А припомним, товарищи, то, что было около года тому назад. Не вносилось ли тоже новое предложение по поводу Секретариата ЦК нашей партии, не выдвигался ли т. Сталин т. Каменевым на пост пред. Реввоенсовета в январе этого года? (Шум). А это для чего делалось? Это опять делалось для того, чтобы политизировать Секретариат? (Шум. Голос с места: «Очевидно»). Я думаю, что не для этой цели. (Голос с места: «Чтобы расчистить себе путь». Шум). Нужно, говорят, полновластное Политбюро, но полновластие понимается такое, если у т.т. Зиновьева и Каменева будет большинство. Вот такое Политбюро будет, по их мнению, «полновластным». И если будет у них такой Секретариат, который они будут считать своим Секретариатом, — вот это будет такой Секретариат, которого они хотят. (Голос с места: «А поднимался ли вопрос об отстранении т. Сталина с поста члена Политбюро?» Шум). Не поднимался, надо было еще дойти до этого. Я констатирую факт, что, когда т. Каменеву сказали: почему вы не поставите этого вопроса о т. Сталине на прямое обсуждение в ЦК, он отвечал, что это предложение он выдвигал только в предварительном, дискуссионном порядке.

Наконец, вопрос о самой ленинградской организации. Каким же образом получилось это небывалое событие на партийном с'езде, что одна из лучших пролетарских организаций партии, и именно ленинградская, пытается противопоставить себя большинству с'езда и пытается играть впервые в истории большевистской партии роль внутрипартийной оппозиции? Не является ли это, товарищи, таким моментом, к которому партия должна действительно отнестись самым серьезным образом?

Да, конечно, товарищи, это является очень серьезным моментом в истории нашей партии. Конечно, на составе делегации отразилась ленинградская «демократия» последнего времени. Никто не будет отрицать того, что состав ленинградской организации был выбран еще до последнего «манифеста» т. Зиновьева, и тогда проводились на конференции совсем не те условия, которые предлагаются сегодня

т. Зиновьевым. Но, товарищи, и при этом условии ленинградская делегация, очевидно, отражает и некоторые настроения у некоторой части рабочих, которая еще недостаточно близко подошла ко всем основным вопросам, поставленным теперешней эпохой революции перед партией, которая в особенности останавливается перед трудностями строительства социализма в нашей современной деревне.

Нам нужно считаться, товарищи, с тем, что эти действительно серьезнейшие трудности вызывают колебания у отдельных руководителей и некоторых слоев рабочих даже ленинградской организации. И если мы должны приписать немалую роль в теперешних колебаниях, теперешних шатаниях, теперешних качаниях ленинградской делегации на с'езде, то немалую роль в этом мы должны приписать тому, что здесь во главе руководства организацией оставались товарищи, которые до сих пор имели монополию представительства от Ленинграда и теперь, заколебавшись, вносят неустойчивость и путаницу во всю организацию, — если мы не можем забыть того, что известная доля влияния колебаний части организации верхушки мешает выправиться здесь, на с'езде, работе делегации от Ленинграда, то, товарищи, это вместе с тем является нам предостережением насчет того, что в некоторых частях рабочего класса, очевидно, есть недоверие к силам и к возможностям пролетарской революции в данный период и к обязанностям, которые теперь возлагаются на нашу партию. (Голоса с мест: «Правильно!»). Эти обязанности нашей ленинской партии заключаются теперь в том, что мы должны сосредоточить все усилия партии, все силы рабочего класса на преодолении трудностей, на преодолении тех препятствий, которые стоят перед нашей партией в деле развертывания начальных работ по социалистическому строительству. (Голос со стороны ленинградской делегации: «Это паника!»). Кое для кого из товарищей, даже в Ленинграде, который сравнительно меньше связан с деревней, эти трудности кажутся еще настолько большими или настолько чуждыми, непонятными, что они пытаются либо отмахнуться от этих трудностей, либо пытаются противопоставить этим трудностям свои позиции, которые партия защищала в другой период, в период, когда она в центре внимания ставила борьбу против кулака, против кулацкой опасности.

Но, товарищи, в настоящее время перед партией главная трудность и главная задача в том, чтобы найти пути строительства социализма в городе и в деревне, воодушевить рабочий класс на преодоление этих трудностей, и, если в отдельных частях рабочего класса есть колебания по этим вопросам, мы должны усилить наше внимание и направить все силы нашей партии на то, чтобы устранить всякие элементы колебания у отдельных отрядов нашей партии. (Аплодисменты). Мы не сомневаемся в том, что эти колебания не будут продолжаться долго, мы видим, что из всей партии каким-то странным образом выделилась лишь одна группа, и к ней примыкают: от всей Сибири — один т. Лашевич, от всего Поволжья — один т. Харитонов, от всего Промышленного района — никого, кроме совещательного голоса т. Равич. Мы понимаем, что это ни в коем случае не отражение подлинных про-

летарских настроений; здесь много личных и временных, преходящих оснований, которые мешают правильно подходить к основным вопросам теперешней политики партии. (Аплодисменты).

Товарищи, собрание актива Выборгского района, состоявшееся вчера, вынесло полное одобрение линии ЦК и XIV партийного с'езда и вынесло пожелание о том, чтобы ленинградская делегация на с'езде безоговорочно присоединилась к подавляющему большинству нашего с'езда. Кроме того, это же собрание актива Выборгского района посылает к нам, на XIV партс'езд, делегацию выразить это свое мнение здесь. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно!»).

Мы видим, таким образом, что и в ленинградской организации растут голоса, безоговорочно признающие, что партия занимает правильную позицию, что наш партийный с'езд идет по правильному пути. Мы не сомневаемся, что вся ленинградская организация вслед за Выборгским районом пойдет по тому же пути и присоединится ко всем его решениям и будет их проводить таким же образом, как каждый из нас, как каждый из коммунистов в любой организации. (Аплодисменты. Голоса: «Правильно!»).

С'езд ждет, с'езд хочет, с'езд надеется, с'езд уверен, что ленинградская организация в целом, вся, как одна, преодолевая колебания отдельных товарищей, преодолевая неуверенность перед огромными трудностями в среде отдельных частей рабочих, пойдет по тому пути, по которому идет партия, по которому идет наш партийный с'езд (Аплодисменты. Все встают, кроме товарищей ленинградцев).

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА ТОВ. СТАЛИНА.

Тов. Каменев и наши уступки крестьянству.

Каменев сказал, что мы, приняв известные решения на XIV партийной конференции по линии хозяйственной, по линии оживления советов, по линии ликвидации пережитков военного коммунизма, по линии уточнения вопроса об аренде и наемном труде, — мы сделали тем самым уступки кулаку, а не крестьянству, что это есть уступки не крестьянству, а капиталистическим элементам. Верно ли это? Я утверждаю, что это неверно, что это есть клевета на партию. Я утверждаю, что так не может подходить к вопросу марксист, что так может подходить к вопросу только либерал.

Что такое те уступки, которые мы сделали на XIV партконференции? Укладываются ли эти уступки в рамки нэпа или нет? Безусловно укладываются. Может быть, мы расширили нэп на апрельской конференции? Пусть ответит оппозиция: расширили ли мы нэп в апреле, или нет? Если мы его расширили, почему они голосовали за решения XIV конференции? И разве неизвестно, что мы все против расширения нэпа? В чем же тогда дело? Да в том, что т. Каменев запутался, ибо нэп включает в себе допущение торговли, капитализма, наемного труда, а решения XIV конференции есть выражение нэпа,

введенного при Ленине. Знал ли Ленин, что нэп будет использован на первых порах прежде всего капиталистами, купцами, кулаками? Конечно, знал. Но говорил ли Ленин, что, вводя нэп, мы делаем уступки спекулянтам и капиталистическим элементам, а не крестьянству? Нет, не говорил и не мог этого сказать. Наоборот, он всегда утверждал, что, допуская торговлю и капитализм и меняя политику в направлении нэпа, мы делаем уступки крестьянству ради сохранения и укрепления смычки с ним, ибо крестьянство не может жить при данных условиях без товарооборота, без допущения некоторого оживления капитализма, ибо смычку мы не можем наладить теперь иначе, как через торговлю, ибо мы только таким образом можем укрепить смычку и построить фундамент социалистической экономики. Вот как подходил к вопросу об уступках Ленин. Вот как надо подходить к вопросу об уступках в апреле 1925 г. Позвольте прочесть вам мнение Ленина на этот предмет. Вот как он обосновывает переход партии к новой политике, к политике нэпа в своем докладе о продналоге на совещании секретарей ячеек Московской губернии:

«Я хочу остановиться на вопросе, как эта политика примирима с точки зрения коммунизма и как выходит то, что коммунистическая советская власть способствует развитию свободной торговли. Хорошо ли это с точки зрения коммунизма? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно внимательно присмотреться к тем изменениям, которые произошли в крестьянском хозяйстве. Сначала положение было таково, что мы видели напор всего крестьянства против власти помещиков. Против помещиков шли одинаково и бедняки и кулаки, хотя, конечно, с разными намерениями: кулаки шли с целью отобрать землю у помещика и развить на ней свое хозяйство. Вот тогда и обнаружились между кулаками и беднотой различные интересы и стремления. На Украине эта рознь интересов и сейчас видна с гораздо большей ясностью, чем у нас. Беднота непосредственно этот переход земли от помещиков могла использовать очень мало, ибо у нее не было для этого ни материалов, ни орудий. И вот мы видим, что беднота организуется, чтобы не дать кулаками захватить отобранные земли. Советская власть оказывает помощь возникшим комитетам бедноты у нас и комнезаможам на Украине. Что же получилось в результате? В результате получилось, что преобладающим элементом в деревне явились середняки. Меньше стало крайностей в сторону кулачества, меньше в сторону нищеты, и большинство населения стало приближаться к середняцкому. Если нам нужно поднять производительность нашего крестьянского хозяйства, то мы должны считаться в первую очередь с середняком. Коммунистической партии и пришлось сообразно с этим строить свою политику... Значит, изменение в политике по отношению к крестьянству об'ясняется тем, что изменилось положение самого крестьянства. Деревня стала более середняцкой, и для поднятия производительных сил мы должны с этим считаться". (Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 195—196).

И дальше, в том же томе, на странице 146, Ленин делает общий вывод:

«Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем».

Иначе говоря, — мы ввели свободу торговли, мы допустили оживление капитализма, мы ввели нэп для того, чтобы поднять рост производительных сил, увеличить количество продуктов в стране, укрепить смычку с крестьянством. Смычка, интересы смычки, как основа наших уступок по линии нэпа, — вот как подходит к делу Ленин.

Знал ли тогда Ленин, что нэпом, уступками крестьянству воспользуются спекулянты, капиталисты, кулаки? Конечно, знал. Значит ли это, что уступки эти были, по сути дела, уступками спекулянту и кулаку? Нет, не значит. Ибо нэп вообще и торговля в частности используются не только капиталистами и кулаками, но и государственными и кооперативными органами, ибо торгуют не только капиталисты и кулаки, но и госорганы и кооперация, при чем госорганы и кооперация, когда они научатся торговать, будут брать верх (уже берут верх!) над частниками, смыкая нашу индустрию с крестьянским хозяйством.

Что же получается из этого? Из этого получается то, что наши уступки идут в основном по линии укрепления смычки и ради смычки.

Кто этого не понимает, тот подходит к делу не как ленинец, а как либерал.

О нэпе.

Вопрос о нэпе. Я имею в виду т. Крупскую и ее речь, сказанную по вопросу о нэпе. Она говорит: «Нэп является в сущности капитализмом, допускаемым на известных условиях, капитализмом, который держит на цепи пролетарское государство» . . .

Верно ли это? И да, и нет. Что мы держим капитализм на цепи и будем держать, пока он существует, это факт, это верно. Но чтобы нэп являлся капитализмом, — это чепуха, несусветная чепуха. Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма. Если бы нэп был капитализмом, то тогда нэповская Россия, о которой говорил Ленин, была бы капиталистической. Но разве нынешняя Россия есть капиталистическая, а не переходная от капитализма к социализму? Почему же тогда Ленин не сказал просто: «Россия капиталистическая будет Россией социалистической», а предпочел дать другую формулу: «Россия нэповская будет Россией социалистической»?

Согласна ли оппозиция с т. Крупской, что нэп есть капитализм, или несогласна? Я думаю, что не найдется ни одного члена с'езда, который бы согласился с формулой т. Крупской. Тов. Крупская (да простит она меня) сказала о нэпе сущую чепуху.

О госкапитализме.

О госкапитализме. С этим вопросом связана ошибка т. Бухарина. В чем состояла его ошибка? По каким вопросам Ленин спорил с Бухариным? Ленин утверждал, что категория госкапитализма совместима с системой диктатуры пролетариата. Бухарин это отрицал. Он считал — и левые коммунисты вместе с ним, а в том числе и т. Сафаров, считали,—что нельзя совместить теорию госкапитализма с системой диктатуры пролетариата. Ленин был прав, конечно, Бухарин был неправ. Он эту свою ошибку признал. Вот в чем состоит ошибка Бухарина. Но это было в прошлом. Если он теперь, в 1925 г., в мае, повторяет, что он имеет разногласия с Лениным по вопросу о госкапитализме, то я полагаю, что это простое недоразумение. Либо он должен от этого заявления отказаться прямо, либо это недоразумение, потому что та линия, которую он защищает теперь по вопросу о природе госпромышленности, есть линия Ленина. Не Ленин пришел к Бухарину, а наоборот, Бухарин пришел к Ленину. И именно поэтому мы стоим и будем стоять за Бухарина. (Аплодисменты).

Основная ошибка т.т. Каменева и Зиновьева состоит в том, что они рассматривают вопрос о госкапитализме схоластически, не диалектически, вне связи с исторической обстановкой. Такой подход к вопросу противен всему духу ленинизма. Как ставил вопрос Ленин? В 1921 г. Ленин знал, что наша промышленность мало развита, а крестьянство нуждается в товарах; зная, что ее (промышленность) сразу не поднимешь, что рабочие, в силу известной обстановки, заняты не столько промышленностью, сколько приготовлением зажигалок, — в этой обстановке Ленин считал, что лучшая возможность из всех возможностей — привлечь заграничный капитал, наладить с его помощью промышленность, ввести, таким образом, госкапитализм и через него устроить смычку советской власти с деревней. Такой путь был тогда безусловно правилен, ибо других возможностей удовлетворить крестьянство у нас тогда не было, ибо промышленность у нас хромала, транспорт стоял, или почти стоял, не было, нехватало топлива. Считал ли тогда Ленин допустимым и желательным госкапитализм как преобладающую форму нашего хозяйства? Да, считал. Но это было тогда, в 1921 году. А теперь? Можно ли сказать теперь, что у нас нет нашей промышленности, транспорт стоит, нет топлива и т. д.? Нет, нельзя. Можно ли отрицать, что наша промышленность и торговля уже устанавливают смычку индустрии (нашей индустрии) с крестьянским хозяйством непосредственно, своими собственными силами? Нет, нельзя. Можно ли отрицать, что в области промышленности «госкапитализм» и «социализм» уже поменялись ролями, ибо социалистическая промышленность стала господствующей, а удельный вес концессий и аренды (первые имеют 50 тыс. рабочих, вторая — 35 тыс.) минимален? Нет, нельзя. Еще в 1922 г. Ленин сказал, что с концессиями и арендой у нас не вышло.

Что же из этого следует? Из этого следует то, что со времени 1921 г. обстановка изменилась у нас существенно, что за это время наша социалистическая промышленность и советско-кооперативная торговля успели уже стать преобладающей силой, что смычку между городом и деревней уже научились устанавливать собственными силами, что наиболее яркие формы госкапитализма, концессии и аренда, не получили за это время серьезного развития, что говорить теперь, в 1925 году, о госкапитализме как преобладающей форме нашего хозяйства значит искажать социалистическую природу нашей государственной промышленности, значит не понимать всей разницы между прошлой и нынешней обстановкой, значит подходить к вопросу о госкапитализме не диалектически, а схоластически, метафизически.

Позвольте теперь сослаться на Ленина в вопросе об историческом характере госкапитализма, привести цитату по вопросу о том, когда и почему он предлагал госкапитализм как главную форму, чем он был вынужден к этому, при каких именно конкретных условиях он его предлагал. (Голоса: «просим!»).

> «Мы ни в коем случае не можем забывать того, что мы часто наблюдаем — социалистического отношения рабочих на принадлежащих государству фабриках, где рабочие сами собирают топливо, сырье и продукты, или когда рабочие стараются распределить правильно продукты промышленности среди крестьянства, довозят их средствами транспорта. Это есть социализм. Но рядом с ним существует мелкое хозяйство, которое сплошь и рядом существует независимо от него. Почему оно может существовать независимо от него? Потому, что крупная промышленность не восстановлена, потому, что социалистические фабрики могут получить, может быть, только десятую долю того, что они должны получать; и поскольку они не получают, оно остается независимым от социалистических фабрик. Неимоверное разорение страны, недостаток топлива, сырья и транспорта приводит к тому, что мелкое производство существует отдельно от социализма. И я говорю: при таких условиях государственный капитализм — что это такое? Это будет об'единение мелкого производства. Капитал об'единяет мелкое производство, капитал вырастает из мелкого производства. На этот счет нечего закрывать глаза. Конечно, свобода торговли означает рост капитализма; из этого никак вывернуться нельзя, и кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами. Если есть мелкое хозяйство, если есть свобода обмена — появляется капитализм. Но страшен ли этот капитализм нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю? И вот я говорил тогда, буду повторять теперь и считаю, что это неопровержимо, что этот капитализм нам не страшен. Таким капитализмом являются лизма. И я говорю: при таких условиях государственный капитализм— концессии». (Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 197).

Вот как Ленин подходил к вопросу о госкапитализме.

В 1921 году, когда своей промышленности у нас почти не было, сырья нехватало, а транспорт стоял, Ленин предлагал госкапитализм как средство, через которое он думал связать крестьянское хозяйство с индустрией. И это было правильно. Но значит ли это, что Ленин считал этот путь желательным при всяких условиях? Конечно, не значит. Он шел на смычку через госкапитализм потому, что не

было у нас развитой социалистической промышленности. Ну, а теперь? Можно ли сказать, что у нас нет теперь развитой госпромышленности? Конечно, нельзя сказать. Развитие пошло по другому руслу, концессии почти не привились, госпромышленность выросла, выросла госторговля, выросла кооперация, и смычка между городом и деревней стала устанавливаться через социалистическую промышленность. Мы оказались в лучшем положении, чем думали сами. Как можно после этого говорить, что госкапитализм есть главная форма нашего хозяйствования?

Беда оппозиции состоит в том, что она не хочет понять этих простых вещей.

Тов. Зиновьев и крестьянство.

Вопрос о крестьянстве. Я говорил в своем докладе и здесь ораторы утверждали, что у т. Зиновьева имеется уклон в сторону недооценки середняка, что он стоял определенно, недавно еще, на точке зрения нейтрализации среднего крестьянства, и только теперь, после борьбы в партии, пытается перекочевать, обосноваться на другой точке зрения, на точке зрения прочного союза с середняком. Верно ли все это? Позвольте сослаться на некоторые документы.

В статье «О большевизации» т. Зиновьев в этом году писал:

> «Есть ряд задач, которые совершенно общи всем партиям Коминтерна Таковы например... верный подход к крестьянству. Есть три слоя в земледельческом населении всего мира, которые могут и должны быть завоеваны нами и стать союзниками пролетариата (сельско-хозяйственный пролетариат, полупролетарии — парцельные крестьяне и мелкое крестьянство, не прибегающее к найму чужой рабочей силы). Есть другой слой крестьянства (середняки), который должен быть, по крайней мере, нейтрализован нами». («Правда» от 13 января 1925 г.).

Так пишет т. Зиновьев о середняке спустя четыре года после VIII с'езда партии, где Ленин отверг лозунг нейтрализации середняка, заменив его лозунгом прочного союза с середняком. Тов. Бакаев спрашивает, что тут страшного? А я вас попрошу сравнить статью т. Зиновьева с тезисом Ленина о ставке на середняка и ответить, отошел т. Зиновьев от тезиса Ленина или не отошел... (Возглас с места: «Подразумеваются другие страны, кроме России». Шум). Не выходит, товарищ, ибо в статье т. Зиновьева говорится о «задачах, которые совершенно общи всем партиям Коминтерна». Неужели вы будете отрицать, что наша партия есть тоже часть Коминтерна? Тут прямо сказано: «всем партиям». (Возглас со стороны ленинградской делегации: «В определенные моменты». Общий смех).

Сравните эту цитату из статьи т. Зиновьева о нейтрализации с цитатой из речи т. Ленина на VIII с'езде партии о том, что нам нужен прочный союз с середняком, и вы поймете, что между ними нет ничего общего.

Как видите, в приведенном мною документе т. Зиновьев высказывается прямо и определенно за лозунг нейтрализации среднего кре-

стьянства, вопреки Ленину, провозглашающему недостаточность нейтрализации и необходимость прочного союза с середняком.

Следующий документ. Тов. Зиновьев в своей книге «Ленинизм», цитируя следующее место из Ленина, относящееся к 1918 году: «с крестьянством вообще — до конца буржуазно-демократической революции; с беднейшей, пролетарской и полупролетарской частью крестьянства — вперед, к социалистической революции», — делает такой вывод:

> «Основная ... проблема, занимающая нас сейчас, освещена в приведенных положениях Ленина полностью и до конца. Ничего здесь не прибавишь, ни одного слова не убавишь. Здесь все сказано с ильичевской скупостью и выпуклостью, сжато и ясно — так, что просится в хрестоматию». («Ленинизм», стр. 60).

Такова, по Зиновьеву, исчерпывающая характеристика ленинизма по крестьянскому вопросу. С крестьянством, вообще, против царя и помещиков — это буржуазная революция. С беднотой против буржуазии — это Октябрьская революция. Это все хорошо. Два ленинских лозунга даны. А как быть с третьим лозунгом Ленина — с середняком против кулака за социалистическое строительство? Куда девался этот третий лозунг Ленина? Его нет у т. Зиновьева. Он пропал. Хотя т. Зиновьев и утверждает, что «ничего здесь не прибавишь», однако, если мы тут не прибавим третьего лозунга Ленина о прочном союзе пролетариата и бедноты с середняком, то рискуем исказить Ленина, как искажает его т. Зиновьев. Можно ли считать случайностью, что третий лозунг Ленина, являющийся теперь для нас наиболее актуальным лозунгом, пропал, оказался утерянным у т. Зиновьева? Нет, нельзя считать случайностью, ибо он стоит на точке зрения нейтрализации середняка. Разница между первым и вторым документом состоит лишь в том, что в первом он высказался против лозунга прочного союза с середняком, а во втором замолчал этот лозунг.

Третий документ — статья т. Зиновьева «Философия эпохи». Я говорю о первоначальной редакции этой статьи, без тех изменений и добавлений, которые были потом внесены членами ЦК. Характерная черта этой статьи состоит в том, что она, также как и второй документ, совершенно замалчивает вопрос о середняке и, обходя этот животрепещущий вопрос, толкует о каком-то неопределенном народническом равенстве, без указания классовой подоплеки равенства. Там есть деревенская беднота, есть кулак, есть капиталист, есть выпады по адресу Бухарина, есть эс-эровское равенство, есть Устрялов, но нет середняка и кооперативного плана Ленина, хотя статья и называется «Философии эпохи». Когда т. Молотов прислал мне эту статью я был тогда в от'езде), я ответил грубой и резкой критикой. Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю. (Смех). Я ответил грубой критикой, ибо нельзя терпеть, чтобы т. Зиновьев в продолжение года систематически замалчивал или искажал характернейшие черты ленинизма в крестьянском вопросе, очередной лозунг нашей партии о союзе с основной массой крестьянства.

Таковы три документа: статья т. Зиновьева (январь 1925 г.) за нейтрализацию середняка; книга т. Зиновьева (сентябрь), замалчиваю-

щая третий лозунг Ленина о середняке; новая статья т. Зиновьева «Философия эпохи», замалчивающая середняка.

Случайно ли это постоянное вихляние т. Зиновьева в крестьянском вопросе?

Вы видите, что оно не случайно.

Недавно, в докладе по отчету ЦК в Ленинграде, т. Зиновьев, наконец, решился высказаться за лозунг прочного союза с середняком. Это после борьбы, после трений, после столкновений в ЦК. Это очень хорошо. Но я не уверен, что потом он от этого не откажется. Ибо, как показывают факты, т. Зиновьев никогда не страдал той твердостью линии в крестьянском вопросе, какая нам нужна. (Аплодисменты).

Вот несколько фактов из области колебаний т. Зиновьева в крестьянском вопросе. В 1924 году т. Зиновьев отстаивал на пленуме ЦК «крестьянскую» политику организации беспартийных крестьянских фракций в центре и на местах, с еженедельной газетой, при чем это предложение было отклонено в виду возражений в ЦК. Немного раньше этого т. Зиновьев даже бравировал тем, что у него есть «крестьянский уклон». Вот, что он говорил, например, на XII с'езде партии:

> «Когда мне говорят: у вас „уклон", вы уклоняетесь в сторону крестьянства, — я отвечаю: да, мы не только „уклоняться" должны в сторону крестьянства и его хозяйственных потребностей, но нам надо поклониться и, если нужно, преклониться перед хозяйственными потребностями того крестьянина, который идет за нашим пролетариатом».

Вы слышите: «уклониться», «поклониться», «преклониться». (Смех, аплодисменты). Потом, когда с крестьянством стало лучше, когда наше положение улучшилось в деревне, т. Зиновьев сделал «поворот» от увлечения, взяв под подозрение середняка и провозгласив лозунг нейтрализации. Спустя некоторое время он сделал новый «поворот», потребовал по сути дела пересмотра решений XIV конференции («Философия эпохи») и, обвиняя в крестьянском уклоне чуть ли не весь ЦК, стал «уклоняться» против середняка. Наконец, к XIV с'езду партии он опять «повернул» в сторону союза с середняком и, пожалуй, начнет еще хвастать, что вновь готов «преклониться» перед крестьянством.

Какая гарантия, что т. Зиновьев не колебнется еще разочек?

Но это ведь качка, товарищи, а не политика. (Смех, аплодисменты). Это ведь истерика, а не политика. (Возгласы: «правильно»).

Говорят, что не надо обращать специального внимания на борьбу против второго уклона. Это неверно. Если есть у нас два уклона — уклон Богушевского и уклон т. Зиновьева, то вы должны понять, что Богушевский ни в какое сравнение с т. Зиновьевым не идет. Богушевский человек конченный. (Смех). У Богушевского нет своего органа. А уклон в сторону нейтрализации середняка, уклон против прочного союза с середняком, уклон зиновьевский имеет свой орган и до сих пор еще продолжает бороться с ЦК. Этот орган называется

«Ленинградской Правдой». Ибо что такое состряпанный недавно в Ленинграде термин «середняцкий большевизм», о котором с пеной у рта говорит «Ленинградская Правда», как не показатель того, что эта газета отошла от ленинизма в крестьянском вопросе? Разве не ясно хотя бы из одного этого обстоятельства, что борьба со вторым уклоном труднее, чем борьба с первым уклоном, уклоном Богушевского? Вот почему, имея пред собою такого представителя второго уклона, или такого защитника и покрывателя второго уклона, каким является «Ленинградская Правда», мы должны принять все меры, чтобы партия была особенно подготовлена к борьбе с этим уклоном, который силен, который сложен и против которого надо сосредоточить огонь. Вот почему этот второй уклон должен быть предметом особого внимания нашей партии. (Голоса: «правильно». Аплодисменты).

Платформа оппозиции.

А теперь перейдем к платформе товарищей Зиновьева и Каменева, Сокольникова и Лашевича. Пора и о платформе оппозиции поговорить. Она у них довольно оригинальная. Много разнообразных речей у нас было сказано со стороны оппозиции. Каменев говорил одно, тянул в одну сторону, Зиновьев говорил другое, тянул в другую сторону, Лашевич — третье, Сокольников — четвертое. Но, несмотря на разнообразие, все они сходились на одном. На чем же, в чем же их платформа? Их платформа — реформа Секретариата ЦК. Единственное общее, что вполне об'единяет их, — вопрос о Секретариате. Это странно и смешно, но это факт.

Этот вопрос имеет свою историю. В 1923 году, после XII с'езда, люди, собравшиеся в «пещере» (смех), выработали платформу об уничтожении Политбюро и политизировании Секретариата, т.-е. о превращении Секретариата в политический и организационный руководящий орган, в составе Зиновьева, Троцкого и Сталина. Каков смысл этой платформы? Что это значит? Это значит руководить партией без Рыкова, без Калинина, без Томского, без Молотова, без Бухарина. Из этой платформы ничего не вышло не только потому, что она была в то время беспринципной, но и потому, что без указанных мной товарищей руководить партией невозможно. На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что, если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, и без требования гарантий прав меньшинства. (Смех).

Это была, так сказать, первая стадия.

А теперь у нас наступила, оказывается, вторая стадия, противоположная первой. Теперь требуют уже не политизирования, а техницизирования Секретариата; не уничтожения Политбюро, а его полновластия.

Что же, если превращение Секретариата в простой технический аппарат представляет действительное удобство для т. Каменева, мо-

жет быть, следовало бы и согласиться с этим. Боюсь только, что партия с этим не согласится. (Голоса: «Правильно»). Будет ли, сможет ли технический Секретариат подготавливать те вопросы, которые он должен подготавливать и для Оргбюро и для Политбюро, я в этом сомневаюсь.

Но когда говорят о полновластном Политбюро, то такая платформа стоит того, чтобы отдать ее курам на смех. Разве Политбюро не полновластно? Разве Секретариат и Оргбюро не подчинены Политбюро? А пленум ЦК? Почему о пленуме ЦК не говорит наша оппозиция? Не думает ли она сделать Политбюро полновластнее пленума?

Нет, положительно не везет оппозиции с ее платформой или платформами о Секретариате.

Их «миролюбие».

Что же дальше, спросите вы, что предпринять для того, чтобы выйти из создавшегося положения? Этот вопрос занимал нас все время, как во время с'езда, так и перед с'ездом. Нам нужно единство партийных рядов — вот в чем теперь вопрос. Оппозиция любит говорить о трудностях. Но есть одна трудность, которая опаснее всех трудностей и которую создала нам оппозиция, — это опасность разброда и дезорганизации партии. (Аплодисменты). Надо, прежде всего, преодолеть эту трудность. Мы это имели в виду, когда за два дня до с'езда обратились к оппозиции с компромиссными условиями соглашения, рассчитанными на возможное примирение. Вот текст этого обращения:

«Нижеподписавшиеся члены ЦК полагают, что подготовка к партийному с'езду велась рядом руководящих товарищей ленинградской организации в разрез с линией ЦК партии и против сторонников этой линии в Ленинграде. Нижеподписавшиеся члены ЦК считают совершенно правильной резолюцию московской конференции, как по существу, так и по форме, и полагают, что ЦК обязан давать отпор всем и всяческим тенденциям, идущим против партийной линии и дезорганизующим партию.

«Однако, в целях единства партии, мира внутри партии, предупреждения возможной опасности отчуждения ленинградской организации, одной из лучших организаций РКП, от ЦК партии, нижеподписавшиеся считают возможным — при закреплении с'ездом четкой и ясной политической линии ЦК — пойти на ряд уступок. В виду этого мы вносим следующие предложения:

«1. При составлении резолюции по отчету ЦК принять за основу резолюцию московской конференции, смягчив отдельные формулировки.

«2. Печатание письма ленинградской конференции и ответа МК на письмо, как в газетах, так и в бюллетенях, признать в интересах единства нецелесообразным.

«3. Членам Политбюро... не выступать друг против друга на с'езде.

«4. В речах на с'езде отмежеваться от Саркиса (регулирование состава партии) и Сафарова (госкапитализм).

«5. Ошибку насчет Комарова, Лобова и Москвина исправить организационно.

«6. Решение ЦК о включении в Секретариат ЦК ленинградца провести немедля после с'езда.

«7. В видах усиления связи с ЦО в редакционную коллегию ЦО включить одного работника из Ленинграда.

«8. В виду слабости редактора «Ленинградской Правды» (т. Гладнева) признать необходимым замены его более сильным товарищем по соглашению с ЦК.

Калинин, Сталин, Бухарин,
Рыков, Рудзутак, Томский, Молотов,
Дзержинский».

15/XII — 1925 г.

Вот какой компромисс предлагали мы, товарищи.

Но оппозиция не пошла на соглашение. Она предпочла миру открытую и жестокую борьбу на с'езде. Таково миролюбие оппозиции.

Партия добьется единства.

В основном мы и теперь остаемся на точке зрения этого документа. В нашем проекте резолюции мы, как знаете, уже смягчили некоторые формулировки в интересах мира в партии.

Мы против отсечения. Мы против политики отсечения. Это не значит, что вождям позволено будет безнаказанно ломаться и садиться на голову. Нет, уж извините. Поклонов в отношении вождей не будет. (Возгласы: «Правильно!..». Аплодисменты). Мы за единство, мы против отсечения. Политика отсечения противна нам. Партия хочет единства и она добьется его вместе с т.т. Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, без них — если они этого не захотят. (Возгласы: «Правильно!». Аплодисменты).

А чего требует единство? Того, чтобы меньшинство подчинялось большинству. Без этого не бывает и не может быть никакого единства, никакой партии.

Мы против специального дискуссионного листка. В «Большевике» имеется дискуссионный отдел. Этого будет вполне достаточно. Нельзя увлекаться дискуссией. Мы—партия, правящая страной,—не забывайте этого. Не забывайте, что каждая размолвка вверху отдается в стране как минус для нас. Я уже не говорю о заграннце.

Органы ЦК, должно быть, останутся в том же виде, в каком они существуют. Едва ли партия согласится их ломать. (Возгласы: «Правильно». Аплодисменты). Политбюро и так полновластно, оно выше всех органов ЦК, кроме пленума. А высший орган — пленум, о котором иногда забывают. Пленум решает у нас все, и он призывает к порядку своих лидеров, когда они начинают терять равновесие. (Возгласы: «Правильно!» Смех. Аплодисменты).

Единство у нас должно быть, и оно будет, если партия, если с'езд проявит характер и не поддастся запугиванию. (Голоса: «Не поддадимся, тут народ стреляный»). Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку, — это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича (аплодисменты), глупо об этом говорить.

Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии, единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству — вот что нам нужно теперь

Что касается ленинградских рабочих-коммунистов, то я не сомневаюсь, что они всегда будут в первых рядах нашей партии. Вместе с ними строили мы партию, вместе с ними ее выносили, вместе с ними подняли знамя восстания в октябре 1917 года, вместе с ними победили буржуазию, вместе с ними боролись и будем бороться с трудностями на путях нашего строительства. Я не сомневаюсь, что ленинградские рабочие-коммунисты не отстанут от своих друзей в других промышленных центрах в борьбе за железное, ленинское единство партии. (Бурные аплодисменты. «Интернационал»).

РЕЗОЛЮЦИЯ XIV С'ЕЗДА РКП (б) ПО ОТЧЕТУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА.

XIV с'езд РКП (б) всецело одобряет политическую и организационную линию ЦК, которая обеспечила партии, рабочему классу и всей стране общий под'ем народного хозяйства и укрепила позиции социализма как вовне, так и внутри страны.

Благодаря этой политике в области международной Советский Союз получил ряд новых признаний со стороны капиталистических государств, заключил с ними ряд новых торговых договоров и концессий, увеличил свой внешний товарооборот и укрепил свое международное положение.

Благодаря той же политике в области внутренней Советский Союз оказался в состоянии обеспечить твердый государственный бюджет, быстро двинуть вперед, при общем под'еме зарплаты и производительности труда, развертывание промышленности и дальнейшее развитие сельского хозяйства, доведя их продукцию почти до довоенного уровня и обеспечивая растущую роль социалистических элементов во всем народном хозяйстве.

Благодаря той же политике, советская власть упрочила союз рабочего класса с крестьянством и обеспечила пролетарское руководство в нем, подняла фактическую роль и значение кооперации, сплотила на базе социалистического строительства большие слои технической и иной интеллигенции под руководством пролетариата, укрепила сотрудничество народов Советского Союза и, при успешном проведении районирования, начала подводить материально-хозяйственный базис под области, автономные и союзные республики.

Констатируя эти успехи, с'езд, вместе с тем, отмечает ошибки в области хлебозаготовок и внешней торговли, что вызвало угрозу нашей твердой валюте, этому необходимому условию нашего хозяйственного развития, и привело к пассивности торгового баланса. Одобряя решения ЦК РКП (б), принятые в начале ноября этого года, исправляющие эти ошибки, с'езд поручает ЦК усилить руководство работой хозяйственных наркоматов и зорко следить за тем, чтобы такие ошибки впредь не имели места.

В новый отчетный год партия начинает свою работу в новых условиях как внешнего, так и внутреннего порядка.

В области международных отношений на-лицо закрепление и расширение «передышки», превратившейся в целый период так называемого мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами, несмотря на то, что противоречия между этими двумя лагерями не ослабевают, а возрастают. Это обеспечивает как возможность внутреннего строительства, так и — благодаря, в первую очередь, экономическим сношениям с заграницей — известные выгоды для ускорения этого строительства в СССР. С другой стороны, растущие связи нашего хозяйства с мировым капитализмом повышают нашу зависимость от этого последнего, что влечет за собой целый ряд новых опасностей и чего не может не учитывать партия в своей работе по социалистическому строительству и обеспечению за нашей страной необходимой экономической самостоятельности.

Внутри капиталистических стран необходимо отметить: частичную стабилизацию капитализма и относительное укрепление политической власти буржуазии в Европе; небывало возросшую роль С.-А. С. Штатов, граничащую с их мировой финансовой гегемонией; постепенное падение роли Британской империи, как мировой державы; противоречия между побежденными и победителями в империалистской войне, противоречия в лагере самих победителей, противоречия между Соединенными Штатами Америки и Европой; подрыв всей системы империализма со стороны пробуждающихся колониальных и полуколониальных народов (Китай, Индия, Сирия, Марокко), движение которых, приняв местами форму освободительных национальных войн, достигло огромных, ранее невиданных размеров; наконец, рост — в новых формах — рабочего движения в Европе и его тесной связи с пролетариатом СССР (борьба за единство профдвижения, рабочие делегации и т. п.).

Относительная стабилизация и так называемое «замирение» Европы, под гегемонией англо-американского капитала, привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так называемые «гарантийные договоры», острием своим направленные против СССР. Эти блоки и договоры, прикрываемые якобы пацифистской Лигой Наций и фальшивой шумихой II Интернационала о разоружении, означают, по сути дела, не что иное, как расстановку сил для новой войны. Против этих блоков капиталистических государств под гегемонией Англо-Америки, сопровождаемых бешеным ростом вооружений и чреватых поэтому опасностью новых войн, в том числе опасности интервенции, вырастает сближение пролетариата передовых стран с пролетариатом СССР под лозунгом, прежде всего, борьбы за мир, борьбы против новых империалистических и вооруженных нападений на СССР.

Учитывая эти обстоятельства, с'езд поручает ЦК руководствоваться в своей политике следующими основными положениями:

а) укреплять всемерно союз пролетариата СССР, как базу мировой революции, с западно-европейским пролетариатом и угнетенными наро-

дами, держа курс на развитие и победу международной пролетарской революции;

б) вести политику мира, которая должна стоять в центре всей внешней политики правительства и определять все его основные выступления;

в) вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял бы из себя самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний;

г) готовить по возможности экономические резервы, могущие обеспечить страну от всех и всяких случайностей как на внутреннем, так и на внешнем рынке;

д) принимать все меры по укреплению обороноспособности страны и усилению мощи Красной армии и Красного флота, морского и воздушного.

В области экономического строительства с'езд исходит из того, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет «все необходимое для построения полного социалистического общества» (Ленин). С'езд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии. Отчетный год вполне доказал правильность этих положений. До захвата власти в других странах со стороны пролетариата, но при несомненной поддержке, без так называемой «помощи» со стороны иностранного капитала и в непрерывной борьбе с частным капиталом в нашей стране рабочий класс, в союзе с основной массой крестьянства, уже достиг первых серьезных успехов в социалистическом строительстве.

Истекший год был отмечен бурным ростом народного хозяйства в целом с приближением его к довоенному уровню и ростом его отдельных отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорта, внешней торговли, внутренней торговли, кредитной системы и банков, государственных финансов и проч. Внутри народного хозяйства, со всем разнообразием его составных частей (натурально-крестьянское хозяйство, мелкое товарное производство, частно-хозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм), резко повышается удельный вес социалистической промышленности, государственной и кооперативной торговли, национализированного кредита и других командных высот пролетарского государства.

Таким образом на-лицо экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма. Государственная социалистическая промышленность все более становится авангардом народного хозяйства, ведущим за собой народное хозяйство в целом.

С'езд отмечает, что эти успехи не могли быть достигнуты без активного участия широких рабочих масс в общей работе по строительству социалистической промышленности (кампания по поднятию производительности труда, производственные совещания и т. д.).

Одновременно развиваются, однако, и особые противоречия этого роста и специфические опасности и трудности, этим ростом определяемые. Сюда относятся: абсолютный рост частного капитала при относительном падении его роли, в особенности частного торгового капитала, перекидывающего свои операции на обслуживание деревни; рост кулацких хозяйств в деревне, вместе с ростом диференциации этой последней; рост новой буржуазии в городах, стремящейся хозяйственно сомкнуться с торгово-капиталистическими и кулацкими хозяйствами в их борьбе за подчинение основной массы середняцких хозяйств.

Исходя из этого, с'езд поручает ЦК руководствоваться в области экономической политики следующими директивами:

а) во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополий внешней торговли, рост социалистической госпромышленности и вовлечение, под ее руководством и при помощи кооперации, все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства;

б) обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования;

в) основываясь на решениях XIV партконференции, всемерно способствовать росту производства и товарооборота в стране;

г) использовать все ресурсы, соблюдать строжайшую экономию в расходовании государственных средств, увеличивать скорость оборота госпромышленности, торговли и кооперации для повышения темпа социалистического накопления;

д) развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышенного технического уровня, однако в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и финансовыми возможностями государства;

е) всемерно содействовать развитию советской местной промышленности (район, округ, губерния, область, республика), всячески стимулируя местную инициативу в деле организации этой промышленности, рассчитанной на удовлетворение разнообразнейших потребностей населения вообще, крестьянства — в особенности;

ж) поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры, развития технических культур, повышения техники земледелия (тракторизация, индустриализация сельского хозяйства, упорядочение дела землеустройства) и всемерной поддержки разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства.

С'езд считает, что одним из необходимых условий для решения этих задач является борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями «последовательно-социалистического типа» (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические. Такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала. С'езд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма.

В области соотношений между классами с'езд отмечает следующие главные явления, определяемые в своей основе хозяйственным развитием СССР: рост индустриального пролетариата, усиление кулаков в деревне, рост новой буржуазии в городе, под'ем активности всех классов и групп в нашей стране. Одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства. Эта борьба находит и свое политическое выражение, главным образом, в попытках кулацких элементов деревни овладеть середняцкими слоями и подчинить таким образом советы своему влиянию.

Если беднота, и прежде всего батраки, является опорой пролетариата в деревне, то середняк является и должен являться его прочным союзником. Нельзя ни на минуту забывать, что в результате уничтожения помещичьего землевладения и перехода помещичьих земель в руки крестьянства, в результате политики комбедов и раскулачивания в деревне, наконец в виду из'ятия земли из товарооборота (национализация земли) — середняцкие слои крестьянства чрезвычайно усилились и что эти слои составляют теперь, несмотря на процесс дифференциации, основную массу крестьянства. Не имея этой массы в качестве прочного союзника или ограничиваясь одной лишь нейтрализацией этих слоев, теперь, после упрочения пролетарской диктатуры, нельзя строить социализм. Ибо основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы. Поэтому всякая недооценка середняка, непонимание его исключительно важной роли, попытка повернуть партию от лозунга прочного союза с ним к устаревшему лозунгу его нейтрализации, «боязнь середняка» об'ективно приводят к подрыву пролетарской диктатуры, ибо тем самым разрывается рабоче-крестьянский блок.

Борьба против кулачества должна итти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бед-

ноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества, в целях изоляции кулака.

Непонимание всей важности борьбы по обеим линиям связано с двумя уклонами от правильной партийной линии, намеченной XIV партконференцией и октябрьским пленумом ЦК.

С'езд решительно осуждает уклон, состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества и различных форм капиталистической эксплуатации, не желающий понять всей необходимости отпора кулачеству и ограничения его эксплуататорских стремлений, не видящий обязательности для партии пролетариата организовывать и сплачивать бедноту и батрачество против кулака и в борьбе с ним.

Но в то же время с'езд с такой же решительностью осуждает попытки затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне, вопрос о борьбе за середняка, как центральную фигуру земледелия, и о кооперации, как основной организационной форме движения деревни к социализму.

С'езд особенно подчеркивает необходимость борьбы с этим последним уклоном. При относительно большей подготовленности партии к непосредственной борьбе с кулаком и к преодолению первого уклона гораздо более трудную задачу представляет преодоление второго уклона, ибо его преодоление требует более сложных приемов борьбы по сочетанию методов политической изоляции кулачества с методами вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительства. Тем более, что в настоящих условиях этот второй уклон грозит возвратом к политике раскулачивания, срывом нынешней линии партии в деревне, линии, уже обеспечившей серьезные политические успехи, срывом смычки между пролетариатом и крестьянством и, стало быть, срывом всей нашей строительной работы.

С'езд целиком и полностью одобряет решения XIV партконференции по крестьянскому вопросу (в том числе о расширении арендных прав, права найма рабочей силы, помощи кустарной промышленности, о переходе от системы административного нажима к экономическому соревнованию и экономической борьбе, об оживлении советов и т. д.), направленные на дальнейшее улучшение политики партии по линии укрепления смычки рабочего класса с крестьянством. С'езд констатирует, что только этот поворот партийной политики, вытекающий из изменившихся отношений между классами, коренным образом улучшил положение в деревне, поднял авторитет пролетариата и его партии среди крестьянства и создал прочную базу для широкой организаторской работы по вовлечению крестьянства в социалистическое строительство.

Одновременно с'езд целиком и полностью одобряет решения октябрьского пленума ЦК о работе среди деревенской бедноты. Лишь в той мере, в какой под'ем производительных сил деревни будет сопровождаться — в теперешних условиях возросшей активности всех классовых группировок — организацией маломощных крестьян и батрачества, будет обеспечено надлежащее соотношение классовых сил и руководство индустриального пролетариата. Одобряя решения ЦК о ма-

териальной помощи бедноте и об организации групп бедноты, с'езд подчеркивает, что здесь не может быть и речи ни о возврате к комбедам, ни о возврате к системе нажима периода военного коммунизма, практике «раскулачивания» и т. п. Речь идет об организации деревенской бедноты, которая, с помощью партии и государственной власти, в борьбе на хозяйственном и политическом фронте (колхозы, артели, товарищества, кооперации, кресткомы, советы) должна изжить остатки иждивенческой психологии, стать на путь организованного классового отпора кулаку и превратиться в надежную опору пролетарской политики в ее борьбе за сплочение середняков вокруг пролетариата.

С'езд констатирует, что сел.-хоз. кооперация и по своей хозяйственной работе, и с точки зрения вовлечения масс, и с точки зрения правильного социалистического руководства — все еще далека от выполнения своей великой роли. С'езд вменяет в обязанность всем членам партии самым внимательным образом следить за развитием сел.-хоз. кооперации и принимать все меры, обеспечивающие ее правильный рост.

Возросшая активность масс, на-ряду с возросшей активностью всех классовых групп и прослоек, сама стала — на основе хозяйственного под'ема — фактором первостепенной политической важности. Пролетариат и его партия, как основная руководящая общественная сила, должны использовать этот рост в целях еще большего вовлечения масс в процесс социалистического строительства на всех фронтах этого строительства и для борьбы с бюрократизмом госаппарата. В городах рост активности масс нашел свое выражение в оживлении городских советов, профсоюзов, рабочей кооперации и т. д. В деревне возросшая активность середняцких и бедняцких масс нашла свое выражение в оживлении советов и кооперации. С'езд еще раз подчеркивает, что нельзя в настоящих условиях укреплять диктатуру пролетариата методами военного коммунизма и административного нажима; что нельзя строить кооперацию вне ее добровольчества, отчетности выборных органов перед избирателями, доверия к этим органам со стороны пайщиков; что оживление советов, рост связи их с широкими кругами трудящегося населения является необходимой предпосылкой всей дальнейшей работы партии и советской власти.

Оживление деревенских советов и кооперации, развязывающее инициативу и активность в среде крестьянства, предполагает, с точки зрения сохранения и укрепления пролетарского руководства, оживление и сплочение, возрастание активности и усиление организаций пролетариата. Только при таком условии может быть упрочена пролетарская диктатура и обеспечено проведение правильной, с точки зрения социализма, политической линии. Отсюда, прежде всего, лозунг оживления профсоюзов, этой массовой рабочей организации, которая стремится охватить поголовно весь пролетариат. Профсоюзная демократия должна быть тем методом, который облегчит участие масс в их общей работе, расширит возможности подбора новых выдвиженцев, обновит руководящий кадр профсоюзных организаций и поможет классовому сплочению и повышению классового самосознания пролетарских масс.

Для того, чтобы должным образом провести всю эту работу по оживлению массовых организаций пролетариата и крестьянства, необходимо, чтобы и руководящая сила этих организаций, т.-е. РКП, стала во всех своих составных частях на путь последовательной внутрипартийной демократии. С'езд одобряет ноябрьское обращение пленума ЦК о внутрипартийной демократии и предлагает партийным организациям иметь в виду следующие задачи в этой области: а) поднятие активности широких партийных масс в деле обсуждения и разрешения важнейших вопросов партийной политики; б) последовательное проведение выборности руководящих партийных органов с выдвижением новых сил на руководящую работу, расширение парт'актива и образование новых партийных кадров на помощь старым; в) повышение квалификации партийного актива, в частности повышение его теоретического уровня; г) распространение основ ленинского учения в самых широких кругах партии.

Укрепление партии усиление ее руководящей роли во всех областях нашей строительной работы, необходимое в теперешней сложной обстановке более чем когда бы то ни было, предполагает также и правильное регулирование состава партии. С'езд считает необходимым вести в данной области политику, направленную к поднятию качественного состава партийных организаций, ко все большему вовлечению рабочих в партию и к постоянному повышению удельного веса пролетарского партийного ядра. Вместе с тем, подтверждая необходимость строгого проведения установленных мер ограничения по отношению к приему в партию непролетарских элементов, с'езд отвергает политику, ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов и наполнению их полупролетарскими элементами, не прошедшими школы профсоюзов и пролетарских организаций вообще. С'езд осуждает такие попытки, как попытки, ничего общего с ленинизмом не имеющие, отрицающие правильное соотношение между партией (авангардом класса) и классом и делающие невозможным коммунистическое руководство.

Руководящая роль партии может быть полностью обеспечена лишь при абсолютном единстве воли, сплоченности партийных рядов, сохранении и укреплении большевистской пролетарской дисциплины в партии.

С'езд одобряет политику ЦК, которая была направлена на то, чтобы не допустить открытой дискуссии с некоторыми руководителями ленинградской организации и их отдельными единомышленниками из состава ЦК, стараться изжить разногласия в порядке внутреннем и обеспечить коллективное руководство партии.

С'езд поручает ЦК вести решительную борьбу со всякими попытками подрыва единства партии, откуда бы они ни исходили и кем бы они ни возглавлялись. С'езд выражает твердую уверенность в том, что ленинградская организация станет в первые ряды борцов за сплоченность и единство нашей ленинской партии, единство, которое должно быть сохранено и укреплено во что бы то ни стало.

С'езд приветствует укрепление связи между пролетариатом Советского Союза и пролетариатом всех стран. С'езд видит в этом рост влияния Советского Союза, как базы международного рабочего движения. С'езд предлагает ЦК и впредь всемерно укреплять узы международной солидарности, под знаком которой родилась, билась за свое господство и окрепла диктатура пролетариата.

Настоящая резолюция была предложена т. Углановым от имени московской, украинской, уральской, иваново-вознесенской, нижегородской и тульской делегаций.

Перед голосованием резолюции т. Сталин от имени делегаций, внесших проект резолюции, сделал следующее заявление:

— Товарищи, делегации, предложившие прочитанный т. Углановым проект резолюции, поручили мне в противовес заявлению т. Каменева заявить следующее: во-первых, проект резолюции, предложенный вам этими делегациями, стоит целиком на точке зрения резолюции московской конференции по отчету ЦК (аплодисменты), каковую резолюцию они считают правильной как по существу, так и по форме (аплодисменты); во-вторых, в проекте резолюции принято некоторое смягчение формулировок исключительно в целях единства и мира внутри партии. (Аплодисменты).

ЗАЯВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ.

Ознакомившись с резолюцией по отчету ЦК, вносимой московской, нижегородской и другими делегациями, мы с удовлетворением констатируем:

1) что эта резолюция значительно отходит от взглядов, излагавшихся в последние дни на страницах центрального органа — «Правды». В частности, эта резолюция отказывается повторить утверждения о «пораженцах», «ликвидаторах», «панике», «аксельродовщине», которые представляли наиболее характерную и наиболее неправильную составную часть выступлений последнего времени, выступлений, угрожавших миру и единству партии;

2) что в состав этой резолюции вошел целый ряд предложений, отстаивавшихся нами как до с'езда, так и на самом с'езде (в частности, о росте расслоения деревни, о росте в ней капиталистических отношений, о роли кулака, о необходимости теснейшего сближения с бедняцкой частью деревни и т. д.), извращение которых в партийной печати, не встречавшее до сих пор достаточного отпора, было одной из важнейших причин нашего выступления на с'езде.

Оба эти обстоятельства дали бы почву для вынесения единогласной резолюции по отчету ЦК, — что мы признаем чрезвычайно важным, — в случае, если в резолюцию будут внесены следующие дополнения и изменения:

1) Мы считаем, что в резолюции должно быть точно указано, что уклон, «недооценивающий дифференциацию деревни, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества и различных форм капиталистической эксплуатации, не желающий понять всей необходимости отпора кулачеству и ограничения его эксплуататорских стремлений, не видящий обстоятельства для партии, организовывая, сплачивать бедноту и батрачество против кулака и в борьбе с ним», — никак не менее опасен и требует не менее решительной борьбы, чем уклон, состоящий в недооценке середняка.

Мы полагаем, что резолюция должна точно указать на то, что подлинные трудности для дела социалистического строительства в данный мо-

мент и в данных условиях заключаются отнюдь не в попытках вернуться к политике военного коммунизма и раскулачивания деревни, а в проникновении в партию связанных с ростом капиталистических отношений течений, пытающихся затушевать и прикрасить отрицательные стороны нэпа. Без этого исправления сводится на-нет имеющееся в резолюции указание на роль и рост кулака.

2) Мы полагаем, что резолюция должна быть дополнена пунктом, решительно отмежевывающимся от складывающейся новой теории, ревизующей учение Ленина в сторону затушевания отрицательных сторон нэпа, недооценки капиталистических элементов деревни, замалчивания классовой борьбы и т. п.

Эти теории, отражающие чуждую нашей партии мелкобуржуазную стихию, тем более требуют отпора, что они начинают занимать господствующее место на страницах нашей печати.

3) Мы полагаем, что из резолюции должно быть устранено указание на существование в партии мало-мальски ответственной группы, которую можно было бы обвинить в неверии в дело строительства социализма в нашей стране. Сомнение в возможности строительства социализма в нашей стране, хотя бы и в капиталистическом окружении, означало бы сомнение в целесообразности самого существования диктатуры пролетариата и всего смысла работы нашей партии.

4) Мы полагаем необходимым дополнить резолюцию подтверждением указания XIII с'езда нашей партии о том, что «близится время, когда в партию будет входить вся основная масса пролетариата нашего Союза. С'езд поручает ЦК всю работу вести в таком направлении, чтобы громадное большинство членов партии в ближайшее время состояло из рабочих, занятых непосредственно на предприятиях».

5) Мы полагаем, что в резолюции должен быть точно и определенно решен вопрос о внутрипартийной демократии, с целью гарантировать большую свободу обсуждений всех важнейших вопросов внутри партии и проведение на деле действительной выборности. Этому благоприятствует хозяйственный под'ем, концентрация пролетариата и т. д.; этого требует изменившаяся обстановка, рост активности рабочего класса, а также рост активности враждебных и полувраждебных нам групп.

Мы полагаем, в частности, что резолюция должна точно и ясно сказать, что ни к ленинградской организации, ни к отдельным товарищам, которые в обсуждаемых политических вопросах высказывались в том духе, в котором высказывалось меньшинство на с'езде, не будет применено никаких организационных репрессий, смещений и т. п. Мы считаем необходимым точное постановление по этому вопросу, потому что опасаемся, что борьба мнений на с'езде может иметь своим продолжением попытку организованного подавления ленинградской организации и, вообще, меньшинства, использовавшего свое право перед с'ездом открыто высказать свои взгляды. Подобные попытки привели бы к вреднейшим последствиям в деле сохранения единства партии.

Мы полагаем, что необходимо удалить из резолюции места, которые могут быть истолкованы как возложение односторонней ответственности за начавшуюся дискуссию на ленинградскую организацию и ее руководителей. Мы полагаем, что необходимо попытаться добиться единодушного обсуждения наших конкретных предложений, и поэтому предлагаем с'езду, в целях достижения единодушия при голосовании резолюций по отчету ЦК, создать комиссию, в которую передать и проект резолюции московской, нижегородской и др. организаций и наше предложение.

По поручению ленинградской организации, Н. К. Крупской, Г. Сокольникова и М. Лашевича

Л. Каменев.

Москва, 23 декабря 1925 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП (б).

(Принято XIV с'ездом по предложению т. Калинина).

Товарищи! С'езд партии обращается к вам, в виду совершенно неправильного поведения делегации от Ленинграда, выставившей против ЦК своего содокладчика на с'езде и выпустившей специальное «заявление ленинградской организации» за подписью т. Каменева и др., создающее опасность подрыва единства нашей партии.

Ваша конференция голосовала за доверие Центральному Комитету и поручила голосовать за это доверие на с'езде. Ваша делегация на с'езде голосовала против доверия ЦК.

Ваша конференция считала необходимым единство партии. Ваша делегация голосовала против всего с'езда, противопоставив себя с'езду партии.

Все рабочие-коммунисты Ленинграда заранее считали необходимым итти в ногу со всей партией. А «Ленинградская Правда» уже начала кампанию против решений с'езда, то-есть начала кампанию за срыв партийного единства.

В то же самое время ленинградский губком, ссылаясь на партдисциплину, запретил Выборгскому району собираться для того, чтобы выразить свою солидарность со всей партией и ее с'ездом. Это решение губкома совершенно неправильно. Это решение противоречит основам внутрипартийной демократии. Это решение должно быть немедленно отменено губкомом, равно как и другие решения, нарушающие элементарные права членов партии и противоречащие внутрипартийной демократии. С'езд обращается ко всем членам ленинградской организации с призывом положить конец всем таким попыткам подрыва единства нашей ленинской партии.

Оппозиция разоблачила себя на с'езде целиком. В то время, как на районных конференциях и даже на губпартконференции лидеры оппозиции не говорили ни о каких разногласиях с ЦК и собирали голоса под знаменами верности партийному руководству, — на с'езде они выступили как обособленная группа, противопоставляющая себя Центральному Комитету нашей партии. Неправдой является их утверждение, что партия не видит кулацкой опасности.

Опасной является их попытка, под шум о кулацкой опасности, ослабить значение ленинского лозунга о союзе пролетариата и деревенской бедноты с середняком.

Неправдой является утверждение, что с'езд не принял поправок оппозиции. Оппозиция внесла не поправки, а заявление с ультиматумом, против чего с'езд не мог не возражать.

С'езд дал свое точное решение в резолюции, принятой по предложению московской, уральской, украинской (вместе с Донбассом), тульской, иваново-вознесенской и нижегородской делегаций. Это решение (как и другие решения) с'езда является обязательным для всех членов партии. Дискуссия по решениям с'езда не может и не должна быть

допущена. Всякий рабочий-коммунист видит, что резолюция по отчету ЦК, от первой до последней строки, проникнута ленинизмом. Всякий рабочий-коммунист видит, что она проникнута великой заботой о единстве партии. Ради этого единства с'езд пошел на смягчение отдельных формулировок в резолюции. И против этой резолюции голосовали делегаты от вас. XIV с'езд заявляет, что клеветой на партию является утверждение, что партия хочет умалить значение ленинградской организации. XIV с'езд не сомневается, что ленинградская организация, всегда шедшая в авангардных рядах партии, сумеет исправить ошибки, допущенные ленинградской делегацией.

Да здравствует ленинградская организация РКП (б)!

Да здравствует единство ленинской партии!

XIV с'езд РКП (б).

ЗАЯВЛЕНИЕ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА ПО ПОВОДУ ОБРАЩЕНИЯ С'ЕЗДА КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

По поручению ленинградской делегации я должен заявить следующее.

Утверждение, будто ленинградская делегация выдвигала какой-либо ультиматум с'езду, противоречит истине. (Голос: «А Каменев?»). Предложение Каменева гласит: поправки, какие вносим, просим передать комиссии для рассмотрения. Эти поправки можно принять и отвергнуть, но факт, что никакого ультиматума в этих поправках не содержалось. Никто из делегаций не может отрицать того факта, что резолюция, имевшая столь важное значение в такой обстановке, что эта резолюция стала известна ленинградской делегации за два часа до голосования. Никто не может отрицать факта, что к выработке резолюции ни в какой мере не была привлечена ленинградская делегация. Это есть факт небывалый в истории нашей партии. Никто не может отрицать того, что отклонение просьбы о назначении комиссии — это факт небывалый в истории наших с'ездов. Никто не может, далее, отрицать того факта, что голосование резолюции не за основу, а сразу в целом есть факт небывалый в истории наших с'ездов. Вот почему мы считаем, что большинство, или руководящая часть большинства, сделало абсолютно все возможное и невозможное для того, чтобы помешать достигнуть того единогласия, которого хотела ленинградская делегация. И заявлять теперь, будто ленинградская делегация ставила ультиматум, это не только неверно, но это есть издевательство. (Шум). Была попытка поставить ленинградскую делегацию перед фактом: или голосуй в целом, не успевши ознакомиться с резолюцией, или отвергай ее в целом.

Заявление относительно Выборгского района тоже совершенно тенденциозное. (Шум). Ленинградская организация, имеющая своих руководителей на самом с'езде, естественно, должна была решить одно из двух: или обсуждение происходит в отсутствии делегации, до конца с'езда, или обсуждение происходит по окончании с'езда в присутствии

делегации. Московская делегация пошла не по этому пути. Еще не успели высохнуть чернила на резолюции, как были устроены районные собрания, где выступали организаторы с самыми издевательскими речами насчет квартета по отношению к целому ряду членов партии, которые заслуживали в партии во всяком случае другого обращения. Не была выслушана другая сторона, не ожидали, пока закончатся работы с'езда. Никогда не было, чтобы в течение с'езда происходили обсуждения, дискуссии. Наконец, относительно печати. Мы не скрываем того, что в «Ленинградской Правде» есть резкие полемические статьи. Делегация заявляет, что она готова в любую минуту принять меры к тому, чтобы эта полемика была исключена и прекращена лишь в том случае, если будут прекращены нападки в центральной печати. (Голос: «Опять ультиматум!»). Никакого ультиматума тут нет. Пока нет официального постановления с'езда относительно того, что «вы должны молчать, несмотря на то, что вас об'являют пораженцами», до тех пор, пока происходит на с'езде дискуссия, — всякая уважающая себя организация будет защищаться перед своими читателями, перед членами своей организации. Если с'езд считает необходимым прекратить полемику в печати, он должен принять специальное постановление, относящееся к другим газетам. Когда в жизни ленинской партии были факты, чтобы приемы бульварной прессы употреблять в нашей рабочей печати? Когда в нашей печати были такие нравы, чтобы газета, предназначенная для самого широкого круга, велась так, как ведется в настоящее время «Рабочая Газета», издающаяся в Москве? (Голоса: «А „Ленинградская Правда"?»). Никогда таких нравов в нашей партии не было. И тут начинают действовать такие силы, которые тянут руководящее ядро нынешнего большинства дальше, чем оно хочет. Я не знаю, предложит ли т. Калинин обращение к тем организациям и тем членам организации, от имени которых делегации только-что голосовали против резолюции по Коммунистическому Интернационалу. (Голоса с места: «Не против, а воздерживались!»). Воздержание в этой обстановке равносильно голосованию против. (Шум). Отчет Коммунистического Интернационала, который делался по поручению ЦК партии, имеет не меньшее политическое значение, чем отчет по работе Центрального Комитета партии в нашей стране. Это отчет не личный и не групповый, а отчет ЦК партии. Я не знаю, имели ли делегаты поручение демонстрировать это воздержание. Едва ли. Но в сторону все формальные соображения. Возьмите вопрос по существу. Те меры, которые вы принимаете по отношению к ленинградской делегации, направлены на разжигание разногласий, на то, чтобы увеличить драку. Не было и не может быть такого положения вещей в нашей партии, чтобы меньшинство не имело права во время обсуждения высказать ту или иную точку зрения и голосовать за нее. Расценивать положение таким образом, что 65 делегатов, голосовавших против определенной резолюции, являются угрозой раскола,— это ни на что не похоже. В истории нашей партии были десятки случаев, когда принималась та или другая резолюция большинством против 60 и 100, и тем не менее она становилась для них законом. Решения XIV

партийного с'езда для нас обязательны так же, как для каждого члена партии.

Но ленинградская организация заявляет, что она все права, которые предоставлены ей нашим с'ездом и уставом нашей партии, использует до конца. Ленинградская организация заявляет дальше, что заявление, которое прочитано здесь, обрушено на ее голову без малейшей попытки предупредить ее. Разве не элементарное право было бы для каждой делегации, чтобы ее предупредили? Это элементарнейшее право каждого меньшинства, если действительно большинство не ведет специально линию за разжигание. Этого не было сделано. По всем правилам парламентского искусства, через полторы минуты после голосования резолюции по отчету Коммунистического Интернационала, вносится заявление, которое должно подлить масла в огонь, без малейшей попытки столковаться с ленинградской делегацией. Ленинградская делегация заявляет, что она через самое короткое время внесет свое контр-заявление. Ленинградская делегация заявляет дальше, что самые резкие попытки разжечь расхождения ни в коем случае не приведут ни к каким бы то ни было шагам с ее стороны, которые можно было бы расценивать как нарушение партийной дисциплины. Ленинградская организация будет бороться в рядах нашей партии за свои взгляды в рамках того, что позволяет устав партии. Ленинградской организации единство партии не менее дорого, чем сидящим здесь. В ответ на возгласы: да здравствует ленинградская организация! — она отвечает: да здравствует единство РКП! (Аплодисменты ленинградской делегации).

ЗАЯВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ.

На вчерашнем вечернем заседании против голосов ленинградской делегации — большинством с'езда было принято обращение к ленинградской организации. По этому поводу т. Бакаев от имени делегации огласил следующее заявление:

Ленинградская делегация заявляет:

Обращение, принятое сегодня большинством, как и постановление о смене редакции «Ленинградской Правды», органа ленинградского губкома, не было сообщено предварительно ни ленинградской делегации, ни ленинградскому губкому. Еще никогда в истории нашей партии не было случая, чтобы той или иной организации партии и ее органу запретили высказывать свое мнение во все время с'езда.

По поводу текста самого обращения мы вынуждены заявить:

1. Ленинградская делегация не пред'являла, разумеется, никакого ультиматума с'езду. Ленинградская делегация внесла несколько поправок, которые просила передать в комиссию, выражая полную готовность сделать все возможное для единогласного принятия резолюции.

2. Проект резолюции по отчету ЦК стал известен ленинградской делегации лишь за два часа до голосования на с'езде.

3. Ленинградская делегация не была привлечена к выработке резолюции, чего никогда на с'езде нашей партии не бывало.

4. Резолюция голосовалась сразу в целом — без голосования за основу.

Назначение редактором газеты товарища, который будет вести газету против губкома партии, создает положение, совершенно невозможное для организации и равносильное разгону губкома, и означает насильственное подавление мнений всей ленинградской организации.

Заподазривание в нежелании подчиниться решениям с'езда, кампания, которую ведет центральный орган «Правда» против нас, являются серьезной угрозой единству нашей партии.

Мы отмечаем также, что самое обращение к ленинградской организации мы предлагали передать в комиссию для обсуждения с участием наших представителей. В этой элементарной просьбе нам также было отказано.

Мы призываем членов ленинградской организации к выдержке и спокойствию. Решения партийного с'езда — закон для всех. И в то же время нашим законным правом является высказывать свое мнение, предостерегать партию против возможных ошибок. Вся ответственность за создающееся обострение лежит не на нас, а на тех, кто создает чрезвычайное положение для ленинградской организации.

ОТВЕТ ТОВ. РЫКОВА.

Позвольте мне коротко ответить на возражения т. Зиновьева. Я заявляю, что неправильным является заявление т. Зиновьева, будто ленинградской делегации не был заранее известен проект утвержденной с'ездом резолюции по докладу ЦК партии. Делегация имела возможность не только подробно ознакомиться с проектом резолюции по докладу ЦК, но и составить в противовес и в дополнение этой резолюции подробный, детальный напечатанный проект «поправок и предложений». Тов. Каменев внес эти «предложения и поправки», читая их в совершенно точных формулировках по печатному тексту. Я утверждаю, что не соответствующим истине является заявление, будто в этом документе ленинградской делегации, оглашенном по ее поручению т. Каменевым, не было ультиматума. Чтобы это сказать, я прочту вам одну фразу из этого документа.

Разбирая проект резолюции, ленинградская делегация приходит к выводу, что основные ее моменты —

> «дали бы почву для вынесения единогласной резолюции по отчету ЦК... в случае, если в резолюции будут внесены следующие дополнения и изменения...».

Здесь мы имеем не предложение о совместном обсуждении проекта резолюции по отчету ЦК, а попытку путем декларативного требования заставить с'езд принять те изменения, которые в окончательной формулировке были средактированы и прочитаны по напечатанному тексту оратором от оппозиции. Мы никогда не отказывались от совместного обсуждения вопроса. Назовите хоть один с'езд в мире, который дал бы возможность высказаться оппозиции так широко, как это сделал XIV с'езд РКП. (Голос с места: «Правильно!»).

60 делегатов из 700 отняли почти столько же времени, сколько все остальные ораторы. Подсчитайте это по стенограммам. И после этого выходят на трибуну и говорят: «мы будем единогласно голосовать за резолюцию только в том случае, если с'езд, верховный орган партии, примет наши поправки и предложения». Разве это не ультиматум? Это попытка произвести насилие над волею с'езда!

Тов. Зиновьев сказал, что он стоял, стоит и будет стоять на почве партийной дисциплины, партийного единства и сплоченности нашей пар-

тии. Как он стоял, об этом на с'езде было рассказано. Как он и ленинградская делегация стоят в настоящее время, это мы можем видеть из их отношения к принятым уже решениям верховного органа нашей партии — XIV с'езда РКП (б).

Мы приняли подавляющим большинством голосов резолюцию по главнейшему вопросу повестки дня — по докладу ЦК партии. Если эта резолюция, утвержденная с'ездом, обязательна для партии, то обязательна ли она для ленинградской делегации? Обязательна ли она для «Ленинградской Правды»? Обязательна ли она для всей ленинградской организации?

Прочитайте «Ленинградскую Правду», посмотрите на то, что делается в ленинградской организации уже после принятых с'ездом решений. Изо дня в день, из страницы в страницу, из строки в строку, пытаются сорвать главнейшие решения нашей партии.

Смысл предложения, которое от имени значительного количества делегатов внес т. Калинин, заключается в том, чтобы недопустимое в жизни нашей партии отсутствие элементарной дисциплины, угроза нашему единству, — чтобы это было прекращено немедленно. Настоящий с'езд должен кончить свою работу, будучи уверен в том, что единство партии будет соблюдено.

Я предлагаю принять оглашенное т. Калининым обращение к ленинградской организации. (Бурные аплодисменты).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ТОВ. РЫКОВА.

Товарищи, работы с'езда окончены.

XIV с'езд работал около двух недель, заняв значительно больше времени, чем предыдущие с'езды. И хотя среди нас не было т. Ленина, я думаю, выражу мнение всей партии, если скажу, что работа настоящего с'езда является органическим продолжением всей истории нашей партии, созданной т. Лениным, организованной им, под его руководством прошедшей через три революции в нашей стране.

Все вопросы, которые стояли на его повестке, с'езд разрешал в полном соответствии с принципами ленинизма.

Одно из характернейших отличий XIV с'езда состоит в том, что он собрался в период, который является переломным в том смысле, что мы вступили в процесс органического строительства социализма. Этот переломный момент поставил на очередь целый ряд новых вопросов, которые разрешаются в обстановке, значительно отличной от обстановки предыдущих лет.

Товарищи, при разрешении этих вопросов наша партия, конечно, остается партией пролетарской революции в такой же степени, в какой она была партией пролетарской революции и во время Октябрьского переворота. (Бурные и продолжительные аплодисменты).

В Октябре рабочий класс под руководством коммунистической партии низверг диктатуру буржуазии и дворянства, завоевал политическую власть и создал диктатуру пролетариата.

На настоящем с'езде партия впервые констатировала, что рабочий класс на деле приступил к строительству социализма. В истории революционной борьбы русского рабочего класса почти на всех более или менее крупных поворотах наблюдалось некоторое дрожание в отдельных рядах нашей партии. Такое же дрожание мы наблюдали и на XIV с'езде партии. Я имею в виду возникновение оппозиции, содоклад по отчету ЦК и ту дискуссию, которая развернулась на с'езде. На переживаемом в настоящее время повороте, который поставил в порядок дня вопросы практического строительства социализма, партии не удалось избежать того, чтобы среди отдельных ее членов не возникло колебаний, неверия, сомнений по вопросу о возможности и успешности строительства социализма в нашей стране. Вокруг этого важнейшего вопроса происходила дискуссия и до с'езда и на самом с'езде. XIV с'езд партии с полной категоричностью установил, что возросшее значение промышленности, увеличение численности рабочего класса, его сознательности, его организованности — все это является достаточной базой для действительного строительства социализма.

В своей резолюции о профсоюзах с'езд установил методы и способы, при помощи которых в новых условиях необходимо осуществлять задачи организации, сплочения и коммунистического руководства рабочего класса. С особенной отчетливостью с'ездом была подчеркнута исключительная важность задачи коммунистического воспитания новых кадров рабочего класса.

Можно констатировать, что в процессе дискуссии до с'езда и во время с'езда произошло некоторое сближение между оппозицией и большинством партии. Накануне с'езда лидеры оппозиции заявляли о невозможности строительства социализма в нашей отсталой стране. Накануне с'езда представители оппозиции не соглашались с тем, что наша государственная промышленность представляет собою последовательно-социалистический тип организации производства. На с'езде это главное расхождение между подавляющим большинством партии и оппозицией было изжито, и оппозиция в этом вопросе присоединилась в конце концов к мнению большинства с'езда.

Второй группой вопросов, разделивших оппозицию и большинство с'езда, были вопросы о крестьянстве — о роли середняка, о значении кооперации. С'езд вынес категорическое решение по вопросу о роли и значении основной массы трудового крестьянства — о середняке и о значении кооперации. С точки зрения диктатуры рабочего класса, приступающего в настоящий момент к строительству социализма, нужно рассматривать и вопрос об отношениях к крестьянству, к деревне и о кооперации, — рассматривать с учетом всего своеобразия переживаемого нами периода. В результате дискуссии оппозиция поняла свои ошибки в вопросе о госпромышленности, в вопросе о социализме и перешла на платформу всей партии. Я надеюсь, что в ближайшем будущем оппозиция присоединится ко всей партии и в вопросе о середняке и кооперации, так как остальные вопросы — о бедноте, о расслоении крестьянства, об опасности кулачества — едва ли смогут нас разделить.

Основное, что определяет работы настоящего с'езда и весь период, который мы пережили на протяжении последних двух лет, — это факт нашего экономического наступления и начала социалистического строительства в условиях новой экономической политики. И в вопросе о том, являлся ли нэп только отступлением, и является ли он таковым и в настоящее время, на XIV с'езде достигнуто значительное сближение различных точек зрения, правда, меньшее, чем в вопросе о социалистическом строительстве и характере нашей государственной промышленности. Оппозиция признала возможность наступления на основе нэпа; больше того, — она признала, что наступление уже началось.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что по мере того, как уменьшались наши принципиальные разногласия, по мере того, как оппозиция была вынуждена сдавать свои принципиальные платформы, один пункт за другим, в той мере, как она переходила на сторону большинства в принципиальных вопросах, она в такой же мере, если не больше, стала расходиться с партией в вопросах организационных. Накануне XIV с'езда ни у кого из нас не могла появиться мысль сравнивать настоящее положение в партии с тем, что было во время и после «Стокгольмского» с'езда. Требования свободы критики постановлений с'езда, свободы всех партийных группировок в обстановке пролетарской диктатуры и враждебного окружения, или требование превратить ЦК партии в орган «соглашения» между отдельными группировками, имеющимися внутри нашей партии, противоречат всем организационным традициям нашей партии, целиком противоречат ленинизму в организационном вопросе. Никто из нас накануне с'езда не ждал такого искажения ленинизма в области организационного вопроса, до которого докатились ленинградская делегация и редакция «Ленинградской Правды». Я с величайшим удовлетворением констатирую, что те требования на полную свободу группировок, фракций, течений, оттенков, которые мы слышали в речах т. Зиновьева и других ораторов оппозиции, не были ими оформлены и предложены партии в виде специального проекта резолюции по этим вопросам.

Но вместе с тем, то, что происходит в настоящее время в Ленинграде, что мы могли наблюдать в последнее время на страницах «Ленинградской Правды», и то, что происходило на настоящем с'езде, вновь ставит вопрос о гарантиях единства.

Товарищи, мы вступаем в радостную для нас эпоху, в эпоху осуществления того, для чего происходила Октябрьская революция. Начинается эпоха органического, положительного строительства социализма, которое будет сопровождаться громадными трудностями. Стоящие перед нами затруднения мы должны преодолеть во что бы то ни стало. На протяжении ближайших месяцев нам придется разрешать довольно значительные хозяйственные затруднения. На протяжении ближайших лет нам необходимо во что бы то ни стало удержать темп наступления строительства социализма в условиях капиталистического окружения, в условиях новой экономической политики. Мы должны этого достигнуть при возросшей активности всех слоев населения, в том числе и враждебных нам буржуазных — кулацких в деревне,

нэпманских в городе. Эти задачи наша партия осуществит только в том случае, если она сохранит всю большевистскую твердость своих рядов, дисциплинированную выдержку каждого члена нашей партии, каждой организации.

За нашим с'ездом с величайшим вниманием следят не только члены нашей партии и рабочий класс нашего Союза, за нашим с'ездом с величайшим вниманием следит вся страна. Более того, за тем, что происходит на заседаниях XIV с'езда партии, за тем, что раздается с этой трибуны, следит весь окружающий нас мир. Страницы заграничной печати уже полны сообщениями о нашем с'езде; они полны злорадства, полны надежд на то, что в стальных рядах ленинской коммунистической партии появилась трещина, что враги СССР смогут воспользоваться этой трещиной.

Настоящий с'езд должен закончить свои работы в уверенности, что единство ленинских рядов не будет поколеблено ни в каком случае (аплодисменты), что Центральный Комитет партии осуществит решение XIV с'езда при добровольном и искреннем участии и поддержке оппозиции, если она того пожелает, и заставит ее подчиниться всем решениям с'езда, если она этого не сделает. (Аплодисменты).

Об'являю XIV С'езд Всесоюзной Коммунистической партии закрытым.

(Аплодисменты. Возгласы: «Да здравствует новый Центральный Комитет! Ура!» Пение «Интернационала». Аплодисменты).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ленинградская организация и оппозиция.

(К итогам с'езда).

Выступая на с'езде, оппозиция, представленная, главным образом, ленинградской делегацией, заявляла, что она отражает мнение 100% ленинградской организации. С'езд, зная о том, как протекала в Ленинграде подготовка к с'езду, не поверил такому заявлению и решил провести среди членов ленинградской организации раз'яснительную кампанию при непосредственном участии членов ЦК сторонников большинства.

Целью этой кампании было рассказать партийным массам, как протекала дискуссия, указать подлинную историю разногласий и вскрыть основные ошибки «новой оппозиции». Раз'яснительная кампания должна была рассеять тот туман, который посеяла по ряду вопросов оппозиция, оздоровить атмосферу от слухов и росказней о «термидорианстве», дать истинное освещение крикам о «демократии», идущим из лагеря оппозиции, затирающей всякое проявление мнения рядовой партийной массы, несогласий с ней.

Раз'яснительная кампания в Ленинграде целиком подтвердила мнение с'езда. Ленинградская организация показала себя стопроцентной ленинской организацией: она полностью отмежевалась от оппозиции. Об этом очень ясно говорят цифры, приводимые т. Молотовым в его беседе о раз'яснительной кампании, и резолюция, принятая XXIII чрезвычайной ленинградской губернской конференцией, закончившей раз'яснительную кампанию в Ленинграде.

Раз'яснительная кампания окончательно свела на-нет отчуждение ленинградской организации от всей партии, закрепила единство нашей партии, подвергавшееся ударам со стороны так называемой «территориальной» оппозиции.

Таким образом, вся фракционная, раскольническая работа оппозиции была окончательно сведена на-нет, оппозиция была изжита внутрипартийным порядком.

ОТЧЕТНАЯ КАМПАНИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ О РАБОТАХ XIV ПАРТИЙНОГО С'ЕЗДА.

(Беседы с секретарем ЦК ВКП (б) тов. Молотовым).

5 января 1926 г. мы, члены ЦК, командированные в Ленинград для докладов о работах XIV с'езда, приехали сюда. Здесь мы узнали, что накануне бюро губкома постановило собрать общегородской партийный актив для того, чтобы там мы сделали доклады о работах XIV парт-с'езда. Однако, этот план отчетов о с'езде мы считали неправильным. После всего того, что произошло в Ленинграде, мы считали своей обязанностью дать отчет о работах XIV с'езда, прежде всего, перед рабочими коллективами на фабриках и заводах Ленинграда. Об этом мы заявили ленинградскому губкому. Это вполне одобрило северо-западное бюро ЦК.

Поэтому с первого дня приезда и на протяжении двух недель члены ЦК изо дня в день ходили по фабрикам и заводам, делая отчеты о с'езде перед рабочими-коммунарами Ленинграда.

После собрания коллектива «Красного Путиловца», 21 января, можно подвести итоги всей отчетной кампании о с'езде в Ленинграде.

Как известно, «Красный Путиловец» был в представлении оппозиции главной крепостью, на которую она рассчитывала опереться. Московско-Нарвский райком и бюро коллектива, во главе со своим организатором, принимали все меры к тому, чтобы один из крупнейших коллективов Ленинграда — коллектив «Красного Путиловца» — остался на позиции ленинградской делегации на с'езде.

Перед самым собранием коллектива (20 января) бюро коллектива расклеило по всему заводу специальное «Обращение ко всем коммунарам-краснопутиловцам», в котором призывало «организованно сказать свое слово» по докладу представителей Центрального Комитета.

До этого бюро коллектива, вместе с рядом ответственных товарищей ленинградской организации, вело изо дня в день упорную работу по подготовке к «организованной» встрече представителей Центрального Комитета с докладами о XIV с'езде.

Однако огромное большинство коммунаров-краснопутиловцев на собрании решительно отмежевалось от оппозиции, лишило полномочий бюро коллектива и осудило райком и губком за «фракционную работу, политику репрессий и партийного зажима, разложение и дезорганизацию в наших рядах» и потребовало, как и многие другие коллективы, созыва районной и губернской конференций для перевыборов райкома и губкома.

Этим решением коммунары «Красного Путиловца» подчеркнули тот общий итог, который теперь уже может быть подведен.

А этот общий итог заключается в следующем: во всех без исключения коллективах Ленинграда, на которых делались отчеты о XIV с'езде, приняты решения о полном признании правильности решения XIV с'езда и об осуждении позиции ленинградской делегации на с'езде.

Вот основные данные об итогах отчетной кампании о XIV с'езде по ленинградской организации.

В 6 районах Ленинграда имеется 717 коллективов, в которых 77.056 членов и кандидатов. Отчетная кампания о с'езде прошла в 652 коллективах, с общим количеством коммунистов в них—73.268.

На состоявшихся собраниях коллективов приняло участие 63.093 товарища, т.-е. 82% всей партийной организации Ленинграда.

В 5 районах (кроме Московско-Нарвского) отчетную кампанию можно считать вполне законченной, так как во всех 5 районах отчетных докладов о с'езде не было только на 4-х коллективах, в которых насчитывается всего 63 товарища. По Московско-Нарвскому району отчетная кампания еще не совсем закончилась, так как там не собирался еще 61 коллектив, с общим количеством — 3.725 коммунистов.

По отдельным районам количество участвовавших в собраниях достигает из общей массы партийцев в районе от 72% в Центрально-Городском районе (где учет наименее точен, так как дается подсчет только по групповым собраниям без учета участников на предварительных собраниях коллективов) до 98% в Выборгском районе.

За безоговорочное признание решений XIV партс'езда правильными высказалось 60.228 коммунистов, что составляет 96% общего количества участвовавших во всех этих собраниях. За резолюции оппозиции голосовало 2.190 человек, т.-е. 3,5%. Воздержалось на всех собраниях коллективов всего 275 коммунистов, т.-е. 0,5%.

Наибольшее количество голосовавших за резолюции оппозиции было в Московско-Нарвском районе, где на 14.870 голосовавших против оппозиции 1.530 (т.-е. немного больше 9%) голосовало за оппозицию и 52 коммуниста воздержалось.

В Василеостровском районе за оппозицию голосовало 385 и воздержалось 118 товарищей. В Выборгском, Володарском, Петроградском и Центр.-Городском районах против оппозиции голосовало от 98,3 до 99,6 проц. присутствовавших на собраниях.

Таковы результаты по районам Ленинграда.

К этому следует прибавить, что из 11.356 коммунистов по Красной армии и флоту в Ленинграде (что составляет около 90 проц. этой части коммунистов в Ленинграде) присутствовало на собраниях с отчетами о XIV с'езде 10.129 товарищей (89 проц. от общего числа), и из них 10.028, т.-е. 99 процентов, голосовало против оппозиции. За оппозицию на этих собраниях голосовало 54 и воздержалось 47 товарищей.

Таким образом, на всех партийных собраниях по отчетам о с'езде в Ленинграде присутство-

вало 72.967 товарищей, т.-е. 83 проц. коммунистов Ленинграда. Из них голосовало против оппозиции 70.389 товарищей, т.-е. 96,3 проц., за оппозицию голосовало всего 2.244 (3,2 проц.) и воздержалось 334 товарища (0,5 проц.).

Наконец, уже известны результаты отчетной кампании во всех уездах Ленинградской губернии, из которых видно, что и во всех уездах оппозиция встретила решительное осуждение.

К настоящему времени [1], помимо Выборгского района, где большинство райкома с самого начала было за безоговорочное признание правильности линии ЦК и XIV с'езда, в 3 районах райкомы произвели по собственной инициативе перевыборы бюро райкомов, проводивших линию оппозиции.

В результате в Володарском, Петроградском и Центрально-Городском райкомах бюро райкомов и организаторы райкомов переизбраны на основе решения об осуждении оппозиции.

21 января бюро ЛК приняло решение о замене организаторов Московско-Нарвского и Василеостровского райкомов другими товарищами, стоящими на позиции полного признания правильности решений XIV с'езда. В настоящее время во всех районах Ленинграда организаторы райкомов, а также в большинстве райкомов (в 4-х) сами бюро райкомов являются твердыми сторонниками общепартийной линии.

Наконец, 20 января на пленуме Ленингр. Губ. КК, после обсуждения вопроса о положении в ленинградской организации, были переизбраны президиум и секретариат Губ. КК на основе тех же решений по отчетам с'езда, за которые высказалось громадное большинство ленинградских коммунистов.

Из приведенных цифр и фактов ясно, что только совершенно незначительная часть ленинградской организации оказалась на стороне оппозиции.

Следует, однако, иметь в виду, что решающий перелом в ряде коллективов в вопросе об осуждении оппозиции произошел только в самое последнее время и что среди 2.244 коммунистов, высказавшихся за оппозицию, имеется значительный процент партийного актива, что подчеркивает перед руководящими парторганами Ленинграда задачу окончательного изживания оппозиционных настроений в организации.

Теперь должна развернуться усиленная партийная работа по всей организации, закрепляющая принятые всеми без исключения коллективами Ленинграда решения и обеспечивающая в дальнейшем действительное общепартийное руководство по отношению к ленинградской организации на основе решений XIV партийного с'езда.

[1] Указанный период относится к последним числам января 1926 года.

Общее впечатление — что партийные организации за последний период росли исключительно быстро, что в партийных коллективах громадное количество новых элементов, которые еще не успели пройти серьезной партийной школы и значительной части которых приходится, пожалуй, впервые участвовать на собраниях, обсуждающих острые партийные разногласия.

Бросается также в глаза, что определенная часть коммунаров, в частности из актива, была информирована крайне односторонне и получала до этого времени нередко однобокую, искаженную информацию о партийной политике и о работе Центрального Комитета. Нередко сказывается крайний «зажим», который кое-где усердные организаторы коллективов и даже райкомов применяли по отношению к рядовым партийцам.

Известны многочисленные факты запрещения созыва собраний, коллективов, запрещения перевыборов бюро коллективов без предварительных разрешений райкомов. Нередко даже приходилось встречаться с фактами преследований и репрессий за якобы незаконные распространения с'ездовской литературы (соответствующие факты разбираются теперь в Губ. КК и в ЦКК), при чем попытки свалить все дело на «инициативные группы», на формальную неправильность распространения литературы, помимо бюро коллективов, имели явно придирчиво-чиновничий характер, а по существу были направлены против тех товарищей, которые выполняли свои партийные обязанности и действительно заботились о правильном освещении работ XIV партс'езда перед многотысячными массами коммунаров Ленинграда.

Эти попытки отдельных организаторов коллективов и представителей райкомов должны встретить решительное осуждение парторганизаций.

Данные сев.-зап. бюро ЦК раз'яснения по этому вопросу абсолютно правильны.

Обращает на себя внимание еще роль некоторой части партийцев из комсомола, которые на некоторых собраниях, оставаясь маленькой кучкой, однако не мало мешали нормальному ходу собраний, а иногда с их стороны делались прямые попытки к срыву отдельных выступлений.

Партийная организация Ленинграда и, в первую очередь, руководящие органы должны на это обратить особое внимание, так как недопустимость подобных явлений очевидна для каждого партийца.

К СОЗЫВУ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ГУБЕРНСКОЙ, РАЙОННЫХ И УЕЗДНЫХ ПАРТКОНФЕРЕНЦИЙ.

(Постановление Секретариата ЛК, утвержденное Севзапбюро ЦК ВКП (б) от 25/I и ЦК ВКП (б) от 27/I 1926 г.).

В настоящее время коллективы всех районов и все уездные организации, за самым незначительным исключением, выразили свое отношение к дискуссии, развернувшейся на XIV с'езде партии и нашедшей себе место в Ленинграде после партийного с'езда.

Во время прошедшей отчетной кампании все районные организации в своем подавляющем большинстве (95,9 проц. всех присутствовавших, против — 3,6 проц., при 0,5 проц. воздержавшихся), вся партийная организация армии и флота (99 проц., против 0,5 проц., при 0,5 проц. воздержавшихся) и уездные организации решительно отмежевались от поведения и позиции ленинградской делегации на с'езде и осудили ее точку зрения по вопросам, вызвавшим разногласия, присоединившись целиком и полностью к линии большинства XIV с'езда и избранного им Центрального Комитета.

Одновременно подавляющее большинство всей организации Ленинградской губернии выразило недоверие своим руководящим партийным органам, кои в большинстве своего состава продолжают стоять на точке зрения ленинградской делегации.

Все это создает такое положение внутри ленинградской организации, которое исключает сколько-нибудь нормальное существование ее, а также правильное руководство организацией.

Благодаря этому в трех районах Ленинграда уже теперь произведены перевыборы организаторов и бюро райкомов, в коллективах почти везде переизбраны бюро, а в уездных организациях переизбраны бюро уездных комитетов партии.

Для того, чтобы окончательно привести в соответствие организацию с руководящими ее органами, создать такое положение, при котором без каких-либо трений была бы обеспечена возможность проведения в жизнь всех решений XIV с'езда партии и Центрального Комитета, и чтобы вся организация в этой работе могла об'единиться вокруг своих руководящих органов, секретариат ленинградского губкома ВКП (б) постановляет:

а) Безотлагательно, а именно: не позднее 10 февраля с. г., созвать XXIII чрезвычайную губернскую партконференцию.

б) В промежуток времени с 4 по 8 февраля с. г. созвать районные и уездные конференции.

в) Норма представительства на губернской, районных и уездных конференциях та же, что и на последней XXII губернской конференции.

г) Порядок дня губпартконференции:

1. Итоги XIV с'езда партии,
2. Доклад о промышленности СССР и
3. Выборы партийных и контрольных органов.

ИЗ ДОКЛАДА ТОВ. БУХАРИНА НА IX ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВКП (б) ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА 6 ФЕВРАЛЯ 1926 Г.

На районных конференциях у вас, в Ленинграде, говорилось так: «Мы — за Центральный Комитет, мы, конечно, целиком за общепартийную линию, наш Центральный Комитет превосходнейший» и т. д., и т. п. Но вот, говорилось вначале, есть Богушевский; потом через некоторое время, через некоторое количество часов и дней заявили, что подле-

жат обстрелу Богушевский и Бухарин, при чем Саркис иронически это мотивировал тем «остроумным» соображением, что обе фамилии начинаются на «Б». (Смех). Теперь говорилось, что ЦК совершенно прав, но существует в пределах ЦК Бухарин, которого нужно обстреливать.

Так говорилось у вас на районных конференциях. На губернской конференции более резко ставился вопрос; говорили, что, конечно, ЦК прав и проч., но есть «некоторые» среди ЦК, в первую очередь, опять-таки — Бухарин, которых нужно изо всех сил обстреливать. В речах уже делались намеки на ряд разногласий внутри ЦК, но в резолюции, которую вынесли на вашей губернской партийной конференции, было сказано, что губернская партийная конференция — за ЦК, что губернская конференция одобряет деятельность ЦК и проч.

После этого оппозиция выступила на партийном с'езде. И вот дальше начинается постепенное, так сказать, саморазоблачение. В самом деле, вначале говорилось, что ЦК вел совершенно правильную линию. Хорошо, мы все ожидаем: как же товарищи будут реагировать на доклад по отчету ЦК, если одобряют его линию? Вдруг появляется содоклад. Но содоклад по отчету ЦК есть огромной важности политическое выступление.

Что значит содокладчик? Это значит, что он должен развивать другую систему политических взглядов. Против кого? Против Богушевского? Но ведь не Богушевский делал доклад. Может быть, против Бухарина? Но ведь не Бухарин делал доклад. Делал доклад Сталин. От имени кого? От имени Центрального Комитета. Содокладчик — против кого? Против Центрального Комитета. Но, если ты его одобряешь, зачем же ты против него говоришь? Но, может быть, содокладчик появился потому, что старейшая ленинградская организация этого желает, так как не Зиновьев читает доклад, что речь здесь шла не об особой политической платформе, а о техническом вопросе.

Но в содокладе совершенно очевидно проявилась другая политическая линия.

В дальнейшем ходе дискуссии оппозиция выступила с прямой атакой против Центрального Комитета. Во время голосования ленинградская делегация голосует против одобрения деятельности Центрального Комитета. На ленинградской конференции оппозиционеры заверяли, что они — за одобрение деятельности Центрального Комитета, а на с'езде выступили против. Почему? Потому, что одобрение Центрального Комитета на ленинградских конференциях нужно было оппозиции для того, чтобы в большой невод захватить большое количество голосов ленинградской организации, а затем этот невод разорвать. Механика всей борьбы оппозиции была механикой уловления голосов ленинградских пролетариев, которые не знали, в чем дело, которые доверчиво пошли, добросовестно заблуждаясь, за верхушкой ленинградской организации, потому что ленинградский пролетариат всегда был твердой опорой в нашей партийной организации, потому что он привык быть твердой опорой нашего общепартийного руководства. На этом его доверии к ЦК спекулировали, на этом полу-

чили голоса, а потом, когда сколотили 100% монолитную делегацию на с'езде, маска была снята. Было очень печально и больно видеть, как кучка ленинградских товарищей сидела совершенно особняком от всех других делегатов нашего общепартийного с'езда, — факт, которого никогда решительно не было ни на одном из наших партийных с'ездов.

Но еще печальнее дело развивалось во время дискуссии, когда со стороны оппозиции были предприняты попытки идейного оправдания ее раскольнической политики. Я имею в виду две речи на партс'езде: речь товарища Зиновьева и речь т. Крупской, которая, не будучи большим политиком, сочла себя обязанной ввязаться в этот огромной важности политический конфликт. В первую очередь нас поразило то место из речи товарища Зиновьева, которое гласило, что оппозиция стоит за свободу различных группировок и предлагает сотрудничество всем бывшим фракциям внутри нашей партии. Все это вы можете прочесть в бюллетене партс'езда. Товарищ Зиновьев так прямо и сказал. Мы все развели руками.

Что это означало? Мы все доказывали в свое время товарищу Троцкому, что одна из главных его ошибок заключается в том, что он борется против ленинских организационных принципов, что он смотрит на партию как на федерацию всяких течений.

Что же вышло? Когда был жив Ленин, он все последние годы вел борьбу с уклонами внутри нашей партии — с левым коммунизмом, с группой демократического централизма, с рабочей оппозицией и т. д., и т. д. Теперь т. Зиновьев, очутившись в меньшинстве, все поставил на голову, и, как я однажды шутливо выразился на одном из собраний, лозунг его означал не что иное, как: «тону, т. Шляпников, спасай». Это было предложение всем состоявшим в группировках, с которыми боролся Ленин, открытого блока против большинства ЦК. Мы считали это таким выражением организационной беспринципности, дальше которой итти некуда.

Наконец, вторая речь т. Крупской заставила нас очень задуматься. Когда стало совершенно ясным настроение большинства членов с'езда, тов. Крупская выступила с речью, где говорила, что большинство — большинством, но и с'езд тоже может ошибаться. «Так, на Стокгольмском с'езде мы, большевики, были в меньшинстве. С'езд высказался против нас, но ведь большинство было неправо».

Почему это нас так тяжело поразило, ранило нас в наши большевистские сердца? Дело станет ясным, если вспомнить, что на Стокгольмском с'езде большинство было меньшевистское; т. Крупская намекнула, что на нашем с'езде большинство тоже не большевистское, и ему поэтому можно не подчиниться. Дальше того идейного обоснования итти абсолютно некуда. Когда т. Крупская встретила резкое возражение, она сделала заявление, которое еще более запутало вопрос. В этом заявлении она сказала: «Вы думаете о меньшевиках, какими они стали в 1917 году, но в 1906 году, до времени Стокгольмского с'езда, меньшевики были не такими. Да, они были не совсем такими, но все же они были меньшевиками, и через некоторое время мы с ними пошли на открытый раскол».

После этих выступлений стало ясно, что дело пахнет очень серьезным и что здесь можно безусловно сказать, что на-лицо у новой оппозиции отход от ленинизма в организационных вопросах. Партия представляется ею как блок фракций и группировок, а у нас есть резолюция X с'езда, написанная Владимиром Ильичем, где всякие группировки запрещены.

Теперь позвольте мне перейти к идейной стороне наших разногласий, потому что за всей этой организационной борьбой скрываются различные политические оттенки, различные политические течения.

Я никогда не был сторонником того, чтобы говорить о последней дискуссии как о склоке и болтовне в партийной организации. Наша партия есть огромнейшая партийная организация, — разногласия в организационных вопросах, намечающиеся в ней, всегда скрывают в себе нечто большее. И поэтому совершенно естественно, что это большее, т.-е. идейная сторона разногласий, должно совершенно отчетливо стоять перед членами нашей партии. Поэтому необходимо отметить, что новым руководящим организациям, которые будут избраны на районных и губернской конференциях Ленинграда, предстоит большая раз'яснительно-пропагандистская работа. Партия в целом должна действительно понять, что у нас были разногласия, партия должна в целом, в гуще своей усвоить, почему меньшинство на партийном с'езде было неправо, и почему решения партийного с'езда правильны. Конечно, в партии всегда будут такие, которые, как солдаты революции, даже считая, что решения с'езда неправильны, подчинятся им. Но наша задача заключается не только в том, чтобы привести к подчинению, к дисциплине, но чтобы, по возможности, всех членов партии по-настоящему, по-серьезному убедить в том, что меньшинство неправо, и что решения партийного с'езда действительно правильны.

Речь идет, конечно, о серьезном выяснении вопросов по существу. Оппозиция вместо этого выяснения вопросов по существу ограничивалась голой руганью. Этот крик и визг, без надлежащего проникновения в суть дела, без надлежащего спокойного и трезвого обсуждения вопроса, — такие приемы могут только разлагать партийную организацию. Так нельзя делать. А такие методы применялись оппозицией во время партийного с'езда, к концу его, и практиковались изо всех сил со стороны «Ленинградской Правды» прежнего состава. Разве не сплошной визг статья Вардина? Ведь это же абсолютнейший визг, без всякой тени какой-либо аргументации. Разве не визгом был ряд выступлений против большинства ЦК и против партийного с'езда, когда наклеивались ярлычки и проч. без всякого обсуждения вопроса по существу? Я считаю необходимым подчеркнуть, что мы должны изживать подобные методы выяснения внутрипартийных вопросов.

На каждое колебание внутри страны мы должны отвечать соответствующими мероприятиями, как партия, которая отвечает за всю страну. Кроме этого, надо иметь в виду и другую сторону дела, именно ту, что наша партия, будучи единой партией, одной партией в нашей

стране, отнюдь не однородна по составу. А так как все члены партии — люди, живут не только партийной жизнью, но и всякой другой, вплоть до личной, и имеют всякие другие связи, кроме чисто партийных, то совершенно естественно, что внутрь нашей партии проползают настроения из различных сфер, и отсюда получаются колебания внутри нашей партии. Вся эта огромнейшая разнокалиберность, огромнейшее количество противоречий, огромнейшая сложность задач, огромнейший напор на нашу партию со стороны, который вытекает из ее своеобразного положения, как единой и одной партии внутри страны, — обязательно будут создавать колебания внутри нашей партии; совершенно ясно, что и в будущем еще довольно долгое время мы будем иметь и дискуссии и конфликты и разного рода не совсем гладкие вещи. Нам нечего перед этим пасовать, это неизбежно вытекает из нашего положения. Но из этого, с другой стороны, никак нельзя сделать такого вывода: «Ну, ладно! Раз нам обязательно предстоят все эти неизбежные колебания внутри партии, то мы должны сидеть сложа ручки и говорить: раз неизбежно, ничего не поделаешь, успокоимся». Это был бы совершенно глупый фаталистический взгляд. Нам нужно знать, что разные колебания неизбежны, но мы сами все время должны стремиться преодолевать их, намечать правильную линию, бороться с неправильными отклонениями, выравнивать эту линию и таким образом воспитывать партию. А все больше обогащаясь опытом, партия в свою очередь влияет на человеческий материал вне партии и переделывает тот материал в желательном для нас направлении.

Теперь мы должны прежде всего с этой точки зрения посмотреть, что думают наши открытые враги. Я говорю здесь не о каких-нибудь оппозициях внутри партии и пр., а о том, что думают самые матерые, ярко выраженные наши враги. Ведь мы обнюхиваем со всех сторон наше внутреннее и внешнее положение, и они тоже обнюхивают его со своей точки зрения, в своих интересах. Но из этого последнего вовсе не вытекает, что мы не должны и их обнюхать немножко, потому что нам очень интересно иногда посмотреть, что они думают, на что они ставят свою ставку, где они видят такие пункты и фронты, куда они в первую очередь ведут свое нападение.

В чем сейчас заключается ориентация главных наших противников, — от великого князя Николая Николаевича до меньшевика Дана? Николай Николаевич имеет в своем распоряжении крестьянский союз своеобразного типа. Дан тоже, главным образом, питает надежду на то, что нас скинет мужичок и расчистит почву здоровому капитализму, демократии и прочим хорошим вещам.

Главная ставка наших классовых врагов, всех от великого князя Николая Николаевича до Дана, состоит в том, что они пытаются разорвать блок между рабочим классом и крестьянством. Это есть основа всей их деятельности. Есть целый ряд правых течений, монархических, которые имеют свои организации, которые хотят вести пропаганду внутри крестьянства, опираясь в первую очередь на богатое крестьянство и на казацкие станицы. Меньшевики — то же самое. Эс-эры — говорить уже нечего. Кадеты типа Милюкова — то же самое. Все их

надежды строятся на этом. Они только по-разному представляют себе, что будет после разрыва блока между рабочими и крестьянами. Николай Николаевич желает сказать, что пускай, может быть, часть помещичьей земли останется у мужика, но зато этой ценой мужик признает царя православного, Николая Николаевича. Эс-эры надеются на то, что после разрыва рабоче-крестьянского блока будет осуществлена крестьянская «демократия». Дан считает, что это будет переходная реформа к «настоящей» демократии; так как социалистический строй в теперешних условиях неосуществим, то ближайшей перспективой является нормальный капитализм, в пределах которого можно успешно вести борьбу за различные улучшения рабочей жизни на основе капиталистического общества, пока не будет произведена социалистическая революция в передовых странах, скажем, в Германии Каутским и его сподвижниками. (С м е х).

Они, следовательно, ставят по-разному вопрос, что будет после разрыва рабоче-крестьянского блока, но все они без исключения главную свою ставку ставят на то, чтобы разорвать рабоче-крестьянский блок. А так как крестьянская масса у нас главным образом состоит из середняков, значит — главная ставка их заключается в том, чтобы разорвать союз рабочего класса и середняцкого крестьянства.

Теперь я беру тех из наших противников, которые апеллируют к рабочему классу. Разве у нас нет таких противников? Конечно, есть. Меньшевики — в первую очередь, анархисты — во-вторую, левые эс-эры — в третью. Конечно, мы их со всех сторон спаяли, задавили и держим их благополучно (с м е х), но из этого вовсе не следует, что с этой стороны нам никакой опасности ни на волосинку не грозит; конечно, большой опасности не грозит, но именно потому не грозит, что мы своевременно на это реагируем, с этой опасностью боремся и стоим на страже.

Теперь посмотрим, куда гнут все эти оттенки, в том числе и западно-европейская социал-демократия. Это — в первую очередь выставляемое ими положение, что никакого социализма мы не строим, что все это обман, что наши фабрики есть капиталистические фабрики, что у нас есть, в лучшем случае, государственный капитализм, что мы уже давным давно, с начала новой экономической политики, отказались от всякого коммунизма, что весь коммунизм у нас пролетел в трубу, что мы только притворяемся, что строим социализм, и что советская власть является только ширмой для новой буржуазии. Все они так говорят. Конечно, вам трудно изловить для душевного разговора анархиста или меньшевика, — их трудно теперь видеть (с м е х), но можно их почитать. Пишут они об этом все абсолютно. Они говорят относительно наших фабрик и заводов: что вы притворяетесь, вы обманываете народ, говорите, что строите социализм. Зарплата у вас такая-то, такое-то устройство. Тут социализмом и не пахнет. Это обман. Государство есть наниматель, эксплуататор. Раньше были отдельные капиталисты, а теперь на их место стало государство, которое соответствующим образом и еще более жестоко эксплуатирует рабочий класс, потому что вдобавок к обычной эксплуатации присоединяется невероятный бюрократизм.

А советская власть выражает собой интересы этих новых эксплуататоров, красных директоров, новой буржуазии и кулаков, которые сейчас растут. Нужно здесь сделать так, — мечтают меньшевики, — чтобы разбюрократизировать машину, чтобы был демократический капитализм, а не капитализм бюрократический, который представляет собой теперешний советский строй. Главная линия их атаки такова: новая экономическая политика есть термидор, т.-е. отказ от революционных завоеваний, контр-революция, проделанная самой правящей партией, с отказом решительно от всяких помыслов о строительстве коммунизма. А сейчас только фраза, что мы строим социализм; наши фабрики — эксплуататорские учреждения, на которых мы ставим красную вывеску: пролетарии всех стран, соединяйтесь! Наша власть есть выражение неограниченной олигархии этих новых эксплуататорских слоев, а мы говорим: пролетарии всех стран, соединяйтесь! По сути дела мы — кулак, который мешает развитию здорового капитализма, мы проводим идею бюрократического капитализма и в то же время кричим о борьбе с ним и обманываем рабочих. Такова их оценка положения дел в Советском Союзе.

Главный их удар — по нашей госпромышленности. Главный их политический вывод — это удар по нашей советской власти, которая опирается, с их точки зрения, на «термидорианскую сволочь». Вот их установка. Какие слои они собой выражают? Они выражают собой, с одной стороны, мелкобуржуазное окружение, а затем следующие за ними, более солидные в смысле буржуазности, группировки. Это абсолютно ясно. Но должен сказать, что малюсенькие струечки этих идеологий иногда проникают внутрь нашей партии. Иногда они стоят на границе нашей партии, иногда они проявляются в рамках нашей партии. Тут есть масса всевозможных нюансов и оттенков.

С этой точки зрения разрешите мне сказать несколько слов о том, что у нас было. Беру группировку рабочей оппозиции. Название ее было страшно хорошее, но если имеется такая оппозиция, то совершенно естественно вытекает из самого названия ее, что с ее точки зрения партия — не рабочая. С какой идеей это было у них связано? С тем, что они считали, что партия вырождается, что рабочие в партии отходят на задний план и внутри партии создается бюрократическое засилье не-рабочего служилого элемента, который является зародышем нового эксплуататорского класса, что рабочая оппозиция должна поправлять от имени пролетариата всю партию. В связи с этим у них стоял вопрос, что наши госучреждения, хозорганы, фабрики и заводы, ВСНХ и прочие — являются учреждениями не социалистическими, а госкапиталистическими, что они являются учреждениями тоже эксплуататорскими и что это нужно поправлять. Тогда Шляпников предлагал поправить таким образом: передать управление фабриками и заводами непосредственно коллективам рабочих, работающих на них, и советам производителей.

С другой стороны, эта же группа обвиняла тогда большинство партии в том, что мы слишком много делаем уступок крестьянству. Тут по одной линии протянулась рука, конечно, бессознательно, нашим про-

тивникам, которые пытаются разорвать рабоче-крестьянский блок, а по другой линии, — тем, которые атакуют нашу промышленность. А из этого проистекают и политические выводы.

Мы раз'яснили в свое время, очевидно недостаточно, ошибки, которые были у рабочей оппозиции. Рабочая оппозиция была у нас на краю от того, чтобы выскочить из нашей партии — на X с'езде. И, в связи с этим, Ленин написал резолюцию о запрещении фракционных группировок. Но эта оппозиция все-таки рассосалась. Многие товарищи убедились, другие подчинились.

Но бывали случаи, когда маленькие группки отскакивали от партии. Вот была другая группировка, о которой также интересно вспомнить, это группировка «Рабочей Правды». Я не знаю, все ли из вас помнят или даже это знают, потому что это сравнительно небольшое явление в истории нашей партии. Это была небольшая интеллигентская группка, находящаяся под идейным влиянием Богданова, который был когда-то членом нашей партии, но потом из нее ушел. Они утверждали, что Октябрьская революция была полезна об'ективно, потому что она спасла Россию от превращения в иностранную колонию. И большевики проделывали до известного периода полезную работу. Они разрушили до конца царский режим. Они централизовали страну. Но ошибка большевиков, с точки зрения «Рабочей Правды», заключается в том, что большевики думают, будто они строят социализм, а на самом деле они социализма не строят, они строят новый капитализм. Необходима будет еще третья революция, которая, в конце концов, доделает все дело; для подготовки этой революции нужно сплотить силы и т. д., а потом скинуть советскую власть, и тогда уже будет настоящая революция. (Смех).

Идейные корни «Рабочей Правды» очень легко протянуть к таким настроениям, которые ярко проявились в кронштадтские дни. Тогда тоже говорилось очень многое, о чем я не буду здесь говорить. Главное, что здесь проводилось, это то, что никакого социализма нет, что советской властью ведется крестьянская политика, а нужна настоящая пролетарская политика и т. д. Они проводили свою работу нелегально, в конспиративных формах, против нашей партии. Они выскочили за пределы нашей партии, ушли из нее, хотя их постановление было — из партии не уходить, но мы их «ушли» в свое время. После этого главные из них раскаялись. В «Правде» несколько лет тому назад был написан фельетон, где описывались их ошибки, в чем эти ошибки заключались и т. д. Но характерно то, что было у них поводом для обстрела нашей политики.

Я перехожу теперь, товарищи, к последнему нашему внутрипартийному уклону, который был за последнее время, к троцкизму. В чем он выражался? — Троцкий никогда не говорил, что наша промышленность госкапиталистическая. Нет, он признавал нашу промышленность социалистической. Его ошибки шли по другой линии и заключались в том, что он недооценивал важность рабоче-крестьянского союза, обвинял большинство ЦК в излишних уступках крестьянству, переоценивал возможности непосредственного

планирования, переоценивал роль нашей промышленности по отношению к сельскому хозяйству; другими словами, т. Троцкий не понимал всей важности блока рабочего класса с основной массой бедняцкого и середняцкого крестьянства.

Это стояло в связи со всеми другими его теоретическими взглядами, со всем тем, что он еще раньше писал.

В этих прежних своих выступлениях он утверждал, что можем удержаться и победить только в том случае, если будет помощь со стороны победившего западно-европейского рабочего класса, ибо иначе мужик обязательно нас скинет. Он не представлял себе возможности, на которую указывал Ленин, что рабочий класс может, опираясь на экономические командные высоты, вести за собой большинство крестьянства, конечно, при условии, если только мы сами не сделаем каких-либо больших ошибок, а поведем дело серьезно, тщательно все учитывая.

Для чего я все это говорю? Для того, товарищи, чтобы сказать вам, что нам нужно рассмотреть идейный багаж нашей новой оппозиции с точки зрения того, что же есть у нее действительно нового, говорит ли она по существу новые вещи, или повторяет то, что было уже сказано другими оппозициями в свое время и против чего наша партия боролась и вышла победительницей.

ИЗ ДОКЛАДА ТОВ. БУХАРИНА НА XXIII ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП (б).

Товарищи, наша дискуссия возникла на фоне чрезвычайно сложной обстановки внутри нашей страны. С одной стороны, всем известно, что мы за последнее время переживали, как принято выражаться, полосу бурного хозяйственного роста: роста нашей промышленности, роста сельского хозяйства, роста нашего транспорта, роста нашей внешней торговли, роста оборотов внутренней торговли и т. д. В то же время совершенно бесспорным является тот факт, что в пределах и рамках этого нашего общехозяйственного роста нашей страны мы имели относительное усиление социалистических элементов нашего хозяйства, всех наших командных высот, мы имели резкое усиление главной нашей командной высоты — социалистической промышленности. Мы имели усиление в общих рамках нашего совокупного хозяйства — нашего транспорта, наших банков и наших кредитных институтов; развитие внешней торговли, на принципе государственной монополии, укрепление государственной торговли, в особенности в ее головных частях, т.-е. в оптовой и оптово-розничной торговле, укрепление — хотя далеко недостаточное и далеко не в той пропорции, которая нам нужна — кооперации. Но, с другой стороны, — и это составляет главную особенность нашего положения — наше хозяйственное развитие протекает в противоречивых формах: мы росли, но в то же время рос и частный промышленник, мелкий, отчасти средний; рос торговый капиталист в деревне, скупщик, кулак; одним словом, на основе общехозяйственного расцвета и на основе

продвижения нашего хозяйства вперед одновременно с нашим наступлением, с наступлением наших командных высот в общей экономике, против этих командных высот на основе нэпа росли и капиталистические элементы различных оттенков и различных степеней.

Для того, чтобы понять весь круг ошибок новой оппозиции, которая дрогнула в этот период очередного нарастания трудностей, я считаю необходимым поставить вопрос о тех общих идейных истоках, у которых новая оппозиция встречается с рядом прежних оппозиционных течений. Мне кажется, что такие общие истоки, общие корни есть, что они у теперешней оппозиции выражены с наибольшей яркостью и что нужно их вскрыть для того, чтобы понять, а понять для того, чтобы правильно преодолеть. Я, товарищи, поставлю здесь прежде всего вопрос, который на первый взгляд не имеет прямого отношения к делу, но который, как вы увидите, имеет самое непосредственное отношение к правильной постановке всех тех основных вопросов нашей политики, коренных и кардинальных, которые всплыли во время нашей последней дискуссии. Это вопрос следующий: что есть самого нового, оригинального в ленинском учении? Вы знаете, что на этот вопрос отвечают поразному.

По нашему мнению, на этот вопрос может быть только один ответ. Самое новое, принципиально новое, чего не было у Маркса, чего не было у Энгельса и чего не могло быть ни у Маркса, ни у Энгельса, это есть постановка вопросов и проблем, которые связаны со строительным периодом социалистической революции, т.-е. с тем периодом, когда диктатура пролетариата уже на-лицо, когда она уже укрепилась, когда центр тяжести переносится с разрушительной работы на строительную. Если вы возьмете такой вопрос, как вопрос о диктатуре пролетариата, то убедитесь, что здесь Владимир Ильич сделал колоссально много для развития этого учения, но в основном оно было намечено Марксом. А если вы себя спросите о тех задачах рабочего класса, которые идут в новой полосе строительства, уже после упрочения пролетарской диктатуры, то вы легко увидите, что об этом у основоположников научного коммунизма не написано ничего или почти ничего, и есть только у Ленина, давшего первые наметки в этой области (я имею в виду теорию нэпа, кооперации и т. д.).

В том, что Маркс и Энгельс не смогли дать теорию переходного периода, нет ничего удивительного, ибо в их опыте в условиях тогдашнего времени для этого не было никаких предпосылок.

Эту мысль с достаточной отчетливостью высказал сам т. Ленин. В своей статье «О значении золота» Владимир Ильич, оценивая радикальные изменения, внесенные диктатурой пролетариата, писал о соотношении между реформой и революцией следующее:

> «Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, при чем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата, хотя бы в одной стране»... («О значении золота», т. XVIII, ч. I, стр. 381).

Вот эта небольшая цитата дает очень много для уяснения соотношения между марксизмом и ленинизмом, потому что сам Ленин совершенно точно, с совершенно полной отчетливостью, ясностью и определенностью поставил этот основной вопрос и сказал, что Маркс мог видеть соотношения между реформой и революцией, между различными основными тактическими и стратегическими методами пролетарской классовой борьбы только с одной стороны, т.-е. только для того, как рабочий класс укрепил свою рабочую диктатуру. Он не мог видеть того, что будет после упрочения пролетарской диктатуры.

Вот, товарищи, я прочту вам еще два отрывка из сочинений Вл. Ильича, которые иллюстрируют его основную мысль относительно другого бока марксизма, который обнаруживается только в ленинизме. Товарищ Ленин в своей статье «О кооперации» пишет:

> «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д., теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную и „культурную" работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на „культурничество", если бы не международные отношения, не обязанность бороться за наши позиции в международном масштабе»... («О кооперации», т. XVIII, ч. 2, стр. 134).

Следовательно, и здесь Ленин говорит о радикальном отличии наших современных задач от тех задач, которые стояли до завоевания политической власти пролетариатом и непосредственно во время этого завоевания; он утверждает, что центр тяжести переносится теперь на мирную культурную организационную работу и что лишь в отношении мирового пролетарского движения центр тяжести мы попрежнему видим в содействии мировому социалистическому перевороту, победоносному завершению гражданской войны. И, наконец, разрешите мне прочитать еще одну цитату, которая идет по той же самой линии. Товарищ Ленин в своем письме к Мясникову, который начал отходить от нашей партии, а потом, в конце-концов, совершенно от нее отошел, писал:

> «В начале статьи вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданский мир, тот смешон, если не хуже». (Письмо т. Мясникову, т. XVIII, ч. I, стр. 312).

Вот три основных положения т. Ленина. Первое, что в поле нашего зрения сейчас находится другая полоса социалистической революции, которая не была видна во времена Маркса и не могла быть видна. Второе, что является расшифровкой этого первого положения, состоит в том, что у нас центр тяжести внутри страны переносится на мирную организаторскую работу. И третье положение, которое, так сказать, является политическим выражением второго положения, это то, что мы сейчас в нашей стране являемся партией не гражданской войны, а партией гражданского мира. Вот три положения, которые по данному вопросу выставляются Владимиром Ильичем.

Основной задачей организационного пролетарского авангарда в капиталистическом обществе является расширение, обострение, разжигание, доведение до белого каления классовой борьбы, чтобы, по мере и в результате этого разжигания, расширения, обострения классовой борьбы, в конце концов взорвать, разрушить, разбить буржуазное общество. Такова наша генеральная основная линия в капиталистическом обществе.

В то же время в обществе пролетарской диктатуры наша задача заключается не в том, чтобы разрушить это общество, а в том, чтобы его укрепить; не в том, чтобы его развалить, а в том, чтобы его организовать, не в том, чтобы выставлять лозунг гражданской войны в нашем обществе, а в том, чтобы преследовать всякого, кто пытается вызвать гражданскую войну в нашем обществе, ибо мы стали руководящей силой этого общества, и наша позиция заключается теперь в том, чтобы противоречия между классами и различные, но иного рода противоречия в господствующем классе нашей страны преодолеть, обеспечивая своим постоянным вмешательством рост социалистических форм хозяйства, стремясь к тому, чтобы на основе роста социалистических форм хозяйства, на основе роста наших экономических высот, на основе укрепления пролетарской диктатуры, которая является одним из величайших орудий современной классовой борьбы, обеспечить вытеснение и преодоление различных других хозяйственных форм, носителями которых являются другие классы.

Я, товарищи, привел вам три важнейших записки, три важнейших документа из работ товарища Ленина. Очень характерно, что у т. Зиновьева в его книге «Ленинизм» все эти три цитаты отсутствуют, ибо т. Зиновьев самых характерных черт для теперешнего периода не заметил; все идеологи новой оппозиции ставят вопросы однобоко и в значительной мере поэтому впали в те политические ошибки, которые выразились в их выступлении на с'езде, вокруг с'езда, после него и т. д.

Товарищи, в связи с приведенными заявлениями у т. Ленина есть еще одно заявление, где он утверждает, что наше теперешнее общество покоится на сотрудничестве двух классов: рабочего класса и крестьянства, к коему (т.-е. сотрудничеству) на известных условиях допущена и буржуазия. Это совершенно справедливо и тоже обусловлено особенностями переживаемого нами периода; когда мы одни не можем справиться, например, с выпечкой хлеба и позволяем частным капиталистам открывать булочные, то в этом выражается известный факт нашего сотрудничества, и не только сотрудничества рабочего класса с крестьянством, но и — на известных условиях — даже с буржуазией.

Но в то же самое время здесь есть и другая сторона явлений. Между рабочим классом и крестьянством есть сотрудничество, но исчерпывается ли только этим соотношение между двумя названными классами? Нет, не исчерпывается, потому что на-ряду с этим сотрудничеством есть и элементы борьбы. Исчерпываются ли соотношения между нами и буржуазией сотрудничеством тем, что мы допускаем ее, например, торговать? Нет, у нас есть сотрудничество, но в десятки раз больше, даже в сотни раз больше, б о р ь б а с ней. Мы, с одной стороны, допускаем

эти капиталистические элементы, идем на сотрудничество с ними, но, с другой стороны, мы их допускаем для того, чтобы, в конце концов, радикальнейшим образом вытеснить, преодолеть и уничтожить их хозяйственно и социально. Это — тип сотрудничества, который предполагает ожесточенную, хотя и бескровную, борьбу против этих капиталистических элементов.

Мы в неизмеримо большее количество раз сотрудничаем с крестьянством, и в то же самое время нашей задачей по отношению к крестьянству является, во-первых, постоянное преодоление враждебных тенденций с его стороны, которое обеспечивало бы наше руководство им, во-вторых, переделка этого крестьянства, т.-е. уничтожение его как класса мелких собственников и превращение его в составную часть работников крупного сельско-хозяйственного производства, — хотя не путем превращения в батраков, а по совершенно другим линиям. Таким образом, вы видите здесь крайне сложные отношения. Из этой сложности положения вытекает то, что возможно очень легко, не учтя надлежащей пропорции и надлежащего тона, поскользнуться в правую или левую сторону от правильной позиции.

Как можно поскользнуться в правую сторону? Очень легко. Можно, например, сказать себе так: ну, да, мы есть партия гражданского мира— сам Ленин сказал, что центр тяжести теперь в мирной организационной работе. Все мы должны, далее, понимать, что у нас классовая борьба будет постепенно уменьшаться и уменьшаться, пока не отомрет в коммунистическом обществе без всякой третьей революции. Это тоже ясно, но отсюда можно сделать такой неправильный вывод, что всякий, кто говорит о классовой борьбе или о том, что она обостряется, делает неправильные, антиленинские выводы. Это было бы архи-неправильно. Так рассуждать — это значит поскользнуться на правую ногу и делать крупнейшую политическую ошибку, совершенно сойти с ленинских позиций. Почему? Да потому, что вопрос не стоит так просто. В общем и целом, у нас классовая борьба будет отмирать, но это не значит, что на определенный промежуток времени она не будет обостряться. Нужно иметь достаточно чуткое ухо, достаточно острый взгляд, чтобы сказать, что на этом отрезке времени потому-то и потому-то классовая борьба не только не будет утихомириваться, а, наоборот, будет обостряться и что наша задача в этой определенной стадии надлежащим образом вести себя в этой обостренной классовой борьбе.

Если, в конечном счете, в обществе переходного периода сгладятся противоречия, то из этого вовсе не следует, что в каждый данный момент они сглаживаются. Может настать такой момент, когда они, в силу целого ряда исторических причин, будут обостряться. И вот сейчас, мне кажется, мы переживаем такой момент, когда у нас классовые противоречия, особенно в деревне, обостряются. Они будут обостряться до тех пор, скажем, пока мы не найдем в распоряжении нашего государства такого рода, такой степени и такого количества материальных благ, — как, попросту говоря, денег, которыми мы могли бы настолько поднять коллективное хозяйство бедноты и кооперированное хозяйство середняка, что подвели бы его жизненный уровень на высокую ступень

развития, при которой кулак не будет являться экономически мощной силой по сравнению с этими оперившимися благодаря нашей помощи хозяйствами, ставшими на путь большего или меньшего обобществления. Тогда начнется другая полоса, тогда классовая борьба начнет утихать. А сейчас пока мы этого не можем сделать, она будет обостряться, и весь тот период, пока мы не сможем по-настоящему поднять основные массы крестьянских хозяйств, — борьба будет продолжаться. Поэтому, если бы кто-нибудь сейчас вышел к нам и сказал, что из ленинских положений, только-что зачитанных нами, вытекает, что нельзя говорить о классовой борьбе, или что нужно сейчас во что бы то ни стало ее свертывать, — тот поступил бы неправильно, поскользнулся бы вправо.

Из этих рассуждений нельзя делать грубо прямолинейных выводов, не обоснованных условиями того исторически конкретного отрезка нашего развития, в котором мы живем. Представьте себе, например, такое положение, что где-нибудь, в каком-нибудь из наших уездов или в ряде уездов кулак пошел бы прямо против нас лобовой атакой.

Мы должны были бы в этом случае выставить против него пулеметы, и без особых рассуждений и сантиментов «умиротворить» его так, как делали это в 1918 г. И если бы кто-нибудь в такой обстановке сказал: позвольте, это же есть обострение классовой борьбы и проч., то мы ответили бы: ну да, совершенно верно, но надо понимать, что к чему и когда. Самое основное, золотое правило ленинской тактики заключается в том, чтобы понимать — что к чему и когда, чтобы, выражаясь образно, не плясать на похоронах и не голосить заунывных песен на свадьбе. Вот как обстоит дело.

Следовательно, вы видите, товарищи, что поскользнуться здесь страшно легко. Я изобразил вам сейчас, как можно поскользнуться вправо, но можно поскользнуться, разумеется, и влево (по внешности — влево) от правильной позиции. Это было бы тогда, если бы люди не понимали разницы задач в эпоху укрепленной пролетарской диктатуры, с одной стороны, и задач, которые стоят перед рабочим классом до завоевания политической власти — с другой. Сейчас наша задача заключается не в ориентации на какую-то новую третью революцию, а в том, чтобы мирной организационной работой, ведя классовую борьбу, преимущественно в экономических формах, ведя борьбу за рост социалистических элементов нашего хозяйства, могучим политическим рычагом нашей пролетарской диктатуры продвигать дальше наше строительство вперед, не отрываясь от крестьянской основной массы и выравнивая ее в общий фронт борьбы против частного капитала. Вот наша установка, и если кто-нибудь этого не понимает, тот отходит от ленинского учения с другого бока, тот тащит нашу партию назад, тот не понимает самого оригинального — чем ленинизм дополняет марксизм; тот не понимает того, что самое оригинальное, самое новое, что есть в ленинском учении, связано со строительным периодом нашей социалистической революции, связано с эпохой, наступающей после укрепления рабочей диктатуры.

Мы точно так же знаем,—и это рассуждение идет по тем же основным линиям, о которых я до сих пор говорил, что основная форма нашей

классовой борьбы сейчас есть борьба различных хозяйственных форм. Если, например, рабочий класс укрепляет свою социалистическую промышленность в борьбе с частно-капиталистической промышленностью— это есть форма его классовой борьбы с частным капиталом и буржуазией. Если рабочий класс помогает бедняку и середняку организовать кооперацию против лавки кулака, или организовать свое кредитное товарищество против ссудных операций кулацкого ростовщика, то пролетариат этим самым ведет, в своеобразных формах, классовую борьбу против частного капитала.

Но, товарищи, если центр тяжести и переносится на эти формы классовой борьбы, в первую очередь на борьбу между различными хозяйственными формами и на «вытеснение» враждебных нам форм, то из этого вовсе не вытекает прямолинейный и простой, как линейка, и грубый, как дерево, из которого линейка сделана, вывод, что поэтому — никакой специфически-политической работы мы не ведем и не будем вести. Ничего подобного из этого не вытекает. Я уже сказал, что обстоятельства могут вызвать очень резкие формы политической борьбы, такой борьбы, которая выражается даже в военных столкновениях. Это, конечно, не типично, но если бы наш классовый противник вынудил к этому, мы стали бы это делать.

Но мы и без того в нынешних условиях ведем политическую борьбу; это есть борьба на выборах в советы, борьба с кулачеством, организация групп деревенской бедноты и т. д. и т. д. Словом, из того, что центром нашей теперешней классовой борьбы является борьба наших хозяйственных форм и борьба на экономическом фронте, — не вытекает вовсе, что этими формами исчерпывается современная классовая борьба. Мы действуем комбинированными методами. Мы ставим вопрос в зависимости от целесообразности, и мы обязаны, мы должны использовать все решительно рычаги нашей власти, нашей экономики, нашей организованности для того, чтобы выравнять все силы в борьбе с классовым врагом. Вот та общая постановка вопроса о классовой борьбе, вот та, мне кажется, единственно ортодоксальная, ленинская постановка, из которой необходимо исходить при решении разного рода вопросов, касающихся конкретных проблем, важных кардинальных проблем нашей текущей политики.

Товарищи, я уже сказал, что у оппозиционных товарищей нет понимания этого своеобразия или нет достаточного понимания своеобразия того положения, которое складывается в период после упрочения политической диктатуры рабочего класса, и они очень часто склонны механически переносить то, что писал т. Ленин до завоевания власти рабочим классом, на то, что происходит у нас теперь. И это находит свое выражение, между прочим, и в решении такого основного вопроса, как вопрос о крестьянстве, при обсуждении такой кардинальнейшей проблемы нашей политики, как проблема втягивания крестьянства в дело социалистического строительства. И вот к этим двум вопросам, касающимся наших идейных разногласий, я сейчас и перехожу. Я перехожу к вопросу о наших экономических командных высотах и соотношении их с крестьянским хозяйством.

В этой связи я должен прежде всего отметить, что во время нашей дискуссии у оппозиционных товарищей очень часто проглядывал известного рода скептицизм к тому, что крестьян вообще можно привлекать к делу социалистического строительства. Между тем, формулировка Ленина была здесь совершенно ясна. Ленин совершенно точно говорил, что нам нужно вести такую политику, которая обеспечивала бы каждому мелкому крестьянину возможность участия в деле социалистического строительства. Вот, если мы поставим этот вопрос так, что мы должны обеспечить участие мелкого крестьянства в деле строительства социализма, если мы взглянем на эту проблему, на эту постановку задачи, на этот вопрос с точки зрения обычных до-ленинских представлений о старой социалистической политике, то мы должны здесь сразу сказать, что это задача сама по себе совершенно невиданная, и что это — задача, которая никогда не ставилась так определенно, так в упор, как поставил ее Ленин.

Все мы отлично знаем мелкого крестьянина, знаем, что он — мелкий собственник и что социализмом от него не пахнет, и, тем не менее, Ленин ставил проблему вовлечения этого мелкого крестьянина и мелкого собственника в строительство не чего-либо другого, а социализма. Нам, товарищи, необходимо прежде всего поставить перед собой во весь рост эту проблему, ее осознать, понять, что это не какая-то боковая маловажная проблема. Нам нужно понять, что мы от этой проблемы не можем отвертеться, что мы должны или ее решать и решить или мы должны вообще отказаться от всего дела социалистического строительства.

Товарищи, с точки зрения до-ленинского марксизма, эта проблема, конечно, ставилась, т.-е. вернее, к ней подходили, можно сказать, на самые малюсенькие шажки, а по существу дела она как следует и не ставилась. Между тем, когда рабочий класс вступил в такую полосу своей политики, когда он действительно в упор подошел к решению основных задач социалистического строительства, то на каждом шагу он стал наталкиваться на этот вопрос. У нас нет почти ни одной крупной политической или экономической проблемы, при разрешении которой мы не сталкивались бы в лоб с этим вопросом. И, товарищи, здесь нужно действительно выбрать одно из двух: или ставить вопрос о простой нейтрализации подавляющего большинства населения — крестьянства, или установить с основными массами крестьянства прочный союз. Существует представление, что можно ограничиться нейтрализацией основной массы крестьянства, достаточно держать их на отлете, достаточно их увазелинить, чтобы они сделались смирными и бездейственно молчали. Но это недопустимая, не ленинская постановка вопроса.

Ленинизм предполагает постоянный рост социалистических элементов и постоянную переделку большинства народа, а в конце концов и всего народа, в работников социалистического общества. Мы не можем представить себе нашу главную строительную задачу так, что у нас где-то растет городская промышленность, хотя бы и четырежды последовательно-социалистического типа, а огромные крестьянские массы существуют где-то сбоку, изолированно от города. Строитель-

ство социализма предполагает коренную переделку всего сельского хозяйства и всего населения страны. Наша задача заключается не только в том, чтобы переделать весь рабочий класс на новый культурный социалистический лад, но наша задача заключается и в том, чтобы со стороны этого господствующего и постоянно меняющего и улучшающего свою природу рабочего класса укреплялось бы и ширилось все более могущественное воздействие на основные народные массы, которые постепенно и систематически меняли бы свою классовую природу. В этом смысле господствующий пролетариат представляет собой такую творческую и руководящую силу, которая должна переделывать старый и творить новый мир.

Если мы ставим перед собой эту задачу и видим нашу страну со всей ее отсталостью, с огромным морем крестьянства, со всеми трудностями, которые из этой обстановки вытекают, то нам нужно, конечно, совершенно ясно понимать, что самый наш социализм будет отличаться в своем развитии большими особенностями по сравнению, скажем, с социализмом, который будет расти в Англии, или в Германии, или в Америке. И тут ничего удивительного, ничего ужасного, ничего такого, что должно повлечь за собою нашу гибель, — абсолютно нет.

Посмотрите, товарищи, на капитализм. Капитализм растет во всех странах в течение многих сотен лет. В одной стране одну сотню лет, в другой стране — две сотни лет, в третьей стране еще больше и т. д. В общем, капитализм имеет очень почтенный возраст и, несмотря на это, т.-е. несмотря на то, что он имеет очень почтенный возраст, вы видите, что в разных странах имеются различные типы капитализма. Во Франции капитализм имеет свои черты. В Америке свои черты. Американский капитализм в основе это то же, что немецкий, или французский, но все же на-ряду с общими признаками капитализма он обладает и особыми специфическими чертами в отношении организационных форм, в отношении характера развития, темпа и т. д.

И наш капитализм в России имел свои особые черты. Капитализм в России, например, отличался тем, что он был капитализмом в стране, где была масса феодальных остатков, был таким капитализмом, который вырастал зачастую сразу в высших формах под влиянием иностранного капитала. Таким образом, капитализм в нашей стране развивался в условиях крайне противоречивых; с одной стороны, у нас был капитализм, с другой стороны, где-нибудь на Кавказе или Туркестане и т. д. значительные патриархально-бытовые остатки, остатки чуть ли не дофеодальных форм. И в то же время, на-ряду с этим, можно было видеть довольно значительные пристройки первоклассного модернистского капитализма. Само собой разумеется, что и социализм вырастает из того, что ему оставлено в наследство капитализмом. И наш социализм растет в известном смысле на иной основе, чем будет расти социализм в Америке. У нас он растет в иных, российских, условиях, а не американских и не французских. Совершенно естественно поэтому, что, подобно тому, как капитализм имел свои особые черты в различных странах, так точно и социализм в этих странах вначале будет иметь свои особые черты, которые только в конце концов, когда все мировое хо-

зяйство об'единится на развернутой социалистической основе, сгладятся и выравняются.

Отсюда вытекает, что, когда мы говорим о строительстве социализма в нашей стране, то мы должны понимать, что наш социализм в его росте, пока он не достигнет полного расцвета, будет до известной степени иметь свои особые черты, я сказал бы, если можно так выразиться, — что он будет длительное время своего развития отсталым социализмом, т.-е. социализмом, который будет иметь особенности, обусловленные, в известной мере, типом предшествовавшего ему капиталистического развития. Но, все-таки, он будет социализмом потому, что его развитие будет итти по совершенно определенному пути, он будет отличаться большей отсталостью по сравнению с темпом развития американского социализма, который будет развиваться на основе американского капитализма, но все-таки он будет социализмом.

Главная черта нашего социализма заключается в том, что он строится в крестьянской стране и что поэтому задача вовлечения крестьянства в дело социалистического строительства у нас особенно важна. Но, товарищи, у нас основная масса крестьянства является середняцкой — с этим все согласны. Итак, давайте исходить из главного положения: основную массу крестьянства составляет крестьянин-середняк. Крестьянин-середняк сейчас торгует своим хлебом, продуктом своего хозяйства, выбрасывая определенную часть своего продукта на рынок. Торгует он на основе свободной торговли, введенной с началом нэпа.

Товарищи из новой оппозиции определяют положение так: «свободная торговля есть капитализм». Но свободная торговля у нас, как известно, в первую очередь введена для того, чтобы дать возможность «дышать» основной массе крестьянства, сохранить с ними союз и повести на этой основе правильную хозяйственную политику рабочего класса. Товарищи из новой оппозиции нам говорят: «свободная торговля есть капитализм», и ссылаются на одно место из Ильича, где написано, что «свобода торговли обозначает свободу капитализма». Выходит так, что, с одной стороны, они цитируют правильное положение Ленина, а, с другой стороны, с их точки зрения не подлежит сомнению, что крестьяне ведут свое хозяйство на основе свободной торговли, которая есть капитализм; тот, кто оспаривает это положение, идет по совершенно ложному, не ленинскому пути, прикрашивает действительность, берется за нечто невыполнимое, отходит от классовой точки зрения и т. д. и т. д.

Я сперва задам предварительный вопрос, товарищи: если свободная торговля есть капитализм, и если эта свободная торговля по отношению к основной массе крестьянства есть капитализм, то как же, вообще говоря, привести крестьянство к делу строительства социализма? Выходит, как будто бы, что мы непременно должны привести его к капитализму, а, с другой стороны, должны обеспечить социалистическое строительство. Быть может, лучше возвратиться от этой свободной торговли к военному коммунизму? Но этого тоже не говорят, и у нас получается совершенное отсутствие какой бы то ни было перспективы. Это приводит к тому, что считается второстепенной, не такой важной

сама проблема привлечения крестьянства к делу социалистического строительства.

А по сути дела, товарищи, как правильно надо решить этот вопрос? Прежде всего, я должен раз'яснить положение т. Ленина о свободе торговли. Всякий, кто прочитает его, легко увидит, что, когда Ленин говорит о тесной связи свободы торговли с капитализмом, то он хочет сказать только, что на основе свободы торговли постепенно рождается капитализм. Это вовсе не значит, что он утверждает, что свобода торговли равна капитализму. Я приводил несколько раз, повторяю и сейчас, такой пример: если какое-нибудь наше государственное учреждение покупает у другого государственного учреждения что-нибудь на основе свободы торговли — это никак не капитализм, никакого капитализма из этого не высосешь, потому что нет здесь капиталистических отношений, нет капиталиста, а капитализм без капиталистов не существует, — никто еще в мире не открыл такого капитализма.

Но бесспорно, что на основе свободы торговли может развиваться капитализм. Если, скажем, средний крестьянин торгует, если он наживается, если он начинает нанимать рабочих, он превращается в капиталиста. Свобода торговли и есть капитализм в этом смысле, т.-е. в том смысле, что она приводит при определенных условиях к росту капиталистических отношений. Но, товарищи, весь вопрос заключается в том, всегда ли, при всех ли условиях свобода торговли приводит к капиталистическим отношениям, правильно ли из того положения, что свобода торговли ведет к известному развязыванию капитализма, делать вывод, что всегда, при всех обстоятельствах, при всех условиях, во всякой исторической обстановке она приводит к капиталистическим отношениям? Я заявляю, что это последнее утверждение неправильно и что те, которые уверяют, что это правильно, не понимают всего характера строительного периода социализма — они прибегают к некритическому перенесению на новую обстановку тех представлений, тех речей, тех положений, которые писались, говорились, утверждались для капиталистического периода общественного развития.

Средний крестьянин покупает и продает, но он не применяет наемного труда. Всякий ли, кто покупает и продает, есть капиталист? Нет. Капиталистом является тот, кто употребляет наемный труд. Является ли крестьянин социалистом по форме своего хозяйства? Нет, потому что он — частный собственник. Является ли средний крестьянин капиталистом? Тоже нет, потому что он не употребляет наемного труда. Является ли он составной частью пролетариата? Нет, потому что он частный собственник. Но опять-таки из этого нельзя делать вывода, что он является капиталистом. Это было бы также неверно, также нелепо, также неумно, также не по-марксистски. Тов. Каменев в своей речи на партийном с'езде набросился на одну статью, помещенную в «Правде», статью т. Зайцева, где было сказано, что средний крестьянин не буржуа в том смысле, что он не капиталист, но в этой статье было сказано, что средний крестьянин есть мелкий буржуа, — и это верно.

И вот в непонимании того, что мелкая буржуазия — это одно, а буржуазия капиталистическая — это другое, в непонимании этого таится очень многое. Почему? Потому, что я, например, товарищи, никогда не выставил бы положения, что мы должны обеспечить каждому капиталисту переход на социалистическую точку зрения. Мы с пропагандой социализма к Рокфеллеру, например, не идем, и насколько мне известно, никто этого до сих пор не предлагал, а вот к крестьянину мы идем, массу среднего крестьянства на свою сторону хотим привлечь и прочный союз с ним хотим обеспечить. Следовательно, совершенно нелепо и дико не понимать, что есть громаднейшая разница между простым товаропроизводителем, не эксплуатирующим наемного труда, и капиталистом, между мелкими собственником и капиталистом.

Если нелепо и преступно замазывать разницу между мелким собственником и рабочим классом, то нелепо и анти-марксистски замазывать разницу между мелким собственником и крупной буржуазией, между трудовым слоем крестьянства и эксплуататорскими капиталистами. Ведь это же нужно видеть! И вот, товарищи, если мы ставим в качестве очередной, главнейшей задачи, рассчитанной на эпоху, чтобы каждый мелкий крестьянин был обеспечен возможностью принять участие в деле строительства социализмом под руководством рабочего класса, то совершенно естественно, что мы закрыли бы себе всяческую дорогу, всяческий путь, всякую перспективу, если бы трактовали среднего крестьянина как капиталиста. Но средний крестьянин имеет двойственную природу, потому что, с одной стороны, он хочет, на основе частного хозяйства поднажиться и самому пролезть в кулаки, а, с другой стороны, он имеет вторую душу, трудовую, которая соединяет его с пролетариатом, и наша задача использовать это положение так, чтобы за трудовую душу тянуть его по нашему пути, в то время как кулак тянет его к себе за собственническую душу.

И сейчас происходит борьба за этого крестьянина, крестьянина-середняка. Но возможно ли вообще перетянуть его на нашу сторону? Как нужно поставить этот вопрос с ленинской точки зрения? Если мы подойдем к этому вопросу с экономического конца, с хозяйственного конца, то надо поставить его в такой форме: при каких условиях, как и почему товарное хозяйство простого товаропроизводителя, не эксплуатирующего наемного труда, может перейти к социализму, минуя капитализм, и может ли оно это сделать? Вот как стоит вопрос. Товарищи, которые привыкли читать старые книжки и при этом плохо их читать, которые не понимают, что есть разница между капиталистическими отношениями и нашими отношениями, рассуждают очень просто. Они говорят, что мы, большевики, всегда с давних времен боролись с иллюзиями, с неправильными, фальшивыми, замазывающими действительное положение вещей, взглядами, что массы средних крестьян, мелких хозяйчиков, могут улучшить свое положение. Они подчеркивают, что мы всегда боролись с этими взглядами, что мы всегда указывали на неизбежность роста диференциации этого крестьянства, на неизбежность его вымывания, на неизбежность отхода небольшой, сравнительно, части в кулацкое лоно и другой, подавляющей, массы на поло-

жение пролетария и полупролетария. Они вспоминают, что большевики клеймили как обмащиков и либералов тех, кто затушевывает диференциацию в деревне, кто затушевывает распадение среднего крестьянства на два полюса, указывали, что это не марксистская, а народническая постановка вопроса. Так мы говорили.

Правы ли мы были? Да, правы целиком, потому что в условиях капиталистического развития никакого другого пути для крестьянина-середняка нет, как распадаться на два полюса, вымываться с двух концов. Если он начнет лучше жить, он неизбежно всегда и при всех условиях, в обстановке капиталистического режима, превращается в кулака. Если он беднеет, он идет в батраки, идет в город и проч. Но подняться своей собственной середкой так, чтобы все выше и выше итти вперед, без того, чтобы не прибегнуть к наемному труду, и без того, чтобы не превратиться в капиталистика, такого пути у среднего крестьянства не было. И мы были правы, когда с этой точки зрения критиковали и кооперацию, говоря, что всюду и везде, во всех капиталистических странах кооперацией верховодят капиталисты, верхушечные слои самых богатых крестьян, пользующихся наемным трудом. И мы всегда направляли острие своего критического анализа именно сюда и всегда обнаруживали, что народники, либералы, буржуазные экономисты и проч. скрывали это, замазывали диференциацию в деревне, что они скрывали распадение середняка на две части, что они врали, говоря, что кооперация там некапиталистического характера; мы утверждали, в противоположность им, что она эксплуататорского характера, что она основана на эксплуатации наемного труда, что она развивалась всегда при помощи крупных банков, и прочее и прочее.

Все это абсолютная истина. Но, товарищи, Ленин совершенно правильно неоднократно говорил, что одна из основных ошибок оппозиционеров состоит в том, что они правильное для определенного исторического периода переносят на другой период, когда это правильное превращается в неправильное, когда это стало нелепо, неправильно, и что этого делать нельзя, что это противоречит учению Маркса. Тов. Зиновьев пишет в своей книжке «Ленинизм», что и сейчас еще находятся некоторые чудаки, которые говорят о возможности некапиталистической эволюции. Но этот аргумент направляется не против кого другого, как именно против Ленина, против его плана кооперирования крестьянства. И тут, товарищи, я должен раскрыть все скобки. У нас в наших условиях простой товаропроизводитель стоит на перепутьи двух дорог. Средний крестьянин находится у стыка, он может пойти и по одним рельсам и по другим, а находится он у стыка этих двух дорог, которые расходятся в разные стороны: одна капиталистическая, а другая некапиталистическая — социалистическая. Нужно понять, что у нас сейчас не буржуазное государство, а диктатура пролетариата, что наши государственные банки находятся не в руках буржуазии, а в наших руках, что промышленность находится не у буржуазии, а в наших руках, и что Рудзутак — не Джон Пирпонт Морган, а наш товарищ Рудзутак.

Вот, если мы все это соответствующим образом взвесим, если мы будем исходить из того, что командные высоты находятся в руках рабо-

чего класса, в руках его пролетарского государства, то тогда сейчас же перед нами встанет такой вопрос: неужели деревня будет развиваться непременно и только капиталистическим путем, независимо от того, кто стоит у власти — пролетариат или буржуазия? И если бы наша деревня была под властью буржуазии, если бы наш город был под властью буржуазии, тогда бы середняк пошел по капиталистическому пути. Если бы у нас не было пролетарского города, а была бы только одна деревня (предположим, что вдруг химическими газами отравили бы все население городов), она ползла бы одна, она пошла бы сначала назад, но потом сдвинулась бы, пошла бы по капиталистическому пути. Но у нас есть пролетарский город, есть пролетарские командные высоты. Что же, это совершенно маленькая штука, которая никакого отношения к развитию деревни не имеет? Ясное дело, так рассуждать глупо. Я утверждаю, что эти командные высоты воздействуют на деревню, на среднего крестьянина, который является простым товаропроизводителем и который сейчас стоит на перепутьи двух дорог, толкают его на социалистический путь. Каким способом? Через кооперацию. И вот здесь уместно вспомнить тот план кооперативного строительства, который развернул т. Ленин.

Мы не желаем гнать железной метелкой середняка в коммунизм, подталкивая его пинками. Это оказалось неверным, неправильным, негодным с точки зрения социализма. Мы вовлекаем его обходным путем через кооперацию, которая в его интересах. Но эта кооперация развивается не в условиях господствующего капиталистического способа производства, она смыкается не с банком капиталиста, а с банком пролетариата, не с капиталистической промышленностью, а с нашей пролетарской промышленностью, не с трестами Моргана и Рокфеллера, а с нашими пролетарскими трестами, не с капиталистическими железными дорогами, а с железными дорогами, находящимися в руках пролетариата. Кооперация будет постепенно расти, мы будем играть в ней все более и более крупную роль, будем все больше и больше направлять в основном ее политику, будем все больше и больше влиять на нее хозяйственно, поддерживая бедноту и середняка против кулака, поднимая те слои крестьянства, которые нужно поднимать с точки зрения строительства социализма.

Мы имеем в своих руках рычаги, которые с каждым годом все больше и больше будут определять общее развитие страны, мы имеем в своих руках тот мостик, по которому госпромышленность соединяется с крестьянским хозяйством. Организационный мостик, имя которому — кооперация. И, таким образом, поддерживая бедноту и середняка против кулака, помогая некапиталистическим формам, содействуя развитию различных способов общественного пользования машинами, а в конечном счете — переходу к электрификации, мы будем систематически отводить среднее крестьянство от капиталистического пути к социалистическому.

Ленин в своей статье «О кооперации» говорит об этом очень ясно. У кооператоров старого времени, — заявляет он, — было много негодного, никудышного, реформистского, даже пошлого с точки зрения клас-

совой борьбы. Почему? Потому что они не вели борьбы за захват власти. Но это мечтательное и даже пошлое становится действительностью после того, как мы политическую власть завоевали. Это есть аргумент со стороны самого т. Ленина против того, что говорили против нас товарищи из оппозиции. Само собой разумеется, если бы у нас не было пролетарской диктатуры, если бы у нас не было экономических, политических и партийных командных высот, тогда бы этот весь план не мог быть осуществлен. Если эти высоты у нас, то мы обязаны сейчас вести здесь определенную борьбу.

Нам говорят, что мы затушевываем классовую борьбу и т. д. Но, товарищи, когда недооценивают середняка и кооперативный план Ленина, то как раз в этом и выражается отказ от основной классовой задачи пролетариата. Какие социальные силы стоят сейчас на политической арене: стоит рабочий класс, стоит основная масса крестьянства, т.-е. в первую очередь крестьянин-середняк, и стоит третья сила — капиталистические элементы: кулак в деревне, частник, скупщик, купец. Главная борьба сейчас идет между рабочим классом и буржуазией — за что? За среднего крестьянина. Вот как сейчас стоят основные проблемы большой классовой стратегии и тактики. А в чем она выражается? Выражается она в том, что кулак, капиталист, частник отдирают этого среднего крестьянина от нас, стремятся повернуть его на капиталистические рельсы развития. Если это им удастся, они получают громаднейшую подмогу, а мы, с другой стороны, тянем его, этого середняка, на социалистические рельсы через кооперацию.

Более трудной классовой задачи, более острой классовой борьбы, более важной проблемы с точки зрения классовой борьбы пролетариата в нашей стране нет. Следовательно, эта задача есть самая важная задача классовой борьбы рабочего класса в текущий исторический период. Нам надо отбить, отвоевать середняка, постараться его в возрастающей степени переводить с капиталистических рельс на рельсы социалистического строительства, таким путем отбивая эту основную массу крестьянства у кулака, который влечет его на рельсы капиталистического развития. Можно сделать второстепенные ошибки в целом ряде других вопросов. Но, если в этом вопросе сделать ошибку, это значит каюк пролетарской диктатуре. Если эту задачу не видеть, это значит не видеть основной задачи классовой борьбы в текущий период. Если эту задачу затушевать, это значит затушевать основную проблему классовой борьбы, как она стоит перед нами теперь и как она будет стоять в ближайшее время. Вот постановка вопроса относительно задачи строительства социализма и наших командных высот.

Совсем коротко остановлюсь теперь на вопросе о роли нэпа. В этом вопросе, товарищи, у нас есть расхождения с оппозицией — главным образом в том, что оппозиция не понимает, что нэп есть не только отступление. Тов. Зиновьев в своей книжке, как вы отлично знаете, определяет нэп только как отступление, мы же считаем, что нэп был отступлением, а теперь мы на рельсах новой экономической политики, а не на рельсах возврата к военному коммунизму, наступаем на капиталистов в нашей стране, потому что успехи нашего социалисти-

ческого строительства суть не что иное, как наше наступление на рельсах новой экономической политики. Еще на московской губернской партийной конференции я поставил в первый раз этот вопрос в связи с вопросом о госкапитализме, к которому я потом перейду. Я заявлял тогда, — и это полностью теперь подтверждается, — что если мы будем неправильно трактовать о нэпе и если мы будем неправильно говорить о госкапитализме, то тем самым мы исключаем возможность правильного воспитания новых слоев рабочего класса и, в особенности, новой молодежи из рабочего класса, что тем самым мы подрываем организационные и идейные силы нашего класса.

Я прочту вам сейчас кое-какие выдержки из письма, написанного одним молодым рабочим очень смело — с подписью и пр. — для иллюстрации того, на какую мельницу льет воду наша оппозиция. Письмо под заголовком: «Что делать?.. Стоит ли итти в налетчики?»... (С м е х). Не смейтесь: вы увидите, что это далеко не смешно. Сперва идут имя, фамилия, год рождения — 1909 (молодой парень — всего 17 лет). Затем он описывает, как он учился в школе, как ему приходилось трудно, насколько тяжело его материальное положение, описывает свои мытарства по нашим бюрократическим органам, а потом пишет: «Следует ли мне итти в налетчики и не будет ли это в ущерб моей основной цели — водворению диктатуры пролетариата, — конечно, не в виде самоцели, — на всей земле и притом и немедленно?» Дальше он раз'ясняет идейный путь, которым он «дошел до жизни такой». «Вот, — говорит, — в двух словах, как я к этому пришел». Он пишет так:

«Большевики отказались от проведения своей классовой линии. Эпоха „военного коммунизма“ и была эпохой диктатуры пролетариата, а на X с'езде диктатура пролетариата была подменена революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Подмен этот окончательно был завершен на XIV партконференции, и теперь дело остается только в названии. Большевики все еще называют современное положение диктатурой пролетариата, но уже и то некоторые из них предлагают не так ясно говорить: „руководство пролетариата“ — крестьянам это, мол, не особенно нравится. Удержать диктатуру пролетариата, по-моему, большевики могли бы не введением нэпа, что произошло на X с'езде, а об'явлением революционной войны международному империализму (конечно, нас могло ждать и поражение, но без риска до коммунизма не дойдешь — „или пан, или пропал“). О революционной войне много говорилось при решении вопроса о заключении Брестского мира, и Ленин, ратуя за его заключение, говорил: „Нам необходимо задушить буржуазию, а для этого необходимо, чтобы у нас были свободные обе руки. Сделав это, мы освободим себе обе руки и тогда сможем вести революционную войну с международным империализмом“. И вот к 1921 году буржуазия задушена, но большевики, забыв революционную войну, ударяются в мирное строительство и наивно думают, что это мирное строительство — с каждодневными уступками нэпачам, кулакам, частной инициативе — доведет до социализма.

«Долой мирное строительство — да здравствует революционная война!

«Да здравствует диктатура пролетариата в мировом масштабе!

«Да здравствует коммунизм!» (Следует подпись и адрес).

Правда, он смелый парень, но, по чести говоря, он додумал все до конца, больше, чем некоторые из оппозиционных товарищей. (С м е х). Я вам сейчас скажу — почему. В самом деле, представьте себе такое положение вещей. Человек учится по книжке Зиновьева «Ленинизм», и на всех страницах, которые я точно перечислил в своей речи на партийном с'езде, он читает, что нэп есть отступление, отступление и отступление. Если мы с 1921 года только и занимаемся, что отступаем, если это отступление заключается в возрастающих уступках — тогда совершенно естественно, что у нас за этот период, кроме черной полосы отступления, ничего нет. Ведь ясно это? Тогда, конечно, совершенно ясно, что если это отступление связать с нашей технической отсталостью, то выходит, что мы едва-едва кряхтим и кряхтя отступаем все время назад, делаем все время уступки капитализму. Где же тогда строительство социализма?

С этим хорошо увязывается и другой вопрос — вопрос о госкапитализме в нашей государственной промышленности. Ведь, если наша промышленность социалистическая, то тогда рассеивается мираж всеобщего постоянного отступления, потому что мы имеем рост социалистической госпромышленности; но если у нас постоянное отступление, то тогда легко примирить это положение с тем, что наша промышленность не социалистическая, а госкапиталистическая. И тогда получается, что мы сделали экспроприацию буржуазии, потом делаем ей все время уступки: нашу промышленность подняли, но не на социалистических началах, а на капиталистических; в деревне растет кулак, строительство социализма невозможно из-за нашей технической отсталости, и мы неизбежно подойдем к такому моменту, когда мы должны будем свертываться.

Если нэп, как общая форма нашей политики, о которой Ленин говорил как о единственно правильной политике пролетариата, является, по словам т. Зиновьева, сплошным, самым широко задуманным отступательным движением большевизма, — что же получается? Получается, что мы из-за технической отсталости погибаем: нэп только отступление, мы все годы только отступаем; госпромышленность — капиталистическая, а так как госпромышленность есть головной отряд, то, раз уже она госкапиталистическая, то все остальное — и подавно. Куда дальше итти? Значит, у нас цепочка только отрицательных событий.

На чем сидит пролетарская диктатура? Ясно, что если под пролетарской диктатурой экономически самым твердым местом является госпромышленность, которая не есть социалистическая, то все остальное, во всяком случае, мелкобуржуазная жижа и дрянь. И совершенно естественно, что мы, сидя на такой штуке, сами не имеем уже ни грана социализма, ибо ясно, что ни одна власть не может выражать иную сущность, чем та, на которой она сидит. Значит, наша собственная власть не есть диктатура пролетариата, а мы только пускаем пыль в глаза рабочему. Значит, наша власть есть блок наших выродившихся хозяйственников и термидорианцев, по выражению т. Залуцкого. И тогда люди, которые не связаны с нашей партией, доводят эту мысль до логического конца. Что выступления вроде тех, какими занималась новая

оппозиция, поддерживают в среде рабочего молодняка, который не может продумать проблему до конца, такого рода настроения, — не подлежит никакому сомнению, потому что, если криво усмехаться и говорить: социализм, какой это социализм — госпромышленность; хорош социализм, когда рабочие мало получают, — плюем мы на такой социализм: свобода торговли, нэп. Вот вы кричите, что идете вперед, а сами широко отступаете; затем вы говорите, что свобода торговли обслуживает социализм; ничего она не обслуживает, — это капитализм... Вот, если так говорить, тогда действительно уж нечем крыть. Тогда плевал я на такую власть, плевал я на такую экономику, плевал я на такую партию, которая всякой ерундой занимается. Ведь это же прямой вывод из всего этого.

Вот если бы говорили так: у нас госпромышленность социалистическая, но бедная — это было бы правильно; что мы строим социализм, но у нас трудные задачи — это было бы правильно; что у нас, в общем и целом, кооперация на социалистическом пути, но тут громадные трудности — это было бы правильно. Но если говорят, что ЦК термидорианский, а термидорианцы были контр-революционерами, которые проделали после французской буржуазной революции контр-революционный переворот, то это вздор. Если ЦК термидорианский, то-есть контр-революционный, если наши основные партийные кадры перерождены, то наша партия ни чорта не стоит, то она ведет по совершенно негодному термидорианскому пути. А я думаю, что некоторые товарищи чрезмерно начитались белогвардейских газет и очень испугались того, что там пишут, страшно испугались того, что противники про нас говорят, так испугались, что сами стали верить тому, что там пишут. Таких вещей допускать нельзя.

Товарищи, совершенно ясно, что мы должны вести против такого рода уклонов борьбу. Мы знаем, что у нас многое чрезвычайно плохо, мы знаем, что существует тенденция к перерождению и среди хозяйственников и среди партийной бюрократии, но не нужно всего этого преувеличивать, а нужно рационально со всем этим бороться. Так мы ставим вопрос. Я думаю, что когда представители новой оппозиции разрушают веру в социалистическое строительство, вселяют совершенно неправильное представление об общих основах нашей политики, они подрывают доверие к нашим экономическим высотам, они подрывают и доверие к нашей общей политике, а когда они говорят о нашей партии, то они также подрывают основы политической власти рабочего класса. Когда Надежда Константиновна на партийном с'езде говорит о Стокгольме, то она подрывает авторитет нашего партийного с'езда и всей партийной организации. Когда т. Зиновьев предлагает блок всех фракций и группировок, т.-е. нарушает основные принципы большевизма в организационном вопросе, он подрывает силы нашей партии. Когда товарищи противопоставляют комсомол нашей партии, они подрывают авторитет партийного руководства, они ударяют, хотя и бессознательно, по делу рабочего класса, и они об'ективно помогают всем кулакам, нэпманам и проч.; они подрывают веру в наши экономические высоты и общие принципы нашей политики. Они подрывают силы рабо-

чего класса тем, что ударяют по нашей партийной организации, выдвигая такие вещи, как рассуждения о стокгольмском с'езде, как вопрос о блоке фракций и группировок такие вещи, как обстрел и неподчинение резолюциям партийного с'езда, такие вещи, как натравливание комсомольской организации на нашу партийную организацию, все переворачивают и ставят на голову. Мы против того будем бороться до конца. Если потакать такому, якобы, ленинизму в организационном вопросе и в вопросах общей политики, то это значит погубить нашу партию.

Я хочу сказать, товарищи, еще несколько слов относительно тех задач, которые стоят сейчас перед нами, специально относительно ленинградской организации. Мне кажется, что текущая конференция должна подчеркнуть свою солидарность с решениями партийного с'езда; она должна, мне кажется, показать всем ленинградским коммунарам, что во внутрипартийной истории ленинградской организации должен быть сделан определенный поворот в сторону не фальшивой, а настоящей внутрипартийной демократии. (Аплодисменты).

Мне кажется — да простят мне некоторые товарищи из бывших руководителей ленинградской организации — что тот режим, который здесь был, можно характеризовать как соединение демагогии с фельдфебельскими методами управления партией. (Аплодисменты). Нужно понимать, что наша партия стоит перед большими трудностями. Если возникают какие-нибудь серьезные вопросы и разногласия, то нам надо их как следует проработать по существу. А вы посмотрите, что здесь делается. Спросите любого из оппозиционных комсомольцев, или соберите их всех вместе и попробуйте немножко проэкзаменовать, что они читали, что они знают и что они понимают, — картина будет наверняка далеко не утешительная. Какой-нибудь из вождей прочитает доклад, а потом этот доклад, сплошь и рядом механически, повторяют на всех перекрестках без того, чтобы вдуматься, серьезно проработать эти вопросы, без того, чтобы воспитать чувство ответственности, без того, чтобы внимательно прислушаться к каждому аргументу своего противника, вникнуть в вопросы, уметь слушать других и т. д.

Пусть будет поменьше парадов, поменьше словесной трескотни, пусть будет поменьше показного, пусть будет поменьше внешнего лоска, пусть будет поменьше внешних эффектов, но побольше работы по существу и притом работы, проводимой более демократическим путем. Ведь всякий легко поймет, почему руководящий аппарат старого типа в Ленинграде так скоро потерял свой авторитет: не только потому, что сюда понаехало много цекистов (конечно, и это имело значение), но и потому, что ЦК опирался здесь на демократическое недовольство партийных низов против бюрократического аппарата ленинградских организаторов. (Аплодисменты).

Само собой разумеется, что мы всему знаем границы, всему знаем меру; что мы не можем перескакивать через огромные овраги, через которые перескочить сразу не в силах, но основной курс по отношению к ленинградской организации должен быть примерно такой: то, что мы от имени Исполкома Коммунистического Интернационала писали о необходимости нового внутрипартийного курса ЦК германской партии

секретарю Рут Фишер, ваша конференция должна преподать всей ленинградской организации. Я, товарищи, думаю, что если мы поведем работу так, то достигнем не очень быстрых, но значительных успехов.

По отношению к молодежи нужно обязательно проявить здесь максимум терпения, нужно, конечно, хлестать их за то, за что нужно хлестать, но нужно помнить, что они действительно — наша смена, что здесь нужен все же осторожный подход, что нужно бороться за каждого человека, чтобы его переубедить. ЦК стоит на той точке зрения, что мы не можем швыряться людьми, что мы должны сохранять людей, пока есть некоторые шансы добиться их сохранения для общего дела, для дела, ради которого мы работаем, за которое мы живем и, если нужно, умрем. Это будет очень сложная работа, она потребует от нас добавочного внимания, она потребует от нас добавочных усилий, но эти усилия будут окупаться не механическим, а органическим сплочением рядов нашей партийной организации на основе твердого убеждения в правильности решений партийного с'езда.

Если сейчас нам приходится переживать некоторые — и довольно серьезные — экономические затруднения, если на этой почве создаются благоприятные условия для различных колебаний внутри рабочего класса и нашей партии, то в рядах нашей партии необходимо крепить единство и уверенность в правильности нашего пути. Если мы наши партийные ряды сплотим по-настоящему, — а мы их сплотим, — то из хозяйственных затруднений, в которых мы находимся, мы вылезем (в этом я нисколько не сомневаюсь), свое положение через некоторое время укрепим еще в небывалой степени, и на почве роста хозяйственной мощи дадим сильнейший толчок укреплению нашего международного влияния, влияния на западно-европейский пролетариат, влияния на внешнюю политику, влияния на растущее революционное движение колониальных народов.

Нужно помнить и быть совершенно уверенным в том, что, строя наше социалистическое хозяйство, укрепляя социалистические элементы в нашей стране, мы делаем величайшее в истории дело — международную социалистическую революцию. Мы должны помнить, что одним из главнейших факторов роста революционного движения во всем мире является укрепление нашего хозяйства, укрепление мощи пролетарской диктатуры, укрепление влияния нашей партии. Мы должны сплотить наши ряды, ибо только при условии единства, при условии единодушия ленинского руководства мы в состоянии вести за собой в такой трудной обстановке рабочий класс.

Да здравствует ваша организация!

Да здравствует вся наша партия! (Бурные аплодисменты).

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДОКЛАДУ ОБ ИТОГАХ XIV ПАРТ-С'ЕЗДА.

XXIII чрезвычайная ленинградская губконференция, заслушав доклад о работах XIV с'езда, приходит к следующим заключениям:

Конференция считает необходимым подвести итог целой полосе в жизни ленинградской организации, когда руководящие верхи этой последней вели

фракционную работу внутри партии и пытались противопоставить ленинградскую организацию — при помощи всех средств фракционной борьбы — совокупной идейной и организационной мощи ВКП (б).

Конференция целиком и полностью, без всяких оговорок, присоединяется к решениям партийного с'езда, считает линию партийного с'езда безусловно правильной, вполне отвечающей условиям текущего момента и обеспечивающей укрепление пролетарской диктатуры в СССР на всех фронтах классовой борьбы пролетариата.

Конференция решительно осуждает идейную линию оппозиции, которая в значительной мере повторяет ошибки различного рода прежних оппозиционных группировок. Скептицизм и неверие во внутренние силы рабочего класса нашей страны и связанное с этим неверие в победоносное и успешное строительство социализма; неправильная и неленинская постановка вопроса о нэпе как отступлении и только отступлении; отрицание социалистического характера нашей государственной промышленности и недооценка командных высот, находящихся в руках пролетариата; непонимание всей важности прочного союза с основными массами крестьянства и недооценка ленинского плана кооперации, как основного пути строительства социализма в деревне; неправильная постановка вопроса о борьбе с кулачеством, при явном преувеличении сил кулачества, и непонимание того, что одним из важнейших средств борьбы с кулаком является осуществление прочного союза пролетариата и деревенской бедноты с середняцкими массами крестьянства, — все это выражает собой отступление от правильной политики, которая только и может обеспечить дальнейшее укрепление пролетарской диктатуры как величайшего оружия в развитии международной социалистической революции. Конференция констатирует, что уклоны новой оппозиции фактически льют воду на мельницу врагов пролетариата, ибо подрывают как веру пролетариата в свои собственные силы, так и самый союз рабочих и крестьян, без которого немыслима пролетарская диктатура в нашей стране.

Конференция констатирует, далее, что идейная позиция противников ЦК подрывает также и основную крепость пролетарских сил в их борьбе с враждебными пролетариату социальными элементами нашей страны, а именно нашу партию и примыкающую к ней коммунистическую организацию молодежи.

Непомерное разбухание нашей парторганизации за счет приема не прошедших школу классовой борьбы и пролетарской организованности элементов рабочего класса, так и делегатские собрания середняцкой крестьянской молодежи, на-ряду с комсомолом — что предлагалось оппозицией — означает на деле ослабление партии, как руководящей силы пролетарской революции. По той же линии идут предложения блока всем фракциям и группировкам, попытки легализации этих течений, ведущие к коренному изменению организационной природы нашей партии, к подрыву ее сплоченности и ленинского единства.

Конференция констатирует, таким образом, уклон оппозиции от ленинизма не только в вопросах политики, но и отход ее от ленинских взглядов в организационном вопросе.

В борьбе за совершенно неправильную принципиальную линию оппозиция прибегла к неслыханным в истории нашей партии приемам. Апелляция к молодежи против партии и попытки всесоюзной фракционной организации молодежи в целях борьбы против партии; скрытая работа против ЦК партии при одновременном внешнем высказывании — в целях маскировки — за политику ЦК; выступление с содокладом против линии партии на с'езде; голосование против резолюции доверия ЦК вопреки формальному решению губернской конференции; дезорганизаторские выступления против уже принятых решений с'езда; совершенно исключительные меры организационного зажима и неслыханные репрессии по отношению к сторонникам общепартийных решений (запрещение распространять с'ездовскую литературу; препятствия к созыву собраний коллективов, высказывающихся за линию с'езда; препятствия к перевыборам оппозиционеров в бюро коллективов; снятие

с работы сторонников с'ездовских решений и т. п.) — все это конференция считает проявлениями разлагающей партию фракционной борьбы.

Конференция с глубоким удовлетворением отмечает, что ЦК до с'езда сделал все попытки мирного изживания конфликта, а после с'езда прибегнул к самому правильному способу ликвидации фракционности путем обращения к широким массам партийной организации Ленинграда.

Опираясь на единодушную волю подавляющего большинства ленинградских рабочих-коммунаров, конференция заявляет, что ленинградская организация сделает все возможное, чтобы выравнять партийные ряды и, осудив категорически и бесповоротно поведение прежней верхушки организации и ленинградской делегации на с'езде, в возможно скором времени изжить последние остатки фракционности.

Конференция решительно осуждает старый курс на местничество и сепаратизм, замкнутость и отчужденность, искусственно культивируемые оппозиционно-подобранной частью партийного аппарата, который пытался в последний период навязывать свою фракционную линию всей организации. Конференция приветствует решения партии о необходимости развития внутрипартийной демократии и считает проведение этих решений в жизнь обязательной предпосылкой для дальнейшего роста партийной организации.

В связи с этим, конференция обращает особое внимание на необходимость более глубокой работы по изучению ленинизма вообще, по изучению решений партийного с'езда — в частности.

Конференция вменяет в обязанность всем членам ленинградской партийной организации особо внимательное отношение к комсомолу и считает необходимым поворот всей работы последнего в сторону действительно глубокого партийного воспитания и правильного партийного руководства, что должно положить конец уродливым остаткам фракционности в комсомольских организациях.

Конференция считает необходимым обратить и гораздо большее внимание на работу среди беспартийных масс вообще, на необходимость усиления работы в профсоюзах, советах и кооперации.

Усматривая в курсе на внутрипартийную демократию одну из основных организационных гарантий действительного воспитания широких партийных масс, конференция заявляет, что ленинградская организация ВКП (б) будет, как и раньше, основной твердыней непоколебимого партийного единства, передовым отрядом партии и ее ЦК в борьбе против всех и всяческих фракционных попыток, откуда бы они ни исходили и кем бы они ни возглавлялись.

Конференция выражает твердую уверенность в том, что новый губернский комитет сумеет обеспечить самую тесную связь с ЦК партии, при помощи которого идет быстрое выздоровление организации и под руководством которого ленинградская организация снова займет принадлежащее ей по праву место в рядах нашей славной партии.

Да здравствует наше партийное единство!

Да здравствует ВКП (б) и ее ЦК!

ПРИВЕТСТВИЕ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ВКП (б).

XXIII чрезвычайная ленинградская губпартконференция, от имени более чем 100 тысяч членов и кандидатов ВКП (б), шлет ленинскому ЦК, генеральному штабу ленинской партии — ее испытанному руководителю, свой пламенный коммунистический привет.

Губпартконференция заявляет от имени всей ленинградской организации, что ленинградским коммунарам чужда мысль противопоставлять себя ЦК. Напрасно прежние вожди ленинградской организации пытались в своей борьбе против ЦК опереться на ленинградскую организацию, — ленинградские коммунары сразу же поняли в чем дело и лишили доверия оказавшихся недостойными его вождей. Тщетно последние думали привить ленинградским партийцам дух «комчванства», против которого не переставал выступать

Ильич, — ленинградская организация не претендует ни на какие привилегии, на генеральное положение в партии — высшую честь для себя она видит в том, чтобы вместе с другими старейшими организациями быть верным и несокрушимым оплотом ЦК.

Долгими годами большевистской революционной работы ленинградская организация создала себе в партии заслуженный авторитет оплота партийного единства, авторитет твердой опоры ЦК. Старая ленинская верхушка рядом раскольнических действий нанесла тяжелый удар авторитету нашей организации, но ленинградские коммунары резко осудили фракционную линию своих бывших вождей, — они высказались за партию и за ЦК против оппозиции.

Ленинградские партийцы не претендуют на непогрешимость, и им приходилось ошибаться, но как подлинные ученики Ильича, они умеют скоро сознать свою ошибку и исправить ее. Борьба за единство партии, борьба против всякой фракционности является старейшей традицией ленинградской организации. Наша организация была, есть и будет вернейшим стражем ленинского единства партии, она останется опорой ЦК — как стальная стена встанет она вокруг испытанного вождя и руководителя всей нашей партии — ленинского ЦК.

Всем попыткам внести раскол в ряды ленинцев, от кого бы они ни исходили и кем бы ни возглавлялись, наша организация даст беспощадный отпор.

Да здравствует ленинский ЦК!

Белогвардейская печать о дискуссии.

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ «РУЛЬ» ОБ ОППОЗИЦИИ.

На страницах нашей газеты уже указывалось, что белые эмигрантские газеты похваливают нашу новую оппозицию за ее выступления против ЦК и большинства с'езда партии.

Особенно старается белогвардейский «Руль», издающийся в Берлине.

В одной из его передовиц редакция пишет:

> «На лицемерии основана нынешняя пропаганда большевистского центра. Призывая к накоплению, он говорит о накоплении социалистическом; купца давно уже, для самоутешения, называют красным; государственную промышленность называют социалистической, утверждая, с помощью несложных софизмов, что нэпом строится социализм.
>
> «И вот, приходит оппозиция и называет происходящее по имени, разоблачая несоциалистический характер происходящего. Она не выставляет своей программы, а разоблачает, что программа противников облыжно выдается за социалистическую».

«Большевистский центр»... «лицемерит», а вот оппозиция «называет происходящее по-имени». Что же это такое, как не выражение одобрения оппозиции из уст белогвардейских писак? Одобряется именно основной тон выступления оппозиции, ее основная политическая окраска. Это всякий видит, потому что все обвинения, которые «Руль» пред'являет «большевистскому центру», ясно звучат перепевом оппозиционных речей.

Госпромышленность — не социализм; нэпом социализма не построишь; социалистического накопления нет, есть только капиталистическое; большевикам остается для «самоутешения» лишь называть купцов «красными», «облыжно выдавая» свою программу за социалистическую... Разве нечто подобное не лежало в идейном чемодане нашей оппозиции? Конечно, «Руль» все ее доводы «усилил» и «углубил» в несколько раз, — на то он и белогвардейская газета. Конечно! Но разве самый тот факт, что белогвардейцы радостно набрасываются на идейный багаж оппозиции, с полуслова, на-лету, подхватывая ее мысли и намеки, раздувают их и доводят до логического конца, выдавая за свои собственные, — разве этот факт можно обойти молчанием? Разве он ни о чем не говорит?

Разве он не говорит, что оппозиция ошиблась, что ею был взят неверный тон, что она начала сбиваться с классовой пролетарской линии?

Возьмем другую передовицу «Руля», от 1 января. Там пишут:

«Суммируя свои обвинения, оппозиция повторяет высказанное нами уже несколько месяцев тому назад утверждение, что революция в России кончена и тайком совершилось девятое термидора».

Вот тебе и раз! Все помнят, как один из видных вождей оппозиции обвинял ЦК в «термидорианстве», т.-е. в перерождении, в отходе от классовых позиций. И вот теперь «Руль» выступает с «претензиями» на идейное первородство перед оппозицией. Оказывается, что он «уже несколько месяцев тому назад», раньше оппозиции, «обвинил» нашу партию в «термидорианстве»! . .

О нашем «перерождении», конечно, в стане наших врагов очень многие заговорили гораздо раньше «Руля», гораздо больше, чем «несколько месяцев тому назад». Вполне понятно: чего хочется, того и просится, тому и веришь.

Но именно это и показывает, с какой осторожностью следовало оппозиции подходить к такому вопросу, как обвинение ЦК в перерождении, в «термидорианстве». Не выдвинув в подкрепление своего обвинения ни одного серьезного доказательства, оппозиция показала, что она . . . может играть в одну дудку с эмигрантской печатью, но и только, больше — ничего . . .

Бывает так — идет человек по верной дороге, — вдруг и оступится. Так и оппозиция оступилась с пролетарской дороги, пошла было под уклон.

Партия во-время указала ей на ошибки. Отзывы наших врагов тоже должны быть поучительны. Будем надеяться и будем ждать, что скоро сама жизнь заставит товарищей из оппозиции эти свои ошибки признать и исправить их, идя, как это было прежде, нога в ногу со всей партией.

В. А.

«Ленинградская Правда» № 14,
от 17/I 1926 г.

ОЧЕРЕДНЫЕ НАДЕЖДЫ И ОЧЕРЕДНЫЕ ИЛЛЮЗИИ.

Берлинский «социалистический сплетник» не мог не откликнуться на дискуссию, нашедшую себе место в рядах нашей партии. Знать, как он на нее откликнулся, необходимо, конечно, всем членам нашей партии, ибо и здесь можно вспомнить ленинское изречение о «классовой правде врага» (в данном случае вражеского лакея), который имеет свою стратегию по отношению ко всяким размолвкам, всякому расхождению, всякой трещине в наших рядах.

Нас прежде всего интересуют идейные аргументы меньшевистских берлинских мумий, надеющихся на то, что живая вода наших дискуссий будет способствовать и их возрождению, и их политическому

омоложению. Что касается их надежд, то они достаточно выпукло выражены в такой тираде:

> «Борьба уже сейчас принимает очень резкие формы, но она может сделаться роковой, если не удастся в кратчайший срок справиться с экономическими затруднениями и ликвидировать наступающий кризис». («Социалистический Вестник», № 23—24, передовица под заглавием «Капитализм или социализм». Подчеркнуто автором).

Это в общем хорошее предостережение для всех нас. Но к счастью, сознание трудностей, глубоко реалистическая оценка всей обстановки есть непременнейшее свойство ленинской партии. Партия свои решения вынесла, партия свое слово сказала, партия с удвоенной энергией примется за деловую работу. Партия справится с очередными затруднениями, как она справлялась с ними и раньше.

Но какие же пункты в своей атаке выдвигает постепенно меньшевистский орган на первый план?

Это прежде всего вопрос о нэпе. Вот как пишут по этому поводу господа меньшевики:

> «В петербургской организации РКП нашлись люди, которые впервые решились открыто сказать, о чем многие давно уже думают — „а король-то, ведь, голый!“ — Нэп есть не что иное, как развитие капитализма, да к тому же не в каких-то здоровых, а в самых безобразных формах».

Углубляют меньшевики линию, которая была осуждена нашим с'ездом. Они надеются, что за палец они вытащат из большевистской партии всю руку.

Тщетная надежда! Жалкая иллюзия!

Ибо не только члены нашей партии, но даже широчайшие массы беспартийных все больше и больше понимают тот основной факт, что развитие нэпа есть не только отступление, но и наступление пролетариата, не только развитие капитализма, но и гораздо более быстрое развитие социализма. Более того, эта истина начинает, ведь, под давлением рабочих делегаций, проникать даже в умы некоторых наиболее дальновидных социал-демократических теоретиков. Известно, ведь, как Отто Бауэр определяет теперешний наш строй. В № 351 венской «Arbeiter Zeitung» Отто Бауэр пишет:

> «Это еще не социализм... но и не капитализм. Это — страна, находящаяся в переходном состоянии. Ее хозяйство содержит в себе очень много капиталистических элементов, но также и очень много социалистических».

Отто Бауэр все же настолько грамотен, чтобы в этом пункте не итти против рожна очевидности и не унизиться до теоретической пошлости, свойственной весталкам русского меньшевизма, вроде г.г. Дана, Абрамовича, Левина и др.

Вторым пунктом меньшевистской атаки является пункт о характере нашей госпромышленности. «Социалистический сплетник», разумеется, начисто отрицает ленинское положение о «последовательно социалистическом типе» наших госпредприятий. Он пишет:

«Но, наша государственная промышленность — торопятся убедить любимые вожди из Политбюро — ведь она-то, во всяком случае, представляет социалистическое хозяйство, ведь ее-то уже, во всяком случае, не зачислишь по ведомству капитализма! Но и этот аргумент не действует. В рабочей-то массе никогда не умирало и не может умереть представление о том, что с социализмом неразрывно связана свободная самодеятельность рабочих, свободная активность хозяйственной и политической жизни».

И далее, более «конкретно» специально и в первую голову против Бухарина:

«Целые бочки чернил пролиты за эти дни для убеждения неверующих (sic), что государственная промышленность представляет собой не что иное, как социалистическое хозяйство. Чем меньше верится, тем больше слов (?). Эту замечательную истину возвышают, наконец, до степени партийного догмата и, включая в партийные резолюции, делают веру (!!) в социалистический характер советской промышленности устоем партийной идеологии, обязательством, согласно партийной дисциплине. А затем следуют глубочайшие научно-экономические изыскания Бухарина и Рыкова. Какой же, говорят они, бывает капитализм без капиталиста? Капиталистов нет у нашей советской промышленности, значит нет и капитализма. А следовательно — у нас социализм. Чего яснее?»

Мы извиняемся за большие выдержки, но считаем необходимым продолжить их дальше, приведя «глубочайшие научно-экономические изыскания» меньшевистских писателей. «Социалистический Вестник» продолжает, излагая отчасти «Бухарина» и «Рыкова»:

«Или, может быть, директора наших заводов, наши красные директора —суть эксплуататоры? Нет, бывают только бюрократические извращения, это только „нехватки нашей промышленности“... и все. Каких еще надо научных аргументов? И написавши толстые книги, наговоривши длиннейшие речи, „теоретик“ большевизма (т.-е. Бухарин) забывает на этот раз — и очень кстати, что государственный капитализм существовал и задолго до советской власти, что он существует и сейчас во всех почти странах, что государственный капитализм везде и всегда тем-то как раз и отличается, что в нем не существует отдельного капиталиста. Он забывает — и очень кстати — и о том, что идеологи капитализма, умеренные профессора, так называемые катедер-социалисты, уже задолго до Бухарина развивали тот же (!!) круг идей. Они окрестили государственный капитализм, в „государственный социализм“ и в недрах капиталистического хозяйства своих стран с такой же ловкостью открывали элементы „последовательного социализма“. Рабочие не верили им, впрочем, как не поверят и Бухарину».

Мы предлагаем всем товарищам задуматься над этими меньшевистскими мелодиями. А теперь скажем несколько слов по существу.

О катедер-социалистах, о меньшевистском превращении государственного капитализма в государственный социализм, мы писали разоблачительные статьи как раз тогда, когда этим мошенничеством занималась вся социал-демократическая клика, все эти господа Шейдеманы, Фишеры и т. д. У рабочих не такая короткая память, как у г.г. Дана, Абрамовича, Левина. Рабочие помнят, как понимали «социализм» г.г. Каутские и пр. члены германской «комиссии по социализации». Рабочие помнят, как социал-демократы в Германии называли социализмом каторжный капитализм Вильгельма II. Рабочие знают цену «катеде-

ровскому социализму» Макдональда, собирающегося проводить социализм при власти короля Георга. Так что уж совершенно напрасно г.г. из «Социалистического Вестника» вспомнили «про это». Но они обнаруживают не только плохую память, но и элементарную безграмотность. С важным видом поучают они нас, что при государственном капитализме нет отдельного капиталиста. Не будем придираться к формулировке (точнее было бы сказать — нет отдельно хозяйствующего капиталиста), но дело не в этом. Отдельного нет, а коллективный — есть или нет? Конечно, есть. В чем это выражается, прежде всего? В том, что государство, владеющее средствами производства, есть организация капиталистов, их «исполнительный комитет». Что же выходит?

Да выходит, что г.г. меньшевики просто-напросто передергивают, искажают, путают мысли тех, с кем, тужась и кряхтя, спорят. Даже в изложении наших мыслей они писали: «капиталистов (вовсе не «отдельных», милостивые государи) нет в нашей советской промышленности».

А при капитализме в европейских странах? Если бы «оппоненты» были чуточку пограмотнее и поразборчивее в средствах полемики, они бы увидели, что:

1. Когда перед нами чистый вид госкапитализма в капиталистических странах, то капиталисты владеют средствами производства, ибо у них в руках государство.

2. Когда перед нами, скажем, принудительные синдикаты, регулируемые государственной властью, то на-лицо при буржуазном государстве и капиталисты — синдикатчики.

3. Когда перед нами смешанное общество с участием государства, то мы имеем и капиталистическое государство, и союз капиталистов, и даже «отдельных капиталистов» и т. д.

Неужели все это неизвестно господам из «Социалистического Вестника»?

Что же, наше государство есть государство капиталистов? Или наши синдикаты суть синдикаты капиталистов?

Утверждать такой вздор не решился даже выживший из ума социал-демократическая пифия Каутский. А Отто Бауэр прямо причисляет нашу госпромышленность к «социалистическим» элементам хозяйства. Несчастные подголоски капитализма запутались совсем, заблудились в тех самых сетях обмана, которые они раскидывают для рабочих, стремясь подорвать дело строительства социализма.

Так обстоит дело с госпромышленностью.

Но меньшевики не были бы меньшевиками, если бы они не клеветали на нас самым грубым образом. Так, мы читаем:

> «И Рыков и Молотов поддерживают целиком Бухарина. Они защищают нэп, называя его социализмом».

Мы приглашаем товарищей призадуматься и над этой формулой. А по существу? Что же тут сказать? Оппоненты просто лгут, их «формула» вдвойне лжива.

1. Она лжива потому, что приписывает нам явную безграмотность: нэп есть «новая экономическая политика», социализм есть хозяйственный уклад.

2. Она лжива потому, что никто из нас нигде и никогда не говорил и не мог говорить такой вздор, будто наша страна в целом есть социализм. Этот вздор выгодно распространять меньшевикам. В нашем хозяйстве есть даже патриархально-родовой уклад. У нас масса крестьян живет в условиях частью натурального, частью простого товарного хозяйства. У нас есть кулаки, у нас есть частный торговый капитал, у нас есть ростки частного промышленного капитала, у нас есть аренда и концессии. Кто это отрицал? Кто этого не видит? Кто называет все наше хозяйство социалистическим по совокупности?

Таких нет. Но меньшевикам их надо выдумать, чтобы вести атаку и на нашу госпромышленность, и на советскую власть, и на нашу партию. Господа меньшевики надеются, что «дискуссия в компартии... грозит превратиться в разложение». Они надеются на «признаки отрезвления и оздоровления» (читай: «оменьшевичивания. **Н. Б.**) большевистских рабочих кругов.

Напрасные надежды! Новые иллюзии! Напрасная ставка и на наши хозяйственные затруднения и на «признаки». Великая партия, делающая великое дело, делает его не без внутренних затруднений. Она их имела, и их имеет, и их будет еще долго иметь. Но она воспитана в таких битвах, она получила такую закалку, она так выросла, что она преодолеет и новые трудности. Сомневаться в этом может только тот, кто не знает нашей партии.

Н. Бухарин.

«Ленинградская Правда» № 2,
от 3/I 1926 г.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» О XIV С'ЕЗДЕ НАШЕЙ ПАРТИИ.

Когда в 1921 году был введен нэп, то меньшевики отнеслись к нему двояко.

С одной стороны, они довольно шумно торжествовали по случаю допущения свободы торговли и капитализма, видели в этом начинающееся «протрезвление» большевиков, выставляя самих себя чуть ли не авторами нэпа: в самом деле, не меньшевики ли в 1918, и в 1919, и в 1920 годах только и знали, что проповедовали свободу торговли? Не Ленин ли тогда звал ее «программой Колчака»? А что он делает теперь? Не обкрадывает ли он меньшевиков, ликвидируя политику военного коммунизма, вводя свободу торговли?..

С другой стороны, меньшевики выдавали явно напускной характер такого своего торжества. Оно выглядывало у них хорошей миной при плохой игре. Допустили большевики капитализм, да, оказывается, недостаточно: фабрик и заводов капиталистам не вернули, национализацию промышленности сохранили, монополию внешней торговли не отменили. Меньшевикам такой нэп — не в нэп. А еще того горше, — до-

пустив буржуазию в экономику, совсем не открыли ей дверей в политику. Никак не хотят большевики «по-марксистски» понять связь экономики с политикой!..

Так говорили меньшевики и делали вывод: капиталистическая экономика свое возьмет, большевики полетят, а «демократия» во всей красе восторжествует.

Так они говорили при Ленине, то же самое, в основном, они повторяли и за последние два года. И точно так же, в тех же самых основных чертах, проявляется отношение меньшевиков к политике нашей партии в настоящий момент.

Последний номер «Социалистического Вестника» (№ 1, 16 января 1926 г.) почти целиком посвящен итогам XIV с'езда ВКП (б).

Решения с'езда и линия партии «удовлетворяют» меньшевиков в той части, где они направлены против военного коммунизма, к «ликвидации всех методов и замашек так называемого военного коммунизма». Здесь меньшевики «готовы подчеркнуть заслугу тех, кто из болота утопизма выбирается на почву реальности». На с'езде, — говорят они, — одержана «победа экономического реализма над коммунистическим утопизмом» (стр. 2). В другом месте говорится даже так, что на с'езде одержана «победа капиталистического (!) реализма над коммунистическим утопизмом» (стр. 16).

Но, — и здесь начинаются «но». Хотя с'езд и проявил, по мнению меньшевиков, «экономический реализм», но проявил его в очень малой степени, крайне недостаточно. Только в том случае наша экономическая политика заслужит настоящего одобрения меньшевиков,

> «если» «победившая линия найдет себе выражение...» «в дальнейшем снятии пут с частной инициативы в городе и деревне, в дальнейшем выхолащивании монополии внешней торговли, в дальнейшем развитии политики мира и сближения с европейскими государствами, в дальнейшем сокращении коминтерновских безумств» (стр. 2).

И, между прочим, авторы из «Социалистического Вестника» особо отмечают т. Сокольникова, оказавшегося на с'езде наиболее толковым и реальным политиком по вопросу о характере нашего импорта (стр. 15).

Итак, первое «но», которое имеется у меньшевиков по вопросу об «экономическом реализме» нашей партии, это — ее нежелание пойти на капитуляцию перед капитализмом в экономике. А вот и второе «но»:

> «Но великое преступление большевиков — и особенно победившего течения — заключается в том, что, ставя ставку на „усиление капиталистических элементов", они в то же время хотят во что бы то ни стало сохранить диктатуру коммунистической партии (сказать „диктатуру пролетариата" у меньшевиков, конечно, не поворачивается язык. **В. А.**), более того — все экономическое развитие подчинить потребности этой диктатуры в самосохранении. В результате — сводятся в значительной степени на-нет положительные следствия экономического реализма...» (стр 2)

«Экономический реализм», оказывается, не только не сопровождается желанным для прихвостней буржуазии «политическим реализмом», но «сводится в значительной степени на-нет» политикой большевиков («особенно» политикой «победившего течения»).

Таким образом, мы видим в основных чертах ту же оценку поведения нашей партии меньшевиками, какую они давали с самого начала нэпа. С одной стороны — некоторый «экономический реализм», с другой стороны — капиталистов даже в экономике не «раскрепощают» так, как этого хотелось бы социал-подлизам. А главное «преступление большевиков» попрежнему все то же: буржуазной демократии все нет как нет.

Те же статьи «Социалистического Вестника» (№ 1) рисуют его отношение и к новой оппозиции в нашей партии. В то время, как в партийной позиции меньшевики признают только некоторую долю экономического «реализма», — в том смысле, в каком они признавали это с самого начала нэпа, — по отношению к оппозиции «Соц. Вестн.» высказывает определенное политическое сочувствие ей.

Отзыв о взглядах т. Сокольникова в экономических вопросах мы уже привели выше. Об оппозиции в целом передовая «Соц. Вестника» говорит следующее:

> «Нас и в данном случае интересуют не суб'ективные намерения и «идеология" оппозиционного лагеря, а практически-политическое значение его борьбы. Самое крупное значение имеет в этом смысле тот факт, что в борьбе с противниками оппозиция была вынуждена сказать насчет советской социально-экономической действительности „то, что есть". Ту самую тайну развития и всего хозяйства страны и национализированной промышленности в сторону возрождения и укрепления капиталистических буржуазных отношений, которую неустанно разоблачал „Соц. Вестник", теперь миллионы людей в России и за границей услышали из уст компетентнейших представителей большевизма...» (стр. 3).
>
> «Оппозиция защищала, — говорит далее автор передовицы «Соц. Вестника», — правильное само по себе положение о невозможности социализма в одной стране» (стр. 4).

Иными словами, «Соц. Вестник» одобряет ту основную политическую окраску, которую носили все выступления оппозиции. Указания на возрождение и укрепление капитализма в СССР, как на самый важный и подавляющий своим значением все остальное факт текущего периода, — с затушевыванием значения тех успехов, которые, несмотря на частичное возрождение капитализма, одерживает социализм; скептицизм в отношении перспектив нашего экономического наступления в соединении с утверждениями о невозможности победы социализма в одной стране, — именно такова была политическая окраска, основной тон выступлений оппозиции. Именно за эту окраску и одобряют меньшевики оппозицию.

Далее. «Соц. Вестник» ставит вопрос о том, в каких кругах «может искать себе сочувствия внутрипартийная оппозиция», — и отвечает: «в двух направлениях». Прежде всего — в «буйной толпе» (?) тех ком-

мунистов, кои не в состоянии сменить навыков гражданской войны на навыки нового периода, который, по «Соц. Вестнику», есть не что иное, как период «упорядоченного» развязывания капиталистических отношений».

«Но, с другой стороны, — продолжает автор из «Соц. В-ка», — та же оппозиция пытается эксплуатировать, в интересах своей борьбы за власть, здоровое (как мы знаем, меньшевикам „здорово" все то, что идет на „здоровье" буржуазии. **В. А.)** чувство протеста рабочего класса (как известно, у меньшевиков рабочий класс „должен" протестовать, — мало ли что, если он не протестует! **В. А.)** против вопиющих условий нэпа. Отсюда — яркое изображение действительных отношений на нашей фабрике „последовательно-социалистического типа". Отсюда — лозунг партийной демократии на основе „орабочения" партии, вовлечения в ее ряды 90 проц. всего пролетариата.

«Но эта попытка вести борьбу в рамках сохранения партийной диктатуры и опираться на столь разнородные и противоречивые элементы ведет лишь к тому, что ни один свой лозунг оппозиция не смеет развернуть до конца, ни на одну силу не может опереться по-настоящему и потому также неизбежно осуждает себя на поражение, как осужден был на поражение Троцкий, как будет осужден на поражение всякий бунт, не разрывающий рамок партии и не апеллирующий поверх них к подлинным силам общественных классов» (стр. 4).

Ну, конечно! Можно было заранее угадать, в каком направлении хотели бы меньшевики подтолкнуть нашу оппозицию.

Они хотели бы видеть ее лозунги в «развернутом до конца» виде, — это первое. Второе — они спят и видят, чтобы оппозиция в ВКП (б) «разорвала рамки партии» и пошла бы на поклон к «подлинным силам общественных классов» (кто же не знает, что такое «подлинные силы» для меньшевиков?).

«Надежды наши мы строим не на чем ином, — распинается все тот же автор, — как именно на политическом оформлении рабочего движения (то-есть на политическом разоружении этого движения в пользу капиталистов. **В. А.)**, способном вовлечь в общепролетарские ряды и те элементы компартии, которые сохранили классовое пролетарское чутье и социалистический разум, способный побудить их на разрыв партийных проволочных заграждений, заставляющих их биться во внутрипартийном тупике» (стр. 2).

И незаметно для себя «Соц. Сплетник» от надежд уже переходит к вере в их осуществление. Так изголодавшийся человек, думая о пище, глотает слюну:

«Вся партия [т.-е. ВКП(б)] поколеблена в своей устойчивости. Ликвидация партийной диктатуры сделала новый громадный шаг вперед» (стр. 2).

Нужно ли пояснить, как все это глупо, пресно и старо? Ведь буквально при каждой партийной дискуссии мы слышали слово в слово все то же самое!

Почитать «Социалистический Вестник» за все годы его существования, так наша «партийная диктатура» только и занималась тем, что

делала «громадные шаги» к своей ликвидации. А в итоге — удивительным образом! — все крепла, да крепла.

Точно так же и с надеждами на расколы. Разве в 1921, разве в 1923 году меньшевики не кричали о расколе нашей партии? Каркали, каркали, а беды все-таки нам не накаркали.

Не смешно ли, не глупо ли такое карканье сейчас?

При каждом проявлении внутри партии уклонов от ленинизма меньшевики, захлебываясь от сладостных предчувствий, спешили выразить свое одобрение партийной оппозиции, всячески «зазывая» в свою компанию ошибавшихся товарищей из нашей среды.

Со стороны меньшевиков это вполне естественно. Что же другое осталось у партии, давным давно потерявшей всякий кредит в советской стране, как не последние надежды на внутреннее разложение наших рядов?

Но не менее естественно, что подобные заигрывания меньшевиков с оппозицией в ВКП (б) всегда способствовали лишь укреплению нашего партийного единства и полному изживанию оппозиционных настроений.

Так должно случиться и на этот раз.

«Правда» № 33,
от 10/II 1926 г.

В. А.

ОБ ОДНИХ НЕУДАВШИХСЯ «ИМЕНИНАХ НА ОНУФРИЯ».

(По белой прессе).

Любят иные люди слыть именинниками. Да еще не один раз в году, а как гоголевский городничий: и «на Антона», и «на Онуфрия».

Просмотреть эс-эровскую (контр) «Революционную Россию», так она, в самом деле, справляет свои именины по случаю последней дискуссии в рядах ВКП (б).

Во-первых, вытащили из-под шкафа какой-то шесть лет тому назад состряпанный эс-эрами «проект экономической платформы», сличают его с дискуссионными речами и торжествуют. Оказывается, что в этом проекте (как его мыши до сих пор не с'ели?), составленном весною 1920 г., по поручению ЦК п. с.-р., было сказано:

> «С современным (т.-е. с советским. **В. А.**) режимом партия с.-р. будет бороться ... как с азиатским (подумаешь, „европейцы" нашлись! **В. А.**) деспотическим государственным капитализмом». («Рев. Россия», № 46. Январь—февраль 1926 г.).

И вот «прошло шесть лет» ... И как читатель сам уже догадался, «Революц. Россия» начинает, на свой лад, подтягивать известную мелодию: «наша госпромышленность еще во времена военного коммунизма (вон как!) уже была организована на началах госкапитализма», государственный капитализм-де был основой еще «донэповского социализма» и т. д.

Одним словом, закатывают себе, подобно другим белогвардейским газетам, знакомые нам именины «на Антона».

Но этого им недостаточно. Эс-эры имеют претензию отпраздновать именины и «на Онуфрия»: они «открывают», ни более, ни менее, как народничество и «комнародничество» в позициях всей нашей партии. Только на этот раз у них выходит некругло. Самым явным образом притворяются эс-эровские писаки и сами же себя разоблачают. Не до именин им, когда похоронами пахнет их дело.

Вот что они пишут:

«Бухарин пробует „своими словами" на коммунистический лад изложить народническую теорию некапиталистической эволюции земледелия...»

«Комнародничество торжествует. Стародавняя мечта народничества осуществлена. Комнародничество может ему сказать словами Христа: „Не нарушить пришел я закон, но исполнить..." И оппозиции оставалось лишь вопиять о рождении на свет божий осереднячennого большевизма...»»

Одним словом, как будто борзые писатели из «Революц. России» «скакаша и играша». Но... тщетно стараются они изобразить себя заполучившими именинный пирог от нашей партии. Если это и пирог, то на таких дрожжах, которые отнюдь не способствуют народническому пищеварению.

«Однако,—продолжает автор той же цитированной статьи,—речи Бухарина о кооперации заставляют призадуматься».

«... Он (Бухарин. **В. А.**) даже не додумался (где же большевикам „додуматься" до эс-эровских утопий? **В. А.**) до того, чтобы отвести кооперации роль хотя бы рядом с госпромышленностью, чтобы рассматривать их, как парную упряжку для продвижения телеги крестьянского хозяйства к высшим социальным формам. В его метафорической перспективе кооперации достается роль пассивной барки, не имеющей собственного двигателя и потому пришвартованной или тянущейся на буксире у „пролетарского парохода". А между тем, в этом — гвоздь вопроса. Или признается, что по логике его собственного развития имеет тягу к высшим формам, — и тогда надо дать ему возможность автономно и спонтанейно развивать свои потенции (ох, мудрено! **В. А.**), или же хотят быть для нее „буксирным пароходом", который идет, слушаясь рулевого, и сообщает те или иные движения инертному кооперативному телу...»

В последнем случае, по мнению автора из «Рев. России», — кооперация будет «прозябать, замирать и заживо разлагаться».

В итоге, «Революц. Россия» вынуждена заявить, что большевики «кооперативно-трудовую эволюцию» «признают лишь на словах», что их (большевистская) эволюция — «не эволюционная», потому что они рассчитывают на эволюцию земледелия «под действием могучего социалистического магнита госпромышленности и госторговли».

Такая большевистская «начинка» в конец испортила для народников их именинный пирог. И им остается злостно «язвить над ленинской статьей „О кооперации"»:

«Симплицизм (т-е упрощенство, **В. А.**) этой статьи — поистине изумительный, прямолинейный, одноплоскостный...» «Большевики были правы раньше, презирая кооперацию, и правы теперь, хватаясь за нее...» «При капиталистической обстановке... особый путь через кооперацию к социализму — пустая утопия; кооперативизм — лучший способ оборжуазиться и обуржуазить других. Зато при диктатуре пролетариата все меняется, как по мановению ока»...

Прирожденным тупицам революционной диалектики никогда не понять, гениально-простые мысли они только об'явят «изумительным симплицизмом».

Но любопытно, как авторы из «Революц. России» перекладывают на практически-политический язык свои теории о том, будто «кооперативное движение по логике его собственного развития имеет тягу к высшим социальным формам» (разумеется, социализм), и что они разумеют под требованием «дать ему (кооперативному движению) возможность автономно и спонтанейно развивать свои потенции».

«Если, правда то, — пишет тот же автор (редакционной передовой статьи), — что сообщает наш московский корреспондент, и коммунисты действительно готовы вновь призвать старых кооператоров, чтобы дать им carte blanche („открытый лист" **В. А.**) на восстановление кооперации, как свободного проявления низового творчества, как хозяйственной самоорган'зации населения („наворачивайте", господа эс-эры, а рабочий и крестьянин вам скажут: „Помним керенщину и учредилку, помним!" **В. А.**), — это, конечно, немалый шаг вперед. Однако, — признается автор, — речи Бухарина говорят о другом...»

Мудреный ларчик о «потенциях» и «автономии» открывается, как видим, очень просто: вернуть в кооперацию эс-эров и меньшевиков, и она на всех парах, «спонтанейно» понесется... не к социализму, конечно, а к восстановлению буржуазного строя. Долго «старым кооператорам», сидящим на реках вавилонских, придется ждать такой «carte blanche»...

В заключение, поздравим авторов из «Революц. России», если им во что бы то ни стало хочется увидеть в нашей кооперативной теории и практике — народничество. Тем лучше для них, а нам от этого ни холодно, ни жарко.

Если людям так нравится, — пускай себе потанцуют на здоровье на своих собственных похоронах.

В. Астров.

Ц. О. «Правда» № 49,
от 28/II 1926 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Глава первая. История разногласий 6

Как было дело. *Г. Сафаров* 7

Как создавалась новая оппозиция. (Из речи *М. Томского* на XIV с'езде ВКП [б]) 12

Глава вторая. Две конференции 22

XXII ленинградская губернская конференция РКП (б) 23

О борьбе с кулацким уклоном. (Из доклада *Г. Зиновьева* о работе ЦК) . . . . . —

Что они думали перед с'ездом. (Из доклада *Г. Зиновьева*) . . 25

Резолюция XXII ленинградской губ. конференции РКП (б) по отчету ЦК РКП (б) . . . . . —

XIV Московская губернская конференция РКП (б) 28

Новая обстановка и задачи партии. (Из доклада т. *А. И. Рыкова* о работе ЦК) . . . . . —

Резолюция московской партконфер. по докладу ЦК РКП (б) . 36

Декларация XXII губпартконференции ленингр. организации РКП (б) 40

Ответ МК РКП (б) на письмо ленинградской губпартконференции. 44

Глава третья. Дискуссия в печати 51

I. Крестьянский вопрос. Кооперация. Путь к социализму 52

О работе партии среди деревенской бедноты. (Из доклада *В. М. Молотова* на пленуме ЦК РКП (б) 8 окт. 1925 г.) 55

Постановление пленума ЦК РКП (б) от 10 октября 1925 г. . . 59

Где главная опасность? *И. Вардин* 62

Оппозиционные „перлы" (Из „*Ленингр. Правды*") 67

Из доклада т. Рыкова на XIV конфер. РКП (б) о кооперации . 69

Кооперация и приобщение деревни к социализму *А. С.* 70

О ликвидаторском „оптимизме" *Г. С.* 77

Ответ тов. Сафарову, *В. Астров* 83

II. О победе социализма в одной стране 90

Из тезисов о задачах Коминтерна и РКП (б) в связи с расширенным пленумом ИККИ, принятых XIV конференцией РКП (б) 91

Вопрос о победе социализма в одной стране. (Из книги *И. В. Сталина* «К вопросам ленинизма») 94

ОГЛАВЛЕНИЕ

III. Новая экономическая политика 111
Новая экономическая политика. *Э. Гольденберг* 114
„А социализм это — советская власть плюс смычка“ *Г. Сафаров.* 119
Ответ т. Сафарову. *Э. Гольденберг* 125
„Ленинизм“ с оговорочкой. *Г. Сафаров* 130
О некоторых „теориях“ нэпа. *А. Стецкий* 134
К вопросу о роли нэпа. *А. С.* 137
„Расширение нэпа“ и оппозиция. (Из *„Правды“*) 140
IV. О характере нашей госпромышленности 144
О характере нашей госпромышленности. *Д. Марецкий* 146
К вопросу о характере нашей промышленности. *Ломинадзе* . 154
О служилой „ортодоксии“ и фальсификации чужих взглядов. *И. Залуцкий* 158
О нынешнем уклоне тов. Залуцкого и Сафарова и о моей прежней ошибке. *В. Ломинадзе* 162
V. О госкапитализме 165
Вынужденные заметки. *Г. Сафаров* 166
Образчик вредной путаницы, или т. Сафаров о госкапитализме. *Д. Марецкий* 169
Еще раз вынужденные заметки. *Г. Сафаров* 175
Об ошибке „левого коммунизма“ и о более чем ошибочном приеме т. Сафарова. *Ян Стэн* 177
„Госкапиталистическая“ теория и крестьянство. *А. Зайцев* . . 180
К вопросу о госкапитализме. *В. Астров* 185
Немножко теории: торговля, нэп и путь к социализму. *В. Кирпотин* 190

Глава четвертая. На XIV с'езде ВКП (б) 194
Два уклона в крестьянском вопросе, какой из них опаснее? (Из доклада т. *Сталина*) 197
Регулирование роста партии и фантастика т. Саркиса. (Из доклада т. *Молотова*) 201
Из содоклада Г. Зиновьева по политотчету ЦК 203
Из речи т. Бухарина 208
Из речи т. Крупской 215
Из речи т. Сокольникова 217
Из речи т. Томского 220
Из речи т. Каменева 223
Из заключительного слова т. Зиновьева 230
Из заключительного слова т. Молотова 236
Из заключительного слова т. Сталина 240
Резолюция XIV с'езда РКП (б) по отчету центрального комитета . 251
Заявление ленинградской делегации 259
Обращение к ленинградской организации РКП (б) 261
Заявление т. Зиновьева по поводу обращения с'езда ко всем членам ленинградской организации 262
Заявление ленинградской делегации 264
Ответ т. Рыкова 265
Заключительная речь т. Рыкова 266

Глава пятая. Ленинградская организация и оппозиция 270

Отчетная кампания в Ленинграде о работах XIV партийного с'езда. (Из беседы с т. Моториным) 271

К созыву чрезвычайных губернской, районных и уездных партконференций 274

Из доклада т. Бухарина на IX чрезвычайной конференции ВКП (б) Выборгского района 6 февраля 1926 г. 275

Из докллада Н. Бухарина на XXIII чрезвычайной конференции ленинградской организации ВКП (б) 283

Резолюция конференции по докладу об итогах XIV парт'сезда . 302

Приветствие Центральному Комитету ВКП (б) 304

Приложение: Белогвардейская печать о дискуссии 306

Белогвардейский «Руль» об оппозиции. *В. А.* . . . . . —

Очередные надежды и очередные иллюзии. *Н. Бухарин.* . . . 307

«Социалистический Вестник» о XIV с'езде нашей партии. *В. А.* 311

Об одних неудавшихся «именинах на Онуфрия». *В. Астров.* . 315